ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ВЫПУСК 12(76), 2021

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Биляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.) Насимова Г.О. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора) Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

© ООО «Издательство «Наука сегодня», 2021

ISSN 2225–8922

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство «Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77–46176 от 12 августа 2011 г.
Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Включен в каталог Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская, д. 10, корп. 4, цокольный этаж, помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые в журнале подлежат обязательному рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.12.2021
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2225-8922 (print)
12 выпусков в год и
4 выпуска в год переводной (англ.) версии
Языки: русский, английский
http://voprospolitolog
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ
Включен в каталог периодических изданий Ульрих
(Ulrich's Periodicals Directory: http://www.ulrichsweb.com)
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ
Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka
Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарта и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* **http://publicationethics.org**

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: **http://voprospolitolog.ru**

Электронный адрес: **voprospolitolog@yandex.ru**

ISSN 2225-8922 (print)
12 issues a year plus
4 issues a year of the translated (eng.) version
Languages: Russian and English
http://voprospolitolog
Included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation
Included in the Ulrich's Periodicals Directory
Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific
electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka
Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal "Political Science Issues" is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the "Publishing House "Science Today". Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: "History and philosophy of politics," "Political institutions, processes and technologies," "Political regionalism and ethno-politics," "Political culture and ideologies," "Political problems of international relations and globalization."

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. **http://publicationethics.org.**

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: **http://voprospolitolog.ru**

E-mail address: **voprospolitolog@yandex.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Батищев Р.Ю. Теоретико-методологические аспекты рассмотрения памяти о войнах в основных моделях политики памяти 3420

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В., Гурбанов Э.Э. XX съезд КПСС: реалии и последствия спустя 65 лет (Размышления в связи со статьей М.Г. Суслова «XX съезд КПСС как прививка опасного вируса советской системе») 3429

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Кривова А.Л., Афонин М.В. Социокультурные детерминанты ценностной ориентации молодежи в современном мире (на примере молодых людей Испании и стран Латинской Америки)..... 3442

Ананкин С.В. Теоретические модели общественного участия в контексте политологического анализа 3448

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Салгириев А.Р., Газиев В.З., Солтамурадов М.Д., Галбацов С.С. Основные риски, вызовы политической безопасности на Северном Кавказе..... 3454

Герасимова О.Е. Транснациональные диаспоры как новая модель этнополитической общности 3461

Дзгоева Д.Т. Политическая коммуникация: концептуальные интерпретации в современном мире 3469

Николенко А.А. Анализ возможностей моделирования и интерпретации властных процессов в России 3481

Сабирова Н.С. Устройство многонациональной России в контексте ее политической культуры 3486

Кривошеева Н.И., Мажников В.И. Феномен социальных сетей в контексте изучения современных политических режимов..... 3494

Авазов К.Х. Социально-психологические аспекты информационных угроз..... 3503

Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е. Дистанционное электронное голосование как фактор трансформации электоральных институтов в России: ограничения и сценарии 3511

Белякова Т.М. Интернет-технологии в информационной политике Русской православной церкви..... 3519

Есиев Э.Т. Соответствие социальной сети TikTok установленным в Российской Федерации методам противодействия интернет-технологиям конфликтной мобилизации 3526

Кучкоров Х. Современный подход
к молодежив качестве стратегического ресурса 3536
Малинин А.Ю. Особенности предвыборной
кампании партии «Новые люди» на выборах
в Государственную Думу VIII-го созыва 3545
Наледин И.И. Угрозы национальной безопасности
России в Крымском регионе 3555
Титов Р.В. Инструменты дискурсного
противоборства в виртуальном пространстве 3562
Семочкина Е.В. Экспертная оценка взаимодействия
органов государственной власти с молодежными
совещательными органами 3570
Мамедова А. Политическая модернизация
и электронное правительство 3576

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Тетерюк А.С., Потапкин А.С. Методологический потенциал
концепта микро-макро трансформаций для анализа управленческих
взаимодействий бизнес-организаций в строительной политике
(на примере программы московской реновации) 3583
Шарипов О.Р., Попов С.И. Цифровизация в России.
Первые оценки разработчиков IT-технологий и экспертов 3597

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Назаров А.Д., Назарова Е.А. Перспективы освоения космического
пространства и развития межпланетной миграции 3602
Хопёрская Л.Л. Положение русского языка
в Киргизской Республике в контексте евразийской интеграции 3616
Сидорова Г.М. Военно-техническое сотрудничество Турции
в контексте региональной нестабильности 3625
Шангараев Р.Н. Особенности российско-турецкого партнерства
в контексте борьбы за влияние в Центральной Азии 3632
Анохин Е.В., Давидченко А.В., Пономарев Н.А., Тюков Н.А.
Технологии организации акций протеста
в Белоруссии в 2020-2021 гг. 3640
Магадиев М.Ф. Трансформация российско-американских
отношений и переформатирование международных
отношений: проблемы и перспективы 3646
Подольский В.А. Социальная политика во Франции 3653
Леонова К.С. Глобальные цели развития 3660

Григорьева Ю.Г. Динамика развития отношений Республики Корея и Монголии в современный исторический период 3667
Аветисян А.С. Основные категории и принципы политической философии в публичной политике корпораций 3676
Башаран Айар. Российская модель взаимоотношений в Евразии 3682
Ванграуа Садиа Рита Сониа. Женское движение в общественно-политической жизни в Африке 3689
Гао Юе. Противодействие кибертерроризму в рамках ШОС 3700
Дудаева М.В. Процесс политической децентрализации на примере Италии: специфика и вызовы современности 3706
Еловик А.А. Политика России в дискурсе Светланы Тихановской 3712
Куревлев К.А. Политическое взаимодействие США и ЕС в противодействии международному терроризму на Ближнем Востоке в 2011-2020 гг. 3719
Муслех Хусам А.Р. Роль институтов гражданского общества в формировании национального Палестинского государства 3729
Петросян Ф.А. Внеблоковый статус Швеции: риски парламентской неопределенности..... 3740
Тимофеев В.В. Коэффициент Шиллера и миротворческие операции ООН..... 3750
Цыганов В.Е. Публичная дипломатия: технологии, функции и особенности применения..... 3761

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Баранова Ю.В., Леонова А.А., Фам Тхи Минь Хуен. Особенности морской политики США, Китая и России с точки зрения их роли в освоении мирового океана..... 3768
Примак В.В. Власть и свобода..... 3777

НАШИ АВТОРЫ..... 3783

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ..... 3794

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ..... 3796

Academic journal
"Political Science Issues"
Volume 12, Issue 12(76), 2021

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

Batishchev R.Yu. Theoretical and Methodological Aspects of the Analyzing of War Memory in the Main Modes of the Politics of Memory 3428

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Slizovskiy D.E., Shulenina N.V., Gurbanov E.E. XX Congress of the CPSU: Realities and Consequences after 65 Years (Reflections in Connection with the Article by M.G. Suslov "The XX Congress of the CPSU as Inoculation of a Dangerous Virus to the Soviet System") 3440

POLITICAL SOCIOLOGY

Krivova A.L., Afonin M.V. Socio-Cultural Determinants of the Youth Value Orientation in the Modern World (on the Example of Young People in Spain and Latin America) 3447

Anankin S.V. Theoretical Models of Public Participation in the Framework of Political Analysis 3453

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Salgiriev A.R., Gaziev V.Z., Soltamuradov M.D., Galbatsov S.S. Main Risks and Political Security Challenges in the Northern Caucasus 3460

Gerasimova O.E. Transnational Diasporas as a New Model of Ethnopolitical Community 3468

Dzgoeva D.T. Political Communication: Conceptual Interpretations in the World Today 3480

Nikolenko A.A. Analysis of the Possibilities of Modeling and Interpretation of Power Processes in Russia 3485

Sabirova N.S. The Structure of Multinational Russia in the Context of its Political Culture 3493

Krivosheeva N.I., Mazhnikov V.I. The Phenomenon of Social Networks in the Context of the Study of Modern Political Regimes 3502

Avazov K.H. Social and Psychological Aspects of Information Threats 3510

Falaleev M.A., Sitdikova N.A., Nechay E.E. Electronic Voting as a Factor of Transformation of Electoral Institutions in Russia: Limits and Scenarios 3517

Belyakova T.M. Internet Technologies in the Information Policy of the Russian Orthodox Church 3525
Yesiev E.T. Compliance of the TikTok Social Network with the Methods of Countering Internet Technologies of Conflict Mobilization Established in the Russian Federation 3535
Kuchkorov Kh. Modern Approach to Youth as a Strategic Resource 3544
Malinin A.Yu. Features of the Election Campaign of the New People Party in the Elections to the State Duma of the VIII Convocation 3553
Naledin I.I. Threats to Russia's National Security in the Crimean Region 3561
Titov R.V. Tools of Discursive Confrontation in the Virtual Space 3568
Semochkina E.V. Expert Assessment of the Interaction of Public Authorities with Youth Advisory Bodies 3574
Mammedova A. Political Modernization and E-Government 3582

PUBLIC ADMINISTRATION AND INDUSTRY POLICIES

Teteryuk A.S., Potapkin A.S. Methodological Potential of the Concept of Micro-Macro Transformation for the Analysis of State Interactions of Business-Organizations in Sphere of Construction Policy (Example of Moscow Renovation Programme) 3596
Sharipov O.R., Popov S.I. Digitalization in Russia. The First Assessments of it Technology Developers and Experts 3601

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Nazarov A.D., Nazarova E.A. Prospects for Exploration of Outer Space and Development of Interplanetary Migration 3614
Khoperskaya L.L. The Position of the Russian Language in the Kyrgyz Republic in the Context of Eurasian Integration 3623
Sidorova G.M. Military-Technical Cooperation of Turkey in the Context of Regional Instability 3631
Shangaraev R.N. Features of Russian-Turkish Partnership in the Context of the Fight for Influence in Central Asia 3639
Davidchenko A.V., Anokhin E.V., Tyukov N.A., Ponomarev N.A. Technologies for Organizing Protest Shares in Belarus in 2020-2021 3645
Magadiev M.F. Transformation of Russian-American Relations and Reformatting of International Relations: Problems and Prospects 3652
Podolskiy V.A. Social Policy in France 3659
Leonova K.S. Global Development Goals 3666
Grigoreva Yu.G. The Dynamics of the Development of Relations Between the Republic of Korea and Mongolia in the Modern Stage 3674
Avetisyan A.S. The Main Categories and Principles of Political Philosophy in Corporate Public Policy 3681

Ayar B. The Russian Model of Interrelations in Eurasia 3688
Wangraoua Sadia Rita Sonia. Women's Movement
in Social and Political Life in Africa..... 3699
Gao Youe. Countering Cyberterrorism within the SCO 3705
Dudaeva M.V. Political Decentralization Process in Italy:
the Specifics and Modern Challenges 3711
Elovik A.A. Russian Policy in the Discourse of Svetlana Tikhanovskaya 3718
Kurevlev K.A. Political Cooperation Between the USA and the EU
in Combating the International Terrorism in the Middle East in 2011-2020 3727
Husam A.R. Musleh. The Role of Civil Society Institutions
in the Formation of a National Palestinian State 3738
Petrosyan P.A. The Nonblock Status of Sweden:
Risks of Parliamentary Uncertainty 3748
Timofeev V.V. The Shiller P/E Ratio and UN Peacekeeping Operations..... 3759
Tsyganov V.E. Public Diplomacy:
Technologies, Functions, Features of Application 3766

STUDENT SCIENCE

Baranova Y.V., Leonova A.A., Pham Thi Minh Huen. Features
of the Maritime Policy of the USA, China and Russia from the Point
of View of their Role in the Development of the World Ocean..... 3775
Primak A.V., Primak V.V. Power and Freedom..... 3782

OUR AUTHORS..... 3789

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 3794

EDITORIAL BOARD 3796

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.001
УДК 323.1+323.2+32.019.51+327.3+327.8

Р.Ю. БАТИЩЕВ
аспирант кафедры истории и теории политики
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ПАМЯТИ О ВОЙНАХ В ОСНОВНЫХ МОДЕЛЯХ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ[1]

Статья посвящена особенностям использования, месту и функциям образов войны в трех основных моделях политики памяти – антагонистической, космополитической и агонистической. Данная проблематика рассматривается в контексте формирования политических наций и национальных государств, процессов глобализации и возникновения современного европейского проекта. Рассматриваются политико-теоретические обоснования использования той или иной модели. Было выявлено, что в рамках каждой модели памяти образы военного прошлого занимают разное место и используют различные специфику и способы коммеморации войны.

Космополитическая память стремится дистанцироваться от военной тематики, чтобы не нарушить сложившийся консенсус вокруг дискурса о правах человека и сострадания к интернациональным жертвам прошлого. В рамках космополитизма выстраивается определенный нарратив, при этом делаются попытки общей деполитизации (в духе неолиберализма) и ухода от политической борьбы за репрезентации военных событий прошлого. Антагонистическая память, напротив, активно эксплуатирует военную тематику и ориентирована на политическую борьбу за доминирование той или иной интерпретации военного прошлого, при этом антагонистический нарратив не предусматривает возможности диалога и рефлексии. В агонистической памяти обращение к образам войны рассматривается как попытка «высветить разногласия» внутри общества и рассмотреть в историческом контексте точку зрения всех участников войны. Способы коммеморации войны здесь выстроены вокруг радикального историзма, фактического отказа от нарративности, вокруг использования синхронных методов вместо диахронных.

Ключевые слова: *политика памяти, символическая политика, память о войне, исторический нарратив, антагонистическая память, космополитическая память, агонистическая память, разнонаправленная память.*

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-311-90047 «Война как предмет политики памяти: основные теоретико-методологические аспекты».

Как известно, в современных академических исследованиях проблем коллективной памяти к проблеме памяти о войнах обращено самое пристальное внимание. Обусловлено это, прежде всего, значимым местом образов военного прошлого и трагедий, связанных с войной, в политиках памяти как России, так и зарубежных стран. Чаще всего в фокусе внимания исследователей оказываются вопросы рассмотрения памяти о войнах в рамках более широкой проблематики (культурная травма [15], семейная память [19], «войны памяти» [5], историописание [6]), либо изучение конкретных военных коммеморации [14]. В данной статье объектом рассмотрения является сама специфика обращения к войне в рамках той или иной политики памяти.

Предваряя дальнейшее повествование, отметим, что память о войнах существует в более широком контексте исторической памяти, различные особенности структуры и функционирования которой позволяют выделять несколько моделей или концепций коллективной памяти и соответствующей им политики памяти. Для концептуализации этого явления в отечественных и западных исследованиях памяти применяются ряд семантически близких словосочетаний, таких как «культура памяти» [11. С. 6], «мемориальная культура» (в терминологии А. Ассман) [2], «режим памяти» [9. С. 8] и ряд других.

Наиболее известная и часто используемая классификация представляет собой разделение памяти на космополитическую, антагонистическую и агонистическую [13], подобное же разделение используется и в отечественном академическом дискурсе [10]. В западной литературе для обозначения этих типов используется понятие «способ памятования» (mode of remembrance). Однако поскольку те или иные репрезентации коллективной памяти выражаются, в том числе, в виде политических действий, определяются ролью тех или иных политических акторов, эти способы памятования порождают и соответствующие им модели политики памяти.

Особенности этих способов памятования, характеристика современных политических акторов, которые их придерживаются, подробно представлены в вышеупомянутой работе А. Булль и Х. Хансена. В рамках же данной статьи делается акцент именно на рассмотрении места образов войны и методологических особенностях коммеморации войны в основных моделях политики памяти. Один из авторов концепции агонистической памяти Штефан Бергер прямо заявляет, что антагонистическая, космополитическая и агонистическая память могут быть представлены как «теоретическое рассмотрение режимов современной памяти в отношении к войнам» [4. С. 13].

Антагонистическая память является очевидно продуктом Модерна, поскольку тесно связана с формированием политических наций и национальных государств. В процессе нациестроительства, с одной стороны, формирующаяся нация часто вынуждена бороться за национальное государство в ходе многочисленных войн, с другой стороны, для укрепления национально-государственной идентичности важно формирование символических

границ, в которых дихотомия «мы» – «они» часто накладывается на морально-этические и эмоциональные оценки своего прошлого («мы» – герои, «они» – злодеи; «мы» – жертвы, «они» – преступники). В итоге национальное государство формирует соответствующий героико-патриотический военизированный нарратив.

В этом смысле антагонистическая память политической нации (как имеющей свое национальное государство, так и борющейся за его обретение) предельно концентрирована на теме войны. Выступая механизмом конструирования национальной идентичности и символических границ между «нами» и «ими», антагонистическая модель активно использует нарратив войны. Причем исследователями подчеркивается актуальность таких практик для современного европейского общества: к примеру, отмечается, что «микронациональные движения, такие как фламандцы и баски, обратили традиционные фундаментальные нарративы войны против своих национальных государств» [13. P. 397].

Важно подчеркнуть, что несмотря на очевидную «замкнутость» антагонистической памяти в пределах конкретной нации, этот способ памятования «способен продвигать новые формы работы с памятью и строить общеевропейский нарратив, пусть и направленный на уничтожение европейского проекта» [13. P. 392].

Космополитическая память связывается исследователями с началом глобализации и общего ослабления национальных государств, проводятся параллели с концепцией «текучей современности» (liquid modernity) З. Баумана, в которой власть как глобальное, экстерриториальное явление отделена от политики, остающейся на локальном уровне. В конечном счете космополитическая память идет по пути общей деполитизации памяти. Также космополитическая память соответствует периоду «второго модерна», или «обществу риску», в терминах У. Бека. Национальная память не вытесняется, но общие коммеморативные практики распространяются повсеместно.

Космополитизм, тесно связанный с господствующим неолиберализмом, по сути отменяет политику, превращая ее в «переговоры по техническим вопросам» [16]. При этом космополитизм, тем не менее, может поддерживаться определенными культурно-идеологическими властными механизмами и быть концепцией политики памяти; политика здесь «отменяется» в том смысле, что не рассматриваются внутренние противоречия космополитического дискурса, не делается ставка на политическую борьбу/конкуренцию различных социальных акторов, не допускается оспаривания официальной исторической мифологии «снизу» (что позволяет теоретикам агонизма, в духе учения А. Грамши, относить космополитизм к разновидности буржуазной культурной гегемонии).

Деполитизация памяти тесно связана с дистанцированием космополитизма от темы войны вообще. Стремясь ухватиться за ценностный консен-

сус (сострадание к жертвам и дискурс о правах человека), который изначально выглядел зыбким в свете игнорирования политических различий внутри европейского сообщества, космополитизм избегает педалирования военной тематики, ограничиваясь темой человеческих страданий на войне.

Однако, делая ставку на универсальное и глобальное, космополитизм игнорирует реальные социально-политические различия, тем самым препятствует выражению различного опыта людей, полученного в войнах и конфликтах. Такое положение дел создает благодатную почву для националистов и правых популистов, подстегивая активизацию антагонистической памяти, которая не избегает использования образов войны, политической борьбы и властно-директивных методов в духе исторической политики. Для преодоления этих рисков вместо космополитической *де*политизации необходима *ре*политизация. А поскольку политика всегда конституируется вокруг дихотомии «мы» – «они», в концепции агонизма происходит трансформация этого фундаментального противопоставления из шмиттовской оппозиции «друг» – «враг» (свойственного антагонистическому подходу) во взаимодействия оппонентов/конкурентов (adversaries).

Уподобление поведения мнемонических акторов поведению экономических игроков и конкуренцию за символически значимые ресурсы можно проследить еще в топологической теории П. Бурдье. Доминирование собственной исторической репрезентации какого-либо значимого события и представляет собой одно из воплощений «символической власти» – власти «заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир» [8. С. 96]. Бурдье подчеркивает конвертируемость символического капитала в капитал экономический и политический, поскольку восприятие социального мира «структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания […] выражают состояние отношений с символической властью» [7. С. 196]. Борьба конкурирующих акторов за ограниченное число символически значимых для общества ресурсов, описываемая у П. Бурдье, может быть соотнесена с конкуренцией различных исторических репрезентаций, описываемой у теоретиков агонистической памяти.

Говоря о влиянии символических действий на реальную политику, П Бурдье обосновывает, что эффективной стратегией превращения символического капитала в материальный (экономический или политический) является дистанцирование от экономики и политики: «в стороне от поиска «экономической» прибыли… остается место для накопления символического капитала, как отрицаемого экономического или политического капитала, неузнанного и признанного, а потому легитимного «кредита», способного при определенных условиях и всегда в свой срок гарантировать «экономические» выгоды» [1. С. 2]. В этой связи российский исследователь Д.А. Аникин прослеживает эту стратегию на примере памяти о Великой

Отечественной войне, отрицая экономическую и политическую заинтересованность в которой, социальные акторы лишь увеличивают свой символический капитал вокруг значимого для граждан России исторического события [1. С. 3]. А исследователи агонистической памяти выявили сосуществование и взаимодополнение символических, коммерческих и политико-дипломатических функций на примере крупнейших европейских военных музеев (в ходе исследовательского проекта Евросоюза UNREST) [12].

Однако характер конкуренции социальных акторов за обладание символическим капиталом в концепции агонистической памяти рассматривается несколько иначе, чем у П. Бурдье. Традиционно конкуренция рассматривается как игра с «нулевой суммой» – соответственно, исторические репрезентации конкретного актора должны победить, получить официальное признание. Но такая логика свойственна как раз антагонистическому подходу. Агонизм же подчеркивает, что диалог вокруг исторической памяти – это, скорее, игра с «положительной суммой», в которой каждая сторона обсуждения раскрывает себя, только соприкасаясь с позицией другого. Поэтому в противовес концепции диалога в «жизненном мире» Ю. Хабермаса, рациональном, построенном вокруг консенсуса и оторванном от противоречий реальности, теоретики агонизма ссылаются на концепцию Ю. Бахтина, в котором место «жизненного мира» занимает пространство «живой речи», принципиально противоречивой, мультиперспективной и иррациональной (эмоциональной) [13. P. 3-4].

Мультиперспективность диалога о прошлом занимает центральное место в концепции «разнонаправленной памяти» (multidirectional memory) М. Ротберга, что сближает ее с агонистическим подходом. М. Ротберг полагает основой такого межкультурного диалога общий язык жертв истории (в частности, жертв колониализма и жертв Холокоста). Причем западные страны, в данном случае, выступали «преступниками» по отношению к колониальным странам и «жертвами» по отношению к Холокосту и событиям Второй мировой войны [18]. Тем не менее, «разнонаправленная память» и агонистическая память, предполагая одновременное сосуществование различных точек зрения, стоят особняком друг от друга. Во-первых, М. Ротберг говорит именно о доминирующей роли жертвенной памяти, во-вторых, о поиске общих оснований для диалога и, в перспективе, приходе к некоему консенсусу, диалог здесь предполагает завершенность; все это сближает Ротберга с космополитической памятью. Подобного же мнения придерживаются европейские исследователи памяти, выделяя отдельно «разнонаправленную память», агонистическую память и «европейскую память» (т.е. фактически космополитическую) как подходы к памяти, не претендующие на гомогенность, иерархию и исключительную значимость [3].

Несмотря на привлекательность образов войны для построения военизированных героико-патриотических нарративов, репрезентации военного

прошлого скрывают в себе и потенциал для агонистического диалога. «Война и конфликт могут быть представлены таким образом, чтобы подчеркивать патриотический консенсус, но также могут высветить разногласия, споры, антагонизмы, различные точки зрения и альтернативные взгляды на общество» [12. P. 4].

Этой же цели должна служить особая логика повествования о войнах: традиционный диахронный способ повествования, в котором с чей-либо одной позиции разворачивается нарратив, уступает место синхронному, где рассматриваются несколько перспектив сразу в привязке к одной проблеме или к одному историческому моменту. По мнению К. Поцци, в военных музеях, сообразно такому подходу, следует отдать предпочтение тематическим выставкам вместо хронологических (где неминуемо будет присутствовать нарратив) [17]. Тем самым, общий подход к рассказыванию истории о войнах в рамках агонистического диалога можно охарактеризовать как «контрнарративный».

Обобщая все вышеизложенное, можно систематизировать место образов войны и основные особенности их представлений в трех рассмотренных моделях политики памяти.

Космополитическая память стремится максимально дистанцироваться от обращения непосредственно к военным событиям прошлого, чтобы не нарушить относительно хрупкий (атакуемый изнутри и снаружи европейского мемориального сообщества) консенсус вокруг дискурса о правах человека и сострадания к интернациональным жертвам прошлого. Антагонистическая память, напротив, активно эксплуатирует военную тематику и ориентирована на политическую борьбу за доминирование той или иной интерпретации военного прошлого. В агонистической памяти место образов войны занимается промежуточную позицию относительно первых двух моделей политики памяти; здесь события прошлых войн рассматриваются как попытка «высветить разногласия» внутри общества и рассмотреть в историческом контексте точку зрения всех участников войны, т.е. память о войне – удобное пространство для реализации агонистического диалога.

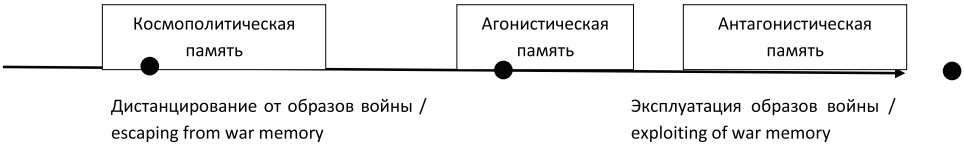


Рисунок 1

Таблица 1

	Антагонистическая память	Космополитическая память	Агонистическая память
Нарративность (narration)	+	+	–
Политизация (policy)	+	–	+
Конкуренция, политическая борьба (politics)	–	–	+

Особенности представления войны в рамках этих трех моделей политики памяти можно обобщить в представленной таблице.

В заключение хотелось бы отметить, что проанализированные модели политики памяти представляют собой «чистые типы» и в ракурсе эмпирических исследований, пожалуй, стоит говорить именно о превалировании или смешении каких-то из них, чем об однозначном отнесении конкретных военных коммеморациий к конкретному способу памятования. В силу их смешения также можно сказать, что указанные в таблице 1 параметры могут быть более точно количественно просчитаны, поскольку, например, нельзя говорить о полном отсутствии политизации или внутренней политической борьбы в рамках космополитизма или о полном отсутствии диалога и конкуренции в рамках антагонистической памяти. Однако, безусловно, эмпирические исследования памяти о войнах, особенно касающиеся политики памяти, должны исходить из более широкого контекста того способа памятования, которого придерживаются те или иные заинтересованные в этом социально-политические акторы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аникин Д.А.* Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // Studia Humanitatis. 2020. № 1.

2. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

3. *Ауст М., Обертрайс Ю., Хильбреннер А*. Историческая политика нуждается в политике разрядки // Россия в глобальной политике. 13.07.2020 // https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-politika-razryadki/.

4. *Бергер Ш.* «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинианском смысле». Интервью с Ш. Бергером // Историческая экспертиза. 2020. № 1 (22). DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-9-23.

5. *Бубнов А.Ю., Савельева М.А.* Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии) // Вопросы политологии. 2021. № 3 (67). DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.008.

6. *Буллер А., Линченко А.А.* Как писать историю поражений? Стратегии нарратива школьного учебника истории в контексте современного морального дискурса // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Сб. статей. РВИО, Институт истории и политики МПГУ. 2018.

7. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites / пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994.

8. *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

9. *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87).

10. *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб.: Нестор-История, 2018.

11. *Миллер А.И.* Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб.: Нестор-История, 2018.

12. *Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N.* War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // International Journal of Heritage Studies. 2018. DOI: 10.1080/13527258.2018.1530288.

1. 13. *Bull A., Hansen H*. On agonistic memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 4 // 2. https://doi.org/10.1177/175069801561593.

14. *Edwards S.* Commemoration and Consumption in Normandy, 1945-1994 // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London, 2009.

15. Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006.

16. *Mouffe C.* On the political // Chantal Mouffe. London: Routledge, 2005. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203870112.

17. *Pozzi C.* Museums as Agonistic Spaces // European Museums in the 21st Century: Setting the Framework / edited by L.B. Peressut, F. Lanza, and G. Postiglione. Milan: MeLa Books, 2013. Vol. I.

18. *Rothberg M.* Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford University Press, 2009. DOI: 10.1086/ahr.117.3.820a.

19. *Waterston A.* My Father's Wars: Migration, memory, and the violence of a century. Routledge, 2014.

R.YU. BATISHCHEV
PhD Student, the Chair of History and Theory of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ANALYZING OF WAR MEMORY IN THE MAIN MODES OF THE POLITICS OF MEMORY

The article is dedicated to the specificity of the using, the place and the functions of war past images in the main modes of the politics of memory – antagonistic, cosmopolitan and agonistic. These issues are analyzed in the context of the formation of political nations and nation-states, globalization's process and the rising of the modern European project. It has been established, in these modes of memory the images of war past play different roles and use different specificity and ways of war commemoration.

Cosmopolitan memory tends to distance itself from war issues in order to save a current consensus about human rights discourse and the empathy to international victims of the past. In cosmopolitanism there is a certaim narrative, besides, it makes attempts to a general depoliticizing (in the spirit of neoliberalism) and escaping from political struggle for historical representations of past war events. On the contrary, antagonistic memory actively exploits war issues and focuses on political struggle for the domination of an interpretation of war past; besides, antagonistic narrative doesn't provide for the possibility of any dialogues and reflections. In antagonistic memory the appeal to the images of war is considered as an attempt "to highlight dissent" inside the society and to review the points of all participants in historical context. Here the ways of war commemoration have been founded around a radical historicism, de facto the rejection from narration, around the using of synchronous methods instead of diachronic ones.

Key words: *politics of memory, symbolic politics, war memory, historical narrative, antagonistic memory, cosmopolitan memory, agonistic memory, multidirectional memory.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.002
УДК 32; 94

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва
Н.В. ШУЛЕНИНА
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, г. Москва
Э.Э. ГУРБАНОВ
аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

XX СЪЕЗД КПСС: РЕАЛИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ СПУСТЯ 65 ЛЕТ (РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ М.Г. СУСЛОВА «XX СЪЕЗД КПСС КАК ПРИВИВКА ОПАСНОГО ВИРУСА СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ» [10])

В данной статье авторы пытаются показать, что XX съезд КПСС, его предыстория, история и последствия сводят к докладу Хрущева «О культе личности Сталина и его последствиях». Парадоксально, но событийность доклада оказалась столь велика, что подмяла под себя и стала разрушать сами основы исторического процесса, в лоне которого развивался социализм в СССР и в мировом социалистическом лагере. Все другие плоды этого съезда – директивы и планы шестой пятилетки развития народного хозяйства страны, условия и ресурсы их выполнения, последовательное и твердое отстаивание возможности и необходимости мирного сосуществования стран с различными социально-политическими системами, готовность советского общества активно и продуктивно трудится над их выполнением – были отодвинуты. Не выполнимыми оказались даже озвученные в самом докладе направления партийно-государственной деятельности, связанные с тем, чтобы осудить и искоренить культ личности и его проявления. Более чем парадоксально то, что XX съезд по качеству и содержанию поднятых и намечаемых планов еще не нес в себе экзистенциальных угроз социализму. Отчетливо лишь обнаруживались их предпосылки в ядре партийно-бюрократического аппарата. Не вождями «всего

советского нарда» были «хрущевы», и сам Н.С. Хрущев, а всего лишь колоритными политическими фигурами, избыточно оторвавшимися не только от народа. Отрывались они и от самих себя, оставляя себе и делегатам съезда лишь свои сомнения, что будущие «историки могут не найти достаточных фактов для оправдания тех действий». Будучи по определению своему действительными антагонистами социализма, они оторвались от мира, и мир социализма от них отвернулся. Почему так сложилась история, оставленная нам в наследство XX съездом КПСС, почему не выполнимыми стали даже, казалось бы, взвешенные и обоснованные решения и съезда, и доклада. Об этом размышляем под впечатлением содержательной статьи и вместе с проф. М.С. Сусловым.

Ключевые слова: *XX съезд КПСС, доклад Хрущева на XX съезде КПСС.*

1. Методологические нарративы актуальности исследуемой темы. Была ли реальная или хотя бы потенциальная возможность у системы социализма СССР к середине XX века в обстановке, в которой проходил XX съезд КПСС, критически рассмотреть и поправить ошибки в толковании основных положений марксистско-ленинской теории, вернуться к принципам коллективного руководства в партийных организациях сверху донизу и полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма? И уготовить другую историческую судьбу, как сегодня часто говорят, «социалистическому проекту» для России? Исследователь, доктор исторических наук М.Г. Суслов дает на такого рода вопросы в своей статье отрицательный ответ. При этом искусно подбирает факты и аргументы, широко разворачивает доказательную базу, рассматривает и анализирует самые разные источники (их число – 12), предлагая серию версий и причин, две основные, приведшие к краху советской системы.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 6; 7; 9; 10; 11].

Однако проблему об исторической роли в СССР двадцатого съезда КПСС нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Попробуем и мы высказать свои соображения, без претензий на оригинальность.

Концентрация внимания в исследованиях только на докладе «О культе личности И.В. Сталина» – это методологическая ошибка, за которой следуют ошибки экзистенциального свойства относительно социализма вообще, и социализма советской версии в частности. Но эту ошибку очень трудно распознать, поскольку не многим «гениальным» политическим событиям

в истории удавалось произвести столько шума и разрушений в мировой истории, особенно внутри и во вне советской социалистической системы, что произвел этот самый злополучный «секретный» доклад, зачитанный уже после окончания основной работы съезда. Вытеснив собой все, что могло еще служить делу укрепления социализма, доклад и его творцы при этом не только не избавили советско-партийную практику от ее раковой опухоли – культа личности, но оставили проблему неразрешенности происхождения культа личности И. Сталина [8. С. 292].

Любое событие в истории, если это еще и знаковое, важное событие, после которого следует череда других событий, ведущих к распаду сложившего порядка, во многом и часто воспринимается и трактуется в самом негативном свете. Философы и политики будут спорить и доказывать обратное, отказывая историкам в линейности исторического процесса, предпочитая темпоральность в причинно-следственных связях и отношениях между событиями. Будут связывать саму историю с историческими личностями, ставя в твердую зависимость одно от другого. Профессор М.Г. Суслов, кажется, склонен описывать и анализировать XX съезд КПСС под углом негативных и отрицательных значений. Правда, и в этот ракурс, в этот угол зрения он привносить свое авторское, с признаками осторожной интерпретации события, видение. Осторожно говорит в самом названии статьи, что XX съезд КПСС лишь прививка опасного вируса советской системе.

Мы, нынешнее поколение, свидетели той опасности, что связана с эпидемией короновируса, хорошо осведомлены, насколько вирусы такого рода могут быть опасны по медицинским показателям и большой опасностью для каждого потерять саму жизнь. Осторожно введенная в текст метафора опасного вируса, которой оперирует исследователь Михаил Суслов, здесь очень уместна по отношению к XX съезду КПСС. Склонны принять этот рефрен автора статьи. И вслед ему вторим, что политический вирус может быть еще более опасен и разрушителен, чем биологический. Особенно эта опасность велика в такой стране, как России, с ее спецификой исторического и социально-политического развития, устроенностью и функционированием ее политического режима.

Неожиданно и по-своему интересно то, что поначалу можно было думать, осторожность в суждениях и выводах у автора статьи, – это его научное кредо, стиль ученого и исследователя. Однако по мере углубления в текст статьи, не удержимся от того, чтобы сказать. С первичной осторожностью исследователь легко прощается, расстается, обостряя и проблематизируя некоторые сюжетные линии, факты и доводы. Ему претит эта осторожность. Осторожность в суждениях и оценках его даже, кажется, раздражает. Это видно по многим местам в тексте статьи. И поэтому, показывая наличие разных точек зрения, даже диаметрально противоположных по части исторического значения съезда, автор статьи, отбрасывает их все,

вместе взятые, и прямо-таки утвердительно рубит: «Борьба в верхах власти, как и сам XX съезд, имели действительно историческое значение, поскольку дали старт марафонской дистанции в конце которой был полный крах КПСС и советской власти».

Перед автором возникла проблема нового, современного прочтения исторического значения XX съезда КПСС. И эту проблему он решает однозначно – XX съезд КПСС, это старт полного краха партии и советской власти. И тут уж лишь детали, какой длинны путь к этому краху. Важнее для анализа и понимания объяснения условий разоблачения культа личности, репрессивной политики государства, появления новых субъектов инакомыслия, критики и противостояния советской идеологии и политике. Полагаем, в этой формулировке и терминологии открывается содержание, скрывается смысл и приоткрывается авторский замысел.

Исследователь М.С. Суслов, опять подчеркнем, нашел емкую и яркую формулу, чтобы последовательно и убедительно показать «непосредственное и отдаленное негативное влияние решений XX съезда КПСС на внутреннюю и внешнюю политику в России». Напомним, что у автора статьи XX съезд КПСС – это опасная вирусная прививка. Тогда следует сказать, что как бы ни был опасен вирус, человеческий организм нередко успешно с ним борется, есть примеры научных и практических регламентов, накапливаемого опыта системами здравоохранения, что подают надежны на постепенное ослабление опасности вируса, и даже избавления от этой опасности. И уж точно не всякий вирус и всегда, даже в эпидемиологическом пике приводит к летальному исходу. Такая аналогия возможна по отношению к привитому опасному вирусу советской системе XX съездом КПСС. И о чем пишет, что на многих, конкретных фактах и событиях (рост преступности и диссидентского движения, теневого накопления капитала, потеря функциональных способностей партии быть руководящей силой) показывает проф. М.С. Суслов.

Приходится при этом, тем не менее, вновь констатировать общее положение о значении и роли в истории событий и категории событийности. Все, чем были наполнены исторические события в делах, помыслах, задумках и планах, все прямые и косвенные участники и свидетели их, получают, как правило, негативную окраску, коль за этими событиями следуют разрушения, потеря ритмичного и привычного существования. Примерно в логике такого отношения и восприятия оказался XX съезд КПСС. Это естественно для обыденного восприятия такого рода процессов и явлений. В логике же научного восприятия и анализа подобных явлений стоило бы признать методологически ошибочным подобный срез и анализ исторического процесса и его событий. И посмотреть хотя бы теоретически, были ли неизбежными последствия XX съезда КПСС, какими их уже представила нам история. Возможно что и характер, и природа выраженного и представлен-

ного съездом исторического ландшафта, как цельного и сложного процесса, оказались окороченными, урезанными, неполными. Теоретически уж точно допустимо, что сама история и ее насыщенность той социально-политической, по факту и характеру советско-социалистической материи, еще содержала в себе мощный потенциал веры и обладала силой материального и идейно-теоретического свойства.

2. Некоторые факты из истории середины XX века. И их интерпретация. По тем временам середины XX века признавали за социализмом силу и превосходство его противники. Поэтому для себя они определяли планы от противного, понимая, чего им не хватает. И что в избытке у их противников, у коммунистов. Государственный секретарь США Даллес в книге «Война и мир, вышедшей в свет в 1959 году, напишет: «Что-то случилось неладное с нашей страной… Нам не хватает справедливой динамичной веры. Без нее все остальное нам мало поможет» [12. С. 202]. Тогда же американец Джон Фишер в книге «Генеральный план США» скажет: То, чего нам не хватает, – это цели, идеала, если хотите, миража, который мог бы зажечь сердца людей на западе» [12]. Противники социализма в США, конечно же, проводили сравнения свой системы и социалистической. И чертили планы, проекты, инструментарии (цели, идеалы справедливости, веры, даже миражи) недостающего им, но в избытке существовавшего в СССР и в его системе. Если взять проблему экономического роста за 20 лет (1930-1955 гг.), то среднегодовой темп прироста промышленной продукции составлял: в СССР – 12,3 процента, в США – 3,3 процента, в Англии – 2, 4 процента, во Франции – 0,9 процента. Система социализма в СССР, пройдя через страшную войну, тем не менее демонстрировала бурное развитие производительных сил. И главное, эта система отказалась от эксплуатации и паразитического потребления, от расточительства общественного богатства.

Но ни тем, ни другим, не растраченным еще социалистическим потенциалом, пораженный догматизмом и вульгарностью бытия ум руководящей структуры (высшего аппарата КПСС, ее первых представителей), не мог или не смог воспользоваться. Порицатели культа личности Сталина, сами будучи его инициаторами, участниками и исполнителями, потянули за собой в бездну и к кражу все, что еще дышало духом победы на гитлеризмом, что хотело и могло быть связанным с надеждами на светлую, радостную и вдохновенную жизнь в огромной и богатой ресурсами социалистической стране.

Для партийных бонз, и Н.С. Хрущева тоже («человек невероятной энергии, политической мобильности, наделенный недюжинной деловой хваткой и практической смекалкой, …ранимый, эмоционально-импульсивный, непредсказуемый») предчувствие важнее, чем всякое конкретное восприятие. Поэтому они все же находят, что жизнь будет доступна изучению. Не обязательно, что ее стоит изучать. Но во всяком случае их, лично Н.С. Хрущева, не покидает предчувствие будущего, именно *личного* будущего. Это замет-

но, когда читаем в Дополнении Н.С. Хрущева к проекту доклада на XX съезде КПСС: «Видимо, люди много будут работать и изучать архивные материалы, они увидят, что материалы были оторваны от действительности… историки не поверят никакому печатному слову… Я хотел бы высказать делегатам свои сомнения, что эти историки могут не найти достаточных фактов для оправдания тех действий, судебных действий, которые были произведены над теми или другими, как мы их зазывали и сейчас называем, «врагами народа», «изменниками», «предателями» и т.д.» [4. С. 559]. Ищут и будут искать лишь оправдания, вместо глубокого и серьезного выявления истоков и причин преступлений и противоправных деяний.

Оказалось, что и исследователи этого явления и важнейшего в истории события середины XX века тоже невольно или по другим причинам вместо того, чтобы обнаружить еще не угасшую веру в возможность построения справедливого советского и социалистического общества и государства, еще уверенную поступь движения к социализму, поплелись и еще плетутся за разоблачителями культа личности Сталина, действительно отвратительного и разрушительного явления. И не заметили, что разрушению даже от культа личности Сталина, еще не подвержены были бесповоротно ни партийные, ни советские органы на местах, на предприятиях индустрии, сельского хозяйства, в научных и образовательных учреждениях, даже милицейские структуры и органы безопасности страны, их сотрудники. «… Ужесточение карательной политики сопровождалось кадровыми перестановками и арестами сотрудников органов госбезопасности, обвиненных в недостаточной активности в борьбе с «врагами» Советского государства» [5. С. 6], – сообщает В.Н. Хаустов во введении к сборнику документов о деятельности органов государственной безопасности в послевоенные годы.

И уж совсем малое разлагающее влияние на веру в идеалы социализма, на уверенность в правильности курса развития страны оказали проявления и рецидивы культа личности Сталина на подавляющую массу советских людей, еще не успевших снять гимнастерки, шинели и телогрейки, но врубившихся с такой же силой и волей, с упорством и энтузиазмом, как это было на войне, в восстановление промышленности и сельского хозяйства. И уже обретших какую-никакую уверенность, что жизнь будет достойной и даже счастливой, когда они видели восстановленные и новые предприятия индустрии, нарастающий рост производства продукции колхозов и совхозов, сельскохозяйственной и торговой кооперации, товаров широкого потребления. Их прямое участие в этих процессах и событиях было лучшим и самым безупречным доказательством движения и развития по социалистическому пути. Им уже было обеспечена работа, защита прав и свобод не через судебную систему. Судебная система в российских реалиях даже сегодня, оставшись единственным легальным и конституционным инструментом защиты прав человека, остается малоэффективной и слабо востребованной

для нужд защиты человека. Тогда, в середине XX века, советский человек не мог рассчитывать на судебные инстанции в защите своих прав. Но у него была неосознанная мыслью уверенность в защите, и привычка обращаться к трем-четырем институциям: партийным, советским, административным, профсоюзным институциям. Само по себе их трехчетвертное наличие на каждом предприятии, в каждом рабочем коллективе создавало условия для того, чтобы вопросы защиты интересов человека разрешались быстро и по существу. Не идеальная модель советского опыта, но она была создана, совершенствовалась, работала. Социалистический, советский тип здоровых производственных и человеческих отношений не был разрушен даже прессом длительной практики культа личности Сталина и его окружения. Этот опыт и эту практику социалистического общежития, труда и воспитания мог служить одним из условий торжества этой системы, а не ее разрушения. И условием предохранения и защиты от любых антисоветских и антисоциалистических шараханий. Этот социалистический потенциал мог быть противоядием от разрушения социализма, но не стал таковым. Почему?

Развернутые ответы на этот вопрос находим у М.Г. Суслова. Среди множества подходов, обилия фактов, зарисовок из разных сфер функционирования экономики, принятых партией решений по ее развитию (введение принципа уравнительности, работа предприятий на прибыль), все эти действия, по мнению профессора, вели к одному – крушению советской власти в СССР и мировой социалистической системы. Опять же, исследователь не упускает возможность, чтобы без всякой осторожности в выражениях вынести вердикт и роли съезда, и его историческому значению. Дополняя свои мысли на этот счет, он заявляет: XX съезд КППС дал старт… изменению баланса сил в мире в пользу тех, кто в России и за ее пределами активно готовился уничтожить российское государство. «Так вирус антисталинизма многие годы питал антикоммунизм и антисоветизм, перерастая в пандемию современной глобальной русофобии. Таково далекое эхо XX съезда КПСС», – ставя точку в своих суждениях, пишет размашисто и уверенно проф. М.Г. Суслов.

Можно соглашаться или оспаривать этот вердикт. Сама история уже ответила, подтверждая верность такого суждения. Но и в этом состоявшемся историческом исходе можно обнаружить хотя бы на уровне предположений и гипотезы с большой долей возможности другие варианты развития событий, связанных с XX съездом КПСС. Многие из видимых и латентных возможностей (объективных и субъективных) так и не были учтены и реализованы. А если бы их учли, и еще реализовали бы, что было и задумано, и озвучено на том же съезде. Сразу же скажем, самым опасным и слабым местом в работе съезда оказалась аналитика и потерянный за годы культа личности способ к открытому, без боязни и страха диалогу внутри партии, между партией и обществом. А между тем!

В середине XX века жизнь в стране развивалась, новые социальные и политические силы внутри страны и во вне ее определяли настроения, ожидания и поведение и советского народа, и его политической элиты. Обратим внимание не просто на политическую элиту, правящий класс, но и на первых лиц, даже лидера этой социальной группы – Н.С. Хрущева. Разоблачение культа личности Сталина выдвигало в статус лидера страны и нового человека. На этот существенный факт указывает М.С. Суслов. И дает свое объяснение этому событию и процессу. Тут важно расставить акценты: что не получилось в плане успешного развития социализма. И почему.

Почему не получилось, с нашей точки зрения. Потому что не было сделано того, что собирались и что намечалось: сделать добротный анализ (научно-теоретический и практической работы). Увлеклись, и не могли не увлечься разоблачением культа личности. Но культ личности, его природа и характер только часть другой большой и сложной, основной жизни, которая выше и ценней ее отдельных проявлений, в том числе болезненных, типа культа личности. Не из культа личности и его разоблачений следовало бы выстраивать стратегию будущего. Так или иначе, вернее, только так: весь человеческий материал Советской Страны вовлекался в движение послевоенного развития, где было место и для соревнования между социализмом и капитализмом. Массовый тип человека того времени – это все же рабочий и колхозник, ученый и инженер, каждый из которых имел нередко очень тяжелую, трудную работу, уверенность, что скоро все поменяется и перемениться к лучшему, и будет вновь и всегда работа, в которой сегодня недостает лишь радости и вдохновения.

Рискнем сказать, что эта социальная категория людей доминировала, а не диссиденты, не партийные функционеры, не чиновники и бюрократы, тем более не воры, хапуги, рвачи, представители теневого сектора экономики (их было не счесть). Этот тип людей стал положительным и базовым типом производственной и умственной жизни середины XX века. Брать Хрущева и всех их вместе за положительных субъектов интеллектуального и организующего движения к социализму в середине XX века в СССР, за интеграл всех устремлений и деятельности во имя уже поставленной и выстраданной цели самими массами, широкими слоями населения, вошедших в социализм, защитивших и отвоевавших его в Великой отечественной войне, – совершенно ошибочно. Но ошибкой будет, если не видеть крепких социальных сил социализма, и видеть только их антиподов. Логика наших рассуждений ничего не показывает, и ничего не говорит, кроме того, что может быть не следует XX съезд КПСС определять стартом к последующему разрушению Советского Союза. Да, это яркое и знаковое событие, но не стартовое к драматическому исходу. Этот тезис позволяет и в самом съезде, его плодах обнаружить то, что не обязательно вело к известному финалу. Ведь, широкая социальная база в стране была социалистически настроенной. Она не сопротивлялась

этому курсу и линии движения к полному социализму как стратегической цели развития общества и государства. Но как всякая народная масса, она по определению не могла выполнить функцию серьезного, научного анализа по стратегии и тактике движения к этой самой цели. Это функция политической партии. Организаторы и инициаторы XX съезда, политическая партия, ее креативный авангард призваны были сделать то, что ранее они делали. И делали с блеском от момента осознания себя таковыми.

В статье тема разработки теории продвижения социализма в стране сводится к мысли, что развивать теорию следовало, и «Хрущев приложил к этому руку». Продолжая эту метафору, скажем: лучше бы голову приложил. Но и голова этого крупного и оригинального политика и руководителя, теперь уже ясно, не была способна продуцировать в этой области идеи, выражающие полноту и сложность нового исторического этапа в развитии мира и страны. В КПСС ее теоретическое ядро не оказалось на высоте, чтобы не признать тождественность восприятия роли и значения индустриализма капитализмом и социализмом. Советские теоретики следовали в теории критикам индустриальной культуры, которые тогда признавали и устанавливали тождество к этому базовому основанию эпохи. Но социализм по своей природе протестовал не только против капитализма, но и против толкования им роли и значения индустриализации. И протестовал против господства частного капитала, против господства тоталитарного государственного капитала, против власти империалистического (сегодня, олигархического) индустриального капитала. Уже пришло в середине XX века время понять, что вышло из национализации орудий производства и из диктатуры пролетариата, что и капитализм, и социализм может толковаться в массовом, бытийственном смысле для пропагандистских нужд («народный капитализм» – пропагандистский трюк западных идеологов; «народное хозяйство» и «советский тип демократии» – базовые термины советских; и в научном (экономическом, политическом, юридическом) для выработки стратегии и планов развития. Время диктовало необходимость развивать теорию в направлении того, чтобы покончить с двусмысленностью и даже многосмысленностью и капитализма, и социализма. А что было сделано в этом области? Мы не стали бы полностью на строну автора статьи, который теоретические разработки того времени (о переходе к социализму минуя капитализм, о некапиталистическом пути развития, о полной и окончательной победе социализма в СССР) охарактеризовал термином «сплошная ахинея». В этой связи, скажем так, обращаясь непосредственно к материалам XX съезду КПСС, становится многое видно, но не все понятно и доступно внятному объяснению и сегодня. Что видно!

3. Выводы в метафорической коннотации. Обобщения и выводы, наши суждения на этот счет носят лишь гипотетический по смыслам характер. На XX съезде КПСС уход от политического курса, взятого еще в 1917 году, обрел видимую идейно-материальную базу и основания не в материалах съез-

да. И уж точно не в содержании доклада о культе личности Сталина. Трудно подобрать слова, которыми можно было бы емко выразить его значение и для страны, и для международных отношений. Выхлоп энергии страха, ярости и надежд, - может быть не самым полным, и не самым неточным определением того, что дал, и что осталось в истории от XX съезда КПСС.

Могло по иному пойти развитие страны и социализма, если бы доклад был озвучен в первичном его варианте – «О культе личности Сталина и его последствиях». И с большой вероятностью все могло быть иначе в судьбе Советского Союза, социалистической системы, если бы это был доклад о культе политического клана (личностей) партии. Увы! Полагаем, что не две-три и если даже будут больше причин, и не только неспособность партии к выполнению всех четырех функций (теоретической, политической, идеологической, организаторской) породили крах советской политической системы, стали очевидными уже на XX съезде КПСС. Есть основная причина и основная дисфункция руководящего органа из множества, приведшая к краху. И таковой является невыполнение того, о чем было заявлено даже в самом докладе: «сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы». Поборники разоблачений и всех других крайностей были приведены докладом не столько в страх, это только в самом зале заседания, а в ярость. Парадоксально, но и тогда была верно намечена стратегия – «сделать надлежащие выводы….». И сегодня она остается актуальной. Но не сделали даже того, что намечали сделать: выводы в вопросах идеологии, теории и практики. Почему не сделали намечаемого? Потому что и тогда, и сегодня еще считают верным тезис: политика – это искусство возможного. Это обрекает на пассивность. Политика все же – это искусство достижения необходимого. И формирует идеологию активного и проактивного действия. И еще. Хрущев и его ближайшее окружение, вскрывая язвы культа личности, по старинке опирались на узкий партийно-бюрократический аппарат. И полагали, что как они скажут, какие команды отдадут партийному аппарату, так и будет сделано. Они не могли, и, главное, не хотели понять, что советское общество после войны стало другим, готовым не послушаться, а слушать, разговаривать, творить в свободном труде, ожидать искренности и доверительности производственных, хозяйственных и партийных отношений. Все достаточно просто. Не стоит все усложнять в этом вопросе, как и в таких событиях как распад советской системы, хотя к этому склонны современные теоретики и практики, спекулирующие тайным знанием и владением больших и сложных теорий и баз данных. И без чего не мыслима будто бы ни сама жизнь, ни политика, ни понимание ожиданий реставрации теперь уже не социализма, а нового социализма в идейно-теоретическом и практически рабочем исполнении.

XX съезд КПСС стал своего рода политическим событием, вроде политической машины. Эта тоже метафора, которая позволяет и нам сказать о XX съезде то, и только то, что съезд оказался способным выпустить серию

отработанного в ее сердце социального, политического, культурного материала, скопившегося по ходу социалистического развития. В традиционной машине, в двигателе выхлопные газы основная причина превышения допустимых концентраций токсичных веществ, и причина отравления в замкнутых пространствах. Такую же роль и такие же признаки можно было обнаружить в последствиях работы XX съезда. Никому тогда не пришла в голову самая простая и очевидная мысль, если приходила, то ее отбрасывали, почему бы теневой сегмент экономики не вывести из тени, легализовать, ввести его работу в русло легальной и правой форм существования. И насытить рынок товарами широкого спроса и потребления. Врагами еще по традиции и привычке считали всех, кто ими и не был. Устаревшие догмы марксизма-ленинизма в части союзников и попутчиков социалистического ведения хозяйствования оставались замшелыми булыжниками в сознании партийно-бюрократического аппарата.

Съезд оказался событием мощного в сверхдопустимых нормах выброса в общественное пространство внутри страны и за ее пределами политического отравляющего вещества. Ключевой и главный элемент этого выхлопа – культ личности Сталина. Даже простые техники, обслуживающие двигатели внутреннего сгорания, знают и предлагают пути снижения выбросов и токсичности. Социализм и его политика – механизм не сравнимый с двигателем машины. Но социализм и его политику обслуживают не техники автомобильной индустрии. Будь в процессе и после XX съезда даже политические техники и технологи, равные по качеству автомобильным, можно было бы машину социализма содержать в рабочем состоянии и без угроз ее распада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беркутов А.С., Щурин А.Б.* Задачи и организационная структура НКВД СССР в предвоенный период (1934-1941 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8 (77).

2. *Беркутов А.С.* Обеспечение общественной безопасности в СССР в послевоенный период (1945-1960 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 5 (74).

3. *Блинов В.В.* Советская модель управления как родоначальница идеократиии в XX веке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 5 (74).

4. Дополнения Н.С. Хрущёва к проекту доклада на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» / Никита Хрущёв. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 1964.

5. Лубянка. Сталин и МГБ. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. М.: МФД. Материк, 2007.

6. *Лузан А.А.* Мои размышления об И. Сталине // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

7. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).

8. Никита Хрущёв. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы / Сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прозуменщиков, Ю.В. Сигачев, Н.Г. Томилина, И.Н. Шевчук. М.: МФД: Материк, 2007.

9. *Смирнова Ю.В.* Современная историография перестройки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78).

10. *Суслов М.Г.* XX съезд КПСС как прививка опасного вируса советской системе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

11. *Чемшит А.А., Стаценко О.С., Чемшит Д.А.* «Брежневский застой» как предпосылка кризиса советской государственности // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 9 (73).

12. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14-25и февраля 1956 года. Стенографический отчет. В 2-х томах. Т. 1. Государственное издательство политической литературы. М., 1956.

D.E. SLIZOVSKIY
Doctor of Sciences (history), Professor at the Chair of Russian history, RUDN, Moscow, Russia
N.V. SHULENINA
Candidate of Sciences (philosophy), Associate Professor at the Chair of philosophy and socio-political technologies, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia
E.E. GURBANOV
Postgraduate student at the Chair of Russian history, RUDN, Moscow, Russia

XX CONGRESS OF THE CPSU: REALITIES AND CONSEQUENCES AFTER 65 YEARS (REFLECTIONS IN CONNECTION WITH THE ARTICLE BY M.G. SUSLOV "THE XX CONGRESS OF THE CPSU AS INOCULATION OF A DANGEROUS VIRUS TO THE SOVIET SYSTEM")

We are trying to show that the XX Congress of the CPSU, its background, history and consequences are reduced to Khrushchev's report "On the cult of

Stalin's personality and its consequences." Paradoxically, the eventfulness of the report turned out to be so great that it crushed under itself and began to destroy the very foundations of the historical process in the bosom of which socialism developed in the USSR and in the world socialist camp. All the other fruits of that Congress – the directives and plans of the sixth five-year plan for the development of the national economy, the conditions and resources for their implementation, consistent and firm advocacy of the possibility and necessity of peaceful coexistence of countries with different socio-political systems, the readiness of Soviet society to actively and productively work on their implementation – were pushed aside. Even the directions of party-state activity voiced in the report itself, related to condemning and eradicating the cult of personality and its manifestations, turned out to be impracticable. It is more than paradoxical that the XX Congress, in terms of the quality and content of the plans raised, did not yet carry any existential threats to socialism. Only their prerequisites were clearly revealed in the core of the party-bureaucratic apparatus. The khrushevs, and N.S. Khrushchev himself, were not the leaders of "all Soviet people", but only colorful political figures who actively broke away not only from the people they also broke away from themselves. They left themselves and the delegates of the Congress only their doubts that the future "historians may not find sufficient veils to justify such actions." Being by definition the real antagonists of socialism, they broke away from the world and the world of socialism turned away from them. Why was the history left to us by the XX Congress of the CPSU, why even the seemingly balanced and reasoned decisions of both the Congress and the report became impossible. The authors are thinking about this being impressed by the meaningful article by Prof. M.S. Suslov and together with him.

Key words: *the XX Congress of the CPSU, Khrushchev 's report at the XX Congress of the CPSU.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.003
УДК 32.327

А.Л. КРИВОВА
преподаватель гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва
М.В. АФОНИН
кандидат юридических наук, доцент, доцент гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ИСПАНИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ)

Статья посвящена изучению процесса формирования ценностных ориентиров у молодых людей, а также факторов, оказывающих влияние на это. Актуальность работы обусловлена меняющейся окружающей средой, в которой и происходит становление личности. В статье также рассмотрена роль семьи, образования, СМИ и интернета в данном процессе.

Ключевые слова: *ценность, ценностная ориентация, социальная групп.*

В настоящее время существует множество подходов к определению понятий «ценность» и «ценностная ориентация», однако все они исследуются как важнейшие составляющие индивидуального и общественного сознания, влияющие на выработку жизненных стратегий, определяющие основные средства их реализации, регулирующие социальное поведение и обусловливающие характер взаимодействия социальных субъектов. Стоит сказать, что ценностная ориентация – отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [3].

В общем смысле, ценность представляет собой цели либо нормы поведения, которые индивидуум или все общество ставят на первый план, придавая им наибольшую значимость, что в последствие определяет приоритеты, ориентации и «стиль жизни» в целом. Система или совокупность превалирующих ценностей является показателем специфики культуры и исторического опыта данного общества [6]. Ценностные ориентации же в свою очередь приобретаются человеком на основе его жизненного опыта,

при взаимодействии с другими людьми, что позволяет ему выбрать, что значимо, а что нет.

Ценностные ориентации можно определить, как:

• принципы, вносящие организованность в личное и групповое восприятие, взаимоотношения и поведение в социальных ситуациях, которыми индивиды оперируют в своей обыденной жизни;

• цели, которые в значительной степени определяют позицию по отношению к окружающей их действительности и обусловливают основные модели социального поведения [4].

Ценностные ориентации могут, как динамично изменяться, так и являться устойчивыми. На протяжении жизни они постепенно преобразуются, дополняясь, изменяясь или вообще утрачивая свою силу. Данный процесс происходит под влиянием внешних обстоятельств: особенно изменений традиционных устоев в окружающем социуме.

Одним из ключевых этапов исследования ценностных ориентаций в современном обществе является изучение воздействия отдельных факторов на процесс их формирования. Поскольку каждый фактор по-своему влияет на формирование системы ценностей, при этом не только в положительном, но и в отрицательном ключе. Анализ данных факторов позволяет выявить механизмы динамики социальных и духовных ценностей.

Любая социальная группа или сообщество опирается на особую, присущую только центральную идею. Когда этот взгляд разрушен или подорван, сообщество, цивилизация, обречено на радикальную модификацию. Как только духовные и культурные основы начинают ослабевать – сущность цивилизации, мы можем говорить о начале ее завершения. Культурные границы объединения отдельных лиц, сообществ, этнических групп и т.д., не только создают условия для удовлетворения материальных потребностей и гарантируют личную безопасность, но и вносят определенный порядок в жизнь, устанавливают моральные принципы, нормы, обычаи, каноны, модели поведения. Учитывая это разнообразие, люди, которые сосуществуют в неделимом социокультурном поле, ощущают потребность в общих ценностях, правилах, отношениях и нормах, которые для них неприкосновенны.

Формирование различных подструктур сознания индивида, в том числе ценностного, во многом определяется социально-экономическими условиями, в которых человек существует. Поэтому, когда общество трансформируется, ценностные ориентации индивида и различных социальных групп в целом естественным образом трансформируются.

Говоря о процессе формирования ценностей молодого поколения, важно учитывать множество обстоятельств и факторов, которые, так или иначе, влияют на результат социального опыта, приобретенного молодежью. К социокультурным факторам формирования мировоззренческих и ценностных ориентаций молодежи относятся:

- семья;
- культурная сфера общества;
- система образования;
- доминирующая в стране идеология;
- средства массовой информации;
- религия;
- реклама [2].

Анализируя социокультурные детерминанты ценностной ориентации молодежи, нельзя не принимать во внимание такой социальный институт, как семья. Семья является важнейшим социальным институтом, обеспечивающим взаимозависимость личности и общества, объединяющим и определяющим важность их потребностей и ориентаций. Одной из важных функций семьи является педагогическая, которая охватывает целенаправленное воздействие на детей и на всю систему взаимоотношений в семье, стимулируя одни и сдерживая другие типы поведения. Именно родители часто и формируют, и воспитывают у подростков набор фундаментальных моральных ценностей и норм, духовных потребностей, интересов и склонностей [5].

Система образования является фундаментальной среди социальных институтов формирования ценностных ориентаций молодежи. Образование, выполняя свою социализирующую функцию, знакомит человека с жизнью в обществе, передавая ему систему ценностей, знаний и навыков, способствуя тем самым интеграции в общественную жизнь [1. С. 31].

Испания. Испанская молодежь более консервативна. Результаты проведенного анализа показывают, что молодежь придает большее значение социальным и семейным ценностям, а также элементам личного благополучия; интерес к политике и религии не достигает среднего уровня важности. Что касается моральных ценностей, связанных с поведением, исследование показывает, что молодые люди, особенно студенты, проявляют большую терпимость к поведению, которое понимается как принадлежащее к частной сфере (гомосексуализм, аборт, эвтаназия...), несмотря на это, многие подростки негативно отзываются о данной позиции исходя из этических норм. Также стоит отметить, что почти 44% молодых людей выступают за применение смертной казни, в то время как 38.7% против.

Один из наиболее важных и проанализированных вопросов с учетом кризисной ситуации, в которой находится Испания, заключался в том, что бюджетные ассигнования не будут сокращаться испанской молодежью. Более половины из них указывают на то, что основные пособия в области благосостояния включают пособия на здравоохранение (64,7 процента), образование (57 процентов) и помощь нуждающимся пожилым людям, детям, инвалидам (46,4 процента). Женщины более склонны поддерживать ресурсы на образование и помощь пострадавшим женщинам; в то время как муж-

чины являются сторонниками помощи в части содействия трудоустройству и обеспечения жильем.

Колумбия. Революция в мышлении и современном искусстве привела не только ученых и художников к постоянному состоянию неопределенности, но и общество. В быту замена значений становится очевидной: подростки прошлых поколений имели как пример для подражания взрослых, они хотели быть независимыми, работать, путешествовать по миру, уходить из своих родительских домов; теперь же, особенно те из средних и высоких слоев которые живут в больших городах, все больше и больше, ищут повод, чтобы продлить свой подростковый возраст; кажется, что никто не хочет взрослеть, поклонение молодежи увеличивается с каждым днем. От ответных и революционных поколений в 60-е и 70-е годы мы переходим к поколению безразличия. Больше, чем желание проецировать себя в будущее, молодые люди закрепляются в настоящем.

Аргентина. Среди ценностей, которые набрали наибольший процент среди аргентинской молодежи, можно отметить следующие:

- солидарность – 38%;
- уважение – 27%;
- дружба – 23%;
- честность – 20%;
- искренность – 18%;
- любовь – 12%;
- доброта – 9%;
- семья – 8%;
- образование и ответственность – 7%;
- достоинство, справедливость, смирение – 5%;
- доверие – 4%;
- свобода и верность – 3%;
- равенство – 2%.

Эта статистика показывает, что подростки в Аргентине почитают те ценностные ориентиры, которые почитали и их предки. Значительными также являются редкие упоминания об образовании, доверии, достоинстве, справедливости, свободе и равенстве.

Заключение. В современном мире существует риск возникновения своего рода конфликта поколений, причиной которого являются различия в ценностях, взглядах на жизнь, противоположных мнений по тому или иному вопросу, а также ввиду разного мировосприятия.

Стремительно изменяющееся прогрессивное общество дает многочисленные пути развития личности, и выбор – идти по стопам закоренелым в культуре общепризнанным меркам поведения или же отыскивать свежие способности – остается за молодежью.

Проведенное исследования также продемонстрировало, что у подростков, нацеленных на доминирующую культуру, традиционный вариант социокультурной детерминации – взаимодействие со сверстниками.

Говоря о современном мире и нынешнем поколении, можно сказать, что ценностная ориентация молодежи направлена, в основном, на получение богатства, власти и престижа. Это может быть обусловлено спецификой присутствующих в данном случае детерминант. Ими являются: семья, СМИ, высшее образование. Немаловажным также является факт того, что общественная мысль сменилась на рыночную, экономически и политически более грамотную, чем она была до этого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Идиатуллин А.В.* Современные социокультурные факторы развития системы высшего образования // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 11.

2. *Кара-Мурза С.* Сложные проблемы молодежной политики. Litres, 2018.

3. *Карпенко Л.А.* Краткий психологический словарь: А-Я // Политическая литература, 1985.

4. *Кушхова К.А., Шогенова Ф.З.* Ценностные ориентации современной молодежи: особенности и тенденции // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1 // https://science-education.ru/ru/article/view?id=18253.

5. *Ситаров В.А.* Ценностные ориентиры в воспитании современной молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1.

6. *Шорманбаева Д.Г.* Аксиологические основания адаптации личности в условиях трансформации общества / Д.Г. Шорманбаева, С.Б. Балшикеев, М.М. Кожухова, М.М. Сейдинова // Молодой ученый. 2017. № 5 (139) // https://moluch.ru/archive/139/39262/.

A.L. KRIVOVA
Lecturer at the Faculty of humanities
of the Russian State Social University,
Moscow, Russia
M.V. AFONIN
Candidate of Sciences (law), Associate
Professor at the Faculty of humanities of the Russian
State Social University, Moscow, Russia

SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS OF THE YOUTH VALUE ORIENTATION IN THE MODERN WORLD (ON THE EXAMPLE OF YOUNG PEOPLE IN SPAIN AND LATIN AMERICA)

The article is devoted to the study of the process of formation of value orientations in young people, as well as the factors that influence this. The relevance of the work is due to the changing environment, in which the formation of personality takes place. The article also examines the role of family, education, media and the Internet in this process.

Key words: *value, value orientation, social group, youth.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.004
УДК 32.323
С.В. АНАНКИН
аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал), Россия, г. Орел

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье представлен обзор основных теоретических моделей, описывающих разнообразие и связь форм общественного участия, которые используются в политологическом анализе. Дана характеристика моделей Ш. Арнстейн, Д. Коннора, П. Бишопа и Г. Дэвиса, Дж. Роу и Л. Фрюером, Т. Набатчи и М. Лейнингера и ряда других. Сделан вывод о степени влияния общества на принятие решения как ключевой характеристике общественного участия.

Ключевые слова: *общественное участие, гражданское участие, политическое участие, гражданское общество, формы участия, вовлеченность.*

Понятие общественного участия. Участие граждан в решении общественно-значимых проблем и управлении – важнейшая черта демократического политического устройства, однако содержательное понимание сути участия, его форм и роли в системе управления являются предметом серьезных теоретических и политических дискуссий. В некоторых теориях, в частности, представительской демократии, граждане участвуют в управлении государством только посредством избираемых представителей; однако многие другие теории, такие как теории партисипативной, прямой и деливеративной демократии, настаивают на более широкой роли обычных граждан [4. P. 248]. Более того, в современном политологическом анализе понятие общественного участия используется, как правило, для обозначения именно не электоральных механизмов влияния граждан на формирование политики, управление и принятие решений, которые де-факто существуют не только в демократических, но и авторитарных системах. Это связано с тем, что при выборах гражданин не участвует в определении политики как таковой, а потому его участие носит в лучшем случае косвенный характер [5. P. 14]. Тем не менее, вопрос о включении электоральных процедур в понятие участия остается дискуссионным.

Еще одним источником неопределенности является использование наряду с понятием общественного участия таких терминов как гражданское и политическое участие. Можно предложить следующие дефиниции, показывающие различия между ними:

Гражданское участие – это любая общественно-значимая деятельность граждан, связанная с реализацией их стремления влиять на условия собственной жизни. Важно подчеркнуть, что гражданское участие может быть индивидуальным.

Политическое участие – это деятельность, непосредственно направленная на получение политической власти, как индивидуальная, так и коллективная.

Общественное участие – это именно коллективная деятельность граждан по защите своих интересов и влиянию на условия своей жизни, которая не связана с непосредственным занятием должностных позиций в органах власти или представительных институтах.

Общественное участие, таким образом, является формой публичного коллективного действия, основанного на прямой или опосредованной координации индивидуальных гражданских действий. Такое участие, являясь отражением состояния гражданского общества, становится важным объектом политического анализа при изучении политических процессов в конкретном обществе.

Теоретические модели форм и инструментов общественного участия. Общее понятие общественного участия предполагает, что оно может осуществляться в различных формах и при помощи различных инструментов. Теоретическое понимание этих форм и связи между ними имеет важный политологический смысл, потому что представляет рамки для анализа конкретной политической ситуации. В современной политической науке было предложено несколько общих моделей, описывающих формы и инструменты общественного участия (хотя используемая авторами терминология может варьироваться).

Одна из ранних моделей была разработана Ш. Арнстейн и получила название «лестницы гражданского участия» [1. P. 240-252]. Она исходит из того, что реализация потенциала «коллективной самодетерминации» образует определенный континуум, внутри которого можно выделить разные формы, отличающиеся по степени общественного вовлечения. Всего модель включает 8 форм, или «ступеней» лестницы, из которых первые два («Манипуляция» и «Терапия») классифицируются как не-участие и представляют собой имитацию общественного участия, в ходе которой власти стремятся сформировать или скорректировать мнение граждан. Еще три ступени («Информирование», «Консультации», «Задабривание») относятся к широкой категории символического участия. В этом случае граждане имеют возможности получать информацию от власти, сформулировать и выска-

зать свое мнение и позицию, получить символическое вознаграждение, – однако без каких-либо реальных рычагов влияния на принятие решений. Собственно, участие представлено еще тремя ступенями: «Партнерство», «Делегирование власти», «Гражданский контроль». Первое представляет собой переговоры с властью, второе – участие в смысле представительства, а третье – возможность независимо оценивать и контролировать принимаемые решения.

С точки зрения понятия общественного участия, эта модель не свободна от недостатков. Она предлагает крайне ограниченный перечень форм собственно участия, а включение делегирования власти в число этих форм не вполне отражает предложенное понятие общественного участия. Тем не менее эта модель содержит представление о разной степени участия, а также вводит представление об имитационных или неполноценных формах участия, которое имеет важное значение для политического анализа.

В 1980-х годах Д. Коннор предложил альтернативную модель, использующую метафору лестницы. В «новую лестницу гражданского участия» он включил семь ступеней: образование, обратная связь, консультации, совместное планирование, посредничество, судебные разбирательства, предотвращение или разрешение противоречий [3. P. 249-257]. Особенностью этой модели является то, что она описывает и структурирует разные способы разрешения противоречий между властью и обществом при разработке и реализации конкретных программ и проектов. Она применима в основном на местном уровне и оставляет за рамками широкий спектр других проблем, таких как оценка власти в целом, принятие законов и пр. Кроме того, эта модель исходит из неявного представления о ведущей роли власти в организации общественного участия, – то есть, фактически, о *вовлечении* общества, которое лишь реагирует на инициативы сверху. Наконец, по мере продвижения к верхним ступеням уменьшается роль граждан и увеличивается роль их институциональных представителей.

Хотя континуальные представления об общественном участии имеют простой и интуитивно понятный смысл, существуют модели, которые структурируют его более сложным образом. Так, модель Дж. К. Томаса описывает возможности и инструменты общественного участия в зависимости от двух параметров: типов принятия решений (которые зависят от сути проблемы) и способов социальной организации гражданского общества [2. P. 14-29]. Последние могут принимать форму одной или множества организованных групп, неорганизованной публики или сложного сочетания организованных и неогранизованных групп. Также в модели выделяются четыре типа, или стиля принятия решений: управленческая автономия с консультацией, сегментированное общественное консультирование (с разными группами), унитарное общественное консультирование, публичное решение. Для разных сочетаний этих двух параметров существуют свои ин-

струменты участия: от контактов и регулярных публичных встреч до опросов и общественных советов. Эта модель особенно полезна с точки зрения политических менеджеров, поскольку позволяет им выбирать подходящие механизмы участия. Однако она также недооценивает роль участия, инициированного снизу, со стороны гражданского общества.

Еще одна модель, более реалистично отражающая разнообразие общественного участия, была предложена П. Бишопом и Г. Дэвисом [2. P. 14-29]. Они выделили пять форм участия: консультации, партнерство, отстаивание позиции, потребительский выбор и контроль. Эти формы не образуют какой-то определенный континуум, но различаются качественно, имея различные цели, особенности и используя различные инструменты. Например, консультации имеют своей целью получение комментариев по значимым вопросам, осуществляются посредством контактов и встреч, а их участники понимают, что взгляды сообщества могут повлиять на разработку политики. В свою очередь, контроль использует референдумы и другие инструменты прямой демократии, чтобы оказывать прямое влияние на решения, которые носят обязательный характер. Наиболее спорным следует считать участие через механизмы потребительского выбора, направленные на влияние на конкретные характеристики программ или инициатив путем использования, или неиспользования государственных услуг, опросов и т.д., – которое не является в полной мере коллективным действием.

Эмпирический подход, основанный на обобщении фактических практик участия в современных обществах, был предложен Дж. Роу и Л. Фрюером [6. P. 3-29]. Они назвали семь главных форм участия: референдум, публичные слушания, опросы общественного мнения, переговоры при разработке нормативных актов, консенсусные конференции (гражданские жюри), гражданские консультативные комитеты (общественные советы) и фокус-группы. Эти формы различаются по составу участников, временным параметрам, а также особенностям механизма участия, которые могут включать в себя как выбор из заранее заданного перечня альтернатив (например, при референдуме), так и полная свобода в формировании обществом своих предложений. К числу недостатков этой модели можно отнести ее неполноту (некоторые формы участия, например, петиции, судебные разбирательства или контакты с ключевыми представителями не указаны), а также отсутствие единой классификационной логики.

Более современные подходы исходят из многообразия форм общественного участия и появления новых возможностей, прежде всего, связанных с развитием современных электронных коммуникаций и цифровых сервисов. Эти возможности стимулировали развитие новых моделей общественного участия. Например, С. Жилин и др., анализируя возможности участия на муниципальном уровне, в рамках концепции «умных городов», выделили четыре формы общественного участия, основанные на сочетании двух кри-

териев: источников инноваций и источников самоуправления [7. P. 91-98]. Эти формы допускают инициативу как сверху, так и снизу, и включают в себя следующие архетипичные модели: «Городская община», «Самодеятельный урбанизм», «Гражданский краудсорсинг» и «Горизонтальное производство».

Одна из наиболее детально проработанных современных моделей общественного участия представлена в работе Т. Набатчи и М. Лейнингера [5. P. 351]. В отличие от большинства других подходов, они сосредоточились не столько на конкретных формах участия, сколько на определении критериев и характеристик, лежащих в основе их разнообразия и политических функций. Перечень таких критериев, которые задают логику и рамки политического анализа, включают в себя: содержание общих целей; количество участников; стратегии привлечения участников; тактику участия (личное, удаленное, электронное); характер взаимодействия (одно- или двустороннее, делиберативное и пр.); коммуникационный план (способ распространения информации); подготовку участников; локус действия (от индивидуального до международного); специфичность рекомендаций; временные параметры; связь с политикой и принятием решений.

Хотя перечисленные подходы не исчерпывают всего многообразия современных моделей общественного участия, все они представляют аналитические рамки для изучения общественного участия и взаимоотношений общества и власти в различных институциональных контекстах. При этом важнейшей чертой, признаваемой в большинстве подходов, является представление о различной степени влияния общества на принимаемые решения как важнейшей характеристике общественного участия и его постепенном расширении как основном направлении демократического развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Arnstein S.* A ladder of citizen participation. In The City Reader. 2nd ed. / Ed. by R.T. LeGates, F. Stout. London; New York: Routledge, 2002.

2. *Bishop P., Davis G.* Mapping public participation in policy choices // Australian Journal of Public Administration. 2002. Vol. 61 (1).

3. *Connor D.M.* A new ladder of citizen participation // National Civic Review. 1988. Vol. 77. No. 3.

4. *Cunningham F.* Theories of Democracy: A Critical Introduction. London; New York: Routledge, 2002.

5. *Nabatchi T., Leighninger M.* Public Participation for 21st Century Democracy. Hoboken: Jossey-Bass, 2015.

6. *Rowe G., Frewer L.J.* Public participation methods: a framework for evaluation // Science, Technology & Human Values. 2000. Vol. 25.

7. *Zhilin S., Klievnik B., de Jong M.* Community self-governance in the smart city: toward a typology. In E-Participation in Smart Cities: Technologies and Models of Governance for Citizen Engagement / ed. by M.P.R. Bolivar, L.A. Munoz. Cham: Springer, 2019.

S.V. ANANKIN
Graduate student, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Central Russian Institute of management-branch,
Orel, Russia

THEORETICAL MODELS OF PUBLIC PARTICIPATION IN THE FRAMEWORK OF POLITICAL ANALYSIS

The article presents a review of main theoretical models describing variety and relations between forms of public participation, useful for the purposes of political analysis. The models developed by S. Arnstein, D. Connor, P. Bishop and G. Davis, G. Rowe and L. Frewer, T. Nabatchi and M. Leighninger, as well as some others, are described and analyzed. The article concludes that the degree of public influence on decisions is the key characteristic of public participation.

Key words: *public participation, citizen participation, political participation, citizen society, forms of participation, involvement.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.005
УДК 32.323

А.Р. САЛГИРИЕВ
кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Комплексного
научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова
Российской академии наук; ведущий научный сотруд-
ник Академии наук Чеченской Республики, Россия,
Чеченская Республика, г. Грозный
В.З. ГАЗИЕВ
кандидат политических наук,
заведующий кафедрой истории и культуры народов Чечни
Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова,
Россия, Чеченская Республика, г. Грозный
М.Д. СОЛТАМУРАДОВ
кандидат философских наук,
заведующий кафедрой Отечественной истории
Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова;
ведущий научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики,
Россия, Чеченская Республика, г. Грозный
С.С. ГАЛБАЦОВ
директор Центра технологического
образования факультета технологий и менеджмента
в образовании Чеченского государственного педагогического
университета, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный

ОСНОВНЫЕ РИСКИ, ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[1]

В данной работе рассматриваются основные риски, угрозы политической безопасности российского Северного Кавказа, среди которых авторским коллективом видятся территориальные споры между субъектами федерации, не на официальном уровне, а в информационной среде, а также уровень институционального доверия, экономические трудности и уровень гражданских и политических свобод человека и гражданина. Основной проблемой в повышении стабильности и устойчивости политической системы в регионе является трайбально-клановая структура властных

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-70005.

институций, сужение политического и информационного поля циркуляции элит, латентные каналы и механизмы инкорпорации элит. В целях решения политических проблем региона необходимо в централизованном порядке принять меры, направленные на оптимизацию управленческих решений на субнациональном уровне, в том числе в ротации и расстановке кадров, создать транспарентные подходы в функционировании политико-административных элит.

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, конфликты, угрозы безопасности, информационные угрозы, элиты, кланы.*

Изучению проблем безопасности российского Северного Кавказа, анализу угроз и рисков конфликтного поведения различных акторов политического управления посвящены работы отечественных и зарубежных политологов, социологов, философов, историков, можно назвать таких авторов как: Аманжолова Д.А., Аствацатурова М.А., Бобровников В.О., Волобуев О.В., Дзадзиев А.Б., Заседателева Л.Б., Кулешов В.С., Нечуятов А.М., Никишенков А.А., Савва М.В., Степанов В.В., Тишков В.А., Хоперская Л.Л., Ярлыкапов, Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А., Башкирова Е.И., Беляева Л.А., Володин А.Г., Кольба А.И., Кудряшова И.В., Лапкин В.В., Лебедева М.М., Макаренко С.А., Пантин В.И., Пляйс Я.А., Розов Н.С., Сергеев В.М., Чихарев И.А., Воронцов С.А., Локота О.В., Понеделков А.В., Гельман В.Я., Демьянков В.З., Дробижева Л.М., Понеделков А.В., Старостин А.М., Тишков В.А., Халин В.Г., Чернова Г.В., Хантингтон С. и др. [1; 2; 3. С. 51-65; 4. С. 34-32; 5. С. 9-33; 6; 7. С. 6-35; 8. С. 31-44; 9; 10; 11; 12; 13. С. 138-159; 14. С. 13-24; 16. С. 3-22; 17. С. 46-63; 18. С. 33-48].

В системе политики Северного Кавказа функционируют множество акторов политического управления, но главным из них являются региональные этнополитические элиты, которые сформированы по этническому, тайповому, фамильному, тукумному, территориальному принципу и циркулируют на основе патрон-клиентальной модели. Подобная организация властных институций характерна для традиционных обществ, с выраженными теократическими и автократическими подходами.

Как мы видим из таблицы, свои позиции ослабили по сравнению с июнем текущего года некоторые руководители субъектов федерации, так с 34 места переместился на 38 Коков Казбек Валерьевич, Глава Кабардино-Балкарской Республики, ослабил свои позиции Владимиров Владимир Владимирович, Губернатор Ставропольского края, укрепили их Калиматов Махмуд-Али Макшарипович, Глава Республики Ингушетия и Меликов Сергей Алимович, и.о. главы Республики Дагестан. Стабильно прочны позиции Кадырова Рамзана Ахматовича, Главы Чеченской Республики – 2 место. Уровень влияния глав субъектов Северо-Кавказского федерального округа

Таблица 1

Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в августе 2021 года [19]

Глава субъекта Российской Федерации	Место в рейтинге	Место в рейтинге в июле	Средний балл
Очень сильное влияние			
Кадыров Рамзан Ахматович Глава Чеченской Республики	2	2	8,54
Сильное влияние			
Меликов Сергей Алимович И.о. главы Республики Дагестан	26	24	6,10
Коков Казбек Валерьевич Глава Кабардино–Балкарской Республики	34	38	5,86
Меняйло Сергей Иванович И.о. главы Республики Северная Осетия-Алания	44	44	5,55
Среднее влияние			
Калиматов Махмуд-Али Макшарипович Глава Республики Ингушетия	53	47	5,33
Темрезов Рашид Бориспиевич Глава Карачаево-Черкесской Республики	55	48	5,30
Владимиров Владимир Владимирович Губернатор Ставропольского края	68	70	5,02

в масштабе страны не велико, за исключением Главы Чеченской Республики. Мы должны понимать, что уровень влияния в данном контексте имеет под собой милитаристские основания.

Помимо информационных, экономических, административных, элиты наделены и этномобилизационными ресурсами власти и влияния. Властные элиты способны аккумулировать и артикулировать свое политическое влияние на основе множества раздражителей: национальная история, территориальные споры, историческая несправедливость, репрессии и др. В последнее время стали возникать новые точки этнополитической напряженности, конфронтации между этнократиями, спровоцированных территориальными претензиями. В последние годы усиливается дискуссия, особенно в Интернете, где в различных социальных сетях, видео-хостингах ведутся острые споры о «чистоте этносов», аланская тематика актуализируется, пересмотр административных границ, удревления национальной истории, этногенезе, которые сегодня получили новый импульс.

Таблица 2

Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе-сентябре 2021 года [20]

	Численность рабочей силы, тыс. человек	в том числе		Уровень участия в рабочей силе, в % к численности населения в возрасте 15-72 лет	Уровень занятости, в % к численности населения в возрасте 15-72 лет	Уровень безработицы, в % к численности рабочей силы
		занятые	безработные			
	За июль-сентябрь 2021 г. (в среднем за период)					
Российская Федерация	75 419,1	72 069,7	3 349,4	68,3	65,3	4,4
Северо-Кавказский федеральный округ	4 634,1	4 105,6	528,5	64,4	57,1	11,4
Республика Дагестан	1 374,3	1 174,7	199,6	61,0	52,2	14,5
Республика Ингушетия	265,5	184,5	81,0	74,4	51,7	30,5
Кабардино-Балкарская Республика	454,5	409,7	44,8	70,8	63,9	9,9
Карачаево-Черкесская Республика	209,3	185,3	24,0	60,2	53,3	11,5
Республика Северная Осетия - Алания	310,0	270,8	39,3	61,6	53,8	12,7
Чеченская Республика	652,6	577,5	75,1	66,2	58,6	11,5
Ставропольский край	1 367,9	1 303,2	64,7	65,0	61,9	4,7

Еще одним конфликтогенов в региональном политическом управлении является проблемы социальной дифференциации, расслоения, безработицы, бедности, пауперизации общества и как следствие политическая маргинализация, экстраполяция социального благополучия населения в политическое поле. Проблемы экономики всегда фонируют на электоральное поведение, они всегда взаимосвязаны, но особо чувствительны на Северном Кавказе.

При анализе социального благополучия населения, особенно на Северном Кавказе, важное значение имеет учет косвенных индикаторов. Под ними мы понимаем не прямые, а опосредованные показатели материального достатка, занятости общества, которые не отражаются официальной статистикой, но они позволяют оценить сектор теневой экономики, коррупции.

Это прежде всего количество автомобилей премиум-класса, потребляемая электроэнергия в частных домохозяйствах, зарегистрированный большегрузных транспорт, количество спортсменов и соотношение инвалидизации общества и др. Аналогичных индикаторов достаточно много, и на данном этапе авторским коллективом начинаются исследования по оценке реального положения общества, с учетом всей совокупности получаемой информации, а не только анализируя государственную статистику.

В заключении можно сделать выводы о том, что на Северном Кавказе стали возникать новые точки этнополитической напряженности и эскалации. Среди основных вызовов, рисков политической безопасности региона можно назвать следующие факторы: территориальные споры между Чеченской Республикой, Республикой Северной Осетией – Аланией, Ингушетией, нужно отметить, что эти коллизии возникают в информационной среде, на официальном уровне таких проблем нет; полемика вокруг происхождения, расселения народов и исторической справедливости, в данном контексте имеет в виду распространение документально не подтвержденных исследований, ангажированная интерпретация исторических событий и др. Проблема этногенеза для народов Кавказа является весьма чувствительной и конфликтогенной сферой; следующим риском безопасности можно назвать уровень институционального доверия, коррупцию и трайбальность.

Для поэтапного решения проблем политической безопасности необходима постепенная модернизация обществ, интеграция народов Северного Кавказа в социокультурное пространство России, повышение уровня жизни. Одним из главных и необходимых условий решения проблем Кавказа – это расширение гражданских и политических свобод, деэтатизация экономики и справедливая судебная система. Без решения этих проблем, без принятия действенных мер, конфликты будут перманентно находится в «тлеющем» состоянии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аманжолова Д.А., Аствацатурова М.А., Бобровников В.О., Волобуев О.В., Дзадзиев А.Б., Заседателева Л.Б., Кулешов В.С., Нечуятов А.М., Никишенков А.А., Савва М.В., Степанов В.В., Тишков В.А., Хоперская Л.Л., Ярлыкапов А.А.* Российский Кавказ. Книга для политиков. Москва, 2007.

2. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. 2-е издание. Москва, 1999.

3. *Башкирова Е.И.* Трансформация ценностей российского общества // Полис. Политические исследования. 2000. № 6.

4. *Беляева Л.А.* Уровень и качество жизни. проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1 (297).

5. *Володин А.Г., Кольба А.И., Кудряшова И.В., Лапкин В.В., Лебедева М.М., Макаренко С.А., Пантин В.И., Пляйс Я.А., Розов Н.С., Сергеев В.М.,*

Сергеев В.М., Чихарев И.А. «Господин кризис, как вас теперь называть?» Круглый стол // Полис. Политические исследования. 2009. № 3.

6. *Воронцов С.А., Локота О.В., Понеделков А.В.* Основы национальной безопасности Российской Федерации. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2017.

7. *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. № 4.

8. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3.

9. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Рос. акад. наук, Ин-т социологии. Москва, 2003.

10. *Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве российской федерации. опыт 20 лет / Сер. Российское общество. Современные исследования. Москва, 2013.

11. *Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Бравин А.Д., Валиахметов Р.М., Габдрахманова Г.Ф., Заитова Т.М., Ирназаров Р.И., Кузнецов И.М., Макарова Г.И., Мусина Р.М., Мухарямов Н.М., Перебоева М.А., Рыжова С.В., Сагитова Л.В., Хилажева Г.Ф., Ходжаева Е.А., Щеголькова Е.Ю., Ямаева Л.А.* Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. Москва, 2013.

12. *Пляйс Я.А.* Политология в контексте переходной эпохи в России. Сер. Политология России. Москва, 2009.

13. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Современные российские элиты: особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти // Политическая наука. 2004. № 1.

14. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Современные элиты: доктринальный, прикладной и экспериенциальный аспекты / В сборнике: Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2013.

15. *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России / Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Москва, 1996. Том 100.

16. *Тишков В.А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

17. *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118).

18. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1.

19. http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=7376.

20. https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259.

A.R. SALGIRIEV
Ph.D. (Political Science), Lead Researcher, Kh. Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences; Lead Researcher, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
V.Z. GAZIEV
Candidate of Political Sciences, Head of the Department "History and Culture of the Peoples of Chechnya" of the Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
M.D. SOLTAMURADOV
Ph.D. (Philos.), Head of the Department of National History, Chechen State University named after A.A. Kadyrov; Lead Researcher, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
S.S. GALBATSOV
Director of the Center for Technological Education of the Faculty of Technology and Management in Education Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

MAIN RISKS AND POLITICAL SECURITY CHALLENGES IN THE NORTHERN CAUCASUS[1]

The paper examines the main risks and threats to the political security of the Russian North Caucasus, among which the authors see territorial disputes between the subjects of the Russian Federation, not at the official level, but in the information environment, as well as the level of institutional trust, economic difficulties and the level of human and civil political rights and freedoms. The main problem for raising stability of the political system in the region is the tribal-clan structure of power institutions, the narrowing of the political and information field of elite circulation, latent channels and mechanisms of elite incorporation. In order to solve the political problems of the region, it is necessary to centrally take measures aimed at optimizing managerial decisions at the subnational level, including in the rotation and placement of personnel and to create transparent approaches in the functioning of political and administrative elites.

Key words: *Russia, North Caucasus, conflicts, security threats, information threats, elites, clans.*

[1] The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-70005.

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.006
УДК 32.327
О.Е. ГЕРАСИМОВА
кандидат политический наук,
доцент кафедры международных политических
процессов Санкт-Петербургского государственного
университета, Россия, г. Санкт-Петербург

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИАСПОРЫ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению феномена диаспор и становление транснациональных диаспор как новой модели этнополитической общности. Особое внимание уделяется политическим аспектам функционирования новых транснациональных сообществ.

Ключевые слова: *диаспора, этническая идентичность, транснациональная диаспора, транснациональное сообщество, транснациональное пространство.*

Феномен диаспора оставался в тени научного и общественного интереса вплоть до конца XX века. Ученые недооценивали значимость данного феномена. Именно с этим связано ошибочное предположение, что диаспоры явление временное, и они ассимилируются и интегрируются в принимающее сообщество.

Тем не менее, последние годы XX века ознаменовались заметной активизацией этнического фактора, что привело за собой одновременное усиление политической, экономической и культурной роли этнических групп и диаспор. Так, по мнению А. Смита подъем национализма на Западе в этот период, необходимо рассматривать как протест этнических меньшинств против неготовности и нежелания государств признавать их самобытность и права [5. С. 151].

На поверхности оказался тот факт, что диаспоры начинают оказывать все большее и большее влияние на все сферы жизни принимающей стороны. Диаспоры становятся активными игроками, включенными в политико-социальные структуры как локального и регионального, так и транснационального уровня. И это влияние, очевидно, будет нарастать с течением времени.

Все это обусловило возросший научный и общественный интерес к проблемам этнических групп и диаспор. Появление диаспоральных исследований ознаменовало новый виток в изучении феномена диаспор и пересмотр толкования данного понятия.

Изначально понятие «диаспора» имело исключительно библейское происхождение. Слово «диаспора» греческое и переводится как рассеяние. В данном значении оно применялось для обозначения рассеяния иудейского народа по чужим землям. Стоит отметить, что данное понятие также использовалось в значении «ссылка» и «изгнание» [2]. И то и другое толкование слова имело негативный характер и подчеркивало вынужденный характер миграции. Вместе с тем, уже в Новом Завете мы видим иное толкование понятия «диаспора». Согласно ему, христиане как «семена» рассеивались по миру с одной благой целью – распространение новой религии. И здесь мы уже можем видеть позитивное толкование данного понятия.

Впервые уже нерелигиозный смысл в понятие «диаспора» стали вкладывать идеологи панафриканизма. Они проводили аналогию межу насильственным пленением и вывозом африканцев в Америку и «Вавилонским пленением».

Следующим этапом в конце XX века стало введение понятия «диаспора» в научный обиход. И первым ввел это понятие американский социолог, глава и основатель чикагской школы Роберт Парк. Вместе с тем, изучая данную проблематику, Р. Парк обращался к понятию «диаспора» прежде всего, как к культурной общности. В предметное поле социально-политических наук понятие «диаспора» ввел в 1976 году Дж. Армстронг, который в своей работе «Мобилизованные и пролетарские диаспоры» [9] предложил разделять их на мобилизованные (укоренившиеся) и пролетарские (недавно появившиеся). Главным критерием разделения здесь выступает причина исхода и социально-экономические характеристики диаспоры. С этой точки зрения, пролетарские диаспоры – это диаспоры вынужденного переселения по причине, например, тяжелой экономической ситуации в их стране. Как правило, подобные диаспоры, особенно на начальной стадии их формирования, оказываются в условиях нищеты и дискриминации и в принимающей стране (иностранные рабочие).

Исходя из целей нашего исследования, в первую очередь, нас будут интересовать мобилизованные диаспоры, которые, по мнению, Дж. Армстронга обладают высоким уровнем политического, экономического и организационного потенциала.

Научный интерес к изучению диаспор подтверждается и тем фактом, что в 1991 году начинает издаваться специализированный канадско-американский научный журнал «Diaspora». Подобный журнал под названием «Диаспоры» появляется и в России. Всплеск интереса к данному феномену обуславливает появления большого количества научных публикаций по данной тематике, в том числе и в России.

В 80-е – 90-е гг. XX века российские ученые, среди которых такие известные имена как Абдулатипов Р.Г., Тишков В.А., Лурье С.В., Полоскова Т.А. и др. публикуют работы, посвященные теоретическому осмыслению

феномена «диаспора» и непосредственно вопросам роли и места диаспор в современном мире.

Дискуссии по вопросам исследования феномена «диаспора» не утихают и в настоящее время. Сегодня можно говорить о сложившихся трех основных подходов в изучении данного феномена: классический, конструктивистский и постмодернистский.

Классический подход рассматривает диаспору с точки зрения примордиализма и видит в ней достаточно устойчивую группу с четко очерченными границами. Попасть в данную группу можно только по факту рождения и этнического происхождения (по аналогии с кастой или сословием). Так, израильский исследователь Г. Шеффер, изучая мировые диаспоры, приходит к выводу, что диаспоральные коллективы обычно состоят из людей одного этнического происхождения и в своих работах акцентирует внимание именно на этнической сущности диаспор [11. P. 75].

Выделяя основные критерии диаспор, Г. Шеффер утверждает, что, во-первых, примордиальная основа этнической идентичности сохранит свою значимость в диаспорах, а значит, несмотря на неизбежность ассимиляции и аккультурации определенной части диаспоры, ее ядро останется устойчивым и сможет преодолеть давление извне и сохранить свою этническую идентичность и лояльность в стране исхода.

Типология, которую предлагает Г. Шеффер, укладывается в рамки классического подхода и отражает суть данного подхода в диаспоральных исследованиях:

1. Диаспоры, имеющие глубокие исторические корни (армянская, еврейская, китайская).

2. «Дремлющие» диаспоры – американцы в Азии и Европе, представители скандинавских народов в США.

3. «Молодые» диаспоры – в основном к ним относят диаспоры греков, турков, поляков.

4. Диаспоры, которые находятся на начальном этапе своего развития, которые только начинают формироваться (русские на постсоветском пространстве, корейцы, филиппинцы) – автор называет их «зарождающиеся».

5. «Безгосударственные этносы» – диаспоры, не имеющие своего государства. Сюда можно отнести цыган, курдов, еврейская диаспора до 1947 г. и др.

Стоит также обратить внимание на то, что большинство диаспор являются этнонациональными сообществами, имеющие неразрывные связи со своей Родиной.

В рамках классического подхода также следует обратить внимание и на работы социолога Калифорнийского университета Р. Брубейкера. Он выделяет в особую группу «диаспоры катаклизма» и связывает появление таких диаспор с распадом и дезинтеграцией государств, что, безусловно, приводит к изменению политических границ. В результате, часть этнона-

ционального сообщества оказывается в одно мгновение в другом государстве и в статусе этнического меньшинства, образуя «диаспору катаклизма». Главной особенностью таких диаспор является компактность их проживания и устойчивая этническая идентичность [10. P. 19].

Второй подход к изучению феномена диаспор – конструктивистский. Данный подход акцентирует наше внимание на социальный характер природы этнической идентичности. В рамках данного подхода, особый интерес заслуживает концепция диаспоры, которую предложил директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков. Он рассматривает диаспору как политический феномен. Так, по мнению В.А. Тишкова, хрестоматийная трактовка понятия «диаспора» является слишком широкой и включает в себя все формы иммигрантских общин. Данное определение не делает различий меду такими этническими группами как иммигранты, беженцы, экспатрианты и т.д. [6. С. 441]. Тишков приходит к выводу, что, если исходить из такого широкого толкования понятия «диаспора, то оно будет включать огромные массы населения. Если говорить о России, то может получиться ситуация, когда численность ее диаспоры может быть равна численности ее населения. Исходя из данной критики, В.А. Тишков предлагает свое определение диаспоры: «Диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами, диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Этим явление диаспоры отличается от остальной рутинной миграции [7]». С этой точки зрения, можно говорить о процессуальном характере диаспор. И здесь интересно мнение Х. Тополян, известного исследователя диаспор, который считает, что в современных условиях глобализирующегося мира диаспорами являются те, кто считает себя таковыми. Нередко, подчеркивает исследователь, сообщества заявляют о себе как о диаспоре, несмотря на то, что не соответствуют общепризнанному пониманию термина. Таким образом, диаспора – это фиксация определенной идентичности в конкретный момент времени, в другой момент это может быть другой вариант этнической идентичности. И понятие диаспора, в этом смысле, отражает некое переходной состояние – «от еще не диаспоры – к уже не диаспоре» [1. С. 77]. Можно, вслед за В.А. Тишковым, продолжая эту мысль говорить о том, что диаспору объединяет и сохраняет, прежде всего, не культурная отличительность, которая может исчезнуть под действием процессов ассимиляции, а некая «политическая миссия служения, сопротивления, борьбы и реванша» [6. С. 451]. Диаспора тогда рассматривается и выступает как политический проект, который возникает и прекращает свою миссию в какой-то конкретный момент времени.

В качестве этнополитического феномена, который формируется на основе этнических меньшинств, находящихся за пределами государств своего исторического проживания, рассматривает диаспоры А.С. Ким. Говоря о признаках диаспор, он выделяет ряд признаков, которые характерны именно для диаспор как политических явлений. Во-первых, диаспора стремится к формированию стратегии взаимодействия с политическими институтами, как страны проживания, так и страны исхода. Во-вторых, диаспора стремится к определенным формам этнополитического самоопределения. В-третьих, диаспора стремится к самоорганизации с целью удовлетворения своих интересов как этнических сообществ [3]. Внутри таких сообществ постепенно формируются группы влияния, которые начинают формулировать определенные политические требования: этнополитическое самоопределение, политическое признание права на сохранение этнической идентичности, политическое признание самопровозглашённых диаспоральных политических сообществ внутри национальных государств (Приднестровье, Косово, Нагорный Карабах и т.д.), защита прав соотечественников на международном уровне, участие в политических институтах принимающего государства и т.д.

Третий подход – постмодернистский. Понимание феномена диаспоры в рамках данного теоретического подхода приводит к размыванию привычного понимания диаспоры и формулировании нового подхода к этому феномену. Этот подход уделяет внимание транснациональной характеристики диаспор. Таким образом, формируется новая модель этнополитической (этносоциальной) общности, которая под влиянием глобализирующегося мира, приобретает черты транснационального сообщества. Так, в условиях глобализации, этнические сообщества рассеиваются не в одном, а в нескольких государствах. Подобные транснациональные сообщества утрачивают зачастую обязательную связь с исторической родиной и идентифицируют себя как граждане нового для них глобального сообщества при сохранении свое отличительности от других подобных транснациональных сообществ.

Актуальность исследований связанных с изучением транснациональных сообществ (или как их называет Г. Шеффер «трансгосударственных») связана также и с политическими аспектами функционирования диаспор, которые в современном мире все больше и больше оказывают влияние на политическую ситуацию, как в принимающей стране, так и на международном уровне. В частности, стоит уделить внимание на создаваемые диаспорами трансгосударственные сети и системы, которые, пересекая границы государств, вбирают в себя разнообразные социальные связи и контакты между социальными группами и политическими институтами. Таким образом, как отмечает Г. Шеффер, данные трансгосударственные диаспоры связаны между собой «сетью поверх барьеров» и состоят из людей одной этнической группы. Сети в этом случае преодолевают границы государств,

а не наций [8. С. 168]. Подобные сети коммуникаций между отдельными социально-этническими общностями выстаивают транснациональное пространство.

Признанный эксперт в области исследования транснациональных диаспор и транснационального пространства Т. Файст выделил три типа транснационального пространства: 1. Первый тип – транснациональные малые (родственные) группы. Это транснациональные связи и коммуникации внутри транснациональной семьи или между нескольких подобных семей. 2. Второй тип – транснациональные сети связей. Данный тип связей обеспечивается постоянным взаимодействием людей, циркуляцией товаров или услуг через границы национальных государств. 3. Третий тип – транснациональные сообщества. Примером подобных сообществ являются диаспоры. Но, Т. Файст отмечает, что транснациональные сообщества могут быть названы диаспорами если члены подобных сообществ сохраняют и поддерживают тесные связи и со страной происхождения, и с принимающей страной [4. С. 365-385].

Анализируя функционирование трансгосударственной диаспоры как сетевой структуры, необходимо отметить основные виды коммуникации:

- внутриобщинная коммуникация – взаимодействие внутри диаспоры, между ее членами;
- трансобщинные коммуникации – устойчивое взаимодействие диаспор и других этнических групп за границей, но не на территории исторической родины;
- коммуникация по линии «диаспора – историческая родина»;
- коммуникация по линии «диаспора – принимающее общество»;
- коммуникации по линии «диаспора – международные правительственные организации».

Трансобщинные коммуникации предполагают наличие культурных, финансовых, информационных и других видов взаимоотношений между родственными этническими группами, но проживающими на территории различных государств. Данный тип взаимоотношений и коммуникаций практически не исследован на сегодняшний день и вызывает особый научный интерес. Здесь научные исследования находятся в поле сетевых структур диаспор, развитию которых способствуют нарастающие глобализационные процессы.

Наиболее ярким примером подобной организации трансобщинной коммуникации является одна из влиятельнейших мировых диаспор – китайская. Еще в 2000 г. на третьей сессии ВСНП девятого созыва в КНР впервые была выдвинута идея перехода к наступательной внешнеэкономической стратегии «Идти во вне». Конечной целью данной стратегии является становление Китая к 2020-2030 гг. в одну из самых мощных экономических держав мира. В рамках данной стратегии Китай начал активно развивать постоянные вза-

имосвязи между китайскими диаспорами в разных странах мира с целью привлечения их к реализации внешнеэкономических задач.

Таким образом, в современном мире главной целью любой диаспоры становится создание транснационального сообщества. Процесс превращения диаспор в транснациональные сети становится ведущей темой в научном сообществе. Именно поэтому, изучение диаспоральной и транснациональной тематики не потеряет своей актуальности, а, наоборот, приобретет еще большую актуальность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арутюнов С.А.* Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

2. Большой Библейский Словарь // Иудейская Диаспора – Большой Библейский Словарь // bible.by.

3. *Ким А.С.* Этнополитическое исследование современных диаспор (Конфликтологический аспект): Автореф. дис. на соискание ученой степени д. полит. н. СПб., 2009.

4. *Ким С.Г., Файст Т.* Транснациональная миграция и относительная оседлость в условиях глобализации // 2009.04.16. Faist T. Transnationale Migration als Relative Immobilität in Einer Globalisierten Welt // Berliner J. Für Soziologie. B., 2007. BD. 17. H. 3 // cyberleninka.ru.

5. *Смит А.* Национализм в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1979.

6. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

7. *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. / под ред. Ю.А. Полякова. М., 2001.

8. *Шеффер Г.* Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. М., 2003. № 1.

9. *Armstrong J.A.* Mobilized and Proletatian Diasporas // American political Science Review. June, 1976. Vol. 70. № 2.

10. *Brubaker R.* Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past and present. Wien, 2000.

11. *Sheffer G.* Diaspora Politics: At Home Abroad. New York: Cambridge University Press, 2003.

O.E. GERASIMOVA
Candidate of Political Sciences,
Docent, Saint Petersburg State University,
the faculty of political science, the department
of international political processes,
Saint Petersburg, Russia

TRANSNATIONAL DIASPORAS AS A NEW MODEL OF ETHNOPOLITICAL COMMUNITY

The article discusses theoretical approaches to the study of the phenomenon of diasporas and ormation of transnational diasporas as a new model of ethnopolitical community. Special attention is paid to the political aspects of the functioning of new transnational communities.

Key words: *diaspora, ethnic identity, transnational diaspora, transnational community, transnational space.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.007
УДК 32.323
Д.Т. ДЗГОЕВА
кандидат политических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В настоящей статье проведен анализ основных концептуальных подходов к определению политической коммуникации как сложного и многогранного явления в контексте вызовов современного общества. В современном политологическом дискурсе при наличии широкого плюрализма трактовок феномена политики, социальная природа политики заключается в коллективной сложносоставной и целенаправленной деятельности ее субъектов, направленной на реализацию групповых целей и интересов, транслирующих частично интересы всего общества. В полной мере этот аспект политики проявляется в разнообразных процессах взаимодействия общества и власти и в этом случае важно выделить еще одну функцию политической коммуникации – ее потенциальные возможности находить разрешение конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: *политическая коммуникация, концепции политической коммуникации, взаимодействие власти и общества.*

Политические коммуникации в современных политических условиях являются одновременно «формой, способом и содержательной атрибуцией политики, политических отношений в целом» [16. С .46]. Подобная трактовка уходит своими корнями в давнюю историко-политическую традицию. Еще Аристотель, рассуждая о политике, называл ее «цивилизованной формой общения, взаимодействия людей друг с другом в повседневной жизни в целях достижения высшего блага каждого и всех» [3. С. 75]. Цицерон полагал, что содержание политики и власти можно определить, как результат согласованного действия и взаимодействия народа, достигнутый путем общения. Согласно Цицерону, нарушение политического общения, взаимодействия в конечном счете приведет к эрозии власти или к безвла-

стию [19. С. 44]. Уже в свое время Т. Гоббс также придавал особое значение процессу связи верховной власти государя с исполнительными, судебными и иными органами власти, называя этот процесс «нервами государственного управления» [5. С. 25].

В своей знаменитой работе «Два трактата о правлении» Дж. Локк придает особое значение возможности людей в любом обществе договариваться, договариваются друг с другом «об объединении в сообщество, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и ощущая себя в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом этого сообщества» [10. С. 264-265].

В последующее время эта идея постоянно находится в центре внимания зарубежных и отечественных исследователей. Политическая теория Ш.Л. Монтескье, базирующаяся на разделении между гражданским обществом и государством, различает гражданские и государственные законы. Тем самым, французский ученый показывает основания для своего разделения законов гражданских и государственных, т.е. политических законов. Первые, по его мнению, регулируют отношения в гражданском обществе, вторые же – регламентируют, главным образом, политические права и свободы граждан [13. С. 672]. Таким образом, возникают социально-политические обоснования необходимости гражданско-государственного взаимодействия.

В своем понимании государства и гражданского общества Г. Гегель особо подчеркивает ведущую роль государства в обеспечении условий достойной жизни его граждан. По его мнению, она проявляется в том, что под воздействием государства общество структурируется в соответствии со своими интересами в сфере труда, корпоративных и иных частных интересов. При этом предполагается наличие постоянного взаимодействия и сопряжение государственных и частных интересов.

С появлением такого мощного информационно-коммуникационного средства, как телевидение, существенно возрасла политическая функция массовой информации. Во многом именно с этим обстоятельством связано выделением во второй половине XX века политической коммуникативистики в качестве самостоятельного направления политической науки. Это направление заметно расширяется в условиях «третьей волн» демократизации в конце века. Положение Н. Винера о том, что «понимание общества возможно только на пути исследования сигналов и относящихся к ним средств связи» актуализировало феномен обратной связи применительно к теории социальных систем, которая призвана выполнять важнейшую функцию системной стабилизации общественного развития. Системный подход Л. фон Берталанфи, социологическая теория функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона послужили теоретическим фундаментом разработки концепции, согласно которой общество является системой, состоящей из четырех подсистем – экономической, политической, социальной и духовной. В этом

случае внутрисистемная коммуникация обеспечивает реализацию важнейшей социальной функции – связи и взаимодействия между различными общественными структурами.

Определяя политическую систему как «совокупные взаимодействия и поведение, посредством которых авторитарно распределяются ценности», Д. Истон отводил политической коммуникации техническую функцию, реализующую взаимодействие политической системы с окружающей средой [8. С. 629-642]. Деятельность такого рода априори включает в себя различные способы взаимодействия политических акторов, в силу чего политическая коммуникация является необходимой составной частью политики.

Политическая коммуникация, согласно Алмонду, это распространение и передача политической информации, как между элементами политической системы, так и между политической системой и окружающей средой. Таким образом, по Д. Истону и Г. Алмонду каждая подсистема – участок коммуникационной сети; множество информационных потоков, проходящих в нем, координируются коммуникационная подсистемой. Политическая коммуникация, являясь одной из подсистем политической системы, устанавливает связи между иными ее подсистемами, координирует и коррелирует информационные потоки. Д. Истон и Г. Алмонд показали в своих работах, что реализуемые политической системой функции осуществляются исключительно посредством политической коммуникации.

Большинство современных интерпретаций сущности политической коммуникации базируются на анализе политической системы Д. Истона и Г. Алмонда. Как подчеркивают отечественные исследователи, «значение этой подсистемы велико, так как люди, как известно, способны оценивать действия, в том числе политические, лишь при наличии определенного объема знаний и информации». При этом «основной функцией политической системы выступает властное опосредование социальных интересов и взаимодействий, необходимость которого связана с общественным разделением труда, разрывом между непрерывным возрастанием потребностей различных социальных групп и исторически ограниченными ресурсными возможностями для их полного или, по крайней мере, одинакового удовлетворения в каждом обществе» [1. С. 430].

Сущностное совпадение категорий политики и политической коммуникации является одной из основных причин многоаспектного разнообразия трактовок политической коммуникации в современном политологическом дискурсе.

Так, известный американский теоретик политического процесса Л. Пай полагал, что политическая коммуникация представляет собой весь диапазон оказывающих влияние на политику неформальных коммуникаций, взаимодействий элит и массы, и подчеркивал, что она во многом предопределяется соответствующим историко-культурным кодом конкретного общества и ха-

рактером установившегося политического порядка [16]. Эта позиция связана с интерпретацией политической коммуникации через систему властных отношений.

В этом же ключе уместно упомянуть французского исследователя политики Ж.-М. Коттре, который трактует политическую коммуникацию в зависимости от характера воздействия на политическую систему: прямой или непрямой, опосредованный или непосредственный. В этом контексте он определяет политическую коммуникацию ее источника, содержания и объекта политики, содержания информации, значимой для функционирования политической системы [9]. В любом случае, политическая коммуникация является необходимым условием функционирования политических институтов, так как без нее невозможно формирование общественных представлений о власти, она непосредственно связана с борьбой за власть и с реализаций властных функций. В содержательном плане Ж.-М. Коттрэ отношения управляющих и управляемых рассматривал тройственным образом:

– как отношения идентичности, когда управляющие идентичны управляемым;

– как отношения включения (предполагают взаимопроникновение и взаимовлияние управляющих и управляемых), когда все управляющие являются членами политического общества, но не все управляемые являются членами руководящего круга;

– как отношения пересечения между управляющими и управляемыми, которые протекают в условиях расширения политического общества, при этом класс управляющих частично отделяется от класса управляемых [9].

К указанной группе также можно отнести концепцию Х. Арендт. Она уделила в рамках своей научной деятельности значительное внимание политическим коммуникациям, определив феномен власти как «многостороннее, тотальное общение, связанное с необходимостью организации согласованных общественных действий людей, основанных на преобладании публичного интереса над частным» [2. С. 52]. Власть, согласно Х. Арендт, выступает не собственностью индивидуума, а совместным действием в полном соответствии с человеческой способностью. В свою очередь коммуникация понимается Ханной Арендт не только как речевое взаимодействие или как способность убеждения посредством речи, символов и знаков, но и как возможность осуществления самой власти [2].

Информационно-кибернетическая концепция коммуникации К. Дойча отмечена, во-первых, выделением особой роли политической коммуникации в рамках политического процесса, когда правительство реализует свою мобилизационную функцию посредством регулирования и контроля информационных потоков внутри политической системы. В своей работе «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» К. Дойч представил политическую систему как информационно-коммуникативную

систему, выделяя в ней особую значимость политической коммуникации. Функционирование политической системы при этом, по мнению Дойча, зависит от качества и постоянства потока политической информации. Государственные лидеры управляют, основываясь на имеющейся политической информации, а сами институты и механизмы власти контролируются информационной элитой [20]. Во-вторых, в концепции отражена типология политической коммуникации, включающей в себя следующие три элемента: личные, неформальные коммуникации (face-to-face); коммуникации через организации, когда контакт с правительством осуществляется посредством партий, групп давления и др. и коммуникации через СМИ. В принципе рассуждения К. Дойча в более широком контексте подводят к выводу о том, что политическая коммуникация могла бы стать средоточием всей политологии и политические системы трактовались бы при этом как обширные коммуникационные сети. Отмеченные характеристики лишний раз свидетельствуют о практическом значении любой хорошей теории.

Это в полной мере можно отнести и к известной теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, которая базируется на принципиальном положении о том, что политика отражается в системе коммуникативных действий, выступающих в качестве цепочки опосредований. Исходя из этого, коммуникативное действие Ю. Хабермас трактует как «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия» [18]. Это согласие относительно ситуации и ожидаемых следствий основано, скорее, на убеждении, чем на принуждении. Оно предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание. С наших позиций эта мысль Ю. Хабермаса представляется одной из самых плодотворных в анализе сферы взаимодействия власти и общества. Это в полной мере относится к представленной им в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» структуре коммуникации. В его интерпретации структура коммуникативного действия выглядит следующим образом: 1) «ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий»; 2) «ситуация действия и ситуация речи»; 3) «фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания; 4) «сферы референций» или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает достижение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств [18].

Для отечественного исследователя особый интерес представляет деление Ю. Хабермасом власти на два основных типа: власть, рождающуюся в процессе политической коммуникации внутри общества и свободную от всякого рода репрессий и насилия, и административную власть, в рамках которой происходит управление политическими коммуникациями для обеспечения легитимности. При этом заслуживает внимание суждение Ю. Хабермаса о том, что использование сугубо административной власти рано или поздно приводит к кризису ее легитимности. Исходя из данного подхо-

да, Ю. Хабермас указывал на то, что весьма важным элементом для эффективного и стабильного существования современной демократии является сфера публичной политики, как некое пространство, в котором взаимодействуют или противостоят «система» и «жизненный мир», приватное становится политическим.

Согласно Ю. Хабермасу властное действие проявляет себя в форме стратегического и коммуникативного. Стратегическое действие предполагает воздействие одного субъекта на другой, ресурсами этого воздействия выступают механизмы принуждения (угроза применения санкций, материальное вознаграждение и т.п.). В основе коммуникативного действия лежат согласие и координация планов их участников, оно отражает и признает позиции обеих сторон как значимых, равноправных, способных к сотрудничеству субъектов взаимодействия. Основой такой коммуникации выступает принцип достижения консенсуса посредством переговоров.

Рассматривая нормативные условия и этику коммуникативного действия дискурса как основания публичной политики, Ю. Хабермас развивает свою собственную концепцию общественного диалога. В работах современных интерпретаторов научного наследия Хабермаса выделяются в первую очередь диалогический характер коммуникативного действия, включающий в себя принципы взаимопонимания и признания политических притязаний всех его субъектов. В описываемом Хабермасом социально-политическом пространстве «формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания. Для политики в смысле практики гражданского самоопределения парадигмой является не рынок, а диалог» [18. С. 121].

Хабермас исходит из того, что никто из участников коммуникации не обладает монополией на ее интерпретацию. Задача интерпретации состоит в том, пишет он, «чтобы включить толкование ситуации, принадлежащее другому, в свое собственное толкование таким образом, чтобы в пересмотренном варианте «его» внешний мир и «мой» внешний мир оказались бы соотнесенными на фоне «нашего жизненного мира» с «миром», а разнящиеся друг с другом определения ситуации – в достаточной степени совмещенными» [18. С. 130].

Возможные результаты социального диалога Хабермас рассматривает как «координацию целенаправленных действий разных участников взаимодействия; как взаимопереплетение эгоцентрических подсчетов собственной выгоды (причем степень конфликта и кооперации изменяется вместе с имеющейся на данный момент совокупностью интересов); как интегрирующее в социальном плане согласие относительно ценностей и норм, регулируемое культурной традицией и процессом социализации; как консенсуальное

отношение между публикой и исполнителем роли; как взаимопонимание в смысле взаимного процесса истолкования» [18]. В конечном счете это позволяет немецкому теоретику представить в целом коммуникацию как «механизм координации действий», то есть как «коммуникативное действие». Как раз в рамках подобного действия осуществляется политическая коммуникация и диалог власти и общества.

Не ограничиваясь описанием философских аспектов своей концепции, Хабермас в качестве ее целеполагания определяет «достижение взаимопонимания». Особую ценность характеристики коммуникативного действия придает сформулированные Хабермасом несколько конкретных принципиальных условий эффективности коммуникативного действия. Согласно его представлению эти условия включают в себя следующие положения:

а) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию, не может быть исключен из числа ее участников;

б) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений;

в) мысли участников не должны расходиться с их словами;

г) коммуникация должна быть настолько свободной от внешнего или внутреннего принуждения, чтобы позиции принятия или непринятия относительно критикуемых притязаний на значимость мотивировались исключительно силой убеждений или весомых оснований». В качестве же важнейшей предпосылки для эффективного общественного взаимодействия Ю. Хабермас полагает «условия публичной, равноправной и непринужденной коммуникации, соблюдаемые в сократическом диалоге» [18].

Таким образом, Хабермас определяет публичную сферу как феномен, в котором, прежде всего, происходит коммуникация – обмен информацией, мнениями. При этом он оговаривается, что средства коммуникации играют ведущую и системообразующую роль в функционировании современных западных демократий, в рамках которых должна обеспечиваться свободная от принуждения коммуникация. В отечественных исследованиях эта сторона теории Ю. Хабермаса интерпретируется иногда следующим образом: «Человек коммуникативный» как новый общественно-исторический субъект выводит решение политических проблем из сферы государственно-политических отношений в сферу социально-политических взаимодействий.

Свой специфический подход к трактовке политической коммуникации выделяется у М. Фуко. В его концепции власть предполагает отношения между партнерами, однако, от отношений коммуникации их отличает то, что в коммуникативных отношениях информация передается посредством языка, знаковой системы или другую символической среды, тогда как властные отношения – это «способ воздействия некоторых людей на некоторых других людей» [17. С. 73]. При этом коммуникация так же выступает механизмом воздействия, поэтому М. Фуко полагает, что эти два типа отношений – власти и коммуникации – переплетены между собой и служат друг

для друга определенной опорой и инструментом. Очевидным становится то, что в концепции М. Фуко трактовка власти и политической коммуникации коррелирует с манипуляционными методами как основополагающими в понимании возникновения этих двух феноменов.

В современном политологическом дискурсе при наличии широкого плюрализма трактовок феномена политики, социальная природа политики заключается в коллективной сложносоставной и целенаправленной деятельности ее субъектов, направленной на реализацию групповых целей и интересов, транслирующих частично интересы всего общества. В полной мере этот аспект политики проявляется в разнообразных процессах взаимодействия общества и власти и в этом случае важно выделить еще одну функцию политической коммуникации – ее потенциальные возможности находить разрешение конфликтных ситуаций.

В современной политической теории этот аспект коммуникативистики постоянно становиться объектом научного анализа. Так, известный английский исследователь коммуникационных процессов в сфере международной политики Дж.В. Бертон отмечает, что коммуникация – это условие сотрудничества и разрешения конфликта [4. С. 353-361]. Однако, по его мнению, это необходимое, но не достаточное условие. Чтобы развернуть эту мысль в полном смысловом объеме, английский ученый вводит понятие «эффективности коммуникации» [4. С. 360].

Под эффективной коммуникацией Бертон понимает целенаправленную «…намеренную передачу информации, а также получение и интерпретацию ее точно в том виде, в котором это предполагалось при ее передаче, при последующем использовании информации в первоначальном виде и ее участие в формировании и изменении ценностей, интересов и целей» [4. С. 355]. Возможность реализации этой идеи он находит в необходимости контролировать коммуникационные потоки. «Необходимость контролируемой коммуникации понятна, – пишет Бертон, – если признать, что конфликт интересов является субъективным феноменом и возникает тогда, когда существуют условия, препятствующие правильному пониманию ценностей и рассмотрению альтернативных средств и целей» [4. С. 356]. Этот тезис является у Бертона основополагающим в дальнейшем раскрытии темы разработки и совершенствования приемов и способы контроля коммуникации. Операциональный эффект идеи контроля над коммуникацией становится очевидным при характеристике структурного поля современной политической коммуникации. По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, политическая коммуникация как комплексное явление сводится к таким основным видам деятельности, как информирование общественности и элит о политическом состоянии общества и протекающих в нем политических процессах; распространение знаний об идейно – политических ценностях наций, о сущности проводимой государством поли-

тики; интеграция и регулирование политических отношений; коммуникационные усилия по формированию, развитию и мобилизации политических партий и движений; организация и регулировка многообразных процессов, в ходе которых осуществляется выражение, измерение, распространение общественного мнения, равно как и управление им; распространение и закрепление соответствующей эпохе политической культуры; неформальная политическая социализация, формирование и развитие политического сознания; мотивационная и агитационная работа с определенными электоральными секторами.

Принципиально важным для нас является суждение известного отечественного исследователя политической коммуникации М.Н. Грачева относительно соотношения двух типов коммуникации – по вертикальному и горизонтальному типу. По мере демократизации общественных отношений все большее значение приобретает горизонтальный уровень обмена потоками политической информации, корреляция информационных потоков, инициируемых властными структурами, с вызовами, возникающими в управляемых массах, в структурах гражданского общества, которые формируются на более обширной ценностной компоненте. Грачев полагает анализ политико-коммуникационных отношений исключительно по вертикальному принципу «правящие элиты – управляемые массы» некорректным. По М. Грачеву, политическая коммуникация представляет собой «смысловой аспект взаимодействия политических акторов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса» [6. С. 29]. Вместе с тем, политическая коммуникация предстает не просто как совокупность информационного обмена и передачи политической информации: она оказывает структурирующее воздействие на политическую деятельность, придающее последней новое значение.

В политологической науке и практике не утрачивают своей важности вопросы легитимации власти, приобретая в эпоху информационных технологий, цифровизации и большей доступности разного рода информации несколько иное звучание. Безусловно, что в теоретическом анализе легитимации власти существенное значение имеют институциональные основания власти, характер политического режима, ментальные основания правящей элиты и общества в целом. Однако в современном информационном обществе все возрастающее значение приобретают коммуникационные возможности и ресурсы институтов политико-административного управления, политических партий, общественных структур, лидеров общественного мнения. В силу чего, мы солидарны с М. Грачевым и полагаем, что «политическую коммуникацию сегодня со всей очевидностью необходимо признать одним из важнейших аспектов легитимации власти, требующим соответствующего изучения» [7. С. 39].

В свою очередь А.И. Соловьев пишет о том, что политическая коммуникация выступает частным случаем успешной реализации информационных обменов и взаимодействий, действий коммуникатора (например, властных структур) по налаживанию контакта со своим контрагентом; формой общения, установленной на основе направленной передачи информации, при условии установления обратной связи. Таким образом, массовые коммуникации являются неотъемлемой частью политического процесса.

При этом подобная трактовка указывает на возможность трех ситуаций в информационном взаимодействии – предкоммуникативной, коммуникативной и посткоммуникативной [15. С. 15]. На первом этапе происходит трансляция полученной информации, на втором – реакция получателя на поступившую информацию, обратная связь и, наконец, третий этап предполагает взаимодействие субъектов коммуникативного действия по поводу поступившей информации в форме диалога или монолога.

Также интересной представляется точка зрения Г.С. Мельник [11; 12], которая рассматривает политическую коммуникацию как совокупность всех видов связей между агентами политической информации (ее производителями, интерпретаторами, распространителями, потребителями). Согласно такой трактовке политическая коммуникация является уникальным каналом, работающим в обоих направлениях между органами управления и массами, между социальными институтами и территориальными группами, между большими общностями и каждым человеком в отдельности [14. С. 360].

В контексте реалий сегодняшнего дня, безусловно, важной представляется интерпретации политической коммуникации в системе сетевого взаимодействия. Так, например, О.В. Попова обозначает высокую ее роль как механизма солидаризации политически активной молодежи, часто основанного на эмоциональной оценке политических событий [14. С. 49].

Таким образом, политическая коммуникация предстает перед современным исследователем как сложное и многогранное явление, пронизывающее всю социальную структуру общества. В таком случае политическое сообщество мы характеризуем не просто как совокупность политических институтов, индивидов и групп, а и как систему связей и отношений, в которую вовлечены данные акторы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.

2. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.

3. Аристотель. Политика // Наука об управлении государством. М., 2003.

4. *Бертон Дж.В.* Конфликт и коммуникации: Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях // Теория междуна-

родных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002.

5. *Володенков С.В.* Политическая коммуникация и современное политическое управление // Вестник МГУ. Сер. Политические науки. 2011. № 6.

6. *Грачев М.Н.* К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2003. № 4.

7. *Грачев М.Н.* Политика: коммуникационное измерение. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, 2011.

8. *Истон Д.* Категория системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997. Т. 2.

9. *Коттре Ж.-М.* Правителям и управляемым: политическая коммуникация. Париж: Б., 1973.

10. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Книга вторая. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

11. *Мельник Г.С.* Журналистика в политических технологиях. СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2012

12. *Мельник Г.С.* GR: анализ политических возможностей для СМИ и общества // Научные труды Северо-Западного института РАНХ и ГС. 2012. Т. 3. Вып. 1.

13. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М.: Мысль, 1999.

14. *Попова О.В.* Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2.

15. *Соловьев А.И.* Политические коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2004.

16. *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // ПОЛИС. 2009. № 5.

17. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984: В 3-х ч. / пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. Ч. 1.

18. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.

19. *Цицерон М.Т.* О государстве. М.: Мысль, 1999.

20. *Deuttsch K.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y., 1966.

D.T. DZGOEVA
PhD in Political Science, Associate Professor
of the Chair of the State and Municipal Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (North-West Institute of Management,
Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russia

POLITICAL COMMUNICATION: CONCEPTUAL INTERPRETATIONS IN THE WORLD TODAY

The article analyzes the main conceptual approaches to the definition of political communication as a complex and multifaceted phenomenon in the context of the challenges of modern society. In the modern political science discourse, in the presence of a wide pluralism of interpretations of the phenomenon of politics, the social nature of politics consists in the collective complex and purposeful activity of its subjects aimed at the realization of group goals and interests that partially translate the interests of the whole society. This aspect of politics is fully manifested in various processes of interaction between the society and the government, and in this case it is important to highlight another function of political communication – its potential to find a solution to conflict situations.

Key words: *political communication, concepts of political communication, interaction of authorities and society.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.008
УДК 321
А.А. НИКОЛЕНКО
кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЛАСТНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Проблема исследования столкновения цивилизаций в политической науке становится все более актуальна в связи с современной обстановкой, при которой изучение различий между обществами стоит наиболее остро и может привести к пониманию того, как функционируют данные общества и как разрешить накопившиеся противоречия. Предложенный авторами цикл статей ставит задачей провести анализ возможностей построения базовых моделей власти в России, а также возможности интерпретировать происходящие события и возникающие явления в логической взаимосвязи как с традицией, так и с политической практикой современной России.

Ключевые слова: *«цивилизация», локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, западно-ориентированный подход.*

Сущностные характеристики политической власти в России и особенности властных процессов остро ставят вопрос о необходимости создания моделей, в рамках которых существовала бы возможность интерпретировать как происходящие события, так и конструировать возможные сценарии будущего политической системы.

Учитывая тот факт, что сам дискурс относительно механизма осуществления власти в гуманитарном знании не однороден, а термин «власть» скорее представляет собой попытки описать различные эпизоды и особенности осуществления управленческой деятельности, возникает понимание того что высокая абстрактность самого предмета рассмотрения выводит на иной уровень теоретического конструирования. В этой связи не совсем оправданы и попытки проведения теоретической аналогии с естественными науками [2. С. 92-98]. При этом важным аспектом остается понимание природы властных отношений, их естественного, либо искусственного проис-

хождения. Так, согласно воззрениям Г. Спенсера, власть представляет собой естественное явление, и развивается согласно таким же законам природы, как и человеческое общество в целом [6. С. 265-306]. В связи с этим логично рассматривать властные отношения и их эволюцию в контексте развития локальных цивилизаций, продуцирующих особенности культурного базиса, которые в свою очередь задают определенный вектор изменений уже управленческим методикам и политической власти как таковой, а также влияют на элитарный генезис.

С точки зрения теории символических обменов и аксиологии, власть и ее механизмы представляют собой искусственную систему [5. С. 201]. Властные отношения согласно этим представлениям – многослойное культурное явление, которое кроме всего прочего, как задает определенную схему отношений и даже языковые понятия, так и имеет обратную взаимосвязь с указанными явлениями надстроечного характера [8. С. 41-47]. Изучая исторические формы властных процессов в России, можно отметить взаимосвязь двух вышеуказанных подходов. Так, возникая на основе естественной необходимости управления обширными территориями и имеющая определенный культурно-исторический контекст, власть как задавала определенную форму отношениям и вводила новые понятия, связанные с управленческой деятельностью, так и напрямую отражала в разные периоды те или иные процессы общественного развития, являясь частью ряда обширных явлений исторического порядка.

Исходя из этого все попытки интерпретации и моделирования властных процессов и попытки определения сущности власти в рамках русской локальной цивилизации будут связанны как с естественностью происхождения данного феномена, так и с заданной искусственной средой, которую власть одновременно создает и уже находится в особой культурно-заданной схеме действия от обычая, до особенностей правовой системы как внутри, так и вне страны. Одновременная попытка исследования всего комплекса сопряженных процессов имеет, с одной стороны, потенциал к конструированию общих моделей власти в России, но с другой – она должна строится на основании понимания того, что сложность реально существующих отношений делает упрощенную схему односторонней [1. С. 5-50, 54-64]. По мнению ученых В.К. Захарова и С.Г. Коваленко [3. С. 34-43] подобная модель может выглядеть следующим образом: внешняя система, по сути импортеры различных ресурсов власти в символическом и финансовом смысле, система реципиент воспринимающая как внешнюю сторону отношений, так и осуществляющая политику адаптации и применения ресурсов непосредственно на территории страны, система условных антагонистов, с одной стороны поддерживаемая внешней системой (мировой транснациональной политической системой), с другой являющаяся своеобразным механизмом противовеса, балансовой формой оппозиции. Главная задача

по мнению вышеуказанных ученых развернуть отношения с внешней системой в русло большей суверенности и национальных интересов. То есть выстроенная вертикаль власти должна ориентироваться на внутренний потенциал и его развитие.

С одной стороны, подобная риторика современных российских ученых напоминает распространенные идеи существования «пятой колонны». С другой подобная модель четко указывает на проблемы современного состояния страны во внешнеполитическом контексте. Усложнившиеся после 1991 года процессы взаимодействия с внешним политическим давлением, практическая невозможность долгое время отвечать на вызовы, повлекла и смену дискурса как в обществе, так и в научных кругах относительно возможности внешнего фактора и ограниченности суверенитета России.

В этот период властные процессы часто интерпретировались как управляемые извне, а создаваемые модели имели характер пессимистических построений на основе латиноамериканских сценариев падения режимов. Кроме того, проблема обострилась после усиления политики западной гегемонии в странах Ближнего Востока. При этом обществом болезненно воспринималась ситуация ожесточающейся социально иерархии и удаленности от возможности влиять на процессы в стране, при формальном наличии института выборов и демократического устройства, закрепленного конституцией.

На современном же этапе развития, властные процессы в России кроме всего прочего, как элемент несут в себе методики публичной политики или публичного управления, при этом данная парадигма отмечает утрату способности большинством государств и Россией, в частности, при хорошо выстроенной коммуникации решать социальные проблемы, что ведет к своеобразному коллапсу легитимности и доверия [7].

Кроме этого сниженное участие больших масс населения в политической жизни и проблемы социальной политики позволяют говорить о том, что последующее моделирование и возможные интерпретации будут включать в себя и анализ потенциала «мягкой силы» государства.

Важнейшим аспектом в современных политических системах кроме всего прочего является и возможность управлять разнонаправленными феноменами дискурса в политическом поле. Предыдущие схемы поддержания легитимности на основе лояльности, сменяются постепенным разворотом к большей открытости легитимирующих каналов [4. С. 110-111].

Постепенное расшатывание традиционных паттернов поведения общества и, следовательно, изменение политических процессов внутри него меняет как естественную основу власти, отношений создающихся стихийно, так и культурного базиса в котором происходит обмен. Современное состояние стагнации и имитации политических процессов создают потенциал для негативной модернизации административно-политических институтов.

В этом случае прогнозирование последующих событий становится невозможным, учитывая фактор слабости «мягкой силы» и средней степени кризис доверия к властным институтам, накрадывающиеся на это социальные и экономические проблемы делают моделирование практически невозможным исходя из контекста современного состояния. С другой стороны, подобные кризисы и стагнационные процессы в истории России уже имели место, хотя вряд ли можно проводить прямые аналогии, тем не менее чаще всего суверенитет системы был сохранен, что дает основания полагать что цивилизационный субстрат русской локальной цивилизации имеет определенный запас прочности.

Таким образом можно сделать вывод что, создаваемые модели властных процессов в России напрямую зависят как от факторов, так или иначе проявляющих себя уже на современном этапе развития политической системы, так и от намечающихся трендов, зачастую имеющих внешнее происхождение, а от этого менее предсказуемых.

Интерпретация как уже существующих явлений и процессов, а также возможности прогнозирования зависят от контекста сформировавшихся отношений и базовой традиции либо научной школы. Так, место русской локальной цивилизации в дискурсе обретает все более ясные очертания, но при этом само понятие не имеет четких определений и не вызывает сомнений его прямая взаимосвязь с проблематикой властных процессов и их генезисом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Административные реформы в России: история и современность / И.Н. Данилевский и др.; под общ. ред. Р.Н. Байгузина; Саратовский гос. социально-экономический ун-т, Ин-т общественной мысли. Москва: РОССПЭН, 2006.

2. *Бурсина О.А.* Специфика терминосистем социально-гуманитарных и естественно-математических наук // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2010. Т. 1. № 1.

3. *Захаров В.К., Коваленко С.Г.* Чиновничество на пересечении различных управляющих систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Июль 2012. Т. 8. Вып. 27.

4. *Онопко О.В.* Национальная лояльность как тип политических отношений и форма общественного капитала // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смысл. М., 2018. № 2.

5. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки / вступ. ст. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 1997.

6. *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1999.

7. *Шматко Н.А.* Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7 // http://www.sociologos. net/textes/chmatko/politique_publique.htm.

8. *Khorosheva N.V.* Ekstralingvisticheskiye faktory argotizatsii (zhargonizatsii) razgovornoy rechi: struktura i dinamika // Vestnik permskogo universiteta. 2014. No. 4 (28) (in Russian).

A.A. NIKOLENKO
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
economy and service, Vladivostok, Russia

ANALYSIS OF THE POSSIBILITIES OF MODELING AND INTERPRETATION OF POWER PROCESSES IN RUSSIA

The problem of studying the clash of civilizations in political science is becoming increasingly relevant in connection with the current situation, in which the study of differences between societies is most acute and can lead to an understanding of how these societies function and how to resolve the accumulated contradictions. The series of articles proposed by the authors aims to analyze the possibilities of building basic models of power in Russia, as well as the possibility of interpreting events and emerging phenomena in a logical relationship with both tradition and political practice of modern Russia.

Key words: *«civilization», local civilization, social process, power, features of the political process, Western-oriented approach.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.009
УДК 32.323
Н.С. САБИРОВА
кандидат политических наук
Московского государственного областного университета, Россия, Московская обл., г. Мытищи

УСТРОЙСТВО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье автором рассматривается система многонациональной России, ее современное обустройство в форме правового государства, каким является Российская Федерация. Также он связывает национальную политику с формированием политической культуры, так как полагает, что национальный вопрос предстает ключевой задачей государственной политики любой страны с многоэтническим населением. Национальная политика как главенствующий политический аспект имеет непосредственное влияние на политическую культуру страны. Таким образом, национальная политика правового характера видится основополагающим началом для политической культуры российского государства как многоэтнической державы. Главной целью работы является раскрытие роли национальной политики в рамках активизации общества его участия в политической жизни страны. В итоге анализа автор пришел к следующему выводу: продуктивность устройства конструкции российской национальной политики правового характера – это содействие ее механизмов в процессе формирования и выражения политической культуры граждан, которые в большей части образованы и заинтересованы в популяризации общенациональных и общекультурных ценностей для общего блага сознания гражданского единства.

Ключевые слова: *национальная политика, политическая культура, государство, власть, этнос, традиция, народы, многонациональное государство, общество, устройство, демократия.*

Исторически Россия сложилась как многонациональное государство, временные истоки которой не раз переживали свои формирования и становления прочности, народного единства в подданости Российской империи. И сегодня современная Россия является многоэтническим государством. Можно твердо заявить – она упрочила свои территориальные границы, в состав которых входят 22 субъекта национальных образований, и в целом в ней проживают более 200 народностей и самые многочисленные из них – представители русского этноса.

Характерной сложностью и в то же время главной задачей любого многонационального государства является его внутреннее обустройство, сохранение культур, традиций, языка населяемых народов, разумеется, если рассматривать эти проблемы с точки зрения такого государства, в котором заложен политический режим демократической формы, основы которой сегодня прописаны в Конституции России: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [6].

Как известно, с распадом СССР суверенная Россия выбрала либерально-демократический путь своего дальнейшего развития и становления, и очевидно, что на строительство этой новой политической модели и на полную ее реализацию потребуется достаточно длительное время, как в прочем и для других масштабных реформ. В этой структурной реформации страны первостепенной задачей для многонациональной России стоял многонациональный вопрос, который, как правило, заключался в сохранении территории, единства, гражданственности, что в сущности и удалось сберечь. Осуществление успешной национальной политики зависит не только от ее грамотной конструктивной теории, но и от привычных стереотипов, ментальности и, конечно, от масштаба факторов жизненных состояний: экономических, правовых, социальных – концентрирующих качество жизни общества. Как видит автор, для реализации всех аспектов данной политики выдвигается функция политической культуры, относящаяся к общей культуре духовности и созерцания созданной человечеством и, стало быть, ей свойственны дипломатические методы, цивилизованные решения государственных проблем и интересы в защите общественных ценностей.

В целом политическая культура – показатель уровня освоения индивидом и обществом политических взглядов, идей, концепций, и в многонациональном государстве с логической точки зрения она естественно, имеет свойство отражать отношение как отдельного этноса, так и единого народа страны к политическому обустройству общества и государства, тем самым выражая их политическую позицию. Исходя из этого преследуемая цель данной работы – это анализ устройства многоэтнической России, образуемая в этом ее политическая системность как федеративного государства, которая имеет влияние на формирование политической культуры страны демократического типа.

Рассматриваемая тема и сегодня имеет свою актуальность в задаче продолжения развития России как великой единой многонациональной державы. Она активно исследуется научным сообществом и среди большого количества научных трудов можно выделить следующие публикации: Б.А. Исаева, Н.А. Баранова, В.Ю. Зорина и В.В. Матвеева.

Известно, что многонациональный этногенез России имеет глубокие исторические корни, которые складывались по требованиям и признакам

времени. Это указывает на то, что российское государство имеет большой опыт по обустройству страны с многоэтническим населением. Оно, несомненно, образовывалось в угоду историческим событиям и смене власти, непосредственно имеющим свои притязания и идеи.

Анализирую современную систему национальной политики России, следует отметить, что она имеет свой глубокий исторический базис, который имел свои позиции выстраивания отношений внутри страны в отличие от других имперских держав. К такому выводу приходят многие исследователи, среди которых Б.А. Исаев и Н.А. Баранов. Они пишут, что присоединенные к России народы, в отличие от практики других стран Запада и Востока, не подвергались шовинистической унизительной дискриминации в системе управления. Для них она чаще всего имела не прямое, а косвенное предназначение, без посягательства на основные нормы этнического общественного быта, при соблюдении уважительного отношения к их обычаям и религиозным приверженностям [4].

Как видно автору, картина имперской власти, невзирая на ее преобразования, и сегодня сохранила элементы некой традиционной иерархии. Она присутствует в каждом государстве с многоэтническим укладом. Невзирая на их различия, перспективности строения системных контактов, основной этнос на правах сильного и масштабного будет занимать доминирующее положение. Его язык становится официально государственным в сравнении с остальными, его культура будет иметь большее влияние и размах, и в целом, он предстает государствообразующим «лидером». Все это вызывает особое представление о том, что природа человеческого общежития и бытия имеет свои законы существования, где неизбежно конструктивная власть и возникновение элитарной верхушки.

Для политики же конкретно Российской власти был близок и такой вариант, аргументы которого заключаются в выводах В.В. Матвеева о том, что внутренняя самостоятельность инонациональных сообществ и внешние российские административные ограничения указывают на то, что в государственную систему России было заложено не подавление, а именно политический компромисс. Попытки выйти за его рамки и создать «однородную империю» [7], что особенно практиковалось при монархе Николае II, которые привели к противоречиям и вызвали этнополитическую напряженность на ряде окраин, а в некоторых случаях породили сепаратизм, ранее у тех же народов не наблюдавшийся.

Россия в Советское время представляла собой сложное полиэтническое образование, объединяющее народы различных языковых групп, культур и конфессий, но повсеместно в СССР, и в том числе, сложилось этническая стратификация, в основе которой лежат различия в экономическом, демографическом и политическом статусах народов [4].

После распада СССР перед Россией стояла главная задача – сохранение и укрепление своего единства со всеми составляющими ее этническими ре-

спубликами и округами, корни сплетения которых имеют свои предпосылки и мотивы, уходящие вглубь истории. Очевидно, не избежать было трудностей: этнополитический процесс внутри государства протекал по-разному, он зависел от социокультурных и социально-экономических факторов, сложившихся в регионах страны.

Развязыванием узла противоречий и сближением стало событие, вошедшее в историю уже новой России, ставшей правовым и демократическим государством, – подписание Федеративного Договора 31марта 1992 года и утверждение Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года. В Конституции РФ в пункте 3 статьи 5 закреплено, что «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии, самоопределении народов в Российской Федерации» [6]. Это подтверждается статьей 3: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [5].

Принятие новой Конституции для России стало вехой обладания документом, который гарантирует всем ее гражданам права и свободы. И вероятно, она стала толчком в развитии политической культуры страны демократического типа.

Демократическая политическая культура включает в себя все принципы народовластия, такие как свобода выбора, защита прав, идеологический плюрализм. Ее дальнейшее формирование зависит как от каждого гражданина Российской Федерации, так и от каждого механизма властных структур. В этом случае полномочия последних заключается не только в защите гаранта национальных интересов всех этносов, населяющих Россию, их языков, традиций, но и предоставлять им условия для личного роста в политическом, социальном и материальном плане. Есть основание полагать, что большая часть граждан России в последнее время, и это заметно, охотно участвуют в политической жизни страны.

Государственным языком Российской Федерации является русский. Но также в Конституции РФ в пункте 3 статьи 68 изложено, что «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [6].

Из выступления В.В. Путина о национальном вопросе «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако, при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [1].

Для многих российских граждан чувство патриотизма является очень знакомым и близким, хотя в последнее время о нем мало вспоминали и, порой, он подвергался интерпретации нового толка. И тем не менее благодаря этому качеству проявлению гражданских чувств, которое сохранилось и возрождается, Россия имеет больше оснований в успешности, плотной интеграции гражданского единства и прочного становления правового государства. Проблема состоит и в том, что сам процесс новой системы формации занимает длительный путь.

Сегодня одной из ключевых проблем является экономическая нестабильность, а в связи с пандемией COVID-19 она стала еще острее, и ее диспропорция стала ощутима во многих регионах страны. В связи с этим президент В.В. Путин подписал новый указ о национальных целях развития России до 2030 года, который заменил предыдущий стратегический документ – Майский указ главы государства до 2024 года, просуществовавший 2 года. В новом указе он подчеркнул, что «несмотря на объективные текущие трудности, наши долгосрочные ориентиры остаются неизменными», – также им отмечено, что предстоит учитывать факторы и обстоятельства, связанные с пандемией и экономическим кризисом. Указ В.В. Путина до 2030 года определяет 5 национальных целей развития страны вместо 9 из предыдущего майского указа от 2018 года, а именно: здоровье народа, развитие талантов, безопасная среда для жизни, эффективный труд и успешное предпринимательство, цифровая трансформация [2].

Таким образом, на развитие внутренних процессов страны также влияет внешние факторы, такие как, например, пандемия COVID-19. Правительство отреагировало на ситуацию посредством принятия мер, которые требуют качественной реализации, что в свою очередь необходимо для обеспечения достойной жизни населения и укрепления гражданского единства, которые могут усилить активность участия граждан в жизни и политике государства.

В целом, национальное обустройство современной России отвечает всем международным правовым нормам. И вместе с тем, развивающаяся параллельно с правовой системой либеральная демократия внутри страны, пока все же больше имеет своей главной целью уберечь государство от этнических конфликтов, и в то же время, как показывает жизнь, не хватает сконцентрированных механизмов формирования политической культуры демократического типа.

Проблема кроется в том, что политическая культура как выразитель политических взглядов общества не может существовать сама по себе как какой-либо отдельный элемент – она образуется благодаря политической жизни граждан. В свою очередь от самих граждан явно зависит их большая активность участия в решениях как государственных вопросов, так и региональных. Также ни для кого не секрет, что эта активность складывается из интересов каждого гражданина, имеющего к этому стимул и в частно-

сти от его отношения к власти и ее деятельности. Учитывая, что Россия является многонациональным государством, основным решением данной, достаточно острой, проблемы является ускоренная реализация правительственных программ. В реальности же не исключаются и такие природные качества, как менталитет и традиции того или иного народа, населяющего Россию, в которых и на сегодняшний день сохранились патриархальные уклады жизни не только в семье, но и по отношению к власти, что приведет к безучастию в общественно-политической жизни страны. Все же, подобные случаи – единицы, и сама патриархальность в современном мире в большей степени нацелена на защиту своих этнических корней от мировой глобализации.

Существует мнение о том, что российское общество находится под влиянием двух социокультурных систем ценностей – западной и восточной, которые оставляют свои отпечатки на основных характеристиках социума. В демократическом государстве каждый человек как свободная личность вправе придерживаться той культуры и быть приверженцем тех ценностей, которые ему близки по духу и по нраву. Разрыв внутри российского общества по большей части существует не из-за культурных соображений, а из-за экономических. Тем не менее, необходимо отметить, что существует связь духовного единства россиян, которое не исчерпало себя или вновь зародилось – оно было и живет в них, и этому много примеров. В последнее время среди российского общества, в частности в образовательных учреждениях, проводятся беседы и реализуются проекты о патриотизме, о русской поэзии, о культурах народов России, что не может не радовать. Необходимо подчеркнуть, что это связано не только с программой президента, но и вместе с тем ощущается искренний интерес граждан к истории народов страны. Во многих подобных мероприятиях, как правило, принимает участие молодое поколение, которое стремится получить достойное образование и имеет свои политические взгляды. Нынешняя молодежь является основным потенциалом политической культуры России, так как – она ее будущее.

Внутреннее политическое благополучие страны уязвимо и от давления внешних политических факторов. В настоящее время наша страна сталкивается с новыми геополитическими вызовами, требующими реагирования, в том числе и в сфере этнической политики. Рост международного терроризма на Ближнем Востоке, резкая активизация миграционных потоков, политический кризис на Украине, серьезное обострение отношений с Западом, санкционное давление на нашу страну требуют принятия взвешенных шагов и корректировки традиционных потоков управления миграционными и межнациональными отношениями [3]. Собственно, это и было предпринято российской властью.

В связи с осложнившейся ситуацией вокруг России впервые в доктринальном документе, регулирующем сферу государственной национальной политики, формулируются основные дефиниции как результат выполнения

Поручения Президента РФ Российской академии наук о создании Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений (руководители – академики В.А. Тишков и Т.Я. Хабриева) [3].

Таким образом, выводы В.Ю. Зорина о том, что российская этнополитика опирается на традиционные подходы регулирования межнациональных отношений, которые оправдали себя за постсоветский период, а также использует инновационные методы, доказавшие свою актуальность. Также им отмечено, что многие эксперты отмечают улучшение состояния межэтнических отношений в нашей стране на протяжении последних пяти лет, с чем нельзя не согласиться. Немаловажную роль в этом сыграло последовательное воплощение в жизнь принципов Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, восстановление этнокультурного суверенитета нашей страны, возвращение государства в сферу этнополитики. Удалось выстроить работающую модель партнерских взаимоотношений органов государственной власти и институтов гражданского общества [3].

Однако в связи с пандемией COVID-19 и с нарастающими проблемами, которые сказываются на жизни граждан, следует полагать, что вновь принятые государством меры урегулируют сложившуюся ситуацию. При успешном раскладе национальная политика демократического государства – это развитие и гражданского общества, и правовых отношений между обществом и государством, которые, однозначно, выражают политическую культуру граждан.

Таким образом, сегодня современная Россия продолжает формировать свой начатый либерально-демократический курс на рубеже становления и укрепления в качестве многонационального и правового государства с основополагающими структурными элементами политической системы, основными из которых являются власть и интересы общества. Средством их конструктивных взаимодействий может послужить представляемая сформированная модель политической культуры, процесс которой зависит от политических, социальных факторов. Так как Россия является многоэтнической державой, то основным источником предстает национальная политика, которая видится основополагающим началом для политической культуры. В целом, продуктивность устройства конструкции российской национальной политики правового характера – это, прежде всего, взаимное содействие ее механизмов в процессе формирования и выражения политической культуры граждан, которые в большей части образованы и заинтересованы в популяризации общенациональных и общекультурных ценностей для общего блага сознания гражданского единства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

2. Владимир Путин подписал новый июльский указ о целях России до 2030 года. Главное // https://www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f16add29a7947246d35b6c0.

3. *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика Российской Федерации на современном этапе // http://lawinrussia.ru/content/gosudarstvennaya-nacionalnaya-politika-rossiyskoy-federacii-na-sovremennom-etape.

4. *Исаев Б.А., Баранов Н.А.* Современная российская политика: Учебное пособие. Для бакалавров. СПб., 2013.

5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

6. Конституция Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 2020.

7. *Матвеев В.В.* Национальный вопрос и государственно-политические реальности России // Российская историческая политология: Курс лекций: Учеб. Пособие / отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д, 1998.

N.S. SABIROVA
Candidate of Political Sciences,
Moscow State Regional University,
Mytishchi, Moscow Region, Russia

THE STRUCTURE OF MULTINATIONAL RUSSIA IN THE CONTEXT OF ITS POLITICAL CULTURE

In this article, the author examines the system of multinational Russia, its modern arrangement in the form of a legal state, which is the Russian Federation. He also connects national politics with the formation of political culture, since he believes that the national question appears to be the key task of state policy in any country with a multi-ethnic population. National policy as the dominant political aspect has a direct impact on the political culture of the country. Thus, a national policy of a legal nature is seen as the fundamental beginning for the political culture of the Russian state as a multi-ethnic power. The main goal of the work is to reveal the role of national politics in the framework of activating society's participation in the political life of the country. As a result of the analysis, the author came to the following conclusion: the productivity of the structure of the Russian national policy of a legal nature is the assistance of its mechanisms in the process of forming and expressing the political culture of citizens, who are mostly educated and interested in popularizing national and general cultural values for the common good of the consciousness of civil society.

Key words: *national policy, political culture, state, power, ethnos, tradition, peoples, multinational state, society, structure, democracy.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.010
УДК 32.323
Н.И. КРИВОШЕЕВА
аспирант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Волгоград
В.И. МАЖНИКОВ
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Россия, г. Москва

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Онлайновые социальные сети имеют тенденцию оказывать влияние на политические системы современных авторитарных и демократических государств. В статье предлагается с опорой на концепцию Г. Шлеффера и Б. Миллера осмыслить эффекты этого влияния, зависящие, главным образом, от трех политических акторов: внутренней оппозиции, внешних сил и правящего режима; варианты использования политическими акторами социальных сетей. Обосновывается актуальность исследования роли социальных сетей в упадке либеральных демократий и подъеме нелиберальных демократий и автократических режимов. Анализируются политический и интеллектуальный потенциал социальных сетей, а также феномен фейк-ньюз как технология дестабилизации политического режима через социальные медиа. Авторы предлагают обратить внимание на эпистемологические возможности феномена социальных сетей для изучения современных политических режимов.

Ключевые слова: *социальные сети, социальные медиа, политический режим, демократия, авторитаризм, политическая система, фейковые новости.*

Введение. На сегодняшний день, можно сказать, что впервые с начала нового тысячелетия, в мире автократий больше, чем демократий: в докладе о демократии ученых Гетеборгского университета говорится, что число из-

бирательных и либеральных демократий во всем мире сократилось с 55 процентов на пике в 2010 году до всего лишь 48 процентов в 2019 году [4]. Эти данные о сокращении числа либеральных демократий позволяют предполагать, что такое положение дел наносит ущерб либеральному мировому порядку, возглавляемому США, ослабляет гегемонию Америки после окончания холодной войны и передает пальму первенства авторитарным режимам. Даже президент Дональд Трамп во время своего правления выступал за новый вид гегемонии – нелиберальную [15]. Ослабление демократических режимов, как утверждает Р. Инглхарт, можно объяснить многими факторами, такими как рост ксенофобских популистских движений в ответ на иммиграцию, культурные изменения, снижение занятости и экономической безопасности после финансового кризиса 2008 года, противодействие глобализации и потеря суверенитета [9]. В свою очередь, для авторитарных режимов рост национальных популистских движений в Европе и Америке является доказательством тенденции к ослаблению либеральных идей, например, таких как лояльное отношение к иммиграции, открытые границы и мультикультурализм. А недавние президентские выборы в США показали возможность мобилизации настроений против истеблишмента экстремистскими политическими группами [14]. Но, тем не менее, действительно ли мы можем утверждать, что нелиберальные демократии и авторитарные режимы находятся на подъеме по всему миру?

В данном контексте не безынтересным и актуальным, с нашей точки зрения, представляется изучение роли социальных сетей в упадке либеральных демократий и подъеме нелиберальных демократий и автократических режимов. Этой теме посвящен ряд научной литературы. Например, американский политолог С. Крепс исследует потенциал использования иностранными правительствами социальных сетей, конкретные механизмы, с помощью которых социальные сети влияют на международную политику, а также различные эффекты платформ социальных сетей в демократических и недемократических странах [11]. Изучение феномена социальных сетей в контексте политических режимов помогает объяснить, почему разные страны с разной степенью интенсивности испытывают влияние социальных сетей, что делает данную тему несомненно актуальной. Исследования в этой области перспективны и с практической точки зрения, так как могут помочь правительственным органам прогнозировать, что может произойти в аналогичных странах, где последствия еще не ясны.

Наше исследование начнем с научно-теоретического анализа феномена социальных сетей, их эпистемологических возможностей для изучения политических режимов. Затем попытаемся проследить некоторые аспекты воздействия социальных сетей на политические системы и режимы. Далее выявим и охарактеризуем их политический, демократический и интеллектуальный потенциал.

Методы. Теоретико-методологическим основанием исследования выступает концепция Г. Шлеффера (G. Schleffer) и Б. Миллера (B. Miller) о зависимости влияния социальных сетей, главным образом, от трех политических акторов: внутренней оппозиции, внешних сил и правящего режима [17]. Методологическую основу исследования составили также и методы, традиционно применяемые в социальных науках: логический метод, анализ и синтез.

В анализе воздействия социальных сетей на политические режимы мы рассматриваем эмпирический материал, связанный, в частности, с такой платформой социальных сетей как Facebook. Это объясняется тем, что во-первых, Facebook владеет четырьмя популярными в мире платформами социальных сетей: Facebook, Messenger, WhatsApp и Instagram. А вместе с YouTube, принадлежащим Google, – это пять ведущих платформ социальных сетей (не базирующихся в Китае). Во-вторых, другие социальные медиа, например, российская платформа «ВКонтакте» или китайское приложение WeChat, несомненно содержащие исследовательский потенциал, мы не берем во внимание в данном исследовании по той причине, что они больше зависят от национальной и культурной среды, а также менее распространены за пределами их страны базирования.

Политический потенциал социальных сетей. Онлайновые социальные сети (далее по тексту «социальные сети») представляют собой одну из форм социальных медиа наряду с блогами, микроблогингом, видеохостингами, вики, бизнес-сетями, фотохостингами, форумами, музыкальными библиотеками, сайтами пользовательских обзоров и отзывов, виртуальными играми, виртуальной реальностью и др. Заметим, что более корректно характеризовать социальные медиа как «совокупность веб-ресурсов, позволяющим пользователям коммуницировать друг с другом, производить и распространять контент» [1. С. 12]. Анализ современных политических процессов позволяет утверждать, что социальные сети не в последнюю очередь могут выступать полноправным политическим актором.

С оптимистичной точки зрения социальные сети определяются как выражение «либерализующего духа» («liberalizing ethos») Интернета, инструменты для расширения прав и возможностей граждан, предоставления экономических возможностей, расширения свободы самовыражение, распространения либеральных идей и предоставления альтернативного средства коммуникации и т.п. [17. С. 80]. Эта позитивная точка зрения поддерживается некоторыми основателями платформ социальных сетей. Например, основатель Facebook Марк Цукерберг говорил о замене «старой» социальной инфраструктуры государства, «которая противостоит потоку знаний, торговле и иммиграции» [12], новым глобальным сообществом. Д. Коэн (J. Cohen) и Э. Шмидт (E. Schmidt) пишут о значении интернета для политики: правительства «будут застигнуты врасплох, когда большое количество их граждан,

ничем практически не вооруженных, кроме сотовых телефонов, примут участие в мини-восстаниях, которые бросят вызов их власти» [18].

К. Ширки утверждает, что социальные сети могут помочь увеличить свободу и изменить политические взгляды людей, познакомив их с другими мнениями, разделяемыми друзьями, членами семьи и коллегами [20]. Следовательно, платформы социальных сетей имеют потенциал к укреплению демократии, вторя общественному мнению.

По мнению П. Сингера (P. Singer) и Э. Брукинга (E. Brooking) платформы социальных сетей осветили те преступления, с помощью которых диктаторы долгое время цеплялись за власть, и предложили новые мощные средства массовой мобилизации [21. С. 86]. М. Кастельс описывает социальные сети как «мобилизующую силу», которая может «...свергнуть укоренившийся режим, если все соберутся вместе...» [6. С. 82].

И действительно, платформы социальных сетей сыграли определенную роль в гражданском восстании 2009 года в Молдове, получившем название «первая революция Facebook»; беспорядках 2009 года в Иране, названных «первой революцией Twitter»; российской «почти революции» 2011 года; и в первой волне арабских социальных волнений в 2011 году, когда «вооруженная Facebook молодежь Туниса и Египта» продемонстрировала «освобождающую силу» социальных сетей [17. С. 80-81]. По всей видимости, социальные сети могут компенсировать недостатки, связанные с недисциплинированностью при мобилизации протестных социальных групп за счет снижения затрат на координацию офлайн при одновременном повышении общей осведомленности онлайн.

Согласно исследованию Е.А. Степановой, во время арабской весны 2011 года проникновение Интернета было выше в странах, которые переживали волнения, чем в тех, где их не было [22. С. 3]. Например, в 2010 году количество интернет-пользователей составляло всего 1,1% в Ираке и 3,4% в Афганистане, по сравнению с более чем 21% населения в Египте, 34% в Тунисе и 88%и в Бахрейне. За первые три месяца 2011 года число пользователей Facebook в арабском мире увеличилось на 30% по сравнению с ростом на 18% за тот же период 2010 года [16]. Страны, в которых произошли крупные гражданские движения, продемонстрировали экспоненциальный рост использования социальных сетей во время и после этих движений [17. С. 101]. По-видимому, можно предположить, что отсутствие социальных сетей снизило бы вероятность того, что онлайн-кампании по мобилизации против правящего режима состоялись бы. Проблема в том, как пишут Г. Шлеффер и Б. Миллер, что воздействие социальных сетей на современные политические процессы настолько велико, что практически невозможно найти примеры, когда восстание происходило без социальных сетей [17. С. 100].

Но, с другой стороны, насколько социальные сети эффективны в противодействии авторитаризму? Ведь их использование не имеет однознач-

ного предопределенного результата. Эти платформы не могут «сблизить мир» [5], как говорится в миссии Facebook, и помогать объединять только сторонников демократии.

Интеллектуальный потенциал социальных сетей. Различные политические акторы, использующие социальные сети, будь то в конструктивных или деструктивных целях, используют «беспрецедентную концентрацию силы знаний» («unprecedented concentration of knowledge power»), которую эти платформы накопили за последние несколько лет [17. С. 81]. Отмечается, что в последние годы платформы социальных сетей приобрели «силу знаний», основанную на огромных объемах данных, которые они собрали и обработали [7; 2]. По словам С. Стрэндж (S. Strange), такая власть включает в себя «то, во что верят или что знают, и каналы, по которым эти убеждения, идеи и знания передаются» [23. С. 115].

Интеллектуальная мощь социальных сетей может принимать самые разные формы. Можно смело предположить, что социальные медиа знают о человеке больше, чем правительство. Например, в Google может использовать дополнительные данные, которые он собирает, для профилирования пользователей на основе их характеристик и интересов, а затем сопоставлять рекламу с отдельными пользователями. На протяжении многих лет Google и Facebook продают рекламу, уменьшая конфиденциальность пользователей и получая больший доступ к данным человека [19].

В дополнение к использованию информации для таргетирования своих пользователей с целью продажи большего количества рекламы, Facebook также использует свои алгоритмы для прогнозирования поведения людей, что облегчает манипулирование ими [17. С. 82]. Утверждается, что власть Facebook была использована для того, чтобы изменить общественное восприятие президентских выборов 2016 года в США и референдума Соединенного Королевства о членстве в Европейском союзе [10].

Еще один аспект информационной мощи социальных сетей отражается в их значительной роли в современной медиаиндустрии. Поддержка и развитие социальных медиа в демократических государствах дает им преимущества перед недемократическими. Л. Грин (L. Greene) называет Facebook, Twitter и Google «Пятой властью», потому что они заменили традиционные новостные агентства в качестве основных мест, куда люди «приходят» за новостями [8. С. 73-96]. У них есть возможность формировать общественную жизнь, в том числе то, какой контент создается, каковы предпочтения и настроения аудитории и какие новости и информацию видят граждане.

В 2012 году Facebook заявил, что его миссия состоит в расширении и укреплении отношений между людьми и в том, чтобы помочь людям увидеть большее количество точек зрения [3]. Но вместо этого, всего несколько лет спустя, произошло обратное. Facebook стал одним из источников разногласий среди людей. Объясняется это двумя основными факторами:

«феноменом фильтрующего пузыря» («filter bubble phenomenon») и ростом фальшивых новостей [17. С. 82]. «Пузырь-фильтр» – это состояние интеллектуальной изоляции, возникающее в результате алгоритма веб-сайта, который на основе уже имеющейся информации о пользователе, такой как местоположение, поведение при кликах и история поиска, выборочно угадывает, какую информацию пользователь хотел бы видеть [17. С. 82]. Алгоритмы Facebook, как правило, усиливают «пузырь фильтра», который защищает людей от противоположной их мнению информации и предоставляет только контент, подтверждающий их взгляды.

Социальные медиа являются частью цифровой «экономики внимания», которая фокусируется на взаимодействии денег и внимания. Чем больше людей участвуют в контенте в социальных сетях и получают доступ к коммерческой рекламе, тем больше она приносит дохода этим платформам. Чтобы привлечь внимание людей, Facebook, как правило, размещает на них самые популярные посты, а также конфронтационные и подстрекательские новости, которые могут делать людей более радикальными в своих взглядах. Facebook также поощряет общество и к самостоятельной сегрегации в сообщества единомышленников, что увеличивает дистанцию между группами с противоположными взглядами, вызывая еще большую поляризацию [13]. Алгоритм рекомендаций YouTube обычно рекомендует видео, отражающие политическую предвзятость его зрителей и то, что они предпочитают просматривать [17. С. 82].

Выводы. Таким образом, платформы социальных сетей превращаются в инструменты как политического манипулирования, так и общественного контроля. Социальные сети могут использоваться для поддержки действующих политиков внутри страны или для оказания помощи внешним авторитарным властям в распространении пропаганды и срыве демократической передачи власти через выборы. Они также могут использоваться и популистами, бросающими вызов демократии, распространяя ложь и вызывая возмущение, которое влияет на мнение избирателей и подпитывает ангажированность. Иными словами, они играют и положительную, и отрицательную роль в политическом процессе: они могут быть инструментом либерализации, используемым для распространения информации и знаний, но также могут быть инструментом подавления, используемым для распространения искаженной информации и фальшивых новостей. В той или иной степени платформы социальных сетей могут использовать и демократические движения, борцы за свободу, и авторитарные режимы.

Приведенный выше эмпирический материал показывают, что платформы социальных сетей действительно могут и оказывают влияние на политическую систему, но, естественно, существуют и иные факторы, воздействующие на ослабление или усиление демократии/авторитаризма. Социальные сети являются одним из таких факторов. Тем не менее, использование раз-

личных интернет-платформ усиливает все, что декларирует та или иная политическая группа, экспоненциальным образом. Если обнаружить в государстве «благоприятные» условия, то социальные сети станут действительно опасными инструментами для подрыва демократии и манипулирования общественными дебатами. Распространение поддельных новостей, дезинформации и лжи через платформы социальных сетей в рамках злонамеренного управления вниманием может ослабить политические режимы как демократические, так и авторитарные. Такие кампании в социальных сетях усиливают крайние взгляды, поляризацию, теории заговора и сомнения в демократических институтах и процессах, ослабляют доверие людей к этим институтам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бардаков А.И., Кривошеева Н.И.* Демократический потенциал социальных медиа // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2 (2).

2. *Гэллоуэй С.* Большая четверка. Секреты успеха Amazon, Apple, Facebook и Google // Манн, Иванов и Фербер. 2020.

3. «Путь хакера: миссия, ценности и принципы Facebook» // Forbes. 02 февраля 2012 // https://www.forbes.ru/tehno-column/internet-i-telekommunikatsii/78951-put-hakera-missiya-tsennosti-i-printsipy-facebook.

4. Autocratization Surges – Resistance Grows: Democracy Report 2020, Varieties of Democracy Institute, Lührmann A., et al., 2020 // https://www.v-dem.net/media/filer_public/de/39/de39af54-0bc5-4421-89ae-fb20dcc53dba/democracy_report.pdf.

5. «Bringing the World Closer Together» // Facebook. June 22, 2017 // https://www.facebook.com/zuck/posts/10154944663901634/.

6. *Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012.

7. *Foer F.* World Without Mind: The Existential Threat of Big Tech. New York: Penguin Press, 2017.

8. *Greene L.* Silicon States: The Power and Politics of Big Tech and What It Means for Our Future. Berkeley, CA: Counterpoint, 2019.

9. *Inglehart R.* The Age of Insecurity: Can Democracy Save Itself? // Foreign Affairs 97. No. 3 (May/June 2018) // https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-04-16/age-insecurity.

10. *Kornbluh K.* The Internet's Lost Promise: And How America Can Restore It // Foreign Affairs 97. No. 5 (September/October 2018) // https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-08-13/internets-lost-promise.

11. *Kreps S.* Social Media and International Relations. New York: Cambridge University Press, 2020.

12. «Mark Zuckerberg's Commencement Address at Harvard» // Harvard Gazette. May 25, 2017 // https://news.harvard.edu/gazette/story/2017/05/mark-zuckerbergs-speech-as-written-for-harvards-class-of-2017/.

13. *Mukherjee A.* The Internet Trap: Five Costs of Living Online. Toronto: University of Toronto press, 2018.

14. *Mounk Y., Foa R.* The End of the Democratic Century: Autocracy's Global Ascendance // Foreign Affairs 97. No. 3 (May/June 2018) // https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-04-16/end-democratic-century.

15. *Posen B.* The Rise of Illiberal Hegemony: Trump's Surprising Grand Strategy // Foreign Affairs 97. No. 2 (March/April 2018) // https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-02-13/rise-illiberal-hegemony.

16. *Salem F., Mourtada R.* Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter // Arab Social Media Report 1. No. 2 (January 2011) // https://www.researchgate.net/publication/281748504_Civil_Movements_The_Impact_of_Facebook_and_Twitter/link/578cb44608ae7a588ef3b2d9/download.

17. *Schleffer G., Miller B.* The Political Effects of Social Media Platforms on Different Regime Types // Texas National Security Review. 2021. Vol. 4. № 3.

18. *Schmidt E., Cohen J.* The Digital Disruption: Connectivity and the Diffusion of Power // Foreign Affairs 89. No. 6 (November/December 2010) // https://www.jstor.org/stable/20788718.

19. *Schneier B.* Data and Goliath: The Hidden Battles to Collect Your Data and Control Your World. New York: W.W. Norton & Company, 2016 // https://ciberativismoeguerra.files.wordpress.com/2017/09/bruce-schneier-data-and-goliath_-2015.pdf.

20. *Shirky C.* The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change // Foreign Affairs 90. № 1 (January/February 2011) // https://www.jstor.org/stable/25800379.

21. *Singer P.W., Emerson T.* Brooking, LikeWar: The Weaponization of Social Media. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2018.

22. *Stepanova E.* The Role of Information Communication Technologies in the «Arab Spring» // PONARS Eurasia Policy Memo. No. 159, May 2011 // http://pircenter.org/kosdata/page_doc/p2594_2.pdf.

23. *Strange S.* States and Markets. London: Pinter, 1988.

24. *Sunstein Cass R.* Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.

N.I. KRIVOSHEEVA
Postgraduate student of the Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management – branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia
V.I. MAZHNIKOV
Candidate of philosophy, associate Professor, associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russia

THE PHENOMENON OF SOCIAL NETWORKS IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF MODERN POLITICAL REGIMES

Online social networks tend to influence the political systems of modern authoritarian and democratic states. The article proposes, based on the concept of G. Schleffer and B. Miller, to comprehend the effects of this influence, depending mainly on three political actors: internal opposition, external forces and the ruling regime; options for the use of social networks by political actors. The relevance of the study of the role of social networks in the decline of liberal democracies and the rise of illiberal democracies and autocratic regimes is substantiated. The article analyzes the political and intellectual potential of social networks, as well as the phenomenon of fake news as a technology for destabilizing the political regime through social media. The authors propose to pay attention to the epistemological possibilities of the phenomenon of social networks for the study of modern political regimes.

Key words: *social networks, social media, political regime, democracy, authoritarianism, political system, fake news.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.011
УДК 32.323
К.Х. АВАЗОВ
доктор философии (PhD) по политическим наукам,
заведующий кафедрой социальных и экономических наук
Регионального центра переподготовке и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области,
Республика Узбекистан, г. Ташкент

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Данная статья посвящена социально-психологическим аспектам информационных угроз. Теоретическая и практическая значимость информационной безопасности общества и его совокупностью обстоятельств, обусловленных переходным периодом развития общества.

Ключевые слова: *информационная угроза, социально-психологические аспекты, медиа пространства, управления обществом, психологические воздействия.*

Информационно-коммуникационная связь с окружающим миром, в социальной среде – одной из важнейших условий полноценной жизнедеятельности человека.

Интернет-зависимость способствует формированию целого ряда психологических проблем: конфликтное поведение, хронические депрессии, предпочтение виртуального пространства реальной жизни, трудности адаптации в социуме, потеря способности контролировать время пребывания за компьютером, возникновение чувства дискомфорта при отсутствии возможности пользования интернетом [1].

Поступающей информации и его содержания оказывает значительное морально-психологическое влияния на психологические состояния человека. По мнению многих ученых, что современное общность все больше зависит от средств массовой коммуникации, создающих «субъективную реальность» [3].

По нацеленности коммуникаций и соответствию коммуникативных ситуаций, в которых на человека может быть оказано информационно-психологическое воздействие. Различные либеральные политические силы активно используют медиа-средство для социального управления обществом в своих целях. Люди, контролирующие индустрию массовой информации, становятся отдельной властью, которая не требует ни голосов электората, ни одобрения политических сил.

Современный этап развития социума в эпохи глобализации характеризуется определенными факторами, таких как идеологических и психологических средств борьбы, т.е. массированным психологическим воздействием на личность, социальные институты, государства.

Например, для утверждения США в качестве ведущей мировой державы на пути к новому мировому порядку в XXI веке, американские ученые предлагают перенести центр противостояния в область психологии людей. Успех в противоборстве, по их мнению, будет достигаться через «стратегический паралич оппонентов» путем информационно-психологических воздействий (ИПВ). Такая форма не силового противоборства позволяет эффективно (быстро и с минимальными затратами) дезорганизовать деятельность противостоящей стороны (конкурента, оппонента) через коллапс (разрушение, уничтожение) ее системы, механизмов управления. Эта опасность актуализируется с появлением новейших теоретических разработок ИПВ на оппонентов. Одна из них – концепция «организационного оружия».

Данный способ противоборства представляет собой систему организационных (согласованных по целям месту и времени разведывательных, пропагандистских, психологических, информационных и др.) воздействий на оппонента, заставляющих его двигаться в угодном для активной стороны русле. Его средствами можно направить политику конкурента (противника) в стратегический тупик, изменить внутреннюю организационную среду, измотать экономику противостоящей стороны неэффективными и непосильными программами, развалить социальную сферу, исказить основы национальной (корпоративной) культуры, сформировать среди интеллигенции пятую колонну и т.п. В итоге, в государстве (социальной организации, отдельном социальном институте) создается обстановка внутреннего хаоса, ведущая к снижению его социально-психологического потенциала, экономической и иной мощи. Кроме того, этот вид оружия позволяет создать социально-психологические (и иные) условия для «самостоятельной дезорганизации» и «самостоятельной дезориентации» противостоящего объекта.

Постановка вопроса об информационной безопасности имеет особое значение для Республики Узбекистан. Развитие Республики ориентировано на комплексную интеграцию в мировое сообщество, что невозможно без учета информационного фактора. Теоретическая и практическая значимость информационной безопасности общества диктуется совокупностью обстоятельств, обусловленных переходным периодом развития общества.

Следует отметить что, актуальность данной проблемы обусловлена следующими обстоятельствами.

В XXI веке глобализация охватывает все жизненно важные сферы общества: экономическую, социальную, политическую, идеологическую, культурно-духовную. В качестве существенной черты глобализации в последние годы рассматривается бурное развитие информационной сферы, которая

связана с революционным развитием информационных систем и технологий, появлением принципиально новых и высокоэффективных методов информационного обмена и взаимодействия.

Сегодня именно на информационную составляющую общественного развития возлагается роль важнейшего инструмента социально-экономического прогресса.

Противоречия, связанные с развитием информационной сферы, сложности формирования глобального информационного общества заставляют все более серьезное внимание уделять проблемам международной и национальной безопасности, связанным с информационными отношениями. Обеспечение информационной безопасности современного Узбекистана представляется сложным и специфическим процессом, подверженным воздействию множества внешних и внутренних факторов. Специфический характер данного процесса определяется теми политическими условиями, в которых он протекает. Перед обществом стоят сегодня многоплановые задачи:

– активное и скорейшее осуществление политической модернизации (изменение политической системы, переход от традиционного к современному обществу, становление новых политических институтов, демократизация всех сторон жизни российского общества);

– утверждение многообразия форм собственности, духовного и политического плюрализма как признаков демократизации общественной жизни;

– научное и технологическое продвижение по пути построения информационного общества и др.

Сложность решения этих задач протекает в многоплановом взаимодействии информационных и политических процессов, влияющих на реализацию жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности. А это, в свою очередь, выдвигает на передний план политической деятельности проблему обеспечения информационной безопасности [9].

Проблема обеспечения информационной безопасности актуализируется состоянием переходного периода. Узбекистан объективно включается в интенсивный процесс глобализации, обусловливающий массу проблем политического и практического характера: открытость общества, усиление всепроникающей роли рынка, производственных связей, финансовых и информационных потоков, которые порождают «прозрачность» границ, новые аспекты в толковании суверенитета государства и др.

Глобализация способствует укреплению власти транснациональных компаний, транснациональных бирж, политических и информационных транснациональных систем, оказывает влияние на национальные интересы других стран и, наконец, переводит национальные экономики под внешнее управление [6].

Подобные и другие политические процессы в современном мире ведут к политической и экономической конфронтации государств, порождают по-

литические кризисы в международных отношениях, усиливают военно-политическое противостояние.

Кроме того, высокая эффективность средств информационного воздействия, широкий спектр их применения и скрытность воздействия, явилась причиной, по которой многими странами ведутся разработки теории и практики применения информационного оружия и, как следствие, теории ведения информационных войн.

Глобализация формирует единое информационное пространство, которое требует унификации информационных и телекоммуникационных технологий всех стран – субъектов информационного сообщества. Это дает возможность мощным индустриальным державам (прежде всего, США и Японии) усиливать свое военное, политическое, экономическое и научно-технологическое превосходство за счет лидерства в области информационно-телекоммуникационных технологий и, в принципе, осуществлять глобальный информационный контроль над мировым сообществом и фактически навязывать свои ценности. Перспектива такой зависимости, выраженная в возможности утраты своего влияния в мире.

В этих условиях сформированная ранее система обеспечения информационной безопасности РУз явно не соответствует новым условиям общественного развития и не может эффективно противодействовать угрозам, используя прежние принципы управления. В связи с этим остро встал вопрос о выработке приоритетов в области политики обеспечения информационной безопасности.

Переход Узбекистана в своем развитии к информационному обществу сопровождается множеством проблем, требующих своего научного осмысления. Среди них заслуживают самого пристального внимания следующие:

– влияние революционных изменений в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на экономическое, научно-техническое и культурное развитие общества, на изменение мировоззрения людей, морально-психологические и поведенческие аспекты их жизнедеятельности, государственное устройство и функционирование государственного механизма, на инфраструктуру межличностных, общественных, внутри и межгосударственных отношений;

– изменение роли информационной сферы в общественной жизни, ее переход из вспомогательной в разряд существенно важных, с точки зрения политического управления и политики обеспечения национальной безопасности.

Необходимость научно-методического обеспечения реализации Доктрины информационной безопасности Республики Узбекистан подразумевает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Согласно Указу Президента Узбекистана «О Государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям

развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в Год развития науки, просвещения и цифровой экономики» планируется дальнейшее совершенствование системы кибербезопасности и основ информационной политики государства. Так, п. 243, 244, 245 и 246 Госпрограммы предусматривают подготовку Национальной стратегии кибербезопасности на 2020-2023 гг., проекта Закона «О кибербезопасности», проекта Концепции единой информационной политики Республики Узбекистан [8].

В этой связи, актуализируется вопрос об анализе основ формирования государственной информационной политики, информационной безопасности, защиты данных от кибератак, пресечения киберпреступлений. По мере развития информационных технологий возрастают и киберугрозы, которые могут нанести ущерб информационной инфраструктуре. Так, согласно данным компетентных органов в 2019 году в национальной доменной зоне «UZ» количество активных доменов возросло до 74 000. За 2019 год, в информационных системах и веб-сайтах национального сегмента сети интернет выявлено 268 инцидентов, 816 уязвимостей и порядка 132 000 [7] угроз кибербезопасности. Использование данных уязвимостей позволит злоумышленнику получить удаленный доступ к информационной системе или веб-сайта, а также к файлам и информации, что в свою очередь может привести к утечке персональных данных 2 026 824 граждан Республики Узбекистан [5].

Эти данные наглядно показывают, что, на фоне устремлений нашей страны по развитию цифровой экономики, вопросы проведения эффективной государственной информационной политики, обеспечения информационной безопасности, противодействие киберугрозам, профилактика и выявление киберпреступлений продолжат оставаться злободневными. Прежде всего, необходимо отметить, что под государственной информационной политикой понимается «особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества, и направленная на обеспечение творческого, конструктивного диалога между ними и их представителями» [10].

При этом надо отметить что, в Доктрине выделяются четыре основных составляющих национальных интересов РУз. Первая включает в себя «соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления Узбекистана, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала». Вторая – это «информационное обеспечение государственной политики Республики Узбекистан».

Третья составляющая национальных интересов РУз – развитие современных информационных технологий. И четвертая – защита информационных ресурсов.

В эпохи глобализации одной из важнейших задач Средства массовой коммуникации (СМК) служит легкое обеспечение контроля в социуме, который может осуществляться при доведении публичной информации о действиях, инициативе разных социальных субъектов, органов управления и власти, экономических структур, о важных прецедентах в общественной, политической, социальной, культурной, экономической сферах [2].

Надо отметить, контроль СМК может быть достаточно результативным, т.к. включает духовную, нравственную оценку, общественные убеждения, мнения экспертов. Без доступа к СМК трудно осуществимо влияние оппозиции, общественности на происходящие политические и социально-экономические процессы.

Надо сказать, что, деятельность масс-медиа считается одной из основных внутренним фактором формирования и изменения общественного мнения является. Действия СМК должны содействовать плодотворным переговорам разных политических партий в обществе и соответственно уменьшать противоборство и повышать интеграционные процессы. Иначе СМК выступают в качестве деструктора в обществе, они превращаются в информационное оружие, предприимчиво использующемся разными политическими силами для проведения информационно-психологических действий. Другими словами, «театром боевых действий» информационно-психологической войны становится население, а СМК выступают в качестве виновника информационно-психологической неустойчивости общества [10].

Возможности СМК манипулировать сознанием, достаточно распространены среди политиков, общественных деятелей, специалистов в рекламном бизнесе. Как отмечает О. Тоффлер, высшее качество и наибольшую эффективность современной власти придают знания, позволяющие «достичь искомых целей, минимально расходуя ресурсы власти, убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях, превратить противников в союзников» [10].

Изучая воздействие СМИ на политические процессы, политологи подчеркивают, что управление знаниями и информацией оказывается регулирующую роль в управлении обществом [4. С. 125]. «Иметь важную информацию – значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть», – так лаконично, но ярко и образно определяют роль и значимость информационно-психологического влияния на население немецкие политологи [4. С. 125].

Жизнедеятельность человека разворачивается не только в физической среде, но и в искусственном мире, им самим созданным, в котором можно разграничить две главные составляющие – техносферу и информационную среду, специфической особенностью которой стала доступность

целевого использования информационных процессов для введения окружающих в заблуждение с целью получения выгоды или достижения личных целей и оставлении без внимания ущерба, который при этом может быть нанесен другим людям. Изменение информации трансформирует ее в практическую силу, которая может отрицательно влиять на политическое устройство общества. Негативное влияние на информационно-психологическую безопасность личности заключается по отношению к человеку в двух составляющих: внешних и внутренних. Общей причиной внешних угроз информационно-психологической безопасности личности становится информация, вводящая людей в заблуждение, не позволяющая адекватно взглянуть на ситуацию, дать справедливую оценку. Информация, неадекватно отражающая мир, затрудняющая взаимопонимание, становится главным внешним влияющим фактором на информационно-психологическую безопасность личности.

В отдельную группу источников угроз можно объединить действия людей, которые, преследуя собственные цели, используя различные способы информационно-психологического воздействия, наносят ущерб.

В качестве еще одного негативного фактора информационно-психологической безопасности личности при определенных обстоятельствах можно указать само государство, органы государственной власти и управления. Это связано с действиями государственных лидеров, правящей элиты.

Опасность становится реальной, когда они, получая собственную выгоду, доказывая свою важность, используют силу государственной власти для осуществления информационно-психологического влияния на население, завуалировав свои истинные намерения, не соответствующие интересам общества и населения страны. Опасность усиливается тем, что государство нередко начинает экспериментировать с массами ради «благих великих целей» и манипулировать их сознанием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авазов К.Х.* Влияние интернет-зависимости на личность подростка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-6 // https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-zavisimosti-na-lichnost-podrostka.

2. *Авазов К.* Внешние и внутренние угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе и их взаимосвязь // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301) // https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnie-i-vnutrennie-ugrozy-sovremennosti-bezopasnost-i-stabilnost-v-obschestve-i-ih-vzaimosvyaz.

3. *Богомолова Н.Н.* Социальная психология печати, радио и телевидения. М.: МГУ, 1991.

4. *Грачев Г.В.* Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998.

5. Информационная политика: учебник / под общ. ред. В.Д. Попова. М.: Изд-во РАГС, 2003.

6. *Кадыров У.Д.* Защита молодежи от деструктивных идей как социально-психологическая проблема // Школа будущего. 2016. № 3.

7. О некоторых аспектах решения задач по эффективному осуществлению государственной информационной политики и обеспечения информационной безопасности. 2019 // www.strategy.uz.

8. *Пахрутдинов Ш.И.* Узбекистан: ответственность за устойчивое развитие и интенсивность ускоренных изменений // Вопросы политологии. 2019. Том 9. № 8 (48).

9. *Расулов Х.М.* Фуқаролик жамияти: бошқарувда номарказлаштиришнинг истиқболлари // Журнал правовых исследований. 2020. № 5.2.

10. *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21-st Century. New York; London, 1990.

K.H. AVAZOV
Doctor of Philosophy (PhD) in Political Science,
Head of the Department of Social and Economic Sciences
Regional center for retraining and advanced training of public education workers of the Surkhandarya region,
Tashkent, Uzbekistan

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INFORMATION THREATS

This article is devoted to the socio-psychological aspects of information threats. The theoretical and practical significance of the information security of society and its totality of circumstances due to the transitional period of the development of society.

Key words: *information threat, social and psychological aspects, media space, social management, psychological impact.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.012
УДК 324
М.А. ФАЛАЛЕЕВ
студент по направлению подготовки Политология Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
ORCID: 0000-0003-4762-0445
Н.А. СИТДИКОВА
студент по направлению подготовки Политология Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
ORCID: 0000-0003-0165-2011
Е.Е. НЕЧАЙ
научный руководитель, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
ORCID: 0000-0002-8509-5728

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ: ОГРАНИЧЕНИЯ И СЦЕНАРИИ

В современном мире развитие новых технологий способствует эволюции электоральных институтов, которые играют большую роль в легитимации власти в политических системах большинства государств. Тем не менее, несмотря на возможность широкого применения цифровых платформ для реализации активных избирательных прав граждан, национальные правительства многих стран не спешат с их применением. В этом контексте актуальным становится изучение того, что ограничивает воздействие новых технологий на электоральные институты. Поэтому, целью данного исследования является выделение и оценка влияния факторов, которые препятствуют повсеместному применению электронного голосования в России. Методологическая база статьи представлена синтезом теоретических данных, анализом и прогнозированием. Результаты работы заключаются в выделении технологических, компетентностных и политико-правовых групп факторов, ограничивающих влияние использования цифровых платформ на трансформацию электоральных институтов РФ. На основании этих материалов описываются сценарии эволюции российской избирательной системы в контексте широкого применения технологии электронного голосования. Полагаем, что выводы работы бу-

дут полезны для дальнейшего изучения проблематики влияния электронного голосования на процессы трансформации электоральных институтов не только в России, но и других государствах.

Ключевые слова: *дистанционное электронное голосование, электоральные институты, трансформации избирательных систем, цифровизация, гражданское участие.*

Участие граждан в выборах является ключевым элементом процедуры легитимации власти в большинстве государств современного мира. Последние сто лет свидетельствуют о том, что развитие науки и техники способствует не только общему улучшению качества жизни людей, но и играет значительную роль в совершенствовании электоральных механизмов. Причем, судя по событиям последних десятилетий, инерция «рывка», совершенного человечеством в XX веке, предопределяет значительные трансформации современных обществ и их институтов из-за появления все новых и новых технологических новаций. Одной из наиболее значимых среди них является система электронного голосования, которая, как показывает практика ряда государств мира, уже сегодня задает магистральный вектор эволюции электоральных институтов, поскольку она позволяет сделать процесс волеизъявления значительно более комфортным, что в перспективе может крайне позитивно сказаться на уровне участия людей в демократических процедурах [3. С. 36-39].

Тем не менее, говорить о том, что цифровые платформы для реализации активных избирательных прав применяются повсеместно, не приходится. Опыт создания электронных систем, позволяющих людям выражать свою позицию на выборах без посещения избирательного участка, имеется у крайне ограниченного круга стран, из-за чего выработка универсальных теорий влияния новых технологий участия на процесс выборов существенно осложняется [4. С. 6-28]. К тому же различия в функционировании национальных избирательных систем вынуждают нас концентрировать внимание на изучении конкретных кейсов трансформации электоральных институтов [6. С. 179-191]. Фокус данного исследования направлен на рассмотрение российской практики применения **дистанционного электронного голосования** (**ДЭГ**) на выборах в Государственную Думу VIII созыва. Через анализ существующих барьеров для использования цифровых платформ для волеизъявления, мы характеризуем и прогнозируем влияние новых технологий на динамику трансформации электоральных институтов в РФ.

Перед тем, как анализировать роль фактора ДЭГ в изменении процессов гражданского участия мы определяем контуры исследования и его теоретическую базу. Так дефицит эмпирических данных и необходимость разработки нового категориального аппарата для изучения феномена циф-

рового волеизъявления обусловливают теоретико-прогностический характер большинства исследований, посвященных проблеме голосования через электронные среды [1. С. 69-77; 12. С. 77-84]. Это обусловлено тем, что технология является предметом научного рассмотрения менее 30 лет, однако, в последние годы наблюдается значительный рост публикационной активности по заданной проблематике с использованием эмпирических данных [5. С. 168-172]. Исходя из анализа актуальных научных публикаций отечественных и зарубежных авторов по этой тематике, под системой ДЭГ мы понимаем совокупность государственных цифровых сервисов, которые позволяют избирателям проголосовать через специальные сетевые платформы без непосредственного присутствия на избирательном участке [11. С. 146-162; 16. P. 16]. Необходимость отметить электронную составляющую данного феномена объясняется существованием иных форм дистанционного волеизъявления, например, осуществляемого через почту. Более того, главным оператором ДЭГ является государство, а поэтому все процессуальные вопросы его функционирования регулируются набором нормативно-правовых актов, которые определяют базовые параметры работы данной системы [14. P. 28-35].

Ключевыми предпосылками для сдерживания роста популярности ДЭГ у граждан стали технологические, компетентностные и политические барьеры. Первая группа ограничений обусловлена тем, что даже несмотря на высокие темпы цифровизации в России, создание и содержание блокчейн-платформы для защищенного и автоматизированного подсчета голосов миллионов избирателей является крайне проблематичным на нынешнем этапе развития цифровых технологий [13]. Наиболее значительные трудности связаны с защитой серверов ДЭГ от хакерских атак, а также оперативной обработкой и регистрацией данных пользователей. Еще одним технологическим барьером для роста популярности электронных платформ для реализации активных избирательных прав является отсутствие у некоторых граждан устройств с возможностью стабильного доступа в Интернет. Более того, в ряде районов, расположенных, например, на крайнем Севере РФ, из-за изолированного географического положения отсутствует инфраструктура, обеспечивающая доступ к глобальной сети, а значит и к ДЭГ.

Компетентностные ограничения, в свою очередь, связаны с тем, что ряд категорий избирателей, особенно старшего возраста, не имеют достаточных навыков компьютерной грамотности, а поэтому новые инструменты для участия в выборах становятся для них фактически недоступными [2. С. 31-34]. В регионах со слаборазвитой публичной политикой и системой дополнительного образования эта проблема может стоять особенно остро. К компетентностным ограничениям также относится непонимание некоторыми избирателями принципа обработки их голосов в системе ДЭГ, что становится важной предпосылкой как для роста недоверия к электронной платформе,

так и для частичной делигитимации результатов электоральных процедур, в которых применялась эта технология.

Последняя группа барьеров, ограничивающая распространение ДЭГ, представлена совокупностью политико-правовых факторов. Одним из наиболее значимых среди них является дефицит доверия к государственным институтам, обеспечивающим организацию и подведение итогов выборов. Это оказывает значительное влияние на публичное восприятие системы ДЭГ, так как она напрямую контролируется властями и на данный момент не является в полной мере транспарентной. Важно отметить, что этот фактор влияет на легитимность результатов не только электронных, но и традиционных электоральных процедур [7. С. 336-344]. Вследствие его сочетания со специфичными компетентностными барьерами ДЭГ происходит усиление политических ограничений. Немаловажным также является и то, что из-за ограниченного и относительно редкого применения электронного голосования, оно остается инструментом, применение которого сопровождается необходимостью в каждом отдельном случае корректировать нормативно-правовую базу электоральных процедур [8. С. 2009-2015; 9. С. 209-213]. Отсутствие документа, который бы континуально регламентировал вопросы проведения, контроля и подсчета результатов ДЭГ, создает предпосылки для делигитимации итогов «цифровых» выборов. Таким образом, использование подобных новаций влечет за собой значительные политические риски для национальных правительств, что также становится одной из причин замедленного внедрения данной технологии в избирательные процессы не только в России, но и во многих других государствах [15. P. 764-771].

Для оценки значения фактора ДЭГ в процессах трансформации электоральных институтов на основании выявленных ограничений, мы анализируем его по базовому критерию эффективности. Этот параметр характеризуется уровнем участия людей в избирательном процессе с возможностью электронного голосования и без нее.

Анализ электоральной активности граждан на выборах в Государственную Думу VIII созыва в общем показывает, что он находится на нормальном уровне, относительно прошлых избирательных кампаний. В субъектах федерации, где у населения был доступ к сервисам ДЭГ, показатели явки близки к средним значениям по стране. В то же время данные из регионов, в которых цифровые платформы применялись ранее, свидетельствуют о том, что граждане начинают активнее использовать новые возможности для выражения своей позиции [10]. Оценка эффективности электронного голосования показывает, что оно не является значительным фактором динамики явки на выборах, однако влияет на преобразование существующих традиций реализации активных избирательных прав в России. В контексте анализа трансформаций электоральных институтов в РФ мы фиксируем повышение их удобства для людей, благодаря применению новых инструмен-

тов для волеизъявления. Этот тезис подтверждают корреляционные тренды, которые свидетельствуют о том, что система ДЭГ пользуется популярностью у граждан, которые голосовали и до ее появления, однако на активность избирателей, традиционно не участвующих в выборах, она практически не повлияла. Таким образом, электронное волеизъявление, как фактор трансформации института выборов, оказывает неоднозначное влияние на удельные показатели эффективности избирательной системы страны.

Столь неоднозначное воздействие ДЭГ на электоральные институты России свидетельствует о том, что в среднесрочной перспективе мы можем наблюдать следующие сценарии их эволюции:

3.1. Позитивный. ДЭГ способствует повышению эффективности электоральных институтов РФ и становится основной площадкой для волеизъявления граждан. Устранение технических, компетентностных и политико-правовых барьеров, несмотря на существенные затраты, сыграет значимую роль в повышении устойчивости избирательной системы и легитимации выборов.

3.2. Нейтральный. ДЭГ становится важным фактором электоральной мобилизации, дополняя, но не замещая собой традиционные стратегии привлечения граждан на избирательные участки. Проводится частичная модернизация технической базы цифровых платформ для волеизъявления, совершенствуются механизмы информирования избирателей о новых возможностях для голосования. Это не приводит к существенному росту эффективности электоральных институтов в связи с недостаточностью предпринимаемых мер и сохранением политико-правовых барьеров из-за нежелания руководства страны нести дополнительные дестабилизационные риски.

3.3. Негативный. Система электронного волеизъявления, вследствие ее повсеместного внедрения без учета существующих ограничений, оказывается скомпрометирована, что ведет к дискредитации ДЭГ и снижению его эффективности как инструмента реализации активных избирательных прав граждан. Это станет существенной предпосылкой для делигитимации института выборов как такового, что может повлечь серьезную дестабилизацию всей политической системы РФ.

По итогам исследования мы установили, что система ДЭГ имеет существенный потенциал для воздействия на трансформацию электоральных институтов РФ, однако, из-за технологических, компетентностных и политико-правовых ограничений внедрение новых технологий в избирательный процесс замедляется. Результаты прогнозирования, представленные позитивным, нейтральным и негативным сценариями имплементации ДЭГ, свидетельствуют о том, что в целях недопущения дестабилизации политической обстановки властям страны важно учитывать существующие на сегодняшний день барьеры. Проблематика исследования представляет значительный интерес для дальнейшего изучения в связи с высокими темпами трансформации электоральных институтов России, особенно в преддверии избирательного цикла 2024 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Белоконев С.Ю.* Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «Цифровой политики» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 5 (29).

2. *Воропанов С.А.* Возможности применения цифровых технологий к механизмам прямой демократии в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95).

3. *Карапузов М.Ю.* Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 2.

4. *Коньков А.Е.* Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 6.

5. *Малик Е.Н.* Электронная демократия как механизм политической интеграции граждан // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87).

6. *Никушкин А.Б.* Факторы эффективности цифровых инструментов в контексте расширения политического участия (на материалах Исландии и Эстонии) // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2.

7. *Панкратов С.А*. Интеграция институтов публичной политики в контексте цифровизации избирательного процесса в современной России // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. № 3.

8. *Пацеля Я.С.* Современные технологии обеспечения модернизации избирательного процесса в контексте деятельности избирательных комиссии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 7 (71).

9. *Петрова С.В.* Трансформация политического и избирательного процесса в условиях цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1.

10. Результаты выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва // Центральная избирательная комиссия РФ // http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100225883172&region=0&prver=0&pronetvd=0.

11. *Федоров В.И.* Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1.

12. *Храмушин В.В.* О перспективах развития представительной демократии в эпоху цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131).

13. Blockchain and Electronic Voting // Technologie de l'information, culture & société. 2019. № 124 // 10.4000/terminal.4190.

14. *Krimmer R.* Constitutional Constraints for the Use of ICT in Elections // Expert Electoral Review. 2016. Special Issue.

15. *Lukensmeyer C.J.* Civic Tech and Public Policy Decision Making // Journal of Political Science and Politics. 2017. № 50 (3).

16. *Simon J., Bass T., Boelman V.* Digital Democracy: The tools transforming political engagement. London, 2017.

M.A. FALALEEV
Student of a bachelor's degree of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0003-4762-0445
N.A. SITDIKOVA
Student of a bachelor's degree of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0003-0165-2011
E.E. NECHAY
Academic Advisor, Candidate of Political Science, Assistant Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0002-8509-5728

ELECTRONIC VOTING AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF ELECTORAL INSTITUTIONS IN RUSSIA: LIMITS AND SCENARIOS

In the modern world, the development of new technologies contributes to the evolution of electoral institutions, which play an important role in legitimizing power in the political systems of most states. Nevertheless, despite the possibility of widespread use of digital platforms for the implementation of active electoral rights of citizens, the national governments of many countries are in no hurry to use them. In this context, it becomes relevant to study what limits the impact of new technologies on electoral institutions. Therefore, the purpose of this study is to determine and assess the influence of factors that hinder the widespread use of electronic voting on the example of the experience of Russia. The methodological basis of the work is represented by the synthesis of theoretical data, analysis, and forecasting. The results of the work consist in identifying technological, com-

petence, and political and legal groups of factors that limit the impact of using digital platforms on the transformation of electoral institutions in the Russian Federation. Based on these materials, scenarios of the evolution of the Russian electoral system are described in the context of the widespread use of electronic voting technology. We believe that the conclusions of the work will be useful for further studying the problems of the impact of electronic voting on the processes of transformation of electoral institutions not only in Russia, but also in other states.

Key words: *electronic voting, electoral institutions, transformations of electoral systems, digitalization, civic participation.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.013
УДК 32.323
Т.М. БЕЛЯКОВА
аспирант факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В условиях новых реалий современная православная церковь сталкивается с цифровизацией публичного пространства. В связи с этим церковь вынуждена адаптироваться к сложившейся ситуации. Цель нашей статьи – определить, каким образом РПЦ реагирует на вызовы, связанные с распространением информационных технологий.

Ключевые слова: *информационная политика, Интернет-технологии, Русская православная церковь, РПЦ, пиар.*

В последние годы проблематика вызова церкви в виде цифровых технологий привлекает все большее внимание исследователей. Социологи и политологи отмечают, что в XXI веке явления глобализации и медиатизации оказывают все большее воздействие на религиозную сферу. Е.А. Островская анализирует проблему медиатизации церкви, она утверждает, что в течение последних двадцати лет нарастает тенденция медиатизации российского православия: институт русской православной церкви, который до этого отличался консерватизмом в формах взаимодействия со своей целевой аудиторией, выходит на публичную социальную арену с использованием новых средств коммуникации [1]. А. Стурджилл делает акцент на эмпирическом анализе. Проведенный исследователем анализ веб-сайтов баптистских храмов показал, что основная задача, которую преследовали данные ресурсы, – это продвижение церкви как религиозной организации. Ф.К. Уках в своих исследованиях уделяет внимание проблеме влияния информационных технологий играют важную роль на процесс глобализации и медиатизации христианских церквей [8]. О.П. Чернега, анализируя проблему «религиозного Интернета», приходит к заключению, что всемирная сеть Интернет является одним из основных каналов миссионерской деятельности религиозных институтов [5. С. 30-31]. При анализе роли современных ресурсов в православии Л.А. Таймасов и Г.М. Лохонова отмечают возрастание количества людей, постигающих православное учение посредством всемирной сети [4. С. 120-125].

Несмотря на большое количество материалов как отечественных, так и зарубежных исследователей по теме использования церкви в условиях глобализации и медиатизации, остается не до конца исследованным важный в свете медиатизации информационного пространства вопрос об использовании Интернет-технологий в информационной политике современной церкви.

В нашей статье мы проследим, как РПЦ реагирует на вызовы, связанные с распространением информационных технологий и как адаптируется к сложившейся ситуации.

Для этого в статье проводится анализ православных медиаресурсов. Выборка составила 5 ресурсов: две страницы в социальных сетях (инстаграм, твиттер) Патриарха Кирилла, официальный сайт Московского Патриархата РПЦ, сайт журнала «Фома», поисковую систему «Рублев». В выборке представлены как социальные сети (предполагающие более неофициальный формат как подачи информации, так и обратной связи), так и официальные сайты (сайт Патриархата), так и СМИ, одобренные РПЦ, но не являющиеся ее официальными ресурсами (журнал «Фома») Нами был проведен контент-анализ ресурсов: анализировалась тематика содержания сайтов (разделы, рубрики), интерактивность ресурсов, социальная реклама на ресурсах. Также анализируется посещаемость ресурсов как индикатор интереса к ним целевой аудитории.

Интерес пользователей к РПЦ. Согласно международной статистике, на начало 2021 года в нашей стране насчитывалось 124 млн. пользователей глобальной сети Интернет [3]. Пользователи Интернета проявляют существенный интерес к тематике РПЦ. По данным, предоставленным каталогом православных ресурсов «Православное христианство.ру», на пространстве глобальной сети Интернет зарегистрировано более 6 тысяч православных сайтов на русском языке.

Нами была проанализирована частотность запросов по теме русской православной церкви в поисковой системе google за последние 5 лет. В строку поиска поисковой системы был введен запрос «РПЦ». Если сегодня в google ввести аббревиатуру РПЦ, то пользователи получат 16 800 000 запросов (0,79 сек.); также с помощью сервера google trends [7]. временные рамки 5 лет) была проанализирована динамика популярности данного запроса на территории России. Согласно полученным данным, 14-20 октября 2018 года является периодом с наивысшим уровнем популярности поискового запроса «РПЦ» в России за 5 лет. Причина такой поисковой активности по данной тематике обусловлена историческим событием. 15 октября 2018 года Священный синод Русской православной церкви принял решение о разрыве евхаристического общения с Константинопольской православной церковью в ответ на действия ее Синода, который заявил о намерении создать единую автокефальную поместную церковь на Украине, восстановил в церковном общении лидеров двух неканонических православных церк-

вей Украины и отменил действие соборной грамоты 1686 года, касающейся передачи Киевской митрополии в состав Московского патриархата. Это вызвало широкий общественный резонанс и послужило причиной роста поисковых запросов.

Далее можно отметить интерес к запрашиваемой теме с 16-22 октября 2016 и с 15-21 января 2017 года. Это связано с тем, что в октябре каждого года проходят заседания Священного Синода (См. График 1).

В настоящее время РПЦ пытается укрепить свою позицию в сети путем популяризации социальных страничек главы православной церкви: у патриарха Кирилла есть собственные профили в следующих популярных социальных сетях.

О популярности РПЦ у пользователей Интернета свидетельствует и тот факт, что профиль Патриарха Кирилла в Инстаграм имел по данным на ноябрь 2021 года 162 тыс. подписчиков.

Тематическая направленность религиозных социальных сетей и официальных ресурсов РПЦ. Проанализируем один из наиболее посещаемых сайтов РПЦ patriarchia.ru, официальный ресурс Московского Патриархата. На сайте существует несколько разделов: Патриарх, Новости, Документы, Межсоборное присутствие и т.п.

Сайт довольно информативен, пользователь получает доступ не только к фото и видео материалам, но и к церковным документам. Доступ к информации, как уже было сказано ранее, является одним из важных составляющих информационной политики.

Далее рассмотрим сайт журнала «Фома». «Фома» – журнал для сомневающихся, не официальное издание РПЦ, но имеющее ее благословение.

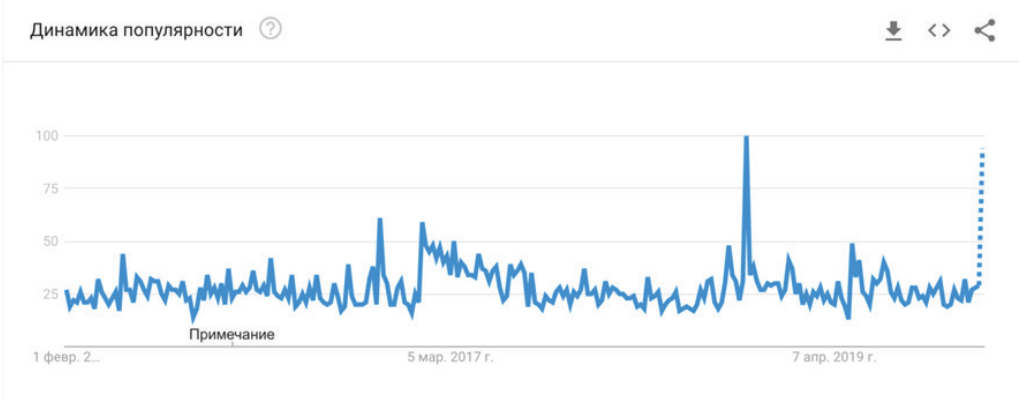


График 1. Динамика популярности поискового запроса «РПЦ» на территории России

Сайт имеет удобную навигацию.

Представлены рубрики:

– статьи;

– новости (примечательно, что на сайте представлены новости как из жизни церковной, так и из жизни светской, например, «Церковь празднует обретение мощей святой княгини Елизаветы Федоровны [6]»);

– вопросы священнику (интерактивный раздел). Здесь можно задать вопрос и получить ответ на него от священника. Вопросы разделены на тематические рубрики для удобства пользователей: «Семья, брак», «Любовь, отношения», «Дети, воспитание», «Уныние, страхи», «Работа, деньги, быт», «Вера, благочестие». Редакция журнала и ответственные за сайт быстро реагируют на актуальную ситуацию с коронавирусной пандемией, поэтому в разделе «Вопросы священнику» появилась такая рубрика, как «Вопросы о коронавирусе и карантине». Церковь (а в данном случае – православный журнал) выполняет важную функцию – психоаналитическую, функцию психологической поддержки, а также авторитетного мнения в спорных вопросах. Тут же и социальная реклама – идеи о семейных ценностях, добре, альтруизме человека. На сайте отдельно отмечается, что священники отвечают на вопросы абсолютно бесплатно (не получая денег ни с читателей сайта, ни от бухгалтерии журнала «Фома»), все базируется на альтруизме и личной заинтересованности;

– #Молимся за врачей (соборная молитва о врачах, медработниках и волонтерах). Проект запущен при поддержке Синодального отдела по благотворительности и Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Русской Православной Церкви [2];

– основы веры (Расписание церковных календарных служб и памятных для христиан дат, тексты евангельских чтений и богослужений, церковные праздники, традиции, советы священников, жития святых в анализе современного человека и т.п.);

– в храме (готовимся к воскресенью, календарный план молитв и мероприятий в храме в зависимости от календарной даты);

– культура (об искусстве и литературе);

– викторины (тесты на знание библейских сюжетов, толкование христианских аллюзий в искусстве, а также просто вопросы в виде тестов на общий культурный уровень и эрудицию целевой аудитории);

– помочь Фоме (сбор пожертвований на издание журнала, поиск священников, готовых безвозмездно сотрудничать в рубрике «Вопрос священнику»).

Далее проанализируем специфический ресурс – поисковую систему «Рублев». Поисковая система рассчитана на православную целевую аудиторию. Носит название по имени известного иконописца, автора иконы «Троица» Андрея Рублева. У поисковой системы свой слоган: «Ищите и обрящете»,

также она имеет свой логотип, который отображен вместе со слоганом возле поисковой строки. Над поисковой строкой располагаются рубрики с контентом: Молитвы, Храмы, Монастыри, Иконы, Праздники, Святые.

Если пройти по указанным ссылкам-рубрикам, то можно обнаружить алфавитный каталог текстов молитв, храмов и т.п. Это очень удобная опция, позволяющая находить православный контент без специального поискового запроса.

Под поисковой строкой расположена текущая календарная дата постарому, и новом у календарю. Отмечено, есть ли в данный день пост, какого святого сегодня день и т.п. В нижней части поисковика – новости на актуальные темы как из мирской, так и из церковной жизни. На домене доступна регистрация личной электронной почты.

Теперь перейдем к анализу социальных сетей – страниц в твиттере и инстаграме Патриарха Кирилла.

Твиттер Святейшего Патриарха Московского и всея Руси @PatriarchRussia имеет несколько рубрик твиты, твиты и ответы, медиа, нравится. В твиттере создается атмосфера более доверительного, «неформального» общения Патриарха с целевой аудиторией, твиты воспринимаются как мысли о жизни и назидания, поскольку Патриарх имеет авторитет в среде верующих.

На официальных ресурсах РПЦ информация подана более сдержанно, сухо. Такие же ресурсы как социальные сети позволяют повысить степень эмоциональной окраски высказываний, а также они дают возможность интерактива – участия целевой аудитории в коммуникации и обратной связи от целевой аудитории, это позволяет выйти на принципиально новый уровень подачи и восприятия информации.

Влияние РПЦ на молодежную целевую аудиторию. Потенциальной целевой аудиторией РПЦ является молодое поколение, поскольку от него зависит, насколько важным будет важна церковь человеку в ближайшем будущем. РПЦ сознательно проводит молодежную политику, используя для этого сеть Интернет, создавая аккаунты в социальных сетях, пользующихся популярностью у молодежи. В частности, сюда относится страница Патриарха Кирилла в Инстаграме (@patriarchkirill). Инстаграм – это социальная фотосеть, микроблог, популярный среди молодежи (71% пользователей от 18-24 лет).

Как мы видим, церковь сегодня активно осваивает и использует Интернет для воздействия на целевую аудиторию и удобства коммуникации с паствой. Пользователи сети Интернет, в свою очередь, проявляют интерес к религиозной православной тематике. У ресурсов РПЦ довольно большая посещаемость, в том числе молодежной аудиторией. В социальных сетях читатели активно комментируют и делают репосты со страниц главы РПЦ.

Православные сайты отличаются большей официальностью, сдержанностью в подаче информации. В социальных сетях информация подается

более креативно, в частности, в твиттере посты носят ярко выраженный назидательно-дидактический характер. Социальные сети более интерактивны, что позволяет общаться с целевой аудиторией и видеть ее реакцию онлайн.

Контент православных сайтов носит прежде всего просветительско-разъяснительный характер.

Проанализированная нами статистика активности и контент-анализ материалов Интернет-ресурсов РПЦ позволяют говорить о существенном влиянии Интернета на жизнь и формы коммуникации в православном дискурсе и при общении деятелей церкви с целевой аудиторией. Технологии помогают ускорить обратную связь, достичь большего охвата целевой аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Островская Е.А.* Медиатизация православия – это возможно? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

2. Проект журнала «Фома», «Молимся за врачей» // https://foma.ru/molimsja-za-vrachej.

3. *Сергеева Ю.* Интернет и соцсети в России в 2021 году – вся статистика // https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/.

4. *Таймасов Л.А., Лохонова Г.М.* Особенности сайтов епархий Среднего Поволжья и роль современных информационных ресурсов в православии // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 2 (8).

5. *Чернега О.П.* Религиозный Интернет: институциональные и творческие аспекты // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20). ISSN 1991-5497.

6. Церковь празднует обретение мощей святой княгини Елизаветы Федоровны // https://foma.ru/czerkov-prazdnuet-obretenie-moshhej-svyatoj-knyagini-elizavety-fedorovny.html.

7. Google Trends // https://trends.google.ru/trends/?geo=RU.

8. *Ukah.* The Redeemed Christian Church Of God (RCCG) // Nigeria. Local identities and global processes in African Pentecostalism, 2003.

T.M. BELYAKOVA
Postgraduate student, Faculty of Public Administration, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia

INTERNET TECHNOLOGIES IN THE INFORMATION POLICY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

In the context of new realities, the modern Orthodox Church is facing the digitalization of public space. In this regard, the church is forced to adapt to the current situation. The purpose of our article is to determine how the ROC responds to the challenges associated with the spread of information technology.

Key words: *information policy, Internet technologies, Russian Orthodox Church, PR, public relations.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.014
УДК 32.323
Э.Т. ЕСИЕВ
аспирант факультета политологии
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

СООТВЕТСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «TIKTOK» УСТАНОВЛЕННЫМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МЕТОДАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЯМ КОНФЛИКТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Появление и развитие новых социальных сетей влечет необходимость их анализа на предмет соответствия не только нормативно-правовым документам, принятым на территории Российской Федерации, но и на предмет соответствия тем социально-политическим ориентирам, которые являются основополагающими для развития государства. Одной из таких новых социальных сетей, наиболее быстрорастущей среди аналогов, является TikTok – площадка публикации коротких видеороликов, принадлежащая китайской компанией ByteDance. В российских СМИ данная социальная сеть стала особо заметна после несанкционированных митингов в январе 2021 года, когда многие СМИ определили TikTok, как основой инструмент конфликтной мобилизации. Целью данной статьи является выявление особенностей конфликтной мобилизации в TikTok, а также анализ соответствия этой социальной сети тем принципам, которые изложены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в части обеспечения информационной стабильности и развития государства. Такой анализ дает возможность определить потенциальный источник угроз и точек роста для тех методов противодействия интернет-технологиям конфликтных мобилизаций, которые определены в указанной Стратегии в качестве ключевых в вопросе обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: *национальная безопасность, интернет-технологии, социальные сети, TikTok, конфликт, конфликтная мобилизация.*

TikTok как площадка применения интернет-технологий конфликтной мобилизации. Согласно проведенному авторами данной статьи исследованию социальная сеть TikTok является самой быстрорастущей социальной сетью в истории российского интернета. Скорость увеличения аудитории TikTok в России составляет 10 млн человек в год, что на 1 млн больше, чем

у ближайшего преследователя «Вконтакте» и на 5,5 млн больше, чем третья по численности пользователей соцсеть в России «Одноклассники» (1).

Такой быстрый рост социальной сети определяется множеством факторов, среди которых стоит выделить следующие:

1. Широкие возможности социальной сети по охвату публикаций. Для больших объемов просмотров пользователю необязательно тратить долгое время для набора подписчиков. Умные алгоритмы социальной сети позволяют набирать миллионы просмотров видеороликам, у авторов которых меньше даже 100 подписчиков. Принцип работы алгоритма социальная сеть не раскрывает.

2. Удобный формат публикации: короткие видеозаписи, длительностью от 15 до 60 секунд, а также удобный интерфейс приложения.

3. Наличие интеграции с другими социальными сетями, в том числе с Instagram и YouTube, что позволяет наладить постоянный трансфер из одной социальной сети в другую.

Такой бурный рост и внимание к этой социальной сети естественным образом может привести к использованию данной площадки технологами конфликтной мобилизации. Основными предпосылками для этого являются:

1. Возможность быстрого вирусного распространения информации. Видеоролики, загруженные на платформу, могут набирать до 80 млн просмотров в течение короткого промежутка времени.

2. Большое количество пользователей сервиса. По актуальным данным за 2021 г. предполагаемая аудитория TikTok в России составляет 39,5 млн человек [8], что является 4 показателем среди всех социальных сетей.

3. Интерес аудитории TikTok к политической жизни страны. Так, выбрав наиболее популярные слова для контекстного анализа, удалось выявить, что количество просмотров видеороликов, содержащих эти слова, составило: «Путин» – 11,5 млрд просмотров, «Политика» – 4 млрд просмотров, «Навальный» – 4 млрд просмотров.

В качестве важного фактора популярности TikTok в части использования интернет-технологий конфликтной мобилизации, необходимо выделить общемировой тренд освещения политических событий именно в этой соцсети. Так, во время выборов президента Соединенных Штатов Америки в 2020 г. TikTok широко использовался кандидатами на эту должность. Действующий на тот момент президент Дональд Трамп к завершению предвыборной кампании был упомянут в видеозаписях, набравших суммарно 13 млрд просмотров. Победивший же кандидат – Джозеф Байден упоминался в видеороликах, набравших 4,2 млрд просмотров (2).

Массовость просмотров видеороликов политической тематики в этой сети означает, что данная площадка может использоваться политтехнологами и уже используется ими в качестве поля применения интернет-технологий конфликтной мобилизации.

В этой связи необходимым представляется соотнесение таких политических возможностей TikTok с принципами информационной безопасности Российской Федерации, изложенными в Указе президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия).

Соответствие социальной сети TikTok методам соблюдения состояния информационной безопасности России. Под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

TikTok, как и другие социальные сети, является площадкой, которая может использоваться в качестве поля применения технологий, составляющих угрозу национальной безопасности.

Важно определить термин угроза национальной безопасности, так как рассматриваться феномен интернет-технологий конфликтной мобилизации, применяемых в TikTok, будет в контексте определения этого термина. Под угрозой национальной безопасности понимается совокупность условий, факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации.

В тексте Стратегии приведены основные угрозы для Российской Федерации в информационной среде. А именно: размещение материалов тер-

рористических и экстремистских организаций в сети Интернет, призывы к массовым беспорядкам, осуществление экстремистской деятельности, участие в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, совершение самоубийства, пропаганда криминального образа жизни, потребление наркотических средств и психотропных веществ. Объектом воздействия же перечисленных выше угроз является молодежь.

Анализируя угрозы, приведенные выше, следует соотнести их с правилами социальной сети TikTok для определения, какие из них не попадают в мониторинг и модерацию (удаление, временная блокировка и т.д.) администраторами этой соцсети.

Размещение материалов террористических и экстремистских организаций входит в перечень запрещенных к публикации в TikTok на основании правил соцсети [5]:

«Пользователям запрещается публиковать, загружать, транслировать или передавать другим пользователям:

• контент, восхваляющий, пропагандирующий, прославляющий опасных лиц и/или организации или выражающий им поддержку;

• контент, призывающий к участию в опасных организациях, или публикуемый с целью привлечения новых членов в такие организации;

• контент, содержащий имена, символы, логотипы, флаги, лозунги, униформы, жесты, приветствия, иллюстрации, портреты, песни, музыку, тексты или другие предметы, предназначенные для целей обозначения опасных лиц и/или организаций».

При этом, в тексте Правил не указаны конкретные критерии определения организации как экстремистской. В связи с этим отсутствует понимание, являются ли запрещенными в TikTok все организации, признанные судебными органами Российской Федерации экстремистскими или террористическими.

Также правила TikTok запрещают публикацию контента, провоцирующего совершение самоубийств:

«Пользователям запрещается публиковать, загружать, транслировать или передавать другим пользователям:

• контент, содержащий инструкции по самоубийству;

• контент, изображающий, пропагандирующий, нормализующий или прославляющий самоубийство;

• игры в самоубийство, попытки бросить вызов совершить суицид, договоры о совершении самоубийства или розыгрыши, демонстрирующие совершение самоубийства».

В части защиты пользователей от видеороликов, пропагандирующих употребление наркотических или психотропных веществ, администрация TikTok также занимается модерацией контента:

«Пользователям запрещается публиковать, загружать, транслировать или передавать другим пользователям:

• контент, изображающий или пропагандирующий наркотики, употребление наркотиков или побуждающий других лиц к изготовлению, употреблению или торговле наркотиками или другими контролируемыми веществами;

• контент, в рамках которого предлагается покупка, продажа, обмен или навязывается приобретение наркотиков или других контролируемых веществ, табачных изделий или спиртных напитков (в том числе табачных изделий с технологией выпаривания);

• контент, предоставляющий информацию о способах приобретения запрещенных или контролируемых веществ;

• контент, изображающий или пропагандирующий изготовление запрещенных спиртных напитков;

• контент, изображающий или пропагандирующий злоупотребление разрешенными препаратами, или инструкции по изготовлению препаратов в домашних условиях с целю достижения состояния интоксикации».

Таким образом, среди всех угроз, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, только 2 не описаны в качестве нарушений в правилах социальной сети TikTok, а именно:

1) призывы к массовым беспорядкам;

2) участие в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

Данные угрозы могут попасть в отдельных случаях под формулировку одного из правил, а именно: «Пользователям запрещается публиковать, загружать, транслировать или передавать другим пользователям контент, который вводит участников сообщества в заблуждение относительно выборов или других гражданских процессов». Однако данный пункт правил не может быть трактован однозначно, что делает его выполнение сомнительным. Также важно отметить раздел «Руководство TikTok по вопросам взаимодействия с правоохранительными органами», где в перечне адресов, куда могут быть направлены запросы на предоставление данных пользователей, разместивших какой-либо контент в социальной сети, отсутствует Российская Федерация. Список выглядит следующим образом (Таблица 1).

Отсутствие России в данном перечне означает наличие возможных затруднений с реализацией решений, которые выпускают российские судебные органы в отношении авторов того или иного контента.

Согласно информации, приведенной выше, можно прийти к выводу лишь о частичной безопасности TikTok в части соответствия правил этой соцсети тем угрозам, которые определены в качестве ключевых в Стратегии национальной безопасности РФ. Более того, именно использование этой сети в качестве площадки для применения интернет-технологий конфликтной мобилизации является наиболее тонким местом в правилах TikTok.

Таблица 1

TikTok Inc. 5800 Bristol Parkway, Suite 100 Culver CIty, CA 90230 UNITED STATES (США)	Запросы касательно данных пользователей, находящихся в Соединенных Штатах Америки
TikTok Information Technologies UK Limited 6th Floor One London Wall London, EC2Y 5EB UNITED KINGDOM (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)	Запросы касательно данных пользователей, находящихся в Великобритании
TikTok Technology Limited 10 Earlsfort Terrace Dublin, D02 T380 IRELAND (ИРЛАНДИЯ)	Запросы касательно данных пользователей, находящихся в Европейской экономической зоне (страны-члены ЕС плюс Исландия, Лихтенштейн и Норвегия) и в Швейцарии
TikTok Pte. Limited 1 Raffles Quay, #19-11, South Tower, SINGAPORE 048583 (СИНГАПУР)	Запросы касательно данных пользователей, находящихся за пределами США, Великобритании, ЕЭЗ и Швейцарии

В качестве подтверждения данного тезиса можем привести результаты исследования, проведенного авторами данной статьи в феврале 2021 г. по итогам незаконных массовых акций сторонников российской оппозиции. Именно в тот момент TikTok стал восприниматься российскими средствами массовой информации в качестве важного инструмента эскалации политических процессов, о чем свидетельствует количество новостных публикаций и статей, выпущенных в период января-февраля 2021 г. [1; 2; 6].

Исследование включало в себя проведение контент-анализа видеороликов и определение их политической направленности, а также отношения авторов данного видеоролика к незаконным массовым акциям, произошедшим в период с 21.01.2021 г. по 23.01.2021 г. Для определения выборки роликов, были найдены 100 самых популярных из них на дату проведения исследования по 2 ключевым словам: «#Путин» и «#Навальный». Данные слова были выбраны в связи с их популярностью и выходом в основные слова поисковых запросов в TikTok в указанный период. Ниже приведена таблица сравнения контента по данным словами.

#ПУТИН	#НАВАЛЬНЫЙ
Среднее количество лайков на 100 самых популярных видеозаписях	
334	368
23.01.2021 – день, когда было опубликовано больше всего популярных видеороликов, а именно:	
19	17
Количество видеороликов, позитивных по отношению к хэштегу (из 100 самых популярных):	
36	86
Количество видеороликов, негативных по отношению к хэштегу (из 100 самых популярных):	
64	14
Суммарное количество лайков на видеороликах, позитивных по отношению к хэштегу (из 100 самых популярных)	
11 995	30 753
Суммарное количество лайков на видеороликах, негативных по отношению к хэштегу (из 100 самых популярных)	
21 377	6 000

Итогом данного исследования является тезис о высоком уровне конфликтной мобилизации пользователей сети TikTok в преддверии несанкционированных акций протеста в январе 2021 г. в Российской Федерации.

В соответствии с этим тезисом становятся понятными возможности социальной сети TikTok в части допущения распространения угроз национальной безопасности Российской Федерации, указанных в Стратегии. Одна из задач авторов исследования – подчеркнуть методы противодействия интернет-технологиям конфликтной мобилизации в этой социальной сети, а также проанализировать методы борьбы с угрозами, предложенные в Стратегии национальной безопасности РФ, на возможность их применения в TikTok.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации предлагает 16 направлений противодействия угрозам национальной безопасности в информационной среде. Среди них релевантными для использования в TikTok являются следующие:

1. Развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий таких угроз.

Важным фактором в этом направлении является обеспечение перманентного мониторинга за контентом, публикуемым в социальной сети TikTok, с целью выявления случаев использования интернет-технологий конфликтной мобилизации.

2. Обеспечение защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, в том числе с использованием информационных технологий.

Роскомнадзор РФ активно работает в направлении защиты персональных данных, формируя нормативно-правовые акты, обязывающие иностранные интернет-компании локализовать работу с данными, получаемыми на территории Российской Федерации [7].

3. Доведения до российской и международной общественности достоверной информации о внутренней и внешней политике Российской Федерации.

4. Развитие взаимодействия органов публичной власти, институтов гражданского общества при осуществлении деятельности в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Последние два фактора являются ключевыми для реализации методов предотвращения эффективного использоваться интернет-технологий конфликтной мобилизации в TikTok. Необходимо обеспечить присутствие государственных органов РФ, а также лиц, замещающих государственные должности, в социальной сети TikTok, что позволит напрямую доносить до пользователей правильную информацию, а также бороться с манипуляциями отдельных политических акторов. Российские государственные органы активно развиваются в этом направлении. Так, Минпросвещения РФ [3], МЧС РФ [4], а также Ростуризм РФ [9] имеют свои страницы в этой социальной сети.

Помимо прямого диалога представителей власти с пользователями социальной сети, необходимо использовать возможность и косвенного распространения позитивной информации о стране и ее представителях. Достижение этого результата возможно с помощью проведения различных виртуальных мероприятий, например, флешмобов. В качестве примера и аналогии авторы исследования предлагают обратить внимание на сферу культуры и спорта. Так, на актуальную дату (06.12.2021 г.) в TikTok активно распространяется флешмоб #мастерспорта, где пользователи делятся знаниями в области тренировок и спорта. Многочисленные видеозаписи в рамках этого флешмоба суммарно набрали более 100 млн просмотров. В свою очередь, активно распространяется и флешмоб #весьмиртеатр, где пользователи должны сыграть известную театральную постановку, а лучшие из них получат бесплатные билеты в театр. Такая акция собрала уже 46,2 млн просмотров.

Таким образом, можно прийти к выводу о наличии широких возможностей по предотвращению угроз информационной безопасности Российской Федерации в TikTok.

Выводы. В качестве вывода авторы данного исследования отмечают, что новые социальные сети, в частности TikTok, являются подходящей средой для применения интернет-технологий конфликтной мобилизации, что представляет угрозу для сохранения информационной безопасности Российской Федерации. Однако существующие методы противодействия этим технологиям, описанные в Стратегии национальной безопасности РФ имеют потенциал для нивелирования угроз политической мобилизации населения для участия его представителей в незаконных политических акциях. Таким образом, авторы исследования пришли к выводу о соответствии социальной сети TikTok утвержденным государством методам сохранения стабильности в интернет-пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Данные для исследования были взяты из ресурса mediascope.net.

(2) По данным собственного исследования авторов статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Как «ТикТок» захлестнула протестная волна // BBC // https://www.bbc.com/russian/features-55757215.

2. Лига безопасного интернета выступила за ограничение TikTok в РФ из-за призывов к протестам // ТАСС // https://tass.ru/politika/10522907.

3. Официальный аккаунт Министерства просвещения Российской Федерации // TikTok // https://www.tiktok.com/@minprosvet.

4. Официальный аккаунт МЧС России // TikTok // https://www.tiktok.com/@mchs.russia.

5. Правила сообщества // TikTok // https://www.tiktok.com/community-guidelines?lang=ru#39.

6. Роскомнадзор потребовал от TikTok и других соцсетей заблокировать призывы к массовым протестам среди молодежи // Фонтанка.ру // https://www.fontanka.ru/2021/01/20/69712676?recordId=2021%2F01%2F20%2F69712676&regionId=478.

7. Роскомнадзор опубликовал Перечень иностранных интернет-компаний, которые должны открыть представительства в России // Роскомнадзор РФ // https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73944.htm.

8. Самые популярные соцсети в России // Коммерсант // https://www.kommersant.ru/amp/5006356.

9. Russia.travel.official // TikTok // https://www.tiktok.com/@russia.travel.official.

E.T. YESIEV
Postgraduate student at the Department of political science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

COMPLIANCE OF THE TIKTOK SOCIAL NETWORK WITH THE METHODS OF COUNTERING INTERNET TECHNOLOGIES OF CONFLICT MOBILIZATION ESTABLISHED IN THE RUSSIAN FEDERATION

The emergence and development of new social networks entails the need for their analysis for compliance not only with the regulatory documents adopted in the Russian Federation, but also for compliance with the socio-political guidelines fundamental for the development of the state. One of such new social networks and the fastest growing among them is TikTok, a platform for publishing short videos that is owned by the Chinese company ByteDance. In the Russian media, this social network became particularly noticeable after unauthorized rallies in January 2021, when many media identified TikTok as the main tool of conflict mobilization. The purpose of the article is to identify the features of conflict mobilization in TikTok, as well as to analyze the compliance of that social network with the principles set out in the National Security Strategy of the Russian Federation in terms of ensuring information stability and state development. Such an analysis makes it possible to identify a potential source of threats and growth points for the methods of countering Internet technologies of conflict mobilizations identified in the above Strategy as key technologies for the information security.

Key words: *national security, Internet technologies, social networks, Tik Tok, conflict, conflict mobilization.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.015
УДК 32.327
Х. КУЧКОРОВ
независимый исследователь
Института изучения проблем молодежи и
подготовки перспективных кадров Агентства по делам
молодежи Республики Узбекистан, Республика
Узбекистан, г. Ташкент

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К МОЛОДЕЖИ В КАЧЕСТВЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕСУРСА

В статье автор анализирует государственную молодежную политику Узбекистана. В качестве неотъемлемой части молодежной политики он рассматривает национальную систему образования в стране. Место и роль молодежи в процессе формирования правового демократического государства и гражданского общества.

Ключевые слова: *молодежная политика, духовное воспитание, государственная политика, образование.*

Молодежь в целом является группой «развития». Молодежная политика как на «глобальном», так и на «национальном» уровнях, должна быть направлена не на создание тепличных условий для данной социальной группы, а на проектную деятельность, в которой юноши и девушки являлись бы участниками социально-экономических и политических преобразований.

На наш взгляд, можно выделить несколько уровней и тенденций трансформации молодежи для развивающихся, развитых и модернизирующихся стран. Из исторического пути развития любого государства известно, что ускоренное развитие той или иной страны, достижение ею определенных успехов, благополучие народа тесно связаны со степенью внимания, которое в данной стране уделяется учебе и воспитанию молодежи, ее будущности. «Сегодня человек живет, ощущая постоянное влияние, распространяющееся из ближних и дальних идеологических источников различного толка, которые служат лишь интересам определенных государств и политических сил» [1].

В этом смысле вопрос молодежи в Узбекистане является одним из самых приоритетных направлений государственной политики Ш. Мирзиёева. Меньше чем за пять лет, по инициативе Президента Шавката Мирзиёева, в государственной молодежной политике Узбекистана были предприняты практические шаги по всесторонней поддержке молодых. В частности, принято три закона, десятки указов, постановлений и распоряжений главы государства и решений правительства.

Следуеть отметить что, эффективное накапливание инновационного потенциала развития молодежи и использование человеческого капитала в современном обществе является одним из приоритетных направлений деятельности многих стран. Исходя из данного фактора по инициативе главы нашего государства в нашей стране образованию и воспитанию молодежи, обеспечению ее прав и интересов придается приоритетное значение. Организовано отдельное государственное ведомство – «Агентство по делам молодежи». Также действуют Союз молодежи, при нем – более тридцати негосударственных организаций. Во всех регионах реализуются Государственная программа «Молодежь – наше будущее» и «Пять инициатив», охватившие различные сферы [4]. При этом, безусловно, молодежная политика любого государства отражает уровень его социально-экономического, демографического, политического, духовно-культурного развития, является вкладом государства в будущее молодежи. Взгляды Президента на государственную молодежную политику нашли отражение в ряде законов за последние пять лет. В сфере защиты прав и интересов молодежи, создания необходимых условий и возможностей в нашей стране создана прочная правовая база, и эта система в настоящее время совершенствуется созвучно требованиям времени. В частности, на сегодняшний день парламент принял свыше 40 законодательных актов касательно молодежи, ратифицировал свыше 30 международных правовых документов. Столь серьезное внимание к молодежи было встречено с особым вниманием экспертов, ученых и широкой общественности.

В условиях интенсификации и либерализации рыночных отношений происходит усложнение социально-политических и экономических процессов, обострение проблем в различных сферах. Расширение международных связей и глобализация информации приведут к глубоким изменениям в сознании общества в целом, особенно молодежи. По мере роста проблем члены общества склонны использовать необычные, а в некоторых случаях незаконные методы их решения. Именно из-за этого во многих обществах возникают социально-политические кризисы, а через молодежь возникают течения и движения против конституционной системы. В такой среде молодые специалисты, работающие в различных системах, нуждаются в программном руководстве со стороны государства. Без глубоких исследований и научной базы трудно сформулировать четкую стратегию для молодых людей, особенно молодых лидеров, и она не дает ожидаемых результатов. Это связано с тем, что в вышеупомянутых сложных условиях обострение социальных конфликтов приводит к коллапсу идеологических, духовных, экономических ценностей у молодежи. В условиях свободных рыночных отношений социальные отношения становятся очень сложными, и безжалостные меркантилистские ценности становятся главным критерием молодежи. В результате усиления расслоения, обусловленного требованиями

свободного рынка, молодые люди, которые недостаточно зрелы, чтобы преодолеть проблемы, становятся все более и более уязвимыми перед социальными недугами. Чувство патриотизма исчезает в результате наркомании, аморальности, утраты или неправильного толкования национальных и религиозных убеждений, краха института семьи и т.д. Молодые люди часто не могут четко определить свою духовную и идеологическую ориентацию, отклоняясь от ценностей, преобладающих в традиционном обществе. Это, в свою очередь, приводит к постепенному исчезновению национального имиджа, смешиванию молодежных приоритетов с ценностями свободного рынка. Технократическое мировоззрение заменило дух сообщества, который исторически был характерен для азиатских стран, и в результате нация, утратившая свою идентичность, становится громом от глобального рыночного механизма. Доказательством вышесказанного является тот факт, что в сегодняшних конфликтах в различных частях мира самые ужасные преступления совершаются брошенными, брошенными молодыми людьми, большое количество молодых людей в рядах террористических групп. Обеспокоенный, глава нашего государства обратился не только к нашему народу, но и к мировому сообществу. На 72-й сессии Генассамблеи ООН Президент подчеркнул необходимость принятия Международной конвенции о правах ребенка, подчеркнув, что государство и страна происхождения должны нести ответственность за действия молодых людей, даже если они имеют место в других регионах и странах [7]. Единственным условием устранения подобных негативных ситуаций, по мнению главы нашего государства, является создание благоприятных условий и возможностей для полной демонстрации молодыми людьми своего потенциала. В результате комплекс мер, принимаемых в молодежной сфере, превратился в комплекс, охватывающий различные области.

В этом отношении, выдвижение Шавкатом Мирзиёвым пяти важных инициатив по системному осуществлению действий в социальной и духовно-просветительской областях, впервые в истории Узбекистана положило начало новому этапу в воспитании и образовании молодежи. **Первая инициатива** – повышение интереса молодежи к музыке, рисованию, литературе, театру и другим видам искусства. **Вторая инициатива** – физическая закалка молодежи, создание необходимых условий для проявления своих способностей. **Третья инициатива** – организация эффективного использования населением и молодежью компьютерных технологий и Интернета. **Четвертая инициатива** – организация системной работы по повышению духовности молодежи, широкой пропаганде чтения книг. **Пятая инициатива** – обеспечение занятости женщин. Благая идея руководителя государства с большим интересом была встречена как народом в целом, так и молодежью, и за короткое время широко распространилась по всей стране [5]. В молодежной политике Президента есть два важнейших направления: первое – предоста-

вить современное образование, второе – обеспечить занятость молодежи. Эти цели лежат в основе реформ и инициатив последних лет.

В частности, для развития знаний и таланта молодежи создана новая система Президентских, творческих и специализированных школ. В целом, выросло внимание к школьному образованию, стимулы и уважение к учителям. У подрастающего поколения усилилась тяга к знаниям. Устранение стереотипа, который многие лидеры рассматривали как «носителя проблем» для молодежи, можно рассматривать как одно из наиболее значительных изменений на практике. Именно Ш.М. Мирзиёев видит в молодых людях положительную силу в ряде своих выступлений, нормативных документов и практических шагов и требует того же от других. Политика, которая включает взгляд на молодых людей как на мощный ресурс, заключается в том, чтобы ценить их как полноправных граждан, верящих в свои права и способности, и создавать для них условия для более широкой демонстрации своего потенциала. Такой подход побуждает молодых людей работать и творить независимо, укрепляет критически-аналитическое наблюдение и служит развитию общества. Такая политика рассматривает всех молодых людей как целевые группы.

Сегодня все сферы страны задействованы в обеспечении интересов государственной молодежи Узбекистана, всемерно ее поддерживая, мобилизуя на великие цели. В конце концов, молодые люди – это «ростки, и они наклоняются, куда бы мы их ни направили». Если мы подойдем к ним как к простому «элементу, несущему проблемы», завтра они действительно попадут в вихрь проблем, который захлестнет все общество в целом. Напротив, если к ним относиться как к положительной силе, они становятся поистине творческой силой. Важнейшим этапом воспитания молодежи, несомненно, является среднее образование. Именно в школе человек приобретает большую часть знаний и навыков, которые понадобятся ему в будущей жизни. Если добавить к этому среднее специальное образование, то после этого этапа каждый мальчик и девочка должны были стать самодостаточными гражданином. Однако на практике эта система не полностью выполняла свою функцию. В связи с этим Ш.М. Мирзиёев за прошедший короткий период высказал множество возражений должностным лицам этого сектора, выдвинул ряд предложений по решению существующих проблем и совершенствованию сектора. В частности, поддерживая предложения и комментарии миллионов родителей в нашей стране, они выдвинули идею восстановления 11-летней школьной системы. Начиная с сентября 2017 года, средние школы снова начали принимать учеников в 10-е классы. Это очень порадовало наших граждан, заботящихся об образовании и воспитании своих детей. Молодые люди, находящиеся на территории своей махалли, получают образование под постоянным присмотром членов семьи и соседей, имеют возможность быть защищенными от различных стихийных бедствий, неконтролируемых воздействий.

По статистике, восемь из десяти младенцев, рожденных в мире, считаются одаренными. Но не все из них растут в условиях, способствующих получению образования. В результате большинство детских талантов не раскрываются.

Родители, воспитывающие детей в нашей стране с большими надеждами, должны гордиться тем, что на уровне государственной политики мы уделяем внимание своевременному выявлению талантов и навыков подрастающего поколения, их всесторонней поддержке, созданию достаточных условий для современного образования. Об этом свидетельствуют реализованные за последний год комплексные меры и их первые результаты. В нашей стране проводится большая работа по выявлению талантливых молодых людей, их обучению и превращению в полноправных людей, которые будут служить будущему. Взгляды молодых людей учитываются, их поддерживают, им поручают ответственные задачи, руководящие должности. В последние годы в системе высшего образования был проведен ряд реформ. Президент Республики Узбекистан принял два специальных постановления, направленных на повышение качества подготовки кадров высшей школы. В этих постановлениях поставлен ряд задач: от материально-технической базы каждого вуза до научного потенциала, качества образования, улучшения духовно-нравственного воспитания, механизмов их реализации и финансовых ресурсов [6].

Введение ряда льгот при приеме поступающих в высшие учебные заведения, создание возможностей для различных форм обучения по выбранной специальности – дневной или заочной или средней специализации, создание новых учебных заведений, медицина и педагогика; следует отметить, что квоты приема увеличиваются, и все это усилия, направленные на превращение молодых людей в поколение, которое может построить свое собственное будущее.

Кардинально меняется и система подготовки высококвалифицированных научных и научно-педагогических кадров. Чтобы дать возможность молодым людям, которые годами боролись за защиту результатов научных исследований, поддержать их, создать систему, которая поможет молодым людям, которые сейчас вступают в науку, не выталкивать их из груди, а вести за собой их собственноручно приняты нормативные документы. Возрождена Академия наук Узбекистана, вновь открываются научно-исследовательские институты. В основе этой деятельности лежит поддержка молодых людей, вооружение их знаниями и помощь им в поиске своего места в жизни. Важно понимать, что проблема занятости в свою очередь повышает риск попадания молодых людей под влияние деструктивных сил, увеличивает потоки незаконной миграции. Реализация в соответствии с указом Президента от 27 июня 2018 года Госпрограммы «Yoshlar – kelajagimiz» призвана обеспечить занятость молодых людей посредством содействия и поддержки

их бизнес-инициатив, стартапов, идей и проектов, обучения востребованным на рынке труда специальностям и навыкам ведения бизнеса, повышения социально-экономической активности в целом. Для этих целей при Союзе молодежи Узбекистана создан фонд «Yoshlar – kelajagimiz», его районные и городские филиалы [3].

Признанным миром направлением кардинальных изменений в Узбекистане за последние два года являются экономические реформы. Реформы валютной политики, создание новых свободных экономических зон, изменение налоговой и таможенной систем – все это направлено на создание благоприятного инвестиционного климата в стране. Благоприятный инвестиционный климат обеспечит запуск в стране новых предприятий.

Создание новых рабочих мест также является проявлением заботы о подрастающем поколении. Потому что вторая по значимости проблема молодых людей, которые представляют собой отдельную социально-демографическую группу, – это их занятость. Можно сказать, что все реформы в экономической сфере направлены на счастье нашего народа и, в конечном итоге, нашей молодежи. Наконец, как социально-демографическая группа, еще одна большая проблема для молодых людей – это женитьба, рождение детей и обретение собственного счастья в семье. Только в прошлом году в нашей стране в этом направлении был принят ряд мер. В частности, общественные активисты, представители женских и молодежных организаций ходили по домам и проводили большую работу по изучению и решению проблем молодых семей. В результате были ликвидированы беспорядки в тысячах семей и предотвращены разводы. Что касается семейных ценностей, то событием, которое может превратить любую молодую семью в самых счастливых людей, несомненно, является рождение ребенка в этой семье. Здорового ребенка рождают здоровые родители. Поэтому конечная цель всех усилий и реформ, проводимых под руководством Президента Шавката Мирзиёева, направлена на воспитание здорового поколения. Долгосрочные реформы в этой области, направленные на радикальное изменение медицинской системы в соответствии с современными требованиями, сегодня можно увидеть в отдаленных деревнях и районах, провинциях или городах – везде. Благодаря указу и постановлениям Президента о здоровье, здоровье матери и ребенка и социально-медицинской защите детей во всех регионах страны была реорганизована деятельность перинатальных и скрининговых центров матери и ребенка.Проведена планомерная работа по улучшению репродуктивного здоровья, что является важным условием развития здорового ребенка, по предупреждению рождений с врожденными пороками и заболеваниями, по дальнейшему укреплению материально-технической базы и кадрового потенциала медицинских учреждений [2]. За последний год в нашей стране проделана большая работа, думая о своем будущем, здоровье и перспективах подрастающего поколения. Пример

тому – практическая работа по кардинальному повышению качества медицинских услуг, повышению медицинской культуры молодежи. Дальнейшее усиление мер по гармоничному развитию подрастающего поколения, совершенствованию системы репродуктивного здоровья матери и ребенка, приоритетному развитию системы здравоохранения на основе профилактики, укреплению материально-технической базы медицинских услуг, рождению и воспитанию здоровые дети. Проводится большая положительная работа по усилению разъяснительной и консультативной работы между ними. Это строительство и реконструкция корпусов лечебно-оздоровительных учреждений республики, оснащение лечебно-профилактических учреждений современным медицинским и лабораторным оборудованием, реабилитация детей и подростков на базе санаториев предприятий, организаций и образовательных учреждений [8]. Попутно мы начали большую работу. Для подготовки конкурентоспособных кадров с высшим образованием и квалификацией в нашей стране количество вузов достигло 141, открыты филиалы 26 зарубежных вузов. Однако в 2016 году количество университетов в стране составляло 77. Тот факт, что мы почти удвоились в этой области за короткий период времени, несомненно, является результатом наших усилий по увеличению интеллектуального потенциала нашей молодежи, нашего общества в целом, чтобы приблизить их к современным знаниям и профессиям.

За последние пять лет квота на высшее образование была увеличена втрое, и в этом году 182 тысячи молодых людей имеют возможность стать студентами. Это означает, что общий охват составил 28%. Сравните сами, 4 года назад этот показатель составлял всего 9 процентов. В этой связи увеличение государственных грантов с 21 тыс. До 47 тыс., Вывод прошлогоднего опыта на новый уровень и выделение специальных грантов 2000 девушкам из малообеспеченных семей для поступления в университеты в этом году является примером нашего практического внимания к будущему наша молодость [8]. Конечно, наша работа в этом направлении не только последовательно продолжается, но и поднимается на более высокий уровень. С этой целью Указ от 13 июля 2021 года «О дополнительных мерах по поддержке молодежи и повышению ее социальной активности» подтверждает эту точку зрения.Этот документ предусматривает создание более 30 дополнительных льгот и возможностей для молодежи нашей страны. Я хочу подумать только об одной из этих возможностей. Контрактные деньги детей из семей, включенных в «железную книгу», обучающихся в вузах в 2021-2022 учебном году, будут выплачиваться из государственного бюджета за первый учебный год. Этой возможностью пользуются дети из более чем 4000 семей по всей стране. На эти цели из бюджета будет выделено 29,2 миллиарда сумов.

В настоящее время во всех регионах страны проходят искренние встречи представителей трех поколений, в которых принимают активное участие наши уважаемые старшие, и служат их взгляды на свой труд и жизненный

опыт, ценность и важность сегодняшних мирных и светлых дней. как настоящая школа для нашей молодежи.

В одном из хадисов, собранных имамом Бухари, говорится: «Знания, полученные в юности, подобны узору, высеченному на камне». Из истории хорошо известно, что наши великие ученые, следуя такой мудрости, сделали великие открытия в области науки и внесли неоценимый вклад в развитие всеобщей мысли.

Продолжая такие священные традиции, не только наш долг, но и наш священный долг перед историей и будущим – воспитать в нашей стране новых хорезмийцев, ферганайцев, берунисов, Ибн Сина, Мирзо Улугбеков и Навои.

Попутно мы начали большую работу. Для подготовки конкурентоспособных кадров с высшим образованием и квалификацией в нашей стране количество вузов достигло 141, открыты филиалы 26 зарубежных вузов. Однако в 2016 году количество университетов в стране составляло 77 [8]. Тот факт, что мы почти удвоились в этой области за короткий период времени, несомненно, является результатом наших усилий по увеличению интеллектуального потенциала нашей молодежи, нашего общества в целом, чтобы приблизить их к современным знаниям и профессиям.

Таким образом, в заключение отметим, что инвестиции в молодежь это принципиально новое понимание места молодежи в обществе, предоставление молодежи не просто гарантий и ресурсов, условий и возможностей, но и обеспечение реализации творческого, интеллектуального, физического потенциала молодежи, ее активное вовлечение в жизнь общества, возможность ее развития в экономической, политической, духовной, социальной, демографической сферах. Только такой подход может в конечном итоге обеспечить процесс социального воспроизводство общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авазов К.* Внешние и внутренние угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе и их взаимосвязь // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301) // https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnie-i-vnutrennie-ugrozy-sovremennosti-bezopasnost-i-stabilnost-v-obschestve-i-ih-vzaimosvyaz.

2. Қонун устуворлиги ва инсон манфаатларини таъминлаш – юрт тараққиёти ва халқ фаровонлигининг гарови (Ўзбекистон Республикаси Конституцияси қабул қилинганининг 24 йиллигига бағишланган тантанали маросимдаги маъруза, 2016 йил 6 декабрь) // Халқ сўзи. 7 декабрь 2016.

3. *Мирзиёев Ш.* Миллий тараққиёт йўлимизни қатъият билан давом эттириб, янги босқичга кўтарамиз. Тошкент: «Ўзбекистон», 2017.

4. *Мирзиёев Ш.М.* Эркин ва фаровон, демократик Ўзбекистон давлатини биргаликда барпо этамиз. Т.: «Ўзбекистон», 2017.

5. *Мирзиёев Ш.М.* Ёшлар таълим-тарбияси учун кушимча шароитлар яратиш буйича беш ташаббус. Т.: «Сиёсат», 3 апрель 2019.

6. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномаси // Халқ сўзи. 25 январь 2020.

7. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Бош Ассамблеясининг 72-сессиясидаги нутқи (Нью-Йорк шаҳри, 2017-йил 19-сентябрь) («Халқ сўзи», 2017-йил 20-сентябрь).

8. Янги Ўзбекистон демократик ўзгаришлар, кенг имкониятлар ва амалий ишлар мамлакатига айланмоқда. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг «Янги Ўзбекистон» газетаси бош муҳаррири Салим Дониёровнинг саволларига жавоблари // https://yuz.uz/news/yangi-ozbekiston-demokratik-ozgarishlar-keng-imkoniyatlar-va-amaliy-ishlar-mamlakatiga-aylanmoqda .

Kh. KUCHKOROV
Independent researcher at the Institute
for the Study of Youth Problems and the Training
of Promising Personnel of the Agency for Youth Affairs
of the Republic of Uzbekistan, Tashkent,
Republic of Uzbekistan

MODERN APPROACH TO YOUTH AS A STRATEGIC RESOURCE

In the article, the author analyzes Uzbekistan state youth policy. He considers the national education system in the country as an integral part of youth policy. The place and roles of youth in the process of formation of a legal democratic state and civil society.

Key words: *youth policy, spiritual education, public policy, education.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.016
УДК 32.323
А.Ю. МАЛИНИН
аспирант Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра при Российской академии наук, Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ ПАРТИИ «НОВЫЕ ЛЮДИ» НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ VIII-ГО СОЗЫВА

На выборах в Государственную Думу VIII созыва в российском парламенте впервые за двадцать лет сформировалась пятая фракция благодаря прохождению 5-процентного барьера недавно созданной партией «Новые люди». Эта партия – единственная среди партийных проектов последних лет сумела добиться такого значительного успеха, быстро завоевав электорат в разных регионах России. В статье исследуется предвыборная деятельность данной партии в последние месяцы электорального цикла с акцентом на медиа активность. На протяжении наиболее активного периода предвыборной кампании в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва авторы ежедневно анализировали продвижение партий в ключевых социальных сетях таких, как Instagram, VK, Facebook и Telegram с целью оценить общий уровень активности ведения избирательной кампании. Среди всех новых партийных проектов наиболее ярко выделилась партия «Новые Люди», которая, несмотря на свое недолгое существование, смогла не только привлечь авторитетных и в то же время новых кандидатов, но и организовать активную и грамотную предвыборную кампанию с большим акцентом на продвижение в медиа пространстве. Так как по сравнению с офлайн деятельностью медиа активность партии проще проследить и, как следствие, оценить, в данном исследовании авторы фокусируются на предвыборной деятельности «Новых Людей» именно в социальных сетях. Одна из главных целей данной работы заключается в том, чтобы оценить электоральную деятельность партии и выявить ее взаимосвязь с результатом «Новых людей» на выборах.

Ключевые слова: *политические партии, выборы, предвыборная активность, электоральный рейтинг.*

Введение. Партийная система России за последние двадцать лет развивалась по пути консервации и стагнации, характеризуясь крайне ограни-

ченной политической конкуренцией [2]. До 2021 года Парламент формировался из представителей одних и тех же партий – доминирующей «Единой России» и партий системной оппозиции – КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России».

При этом, на момент электорального цикла 2021 года парламентские партии испытывали довольно серьезный кризис доверия со стороны российского общества, демонстрирующего очень низкий уровень поддержки Государственной Думы (от 13 до 20% в последние годы) [6]. Кроме того, старые парламентские партии были не способны полноценно выполнять функцию социального представительства из-за низкого рейтинга доверия у населения в целом и слабости контакта с такими целевыми аудиториями, как молодежь или бизнес-сообщество.

В результате сформировался устойчивый запрос на обновление политического поля, в том числе, путем формирования новых партийных проектов, ответом на который стало создание четырех относительно крупных партий: «Новые люди», «За правду», Зеленая альтернатива (ЗА) и Партия прямой демократии (ППД). Из них три партии приняли участие в выборах в Государственную Думу VIII созыва: «За правду» в объединении со старой парламентской партией «Справедливая Россия», ЗА и «Новые люди» – самостоятельно.

Изначально создание данных партий, по мнению исследователей, было мотивировано желанием повысить конкуренцию на выборах, разнообразить привычный политический ландшафт и, как следствие, способствовать повышению интереса населения к голосованию и явки [1]. На момент 5 сентября 2020 года максимальный рейтинг непарламентских партий составлял всего 3%, такие показатели имели «Новые люди» и Российская партия пенсионеров за социальную справедливость [4]. По прогнозам большинства политических экспертов, по итогам выборов парламент должен был сохранить четырехпартийную модель [7; 10].

Однако по итогам подсчета голосов впервые за 20 лет в Государственную Думу прошла пятая партия: «Новые люди» получили 5,32% голосов избирателей и 13 мандатов соответственно, сформировав собственную фракцию [11]. Настоящее исследование представляет анализ деятельности данной партии в социальных сетях в последние месяцы электорального цикла с тем, чтобы выявить наличие или отсутствие взаимосвязи между медиа активностью и результатом «Новых людей» на выборах. В исследовании использованы статистические данные, собранные авторами вручную либо с помощью автоматизированных сервисов мониторинга социальных сетей.

Создание и развитие партии «Новые люди». О создании партии «Новые люди» было объявлено в январе 2020 года и приблизительно за месяц партия сумела сформировать 60 региональных отделений в субъектах РФ. Учредительный съезд состоялся 1 марта в Москве и во второй половине

того же месяца «Новые люди» были зарегистрированы Министерством Юстиции России [3]. Председателем партии «Новые люди» стал основатель компании Faberlic Алексей Нечаев.

В сентябре 2020 года состоялся очередной Единый день голосования, в который прошли избирательные кампании различного уровня. Партия «Новые люди» совокупно выдвинула примерно 400 кандидатов в 12 субъектах России. По итогам Единого дня голосования, партия обеспечила себе представительство в четырех региональных законодательных собраниях по партийным спискам: Калужская обл. (8,08%), Новосибирская обл. (7,0%), Костромская обл. (7,5%) и Рязанская обл. (5,7%). Таким образом, «Новые люди» получили возможность участвовать в выборах в Государственную Думу VIII созыва без сбора подписей [5].

В течение всего предвыборного периода наибольшее внимание в своей деятельности партия уделяла региональной повестке, проблемам в экономической и финансовой сфере, образовании, сохранению благоприятной окружающей среды. Многие представители партии (Алексей Нечаев, Сардана Авксентьева, Сергей Жигунов, Артем Соловейчик и другие) совершили серию поездок по регионам, проведя множество встреч с жителями и сторонниками в разных городах. На момент 25 августа партия создала 547 представительств в городах России [8]. Логично, что эти же темы стали приоритетными в рамках продвижения партии в социальных сетях: статистика используемых «Новыми людьми» хэштегов, также подчеркивает акцент на темы регионов, экологии и образования.

Стоит отметить, что активность партии направлена в первую очередь на молодежь и среднюю возрастную категорию избирателей, в том числе родителей детей школьного возраста. Вопросы пенсионного обеспечения и другие проблемы пожилых граждан практически не затрагиваются; тема доступной среды освещается в большей степени с точки зрения граждан с ограниченными возможностями здоровья. Состав кандидатов от партии тоже сравнительно молодой: средний возраст кандидата составляет около 35 лет.

Ключевой персоналией партии стала Сардана Авксентьева, бывший мэр Якутска. Она известна как «народный мэр» и пользуется большим уважением за свою работу на этом посту. В течение предвыборной кампании она выступала прежде всего представителем «голоса регионов» и уделяла наибольшее внимание региональным проблемам. Публикации в социальных сетях «Новых людей» наиболее широко освещали деятельность этой представительницы партии: хэштег «сарданаавксентьева» – один из самых популярных хэштегов партии в Instagram и Facebook.

В рамках предвыборной активности партия также уделяла большое внимание сбору обратной связи и предложений избирателей (длительный конкурс «Марафон идей», аккумуляция предложений по модернизации судебной и правоохранительной систем, конкурс на идею нового арт-объекта в Нижнем Новгороде и др.)

В предвыборную и выборную неделю (13-19 сентября) партия не только продолжила размещать посты о текущих активностях своих сторонников, но и сделала упор на подведение итогов электорального цикла, призывы голосовать, ход и промежуточные итоги голосования, организацию наблюдения и работу наблюдателей от партии. На страницах региональных отделений наибольшее внимание было уделено представлению конкретных кандидатов в Государственную Думу и региональные парламенты – например, в московской группе VK вышло 14 типовых «персональных» постов в течение недели.

В течение июня-сентября 2021 года по заказу «Новых людей» ВЦИОМ провел исследование на тему рейтинга партии и ее шансов пройти в Государственную Думу. Исследование проводилось путем телефонных и комбинированных (телефонный + квартирный) опросов в периоды 7-8 июня, 8-13 июля и 3-7 сентября. Согласно полученным данным, рейтинг партии постоянно возрастал на протяжении указанных трех месяцев (с 1,5 до 4,2-4,4% среди активных избирателей). По данным опросов партия также ожидала значительную региональную поддержку, наибольшую – в Рязанской, Новосибирской, Воронежской областях среди выбранных 20 регионов [9].

Динамика аудитории и активность партии «Новые люди» в социальных сетях. Учитывая ориентацию партии «Новые люди» на молодежную аудиторию, а также предпринимателей и средний класс, ключевым направлением их информационной работы стали социальные сети.

На основную страниц партии в Instagram на начало октября 2021 года подписано более 63 тысяч человек, на Telegram-канал – 40 тысяч человек, в группе VK состоит более 35 тысяч подписчиков, в Facebook – более 3 тысяч. На социальную сеть Одноклассники приходится значительно меньшая часть аудитории – менее 1 тысячи пользователей, что коррелирует со срезом целевой аудитории партии, поскольку Одноклассники традиционно привлекают более возрастных граждан. В Twitter зарегистрировано только несколько небольших сообществ партии, не функционирующих с 2020 года, поэтому данная соцсеть в анализе не рассматривалась.

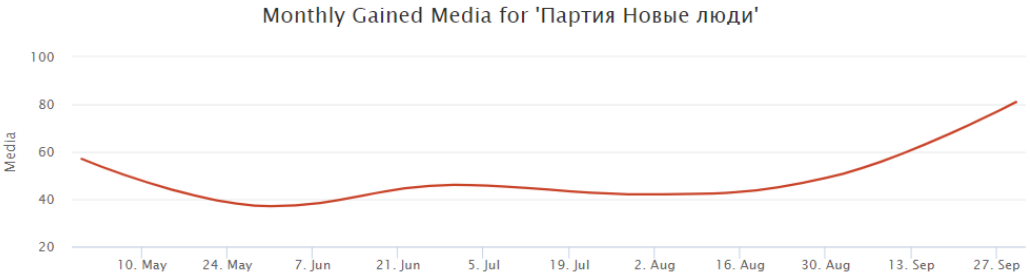
Активность в VK рассматривалась для федеральной группы партии и региональных сообществ Москвы, Санкт-Петербурга и Свердловской области, в Instagram, Facebook и Telegram – для федеральной группы, Москвы и Санкт-Петербурга (регионы были выбраны по количеству подписчиков).

Как было отмечено ранее, большая часть активной аудитории партии сосредоточена в Instagram. Темпы прироста подписчиков основной страницы партии там непрерывно увеличивались с начала июля, наиболее быстро аудитория набиралась с конца августа, то есть непосредственно перед выборами (Рис. 1). После дня выборов вовлеченность пользователей и, соответственно, рост аудитории, замедлились.

В среднем за период с начала июля показатели для основной группы Instagram составили 2 публикации в день, 1771 лайк и 109 комментариев

Источник: составлен автором с помощью онлайн-сервиса SocialBlade.

Рисунок 1



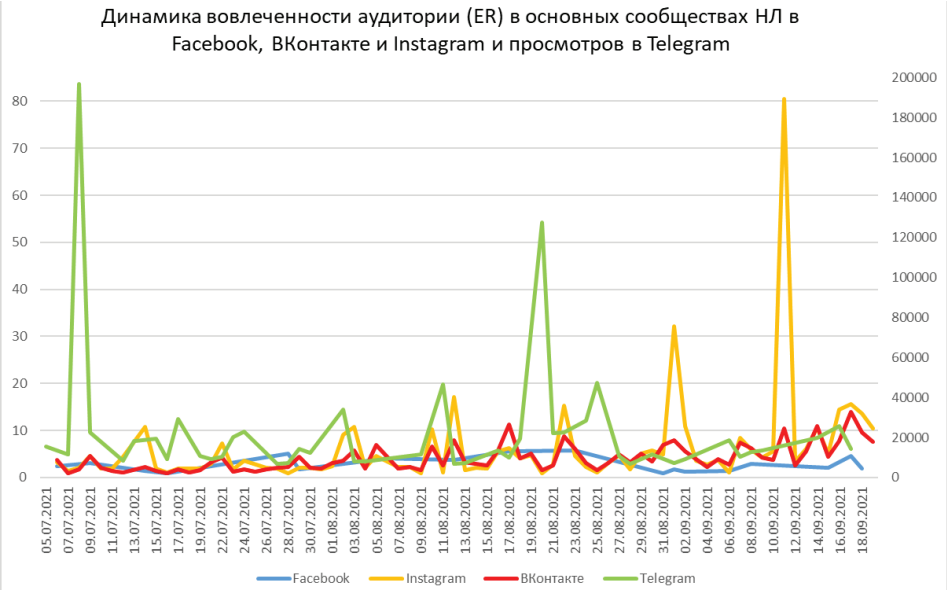
Источник: составлен автором с помощью онлайн-сервиса SocialBlade.

Рисунок 2

(на публикацию). Также в Instagram наблюдался постепенный рост частоты публикаций, самый заметный – в период с конца августа (Рис. 2).

Как уже было отмечено ранее, на основной странице в Instagram в этот же отрезок времени происходил наиболее быстрый рост аудитории (наблюдается корреляция на данном отрезке). Увеличение частоты публикаций могло повлиять на скорость набора аудитории: по общим алгоритмам Instagram, частота публикаций, как правило, положительно влияет на охват аудитории, и их видит больше людей. Как следствие, через репосты и попадание в раздел интересного (топ), посты увидит больше и неподписанных пользователей, которые могут заинтересоваться страницей.

Средний показатель вовлеченности аудитории ERpost для Instagram партии составил 2.985% (1), что является средним показателем для Instagram в целом, однако довольно высоким для аккаунта политической партии. Стоит отметить, что в некоторые моменты на странице фиксировались очень



Источник: составлен автором на основе собранных статистических данных.

Рисунок 3

резкие всплески активности (8-10 млн просмотров видео по сравнению с обычными 5-10 тысяч), что может свидетельствовать о накрутках (Рис. 3). Однако накрутки могли использоваться как администраторами страницы, так и сторонними силами с целью ее дискредитации и блокировки.

Показатели активности аудитории в VK составили в среднем 2 публикации в день, 579 лайков, 58 комментариев и 35,2 тыс. просмотров на публикацию. Частота публикаций ближе к выборам также растет: например, если в первой половине июля суммарно в рассматриваемых группах выходило 5-8 постов в день, то в первой половине сентября – до 15-17 постов. Средняя вовлеченность аудитории в VK меньше, чем в Instagram (2.032%). Но по сравнению с Instagram в ней не отмечается очень резких перепадов (Рис. 3).

В основной группе в Facebook в среднем публиковался 1 пост в 2 дня с активностью аудитории 34 лайка и 5 комментариев на публикацию. Вовлеченность аудитории – невысокая (колеблется в пределах 5%, в среднем – 1,229%) (Рис. 3).

На главном канале Telegram партия в среднем делала 3 публикации в неделю с 19,3 тыс. просмотров для каждой. В этой социальной сети динамика рассматривалась по единственному параметру активности аудитории – просмотрам.

По графику вовлеченности аудитории по датам прослеживается соответствие волн активности между ключевыми социальными сетями партии VK и Instagram. Как правило, в этих соцсетях в одни и те же даты параллельно делались публикации на одни и те же темы; можно предположить, что та или иная тематика вызывала одинаковый отклик аудитории независимо от площадки. В целом вовлеченность аудитории для Instagram и VK имеет тенденцию к росту, в Facebook – остается стабильно небольшой в течение всего рассмотренного периода. Для показателя охвата в Telegram динамики к росту также не отмечается, но присутствуют резкие всплески просмотров, которые, вероятно, связаны с репостами отдельных публикаций в другие крупные Telegram-каналы (Рис. 3) (2).

По результатам анализа кампании партии в социальных сетях можно сказать, что наиболее эффективной платформой для «Новых людей» оказался Instagram, где партия создала самое крупное сообщество, одновременно демонстрирующее наибольшие показатели вовлеченности аудитории. В целом это подчеркивает ориентированность партии на молодых и активных избирателей и стремление использовать более визуально наглядный и ориентированный на взаимодействие пользователей формат.

Предвыборные офлайн-мероприятия. Среди небольших, но наиболее регулярных офлайн-мероприятий, проводимых сторонниками партии – встречи отдельных кандидатов с жителями, игры в мафию и настольные игры, книжный клуб и другие.

Более крупные и освещаемые в медиа мероприятия были в значительной степени направлены на формирование образа новизны и оригинальности. В частности, второй крупный съезд партии был организован в форме перфоманса, также проводился политический open-air, а документы в ЦИК кандидаты подавали, приехав на велосипедах и самокатах. Проводилось немало волонтерских и экологических мероприятий: субботники в парках, прогулки-перформансы по проблемам загрязнения окружающей среды, поездки в приюты для животных, очищение лесопарка от борщевика и другие.

Особое внимание уделялось мероприятиям бизнес-тематики – встречи предпринимательского клуба, встречи кандидатов с представителями отдельных отраслей бизнеса (например, ресторанного), участие сторонников партии в круглых столах по экономической тематике. Таким образом, офлайн-мероприятия партии, как и онлайн-кампания, были в значительной степени направлены на молодых, социально и экономически активных избирателей.

Влияние активности партии на целевую аудиторию. Как неоднократно подчеркивалось в анализе деятельности партии, «Новые люди», судя по приоритетным направлениям ориентировались на молодежную и городскую аудиторию как своих основных избирателей. Исследование ВЦИОМ от 6 сентября подтверждает успешность данной стратегии,

по данным аналитиков, из числа готовых пойти на выборы избирателей «Новых людей» поддерживали почти 12% в категории «18-27 лет» и 6,3% в категории «28-37 лет». При этом наибольшей поддержкой партия пользовалась именно в столицах субъектов, где сконцентрирована основная масса активного населения [9].

Заключение. Результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют, что партия «Новые люди» за короткий срок после своего создания сумела провести комплексную работу сразу по многим направлениям: были привлечены яркие личности, такие как, например, Сардана Авксентьева и Сангаджи Тарбаев, чья предвыборная деятельность активно продвигалась в медиа пространстве. Партия смогла обеспечить постоянную активность в социальных сетях не только за счет публикации новостей о встречах кандидатов или иных мероприятиях, но и за счет онлайн-активностей (например, упомянутый ранее «Марафон идей»), которые находили отклик у целевой аудитории партии, что наглядно видно из графиков индекса вовлеченности. Помимо этого, акцент на активной работе в Интернете оказался актуальным в период ограничений, связанных с пандемией коронавируса.

Стоит отдельно отметить тот факт, что «Новые люди» сумели в действительности привлечь на своей сторону часть электората, которая обычно характеризуется высокой степенью аполитичности – молодежь. Это в том числе подтверждают исследования ВЦИОМ [9]. При обеспечении должной поствыборной деятельности партии, существует перспектива формирования у нее «ядерного электората», который позволит обеспечивать партии места в Парламенте и в будущем.

Несмотря на то, что партия не сильно превысила 5-ти процентный барьер, необходимый для прохождения в Государственную Думу, результат «Новых Людей» можно считать положительным с учетом того, что партия существует менее 2 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Показатель Средний Engagement Rate (ERpost) = (Сумма всех реакций, комментариев, репостов у всех постов) / (Число постов) / (число подписчиков).

(2) Поскольку показатель просмотров имеет другой порядок значений, чем ER, график для Telegram был построен по вспомогательной оси Y.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Артемьев М.* Политическая установка: зачем Кремлю новые партии // News.Ru // https://news.ru/politics/partijnaya-ustanovka-zachem-kremlyu-novye-partii/ proekti.

2. *Великая Н.М.* Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1 (15).

3. В России создана новая политическая партия «Новые люди» // ИА Красная Весна // https://rossaprimavera.ru/news/a7c81137.

4. Доминанты. Неделя № 35 // ФОМ // https://fom.ru/Dominanty/14623.

5. «Конечно, будем участвовать в выборах в Госдуму» // Газета.ru // https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/14_a_13250995.shtml.

6. *Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. и др.* Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021 // http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf; DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021.

7. *Мухаметшина Е.* Эксперты представили четыре сценария думской кампании 2021 года // Ведомости // https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/03/08/860615-chetire-stsenariya.

8. Официальный сайт партии «Новые люди» // https://newpeople.ru/.

9. Партия «НОВЫЕ ЛЮДИ» на выборах-2021 // ВЦИОМ // https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210908_Novye_ljudi_Fedorov.pdf.

10. Прогноз показал, сколько партий пройдут в Госдуму восьмого созыва // РИА // https://ria.ru/20210913/vybory-1749790609.html.

11. ЦИК назвала, сколько мандатов в Госдуме получила каждая партия // РБК // https://www.rbc.ru/politics/24/09/2021/614d88279a7947a70da2d0c1.

A.Yu. MALININ
Postgraduate student at the Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FEATURES OF THE ELECTION CAMPAIGN OF THE NEW PEOPLE PARTY IN THE ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE VIII CONVOCATION

In the elections to the State Duma of the VIII convocation in the Russian parliament, for the first time in twenty years, a fifth faction was formed due to passage of the 5% barrier by the newly created party "New People". This party is the only one among the party projects of recent years that has managed to achieve such significant success, quickly gaining an electorate in different regions of Russia. The article examines the pre-election activities of this party in the last months of the electoral cycle with an emphasis on media activity. During the most active period of the pre-election campaign on the eve of the elections to the State Duma of the VIII convocation, the authors daily analyzed the promotion of parties in key social networks such as Instagram, VK, Facebook and Telegram in order to estimate the overall level of activity of the election campaign. Among

all the new party projects, the most prominent was the New People party, which, despite its short existence, was able not only to attract authoritative and at the same time new candidates, but also to organize an active and competent election campaign with a great emphasis on promotion in the media space. Since, in comparison with offline media activities, the party's activity is easier to track and, as a result, to evaluate, in this study the authors focus on the pre-election activities of "New People" in social networks. One of the main goals of this work is to assess the electoral activity of the party and identify its connection with the results of the "New People" in the elections.

Key words: *political parties, elections, pre-election activity, electoral rating.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.017
УДК 32.323
И.И. НАЛЕДИН
аспирант кафедры российской политики
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КРЫМСКОМ РЕГИОНЕ

В статье освещаются основные аспекты регионального уровня национальной безопасности Крымского региона. Проанализированы основные угрозы, влияющие на социально-политическую ситуацию в регионе. Украина при поддержке стран Запада проводит политику, направленную на ухудшение основных сфер жизни на полуострове. Информационная кампания, начатая Киевом против России, направлена на дискредитацию российского статуса Крыма. Санкционное давление оказывает негативное влияние на развитие региона, мешая в полной мере реализовать свой потенциал в разных сферах экономики и культуры.

Ключевые слова: *Крым, национальные угрозы России, национальная безопасность.*

Защита национальных интересов страны является ключевой задачей любого суверенного государства по обеспечению подлинной независимости и сохранению собственных культурных традиций. В современном глобализирующемся мире XXI века, где достаточно сложно поддерживать самостоятельность в принятии решений во внешней политике, отстаивание интересов народа становится важнейшей целью для сохранения единства страны. Россия, как многонациональная и светская страна, нуждается в сохранении практики добрососедства, сотрудничества и гармонизации в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Особенно это касается регионов с преобладанием большого числа этнических групп.

Одним из таких регионов является Республика Крым, вошедший в состав России в 2014 г. Данный субъект Российской Федерации уникален с точки зрения опыта нахождения в иностранном правовом поле. В украинский период Крым наработал различные практики национальной политики, взаимодействия органов власти с разными этническими группами.

В настоящее время со стороны внешних сил полуостров испытывает серьезное давление, направленное на дестабилизацию общественно-поли-

тической обстановки, развитие конфликтного потенциала между народами региона. Киев, не смирившись с волей крымского народа, решившего связать свою будущую судьбу с Россией, предпринимает шаги по обострению ситуации на полуострове, используя разные политические инструменты, как дипломатические, так и радикально-силовые.

Подобные действия со стороны Украины и других сил создают угрозы национальной безопасности в стратегически важном регионе. Крым, в свете своего геополитического и геостратегического расположения в Черноморском бассейне, является одним из ключевых регионов для совершения разного рода провокаций со стороны заинтересованных в обострении международно-политической ситуации в регионе политических сил.

Одновременно с этим, полуостров играет важную роль в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Являясь приграничным субъектом с пунктом дислокации Черноморского флота, обладая большим историческим опытом отторжения внешних атак на свою территорию, подвергаясь постоянным информационным атакам Киева, Крым играет роль форпоста на западных рубежах страны. Данные обстоятельства создают серьезные угрозы национальной безопасности России.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, под угрозой национальной безопасности понимается «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации». Сами национальные интересы – это «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [17].

В Крыму существует реальная опасность осуществления реваншистских настроений националистически настроенной политической элиты Украины, неоднократно заявлявшей о собственной государственной принадлежности полуострова. Непризнание итогов народного волеизъявления, осуществленного в марте 2014 г. в виде голосования на общекрымском референдуме по статусу региона [21], результатом которого стало провозглашение независимости [18], и вхождение в состав России Республики Крым [10] остается одним из ключевых разногласий двусторонних отношений Киева и Москвы.

Отказавшись принять волю народа Крыма, связавшего свою судьбу с Россией, Украина своими действиями стала угрожать национальной безопасности России, пытаясь оспорить территориальную целостность страны. Полуостров является геополитической точкой, претензии на влияние в которой имеют также США, Турция, Европейский Союз [6]. В результате событий Евромайдана 2013-2014 гг., и последовавшей впоследствии «Крымской весны», сформировался «Крымский вопрос», затрагивающий вопрос государственного статуса полуострова, оспаривания Киевом принадлежности региона в сфере международной политики [25].

Поскольку эта проблема, фактически затрагивая исключительно нормы международного права, с помощью многочисленных политических и ди-

пломатических манипуляций со стороны Киева и его союзников из числа стран Запада, выведена из правовой сферы, приобрела черты политической, Украиной была начата информационная кампания, направленная на дискредитацию любых общественно-политических процессов, направленных на развитие в регионе.

Опасность подобных действий проявилась в сложностях, с которыми столкнулись федеральные и региональные власти по развитию региона. Санкционная политика стран Запада, направленная против России, особенно сильно отразилась на Крымском регионе. Внешнее давление было направлено практически на все сферы регионального уровня национальной безопасности полуострова.

Киев, начиная с 2014 г., начал проводить политику по отключению полуострова от электроэнергии [26], водоснабжения [20], нанесения максимального числа неудобств населению региона, тем самым пытаясь настроить крымчан против российской власти. Были введены санкции против крымских предприятий, парализована работа многочисленных производств, ориентированных на сотрудничество с Украиной. Международное давление на Крым также было усилено. Это стало причиной отсутствия многих общероссийских структур на его территории. Так, отказались работать в регионе крупнейшие федеральные банковские учреждения Сбербанк России и ВТБ [7]. Многие мобильные операторы вынуждены оставить действие роуминга в регионе [2], отмененного во всех остальных регионах страны [5].

Реализация пространственной блокады Крыма хоть и частично, но реализуется в настоящее время. Многие иностранные компании отказываются сотрудничать с предприятиями региона, а крупные руководители находятся под международными санкциями, что существенно осложняет деятельность по социально-экономическому развитию полуострова [11]. При этом определенные структуры признают полуостров российской территорией. Например, Международная организация гражданской авиации признала за Россией право на контроль над воздушным пространством полуострова [12].

Россия вынуждена отвечать на санкционное давление увеличением темпов экономического развития региона, своевременной реализацией неотложных задач по обеспечению ресурсной безопасности Крыма. В быстрые сроки было реализовано проведение линий и строительство терминалов энергомоста [22]. Решается проблема с обеспечением пресной воды в необходимых для населения объемах [20].

Федеральными властями было реализовано строительство и ввод в эксплуатацию большого числа крупных инженерно-строительных инфраструктурных объектов. Среди нихможно выделить автомобильный и железнодорожный мост через Керченский пролив, значительно усиливший пропускную способность ввоза и вывоза товаров, скоростную автомобильную дорогу «Таврида», связавшуюКерчь и Севастополь, электро-

станции «Таврическая» и «Балаклавская», новый терминал аэропорта «Симферополь» [6].

Помимо политической угрозы, перед регионом стоит проблема военной угрозы. Регулярные провокации, устраиваемые Киевом с использованием диверсантов [1], вербовкой украинскими спецслужбами личного состава российских военнослужащих, усиливают напряженность на полуострове [8]. Многолетнее стремление Украины к вступлению в военно-политический блок НАТО также расценивается Россией как основная внешняя военная угроза [4]. Организация Североатлантического альянса не скрывает своего негативного отношения к Москве, неоднократно называя Россию главной врагом НАТО [24]. Организация военных провокаций Украиной угрожает дестабилизацией военно-политической обстановки в регионе, что может негативно отразиться на системе европейской безопасности в целом.

Также существенной проблемой для Крыма стала попытка использовать радикальные элементы в среде националистически настроенных крымских татар для разрушения полиэтничного и поликонфессионального мира и согласия в регионе. Активными проводниками идеологии нетерпимости в среде крымских татар в отношении русского большинствастали ксенофобские организации, созданные по этническому и религиозному признакам, имеющими финансовую и координационную поддержку из-за рубежа. Многие из них были вынуждены прекратить свою противозаконную деятельность в результате работы российских властей, часть сторонников эмигрировали в другие страны –Украину, Турцию, государства Ближнего Востока. Начиная с 2014 г., активно ведется работа по выявлениюрадикальных элементов и профилактике политики добрососедства и сотрудничества между разными этносами Крыма [15].

Среди подобных структур можно выделить созданное арабскими студентами украинское исламское общество «Альраид», в 2014 г. прошедшее юридическую проверку российскими правоохранительными органами и сменившее название, и направления деятельности [14. С. 167]. В 2016 г. на территорииРоссии была запрещена деятельностьМеджлисакрымско-татарского народа [13], одной из наиболее влиятельных организаций в украинский период. Его лидеры после событий Евромайдана, при поддержке украинских властей лоббировали создание на полуострове национальной крымско-татарской автономии, готовя провокации на российско-украинской границе [9]. Одна из наиболее опасных структур– исламистская партия «Хизб ут-Тахрир», деятельность которой запрещена на территории России [23], имела жесткую идеологию, выступала против ценностей демократии, основных прав и свобод граждан [14. С. 168].

Контроль и профилактика экстремизма, роста межэтнических конфликтов – одна из ключевых задач по гармонизации отношений между народами Крыма. Попытки использовать противоречия между ними жестко пресекаются.

В тоже время Россия усиливает свою культурную и гуманитарную политику на полуострове, включая вовлечение крымско-татарского этноса и всех других народов Крыма в полноценную экономическую и социально- политическую жизнь региона. Этому также способствует вхождение в российское правовое поле. Повышенное внимание также уделяется борьбе с коррупционной составляющей в среде чиновников [16].

При всей антироссийской политике Киева, направленной против крымчан, Россия не считает Украину враждебным государством [19], а российский лидер постоянно заявляют о братских связях русских и украинцев [3]. Это демонстрирует стремление к конструктивному диалогу и обсуждению проблем двусторонних отношений, несмотря на разногласия по разным вопросам и фактическое посягательство Киева на национальную безопасность России в Крымском регионе. Стремление Москвы к деэскалации напряженности во внешних сношениях с Украиной сталкивается с агрессивной антироссийской политикой Киева, что негативно влияет на национальную безопасность страны и обеспечение стабильной социально-политической ситуации на полуострове. При этом необходимо учитывать, что данное противостояние может быть разрешено исключительно в правовом поле дипломатическими методами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аксенов поблагодарил ФСБ за задержание группы украинских диверсантов // Парламентская газета // https://www.pnp.ru/politics/aksyonov-poblagodaril-fsb-za-zaderzhanie-gruppy-ukrainskikh-diversantov.html.

2. Бесценный отдых: тарифы на роуминг в Крыму начинают расти // Известия // https://iz.ru/1023867/anastasiia-gavriliuk/bestcennyi-otdykh-tarify-na-rouming-v-krymu-nachinaiut-rasti.

3. Владимир Путин: Украина – самая близкая нам страна // Сайт информационного агентства ТАСС // https://tass.ru/interviews/2298160.

4. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета // https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html.

5. В России отменили национальный и внутрисетевой роуминг // Сайт Российской газеты // https://rg.ru/2019/06/02/v-rossii-otmenili-nacionalnyj-i-vnutrisetevoj-rouming.html.

6. *Гапизов З.Р.* «Крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Выпуск № 82.

7. Глава ВТБ: крупнейшим российским банкам нет нужды работать в Крыму // Коммерсант // https://www.kommersant.ru/doc/4967721.

8. Госизмена: ФСБ задержала военного моряка в Севастополе // Газета.ру // https://www.gazeta.ru/social/2020/07/30/13170295.shtml.

9. *Гросфельд Е.В., Харабуга В.В.* Деятельность Меджлиса крымскотатарского народа по созданию в Крыму национальной государственной автономии крымских татар (2017 год) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017.

10. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Сайт Президента России // http://www.kremlin.ru/events/president/news/20605.

11. ЕС ввел торговые и инвестиционные санкции против Крыма // Новости Украины // https://lb.ua/news/2014/07/31/274666_es_vvel_torgovie_investitsionnie.html.

12. Международная организация гражданской авиации признала право России на небо Крыма // Газета.ру // https://www.gazeta.ru/business/2014/07/03/6096553.shtml?updated.

13. Минюст РФ признал Меджлис экстремистским // Сайт Российской газеты // https://rg.ru/2016/04/18/reg-kfo/miniust-rf-priznal-krymskij-medzhlis-ekstremistskim.html.

14. *Муратова Э.С.* Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. 2016. № 5.

15. Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015-2018 годы // Указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. / Сайт Правительства Республики Крым // https://rk.gov.ru/ru/document/show/8774.

16. Об утверждении Плана по противодействию коррупции в Республике Крым на 2021-2023 годы // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // https://docs.cntd.ru/document/574639425.

17. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Сайт Президента России // http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1.

18. Постановление ГС РК О независимости Крыма // Сайт Государственного Совета Республики Крым // https://www.rada.crimea.ua/act/11748.

19. Правительство России утвердило перечень недружественных стран // Сайт информационного агентства ТАСС // https://tass.ru/politika/11377093.

20. Правительство РФ выделит 2,3 млрд рублей на обеспечение надежного водоснабжения Крыма // Сайт информационного агентства ТАСС // https://tass.ru/ekonomika/12046461.

21. Протокол Комиссии Автономной Республики Крым по проведению общекрымского референдума о результатах референдума // Крым в истории России // http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/protokol-komissii-avtonomnoy-respubliki-krym-po-provedeniyu-obshchekrymskogo-referenduma-o.

22. Путин: любая блокада России будет прервана, так же как блокада Крыма // Известия // https://iz.ru/news/613249.

23. Решение Верховного Суда от 14.02.2003 // Сайт Национального антитеррористического комитета // http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html.

24. Столтенберг назвал Россию главным врагом НАТО // Известия // https://iz.ru/949330/2019-11-30/stoltenberg-nazval-rossiiu-glavnym-vragom-nato.

25. *Толкачев К.Б.* «Крымский вопрос» и современное право: к дискуссии о легитимности референдума // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (72).

26. Украина прекратила поставки электроэнергии в Крым // Информационное агентство Интерфакс // https://www.interfax.ru/russia/415186.

I.I. NALEDIN
PhD student, Department of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY IN THE CRIMEAN REGION

The article highlights the main aspects of the regional level of national security in the Crimean region. The main threats affecting the socio-political situation in the region are analyzed. Ukraine, with the support of Western countries, pursues a policy aimed at the deterioration of the main spheres of life on the peninsula. An information campaign launched by Kiev against Russia is aimed at discrediting the Russian status of Crimea. Sanctions pressure has a negative impact on the development of the region, preventing it from realizing its full potential in various spheres of economy and culture.

Key words: *Crimea, Russia's national threats, national security.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.018
УДК 32.323
Р.В. ТИТОВ
соискатель Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

ИНСТРУМЕНТЫ ДИСКУРСНОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В условиях обострения политических противоречий в международных отношениях виртуальное пространство представляет собой театр военных действий. Международные акторы противодействуют друг другу на уровне смыслов и значений ключевых событий и явлений социальной реальности, отраженных в концептах – результатах процесса восприятия и осмысления действительности. Объектом исследования является борьба политических субъектов за конструирование глобального политического дискурса. Предметом – специфика дискурсного противоборства в виртуальном пространстве, используемый при этом инструментарий. Особое внимание автором уделяется глобальному вирусному редактору интернета, чье действие имеет гибридный характер и распределено во времени и пространстве. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу реализуемых в виртуальном пространстве дискурсных стратегий международных акторов. Манипулируя с помощью глобального вирусного редактора интернета смыслами концептов, их содержанием, политические субъекты конструируют глобальный политический дискурс в угоду своекорыстным интересам, навязывая международному сообществу свою систему ценностей. Характерным примером такой манипуляции является риторика украинских политиков, направленная на отделение Украины от России. В условиях становления глобальной политики по управлению киберпространством актуализуется необходимость контроля смыслообразования в глобальном политическом дискурсе. Суть такой процедуры заключаться в выборе ключевых понятий международных отношений, определении связанных с ними опорных концептов и контроле вкладываемых в них участниками коммуникации смыслов фактов и явлений социальной реальности.

Ключевые слова: *политический дискурс, международные отношения, информационная война, дискурсное противоборство, международная информационная безопасность, виртуальное пространство, смысловой концепт, социальные сети, кибердейтократия, глобальный вирусный редактор.*

Специфика формирования глобального политического дискурса в виртуальном пространстве. Обострение политических противоречий превращает глобальное информационно-коммуникативное пространство в театр военных действий. Международные акторы ведут войну в информационно-телекоммуникационной сети Интернет за доминирование своих репрезентаций социальной реальности в качестве объективной картины мира. При этом точка зрения оппонента дискредитируется, а сам он, как лидер мнений, уничтожается. С позиции дискурсного подхода, речь идет о конкуренции субъектов международных отношений за интерпретацию событий и явлений международной жизни в глобальном политическом дискурсе.

Для реализация своих дискурсивных стратегий политические субъекты используют технологии производства и распространения политического контента [8] в виртуальном пространстве, что наделяет глобальной политический дискурс рядом особенностей, обусловленных спецификой интернет-коммуникаций. С одной стороны, это оперативность обработки сведений о происходящих событиях, трансграничность и максимальная публичность распространения контента. С другой – ее слабая верификация, избыточность, высокий уровень информационного шума. Сетевые технологии существенно расширяют перечень информационных субъектов, претендующих на статус лидеров общественного мнения. Формировать глобальную повестку дня в Сети способны не только государства и их коалиции, но и международные неправительственные организации, профессиональные союзы, отдельные публичные фигуры, транснациональные корпорации. Это дает субъектам глобального политического дискурса возможность закрепления своих позиций в обход официальных каналов распространения информации, действующих в рамках международных договоренностей, используя приемы манипуляции и пропаганды в блогах, форумах, социальных сетях, мессенджерах и пр.

Таким образом, возможность воздействия на мировое общественное мнение в Сети определяется сегодня не столько статусом полноправного участника международных отношений, сколько имеющимися в наличии информационно-коммуникативным ресурсом, что создает предпосылки к формированию кибердейтократии – глобальной информационной элиты, контролирующей виртуальное пространство. Так, частные IT-компании, монополизировавшие, фактически, социальные сети [1], способны формировать политическую псевдореальность для миллиардов пользователей по всему миру, оказывая гибридное воздействие на социум.

Используя современные информационно-коммуникативные технологии, электронные СМИ, социальные медиа, субъекты глобального политического дискурса наделяют события и явления международной жизни смыслами и значениями, исходя из своекорыстных политических интересов. Воздействие на социум реализуется на уровне концептов, формирующих картину

мира, систему ценностных ориентиров социума, морально-нравственную основу общественных отношений.

Концепт (лат. conceptus «понятие») – связь мыслительной деятельности и языка, результат процесса восприятия и осмысления действительности, обусловленный не только индивидуальным опытом, но и опытом поколений. Его смысловое содержание сформировано национальными традициями, фольклором, религией, идеологией, образами искусства, системой ценностей. Концепт – результат столкновения словарного значения слова с личным и коллективным опытом человека. Варианты вербализации концептов в дискурсе зависят от индивидуального или группового восприятия событий и явлений, к которым они относятся. При этом концепты могут включать в себя множество слов-репрезентантов для описания происходящего. Концепты определяют эмоциональную насыщенность речевых высказываний, смысловую составляющую происходящего.

Конкурирующие дискурсивные стратегии представлены в сети Интернет совокупностью текстов, формирующих глобальный политический дискурс на всех уровнях его представленности – официальном, медийном и публичном. Официальный уровень содержит официальные документы и заявления глав государств и их коалиций. Уровень медиа – обсуждения, дебаты, переговорами в традиционных и электронных СМИ. Публичный уровень – чувства, эмоции, состояния, которые содержатся в массовой психике и проявлены в публикациях пользователей социальных сетей.

При помощи информационно-коммуникативных технологий, инструментов сетевого маркетинга субъекты глобального политического дискурса манипулируют смыслами концептов, управляя общественным мнением, навязывая международному сообществу свою систему ценностей. Так, например, такое основополагающее понятие международных отношений как «политический суверенитет», с точки зрения глобалистов, несовместимо с политикой установления стандартов единого мира [6]. Поэтому в глобалистском дискурсе «политический суверенитет» объявлен пережитком, мешающим прогрессивному развитию и распространению демократических ценностей.

Сетевой инструментарий дискурсных войн. В рамках реализации своих дискурсных стратегий политические субъекты тиражируют в Сети публикации, сделанные по шаблонам современного политического дискурса. Для их создания целенаправленно используются эмоционально окрашенные материалы [9], формирующие ложное представление о происходящем, подменяя рациональное ярким эмоциональным. Широко применяются приемы языковой манипуляции, в частности – ирония [2]. Это дает возможность выражать негативное отношение к позиции оппонента, дискредитировать его в завуалированной, скрытой форме, соблюдая рамки, установленные этикетом и максимами вежливости и такта.

Официальные комментарии, журналистские расследования, блогерские обзоры и интервью, модерируемые дискуссии в социальных сетях оказывают в виртуальном пространстве комплексное распределенное информационное воздействие на социум, формируя повестку дня в глобальном политическом дискурсе, мнения в отношении событий и явлений социальной реальности. Актуализация тех или иных тем происходит с помощью механизма т. н. «вирусного редактора интернета» [5] – постоянного процесса микроредактур, в котором одновременно участвуют заинтересованные субъекты информационной деятельности на всех уровнях представленности дискурса. В контексте международных отношений вирусный редактор интернета приобретает глобальный характер. Таким образом, генератором ценностей, убеждений, норм морали и права в международных отношениях может стать любой международный актор, управляющий вирусным редактором.

Так, в социальных сетях управление глобальным вирусным редактором интернета происходит через модераторов дискуссий. Это могут быть как редакции СМИ, так и администрации социальных сетей, подвергающие блокировке тот или иной контент. Модераторы определяют направления публичных обсуждений, расставляют акценты в текстах, наполняют их эмоциональной составляющей, особенно применительно к тому, кто и как изображается в публичной коммуникации.

Распространение манипулятивного контента, его «раскрутка» происходит с помощью специализированных программ, управляющих аккаунтами в социальных сетях и имитирующих действия реальных пользователей – т.н. «ботами». Причем если в предыдущем десятилетии под этим словом понимались аккаунты, администрируемые реальными людьми, то сегодня для формирования «мнения по поводу» в Сети используются программы с применением технологии искусственного интеллекта, что упрощает и удешевляет возможность управления общественным мнением.

Продвигаемая манипуляторами точка зрения основывается, как правило, на лживой и недостоверной информации. Подобные вбросы, получили название «фэйков». Они готовятся как одиночками-любителями, так и специальными продакшнами или «ботофермами» с привлечением технологий искусственного интеллекта, на работу которых выделяются значительные средства. Субсидируются подобные проекты как частными коммерческими организациями, так и государственными структурами, специализирующимися на информационных операциях [4].

Манипуляция концептами в украинско-российском дискурсе. Примером использования глобального вирусного редактора интернета для манипуляции смысловым содержанием концептов стала информационная кампания украинских властей, направленная на продвижение тезисов об «украинской национальной идентичности», «отличности украинцев от русских», существовании «Киевской Руси – Украины». Информационная

активность украинских политиков резко возросла после публикации статьи Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» [7], опубликованная 12 июля 2021 года на двух (русском и украинском) языках, и вызвавшая широкий резонанс и волну публикаций в российских и зарубежных СМИ. Концепты «враг», «друг», «Родина», «русский мир», рассматривались в работе с точки зрения триединства русского народа, сохранения единого исторического и духовного пространства. Русские и украинцы рассматриваются Президентом России как «один народ, единое целое», а существующие противоречия, как попытка внешних сил «разделить, а затем и стравить между собой части единого народа».

Со стороны официальных властей Украины последовал ряд «ответов», содержащих противоположную точку зрения на историческую близость украинцев и русских. Так, в конце июля 2021 года на официальном сайте президента Украины опубликовано послание по случаю «Дня Крещения Киевской Руси – Украины». В нем Владимир Зеленский говорит об «истории украинской государственности», «большом украинском народе», позиционирует Украину, как единственную «наследницу одного из самых могущественных государств средневековой Европы» и советует «двоюродным племянникам и очень дальним родственникам» не посягать на ее наследство. Самих украинцев и русских президент Украины определяет, как «очень дальних родственников» [10]. Реализовывать дискурсивную стратегию, направленную на закрепление в общественном сознании соотечественников концепта «Киевская Русь – Украина» Владимир Зеленский продолжает 24 августа 2021 года на военном параде в Киеве, проводя исторические параллели между современной Украиной и Древней Русью (гривна, трезубец как государственный герб и пр.). Президент Украины продвигает свой тезис о «тысячелетней истории» украинской государственности. России в очередной раз достается роль агрессора и оккупанта.

В украинско-российском дискурсе на уровне СМИ и публичных обсуждений отчетливо прослеживаются два приоритетных направления. Первое связано с представлением Украины, как самостоятельного государства с многовековой историей. Второе, ставшее уже традиционным для Украины, с постоянными обвинениями России в аннексии Крыма, разжигании войны в Донбассе, подготовке вторжения на Украину и грубом нарушении международного права. Таким образом, в части формирования глобального политического дискурса, посвященной длящемуся конфликту между Украиной и Россией, четко прослеживается противоборство дискурсивных стратегий, направленных, одной стороной, на разрушение единого культурного и языкового пространства двух стран и на его сохранение – другой.

Влияние глобального вирусного редактора интернета на массовое сознание диагностировать сложно, т.к. оно имеет гибридный характер и распределено во времени и пространстве. Постоянно реализуя заданную

управляющим субъектом дискурсивную стратегию, вирусный редактор активизируется в отношении событий и явлений социальной реальности, манипулируя сознанием как рядовых граждан, так и представителей властных структур суверенных государств. Объекты манипуляции, не имея специально сформированных механизмов обнаружения агрессии и не зная приемов психологического, идеологического, духовного противоборства, не обладают должной защитой от спланированного и организованного информационного воздействия.

Как отмечает директор Департамента международной информационной безопасности МИД России А.В. Крутских, на межгосударственном уровне глобальная политика в сфере управления Интернетом находится в стадии становления, что делает Сеть «главной платформой для распространения не только информации, но и различного рода политических манипуляций» [3]. Поэтому глобальный политический дискурс является зоной жесткой конкуренции за формирование опорных концептов, ценностей, политических смыслов, идей, нарративов.

Для поддержания международного мира и безопасности необходима реализация информационной политики, направленной на контроль смыслообразования в глобальном политическом дискурсе. Суть такой информационной политики должна заключаться в выборе ключевых понятий международных отношений, определении связанных с ними опорных концептов и контроле вкладываемых в них участниками коммуникации смыслов фактов и явлений социальной реальности. Актуализуется разработка механизмов, направленных на контроль смыслообразования в глобальном политическом дискурсе. Их суть заключаться в выборе ключевых событий международной жизни, определении связанных с ними концептов и контроле вкладываемых в них международными акторами смыслов фактов и явлений социальной реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Володенков С.В.* Глобальные «гибридные» акторы информационного вмешательства в современные политические процессы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2019. Т. 15. № 3.

2. *Горностаева А.А.* Прагматика иронии в современном политическом дискурсе (на примере русского и английского языков) // Филология и культура. 2018. № 2 (52).

3. Глобальная киберповестка: дипломатическая победа / А.В. Крутских // Международная жизнь. 07.06.2021 // https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/4778945.

4. Игорь Ашманов о ботофермах, интернет-цензуре и информационной гигиене // Информационно-аналитическое сетевое издание «Журналистская

правда». 04.03.2021 // https://jpgazeta.ru/igor-ashmanov-o-botofermah-internet-czenzure-i-informaczionnoj-gigiene/.

5. *Мирошниченко А.А.* Адаптация медиа. Взрывное освобождение авторства, вирусный редактор интернета и смерть газет // Социологический журнал. 2011. № 3.

6. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2002.

7. *Путин В.В.* Об историческом единстве русских и украинцев // Официальный сайт Администрации Президента России. 12.07.2021 // http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181.

8. *Рябченко Н.А.* Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3.

9. *Синельникова Л.Н.* Триада: Законы власти – сценарии PR – политический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18).

10. «Украина. Киевская Русь. 1033»: обращение Президента Владимира Зеленского по случаю Дня Крещения Киевской Руси – Украины // Официальное интернет-представительство Президента Украины. 28.07.2021 // https://president.gov.ua/ru/news/ukrayina-kiyivska-rus-1033-zvernennya-prezidenta-volodimira-69757.

R.V. TITOV
Candidate at the Institute for Law and National Security of RANEPA, Moscow, Russia

TOOLS OF DISCURSIVE CONFRONTATION IN THE VIRTUAL SPACE

In the context of the aggravation of political contradictions in international relations, the virtual space is a theater of military operations. International actors counteract each other at the level of meanings and meanings of key events and phenomena of social reality, reflected in concepts - the results of the process of perception and comprehension of reality. The object of the study is the struggle of political actors for the construction of a global political discourse. The subject is the specifics of the discursive confrontation in the virtual space, the tools used in this case. The author pays special attention to the global viral editor of the Internet, whose action has a hybrid character and is distributed in time and space. The novelty of the research lies in an integrated approach to the analysis of the discourse strategies of international actors implemented in the virtual space. Manipulating the meanings of concepts and their content with the help of the global

viral editor of the Internet, political actors construct a global political discourse for the sake of self-serving interests, imposing their own system of values on the international community. A typical example of such manipulation is the rhetoric of Ukrainian politicians aimed at separating Ukraine from Russia. In the context of the formation of a global policy on the management of cyberspace, the need to control the formation of meaning in the global political discourse is actualized. The essence of such a procedure is to select the key concepts of international relations, determine the supporting concepts associated with them and control the meanings of facts and phenomena of social reality invested in them by the participants of communication.

Key words: *political discourse, international relations, information warfare, discursive confrontation, international information security, virtual space, semantic concept, social network, cyberdeitocracy, global viral editor.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.019
УДК 328
Е.В. СЕМОЧКИНА
аспирант кафедры государственного и муниципального управления Самарского национального исследовательского университета им. ак. С.П. Королева, Россия, г. Самара

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С МОЛОДЕЖНЫМИ СОВЕЩАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

В статье затрагивается тема деятельности молодежных совещательных органов. Приводится объяснения понятия «молодежный совещательный орган», и прослеживается мысль о том, что молодежные совещательные органы − это политическая коммуникация между властью и молодежью. На сегодняшний день не все возможности молодежных совещательных органов в полном объеме учтены в реализации их деятельности. Обосновывается идея о том, что для совершенствования деятельности молодежных совещательных органов необходимо изучить экспертное мнение представителей власти об их деятельности. Методом исследования является индивидуальный экспертный опрос в формате интервью. Значительное внимание уделяется особенностям высказываний экспертов, приводится прямая речь по наиболее проблемным вопросам. В статье выделены основы развития «социального лифта» для молодежи в таких объединениях, как молодежные совещательные органы. В заключение, раскрываются проблемы взаимодействия представителей власти и молодежных совещательных органов. Автор предлагает взглянуть на перспективу взаимодействия власти и молодежных совещательных органов, и изучить мотивы деятельности членов молодежных совещательных структур. В статье приводится суждение о важности совершенствования деятельности самих молодежных совещательных структур и системы работы органов государственной власти с молодежными органами.

Ключевые слова: *молодежные совещательные органы, молодежный парламент, молодежное правительство, молодежная избирательная комиссия, государственная молодежная политика.*

Молодежные совещательные органы, как один из факторов проявления гражданской активности молодежи, развиваются сегодня в ином формате.

При трансформации российского общества, которое произошло в конце XX века, объединениям молодых постепенно принимают характер институтов, складываются в единую систему, со своими формами и методами работы, как внутри организации, так и при взаимодействии с государственными структурами.

Развитие молодежных органов характеризуется быстрыми темпами и неустойчивостью, поэтому молодым «активистам» приходится подстраивать свою работу под новые ориентиры, искать связи со СМИ, другими общественными объединениями, молодежью, которая не входит ни в одно молодежное объединение, политической властью, коммерческими организациями и др. Говоря о молодежных совещательных органах, мы имеем в виду: молодежные парламенты [5]; молодежные правительства; молодежные избирательные комиссии.

Данные органы, с одной стороны выступают субъектами политической коммуникации между властью и молодежью, с другой стороны, не редко становятся «заложниками» государственных поручений, выполняя работу в молодежных органах по указке «сверху» не имея возможности вести работу «снизу», выполнять те проекты, в которых заинтересована молодежь. С политической точки зрения, вопрос изучения данных органов интересен тем, как казалось априори, данные представители это будущие государственные и муниципальные служащие, политики, активные общественники. Не существуют, на данный момент, учебных заведений где «готовят» положительно политически активных, молодых людей. Выпускники школ при поступлении в ВУЗы и ССУЗы, не имеют возможности в рамках образовательных программ познать все тонкости политического процесса, выработать политическую лояльность к событиям внутри страны и за ее пределами, научится разбираться в политических событиях и мыслить стратегически.

Темой взаимодействия молодежных объединений и государства занимались многие авторы И.М. Ильинский [4], В.И. Скоробогатова [9], Е.Л. Руднева [8], И.Н. Гукова [2], О.Ю. Отраков [6], А.В. Давыдов [3], Е.Н. Полянчко [7] и другие.

Однако в своем исследовании мы намерены отразить не всю систему, а ее основу – молодежные совещательные органы. Они выступают в качестве проводника между властью и молодежью, значит это один из каналов воздействия государства на подрастающее поколение. Члены молодежных органов являются одним из ключевых субъектов реализации государственной молодежной политики в России, они могут привлекать к реализации молодежной политики ту молодежь, которая не задействована ни в каких объединения, или не знает, как получить блага от реализации государственной молодежной политики. Молодежные органы – это кадровый лифт [1], для наиболее активной молодежи. Также молодежные органы могут стать формой политического воспитания молодого поколения.

На данный момент не все возможности молодежных совещательных органов учтены в реализации их деятельности, поэтому нами была выдвинута гипотеза.

Предполагается, что представители власти не считают взаимодействие с молодежными органами достаточно эффективным, ввиду скрытых отрицательных мотивов участия молодежи в структурах; игрового характера деятельности структур; отсутствия серьезности в подходах работы. Если изучить мнение представителей власти, которые работают с молодежными структурами, то можно наметить пути совершенствования взаимосвязей молодежных органов и власти.

Для подтверждения или опровержения гипотезы нами был проведен, индивидуальны экспертный опрос специалистов, в формате интервью, которые напрямую ведут работу молодежными совещательными органами. Экспертами нашего исследования выступили представители органов государственной власти Самарской области и научное сообщество. При обработке данных в своем исследовании, мы будем придерживаться метода средних оценок. Заинтересованность в деятельности молодежных совещательных органов у каждого молодого человека индивидуальна.

На вопрос «Какие, по Вашему мнению, основные мотивы участия молодежи в реализации государственной молодежной политики?». 30% экспертов считают основным мотивом молодежи – самореализацию *«…молодежь хочет видеть себя важными»; «человек набирается опыта через различные формы и это нормально».* 30% считают, что желание построить карьеру движет членами молодежных органов *«Карьеристами» движет собственная выгода и получение статуса».* 20% считают, что члены молодежных органов стремятся работать на благо общества «*отдаются полностью своему делу на благо обществу».* 10% предполагают, причастность к молодежным органам нужна молодым людям для дополнительного статуса, для удовлетворения своих амбиций. 10% экспертов выразили мнение, отличное от основной массы, и сказали о влиянии взрослых людей на мотив участия молодого человека в молодежных органах *«кого-то пропихивают более взрослые люди, для кого-то потомственного участия».*

В основном, мотивы молодежи − самореализация и карьера. Важно, чтобы во время реализации деятельности в молодежных органах, молодой человек сумел трансформировать желание построить карьеру на желание работать на благо общества.

Возможность быть политическим кадровым резервом субъекта для членов молодежных органов играет иногда решающую роль в выборе деятельности в молодежных объединениях. На вопрос «Как Вы считаете, члены молодежных органов – это будущие государственные служащие и политики?». 20% экспертов ответили *«Они (члены органа) себя, конечно, видят будущими государвенниками, они поэтому туда и идут».* Такое же количество

экспертов говорят: «*Это игра, у некоторых ребят совершенно инфантильные и детские суждения, а если ты сюда приходить, ты должен быть серьезным».* Подавляющее большинство, а именно 60% опрошенных, считает молодежные органы власти подобием практики, профессиональной школы.

При изучении вопроса взаимодействия государства и молодежных органов важно рассмотреть мнение представителей органов власти об эффективности совместной работы на сегодняшний день. В этом вопросе, ответы разделились, 30% опрошенных, говорили об эффективной совместной работе. *«Работа ведется эффективно, проблем не возникает».* 60% экспертов считают, что взаимодействие настроено, но требует усовершенствования и доработок. *«Где-то власть не готова слушать молодых людей, а где-то наоборот молодежь не заинтересована».* 10% специалистов считают, что взаимодействие государства и молодежных совещательных органов – это игра. *«Сейчас все приобретает форму игры. И я не вижу большой эффективности, поскольку это или игра, или заигрывание».*

Анализируя результаты интервью, мы пришли к выводу, что, как правило, проблемы взаимодействия существуют, но это вызвано точечным характером. В основном, представители власти выказывают желание корректировать, и улучшать совместную работу с молодежью, то есть не считают их «детьми» и осознано подходят к системе молодежных совещательных органов. Понимая мотивы участия молодежи в деятельности молодежных органов, представители власти дают возможность самореализовываться ребятам и продвигаться по «социальному лифту». В этой совместной работе важно самим молодым людям проявлять инициативу, высказывать идеи, мнение, взгляды на ту или иную проблему. Часто происходит так, что молодой человек «числится» в молодежных органах на протяжении всего срока. Такая работа не приносит ни для него, ни для общества положительных результатов. Поэтому, есть необходимость совершенствовать систему работы, как молодежных органов, так и представителей власти для повышения эффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Агекян С.В.* Молодежный кадровый резерв в субъектах РФ // Инновационная наука. 2021. № 3.

2. *Гукова И.Н.* Развитие общественно-политической активности молодежи на основе взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества: дис. кандидат полит. наук: 23.00.02 / Гукова Ирина Николаевна; науч.рук. К.Н. Лобанов; БелГУ. Белгород, 2016.

3. *Давыдов А.В., Коряковцева О.А., Парасюк Е.А.* Опыт формирования гражданской и политической идентичности молодежи: современный взгляд // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 19.

4. *Ильинский И.М.* Собрание сочинений: в 5-и т.: Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация / послесл. В.А. Лукова. М.: Терра, 2016. Т. 2.

5. *Купорез К.Д.* Молодежные парламенты в современной России: региональный опыт // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. № 20.

6. *Отроков О.Ю.* Молодежное самоуправление в условиях социально-политического реформирования современной России: дис. кандидата полит. наук: 23.00.02 / Отроков Олег Юрьевич; ФГЛОУ ВО «Южный федеральный университет». Ростов-на Дону, 2018.

7. *Поляничко Н.Е.* Государственная политика как фактор политической социализации современной российской молодежи: дис. кандидата полит. наук: 23.00.02 / Поляничко Наталья Евгеньевна; ФГЛОУ ВО «Южный федеральный университет». Ростов-на Дону, 2020.

8. *Руднева Л.Е.* Социальная ответственность власти в отношении молодежи: социально-философский анализ: дис. кандидат фил. наук: 09.00.11 / Руднева Елена Леонидовна; науч. рук. Д.В. Чайковский; ФГАОУ ВО Национальный Исследовательский Томский Политехнический университет. Томск, 2020.

9. *Скоробогатова В.И.* Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданского общества // Молодежные и детские общественные объединения: проблемы преемственности деятельности и исследований. Сборник докладов и выступлений. М., 2002.

E.V. SEMOCHKINA
Graduate student, Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University named after ak. S.P. Korolev, Samara, Russia

EXPERT ASSESSMENT OF THE INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES WITH YOUTH ADVISORY BODIES

The article touches upon the topic of the activities of youth advisory bodies. Explanations of the concept of "youth advisory body" are given, and the idea is traced that youth advisory bodies are political communication between the authorities and the youth. To date, not all the possibilities of youth advisory bodies have been fully taken into account in the implementation of their activities. The idea is substantiated that in order to improve the activities of youth advisory bodies, it is necessary to study the expert opinion of government representatives

on their activities. The research method is an individual expert survey in the interview format. Considerable attention is paid to the peculiarities of the statements of experts, a direct speech on the most problematic issues is given.

Key words: *youth advisory bodies, youth parliament, youth government, youth election commission, state youth policy.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.020
УДК 321.02
А. МАМЕДОВА
магистрант Академии Государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Республика Азербайджан, г. Баку

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В статье исследуется процесс политической модернизации ряда стран после Второй мировой войны и концепция электронного правительства, возникшая в результате этого процесса. В качестве индикатора развития демократии процесс политической модернизации сочетает в себе три компонента: прозрачное электронное правительство, политическое участие и уровень свободы страны. В глобализирующемся мире электронное правительство – это система, которую государства определяют для своих людей и основанную на принципах гибкости и прозрачности. В целом роль системы электронного правительства значительна в дальнейшем развитии отношений между государством и обществом и начале своеобразной «новой эры». Поэтому в статье рассматриваются цели, направления, преимущества электронного правительства, а также его формирование и принципы работы в Азербайджанской Республике.

Ключевые слова: *политическая модернизация, прозрачное правительство, демократизация, формирование электронного правительства, борьба с коррупцией, электронное правительство в Азербайджанской Республике.*

Введение. С вступлением стран мира в процесс политической модернизации начался новый этап в развитии демократии и возникла необходимость в формировании электронного правительства. В то время, когда общество и технологии развиваются каждый день, наблюдается значительный прогресс в структуре государства и его услуг. Если 20-30 лет назад нужно было получить какой-то документ, обратиться в несколько мест, чтобы воспользоваться какой-либо услугой, оформить много документов, ждать дни, а иногда и месяцы, эта проблема была решена с созданием электронного правительства. Таким образом, под влиянием быстро меняющихся и развивающихся информационных технологий начался переход к более современному и более рациональному правительству.

1. Компоненты политической модернизации. Политическая модернизация – относительно сложное понятие. После Второй Мировой Войны

многие страны мира начали искать способы участия в процессе политической модернизации. Словом, процесс политической модернизации можно оценить как развитие политики страны. Некоторые ученые отмечают, что в основе этого процесса лежат демократические институты. Например, Уоррен отметил, что консультативная демократия – это удобный способ управления и принятия политических решений, хотя это не так, но ее можно рассматривать как способ дать каждому (взрослому) человеку равные шансы повлиять на результат.

Политическая модернизация в основном означает существенное изменение структуры правительства и в то же время указывает на развитие рационализации и легитимности власти. Макс Вебер заявил, что политическая модернизация – это источник силы, переходящей от традиций и харизмы к легитимности [10]. Таким образом, в досовременном обществе было два основных источника истины:

1. Традиционные политические лидеры унаследовали власть через кровные узы.

2. Харизматический метод – в этом случае политические лидеры получали власть на основе своей внешности, талантов, речи, гламура и других характеристик.

Однако оба эти метода прихода к власти могут привести к высокой степени централизации. В этом отношении источник власти радикально изменился благодаря просвещению и политическим реформам в западных странах. В частности, право граждан на голосование и пропорция голосов являются основным источником прихода к власти политических субъектов. Иными словами, рационализация и легитимация власти получили широкое распространение в западных странах. Развитие политической модернизации в Африке привело к медленнее, чем в западных странах.

Политическая модернизация стоит за процессом экономической и социальной модернизации в незападных странах. Однако прогресс экономики и общества может привести к ряду проблем в развитии стран, особенно к коррупции. Следовательно, необходима прозрачность правительства. Некоторые ученые считают, что повышение прозрачности правительства создаст условия для развития процесса политической модернизации [2; 10].

Следует отметить, что при изучении процесса политической модернизации необходимо различать два основных типа:

1. Оригинальная, стихийная модернизация, которая оценивается как переход от традиционного общества к рациональному в результате длительного естественно-исторического развития. Конкретным примером этого являются названия таких стран, как Великобритания и США.

2. На втором месте находятся страны, использующие опыт ведущих, развитых стран и их модели модернизации, например, Бразилия и другие страны.

Отличительные черты модернизации в политической сфере связаны с формированием демократического правового государства, прозрачно-

го электронного правительства, а в экономической сфере – с переходом к капитализму. Русский культурный антрополог Е. Орлова писала, что модернизация на социокультурном уровне общества – это процесс перехода от индустриализации к постиндустриализации в экономической сфере и от авторитаризма к демократическим режимам в политической сфере.

В целом прозрачность правительства охватывает все политические процессы, от разработки политики до ее реализации. Некоторые ученые даже утверждали, что развитие технологий может быть функциональным способом повышения прозрачности правительства. Также важно подчеркнуть, что прозрачность правительства и участие в политической жизни являются ключевыми аспектами политической модернизации. Либеральная политическая среда также необходима для политической модернизации. Опыт показал, что если политическая среда не является либеральной, то нет политического участия граждан и прозрачного правительства. Другими словами, высокий уровень свободы – фундаментальный элемент, который ведет к развитию политической модернизации. Таким образом, можно сделать вывод, что политическая модернизация включает такие аспекты, как прозрачное правительство (включая электронное правительство), уровень политического участия и свободы [7].

2. Основные принципы функционирования электронного правительства. Процессы глобализации, модернизации и информатизации в современном мире взаимосвязаны и обусловливают друг друга. В последние годы в мире произошли значительные изменения в различных областях, которые потребовали пересмотра его классической структуры и фундаментальных изменений в этой области. Эти изменения касаются, прежде всего, процессов потребления информации и ее распространения. Некоторые развитые страны – Япония, Канада, Западная Европа – начали переход от индустриальной экономики к информационной экономике в 1960-х годах. Этот процесс, в свою очередь, завершился трансформацией общества, то есть переходом к информационному обществу. В эпоху современной глобализации переход к информационному обществу требует формирования государственного управления и создания электронного правительства [3; 8].

Электронное правительство, впервые появившееся в США в 1993 году, не существовало само по себе. Это было связано с несколькими факторами:

- развитие технологий;
- инициировать партнерство между частным и государственным секторами;
- важность межфирменного сотрудничества;
- недостатки в обмене документами между госорганами;
- желание граждан обращаться напрямую в соответствующий орган [1; 7].

А основные цели электронного правительства можно сгруппировать следующим образом:

1. Адаптировать политику государства к глобализированной мировой системе.
2. Снижение затрат при использовании электронных услуг.
3. Обеспечить прямой и быстрый доступ к информации.
4. Постепенно сокращение бумажных транзакций.
5. Сокращение «дистанции» между госслужащими и гражданами при оказании услуг.
6. Устранение коррупции.
7. Повышение качества обслуживания.
8. Увеличить количество граждан, пользующихся государственными услугами.
9. Обеспечение технологического развития государства [4].

В различных странах мира, и в первую очередь в США и Великобритании, электронное правительство обычно рассматривается как концептуальный документ, направленный на повышение качества государственного управления. Главное, что государственные органы на разных уровнях используют современные информационные технологии, чтобы предлагать гражданам прозрачную, беспристрастную информацию и услуги [5].

Проект электронного правительства направлен на создание лучшей государственной структуры в самом широком смысле. Поэтому основными моделями внутри электронного правительства являются четыре отношения:

1. G2G – между различными ветвями государственной власти (Government-to-Government).
2. G2C – между государством и гражданами (Government-to-Citizen).
3. G2B – между государством и бизнесом (Government-to-Business).
4. C2G – между гражданином и правительством (Citizen-to-Government).

G2G – между различными ветвями государственной власти (Government-to-Government) – отношения между различными государствами, органами и структурами. Эти отношения включают обмен информацией между государством и его структурами по вопросам управления, законов, разработки политики, программ и проектов экономического развития.

G2C – между государством и гражданами (Government-to- Citizen) – это отношения между правительством и отдельными лицами или гражданами. Это включает в себя бесплатный поиск работы в Интернете, паспорт, свидетельство о рождении или браке, социальное обеспечение, удостоверение личности и т. д. например, предоставление личных документов.

G2B – между государством и бизнесом (Government-to-Business) – эти отношения включают предоставление информации, услуг, включая учредительные документы, бизнес-лицензии, таможенные декларации, бизнес-законы и постановления, отчеты о заработной плате, патенты, товарные знаки и другую информацию, используемую предпринимателями, предприятиями, и корпорации, поддержка бизнеса, электронное выставление счетов, бизнес-политика и информация о персонале [6].

C2G – между гражданином и правительством (Citizen-to-Government) – налогообложение, штрафы, перепись, информационная поддержка государства в изучении связей с общественностью, формирование государственного управления и внешней политики посредством голосования и других средств, содействие государству в предоставлении различных услуг, и т.п. включает в себя.

Таким образом, преимущества электронного правительства можно перечислить следующим образом:

- оказание качественных услуг гражданам;
- улучшение сотрудничества бизнеса, граждан и правительства;
- легкое регулирование соблюдения правил;
- демонстрация прозрачной подотчетности;
- обеспечение интеграции граждан в правительство;
- повышение эффективности и производительности;
- больше результатов при меньших ресурсах;
- обеспечение информационной безопасности;
- отмените повторяющиеся процедуры;
- минимизация бюрократических процедур.

Кроме того, ключевые шаги, которые необходимо предпринять при переходе на электронное правительство [5; 7]:

1. Правовая инфраструктура.
2. Технологическая инфраструктура.
3. Финансы электронного правительства.
4. Создание сервисной инфраструктуры.
5. Безопасность и конфиденциальность.

Формирование электронного правительства в Азербайджанской Республике. Система электронного правительства в постсоветских странах, в том числе в Азербайджане применяется со второго десятилетия XXI века. Следует отметить, что развитие системы электронного правительства в Азербайджанской Республике тоже идет быстро. В целях формирования и развития «электронного правительства» и электронных услуг в нашей стране за последние годы был принят ряд государственных программ, законов и постановлений, которые сыграли правовую основу в развитии этих сфер в стране.

Формирование «электронного правительства» в Азербайджане основывается на международной практике, и правовая основа для его деятельности была создана Указом Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Государственной программы (Электронный Азербайджан) по развитию связи и информационных технологий в Азербайджанской Республике на 2010-2012 годы», а также Постановлением «О некоторых мерах по утверждению порядка предоставления государственными организациями электронных услуг» от 23 мая 2011 года и иными нормативными правовыми актами [9].

Основные принципы работы электронного правительства в Азербайджанской Республике включают:

• Соблюдение требований действующего законодательства Азербайджанской Республики.

• Реализация государственной политики в области информатизации, защита государственных и национальных интересов.

• Обеспечение возможностей получения полноты, достоверности, актуальности, безопасности и защиты информации, предоставляемой пользователям, в простой и быстрой форме.

• Распределение полномочий и обязанностей между государственными органами.

Кроме того, следует отметить, что все вышеперечисленные принципы и цели также отражены на Портале электронного правительства Азербайджанской Республики.

Заключение. Таким образом, исследование приводит к выводу, что процесс политической модернизации после Второй мировой войны сыграл ключевую роль в развитии демократии. Электронное правительство, которое является проявлением этого процесса, дало широкий импульс формированию правильных и сбалансированных отношений между государством и гражданским обществом.

В целом электронное правительство в наше время нацелено на то, чтобы помочь сформировать новую модель взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами посредством применения информационных и коммуникационных технологий, улучшить качество государственного управления за счет оптимизации внутреннего и межфирменного взаимодействия. Электронное правительство – это качественно новый уровень организации государственного управления, обеспечивающий высокое качество государственных услуг, повышение уровня социально-политического участия в государственном управлении и демократизацию общества в целом.

Поэтому я считаю, что электронное правительство – это новая форма отношений между государством и обществом, которая расширяет объем и качество услуг, предоставляемых государством предприятиям и гражданам в виртуальном пространстве, устраняет коррупцию, снижает управленческие и операционные расходы, продвигает новую экономику». Это дало толчок к демократизации общества и повышению эффективности борьбы с проблемами, возникающими на этом пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Малитиков Е.М.* Электронное правительство – цивилизационная неизбежность // Федеральная газета. 2009. № 1.

2. *Павроз А.В.* «Электронное правительство» и современные административные реформы // Политич. Наука. 2008.

3. *Сидорова А.А.* Электронное правительство. М.: Издательство Юрайт, 2017.

4. *Стырин Е.М.* Электронное правительство: стратегии формирования и развития: дис. канд. социол. наук. М., 2006.

5. *Сурин А.В.* Стратегии развития электронного правительства // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). М., 2006. № 2.

6. *Холмс Д.* eGov. Стратегии электронного бизнеса для государства / Д. Холмс: пер. с англ. А.В. Короткова. М.: Астрел, 2004.

7. *Храмцовская Н.А.* Возникновение и эволюция понятия «электронное правительство» // Интернет и современное общество. 2015. № 11.

8. *Lawson G*. NetState: Creating electronic government. L.: Demos, 1998.

9. *Məhərrəmova A.* "Mövcud elektron hökumət həlləri, onların gündəlik həyatımızda rolu və faydaları"məqalə. (2 mart 2021) // https://www.digital.gov.az/digitalazerbaijan/az/blog/57/elektron-hokumet-nedir.

10. *Shouzhi Xia* "E-Governance and Political Modernization: An Empirical Study Based on Asia from 2003 to 2014" (31 July 2017) // https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://www.mdpi.com/2076-3387/7/3/25/pdf&ved=2ahUKEwiJpYut38L0AhVDQ_EDHdKRA-QQFnoECAQQAQ&usg=AOvVaw21F54pHFVFijjJX4xkyiqI.

A. MAMMEDOVA
Master of the Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan,
Baku, Republic of Azerbaijan

POLITICAL MODERNIZATION AND E-GOVERNMENT

The article examines the process of political modernization of a number of countries after the Second World War and the concept of e-government that emerged as a result of this process. As an indicator of the development of democracy, the process of political modernization combines three components: transparent e-government, political participation and the level of freedom of the country. In a globalizing world, e-government is a system that states define for their people and is based on the principles of flexibility and transparency. In general, the role of the e-government system is significant in the further development of relations between the state and society and the beginning of a kind of "new era". Therefore, the article discusses the goals, directions, advantages of e-government, as well as its formation and principles of work in the Republic of Azerbaijan.

Key words: *political modernization, transparent governance, democratization, e-government, anti-corruption, e-government in the Republic of Azerbaijan.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.021
УДК 32.323

А.С. ТЕТЕРЮК
кандидат политический наук,
старший преподаватель кафедры политической
теории МГИМО МИД России, Россия, г. Москва
А.С. ПОТАПКИН
студент магистратуры факультета управления и
политики МГИМО МИД России,
Россия, г. Москва

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА МИКРО-МАКРО ТРАНСФОРМАЦИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ МОСКОВСКОЙ РЕНОВАЦИИ)[1]

В статье рассматривается исследовательский потенциал применения концепции микро-макро политических переходов для интерпретации и реконструкции политико-управленческих ситуаций продвижения субъектами лоббирования отраслевых интересов. Для детализации пути трансформации партикулярного интереса и его инкорпорирования в публичную повестку органов власти применяются положения из нескольких методологических подходов политической науки. Представленная теоретическая база апробируется на ситуации GR-менеджмента строительной компании ПИК в отношении региональных органов власти на примере московской программы реновации.

Ключевые слова: *микро-макро трансформации, макро-микро политические переходы, лоббизм, GR-менеджмент, корпоративная политическая активность, лоббистская деятельность.*

[1] Статья подготовлена в рамках конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, проводимого совместно РФФИ и ЭИСИ, 21-011-31289. Комплексный механизм участия организаций крупного бизнеса в динамике политико-управленческих процессов современной России (анализ осуществления влияния на отраслевую государственную политику).

В российском научно-экспертном сообществе продолжается дискуссия о концептуальном осмыслении такого феномена как управление политико-управленческим влиянием негосударственных акторов (в частности бизнес-организаций), включающего в себя их сетевое взаимодействие и активное воздействие на лиц, принимающих государственные решения (GR-менеджмент). Некоторый вклад в формирование подобных теоретико-методологических подходов к GR-проблематике уже внесли определенные труды отечественных авторов [6; 15]. Дальнейшее исследование этой бурно развивающейся области политической науки требует более глубокого анализа с использованием актуальных подходов и новых концептуальных моделей, позволяющих уже детально структурировать комплексный механизм межсекторального взаимодействия.

В этой связи, заслуживающей внимания представляется концепция «*микро-макро» (прямых) и «макро-микро» (обратных) политических переходов* (1), которая связана с так называемой *«конверсией»,* т.е. трансформацией индивидуально-группового поведения в деятельность микро-организаций, которая затем «транзитируется» на работу макро-политических институтов. Подобные переходы могут разворачиваться и в прямую, и в обратную стороны (с микро-уровня на макро-уровень, и наоборот), будучи движимыми изменениями на различных социетальных уровнях, и далее, влияющими на деятельность отдельной организации, а потом и на ее мотивы и цели [27. P. 890].

Симптоматично, что подобные особенности характерны и для процесса управления взаимосвязями с государственными органами. С одной стороны, едва ли можно усомниться в том, что сущностной составляющей лоббистской деятельности является понимание функционирования государственных институтов, которые выступают в качестве неотъемлемого политического элемента внешней среды бизнеса. При такой трактовке в фокусе GR-деятельности находится активный и систематический анализ отраслевых проблемных ситуаций, правил и процедур принятия политических решений, общей динамики факторов окружающей среды. Это необходимо для формулирования адекватных политических стратегий бизнеса, для правильного считывания признаков потенциальных изменений в отрасли или конфигурации госорганов. Критически важным понимание макро-контекста становится в ситуациях «погружении» организации в нерыночную среду. Иными словами, когда фирма столь плотно взаимодействует с чиновниками и законодателями, что продукт политических договоренностей (как намеренно, так и непроизвольно) начинает воздействовать на экономическую, теперь уже внешнюю для нее, отраслевую среду по итогу принятия госрешения. Такое явление взаимооборачиваемости политической и экономической сред с последующим изменением роли фирмы может быть описана категорией «*инверсия».*

В то же время, в анализе многих современных процессов политического участия нередко требуется рассмотрение и другого измерения лоббистской деятельности, а именно индивидуально-группового. В данной логике исследовательская оптика направлена, образно говоря, от «мелкой клетки» стратегии и тактики действий микро-акторов (на основе индивидуальных и групповых ценностей и интересов) к более «крупной клетке», то есть от их реагирования на «прямое» и исходное воздействие макро-факторов, и вплоть до результатов и последствий «обратного» микро-действия на последующую макро-трансформацию. Подобное «восхождение» интересов от индивидуального уровня с последующим инкорпорированием частного интереса в общую формулу интересов можно было бы интерпретировать с помощью категории «*конверсии*».

Более того, в силу важности «бизнес-составляющей» GR-менеджмент является еще и интегральным элементом системы корпоративного управления и стратегического организационного целеполагания. Это, в свою очередь, предполагает глубокое понимание экономических процессов, происходящих в компании, знание ее продукции и ресурсов, которые можно задействовать при продвижении того или иного госрешения. Следовательно, на уровне работы отдельно взятой фирмы GR служит инструментом анализа и выработки «микро-политического» поведения организации в пространстве позиций и стратегий государственных акторов, ответственных за конкретные политико-управленческие решения.

С учетом отмеченных выше предпосылок, в настоящей работе, предпринимается попытка выявить подобные переходы в рамках взаимодействия между государственными органами и московским стройкомплексом на примере Программы московской реновации (далее – ПМР). Подобная сфера представляется весьма актуальной для исследования по нескольким причинам. Во-первых, современные городские агломерации являются комплексными социальными, технологическими, экономическими и политическими системами, от которых зависит качество жизни миллионов граждан. Во-вторых, сложность процессов строительства требует взаимодействия государственных органов, бизнеса (застройщики, проектировщики), экспертов и граждан, являющихся адресатами проводимой политики и конечными потребителями создаваемых благ. В частности, в отраслевом GR-менеджменте, при всей специфике строительной сферы, необходимо учитывать взаимосвязь циклов «внешней» среды (принятие регионального бюджета) с «внутренним» циклом бизнес-процессов организаций (этапов проектирования, строительства, ввода в эксплуатацию). Далее, из-за непростого и даже порой запутанного характера государственного регулирования строительной отрасли, GR-менеджмент подобных компаний сталкивается с проблемой дифференциации и интеграции регуляторных и дистрибутивных (к которым можно отнести субсидии, госзакупки, выделение земли под

застройку) механизмов государственной политики. И, наконец, существует и риск конфликта интересов стейкхолдеров, участвующих в реализации градостроительных программ. Например, конфликт жителей и властей, несогласных переезжать в новое жилье, или «противостояние» жителей с девелоперами относительно плана развития территории.

Методологические предпосылки изучения многоуровневых трансформаций в современной политологии. Несмотря на определенную проработку проблематики политических переходов в зарубежной политнауке (некоторые основополагающие труды по микро-макро переходам появились еще в 60-е гг. XX в.) [22], в отечественной политологии исследование данного направления находится еще в начальной стадии и представлено пока немногочисленными работами [5; 14], хотя некоторые попытки осмысления этого феномена и его прикладного значения можно встретить в трудах историков, социологов и экономистов [3; 9; 12]. Тем не менее, «арсенал» общепризнанных кластеров методологических подходов к изучению политического процесса, публичной политики и лоббизма позволяет взглянуть на указанную проблематику шире, а именно с двух основных точек зрения при выборе общей логики реконструкции социально-политических объектов – «активистской» (от части – к целому) и «холистской» (от целого – к части). При этом, каждой из двух перспектив соответствуют свои научные подходы, которые целесообразно использовать в дальнейшем анализе. Так, активистский подход опирается на бихевиорализм и теорию рационального выбора, в то время как холистский раскрывается через сетевой подход и неоинституционализм.

Объектом исследования в *бихевиористском подходе* выступают политические субъекты и их выбор. Бихевиорализм фокусируется на поведении лиц (и групп) в противовес их формальным ролям или структурам, в которых они функционируют [22. P. 1-3]. Интеракции стейкхолдеров осуществляются в форме индивидуальных акций, включающих взаимодействие минимум двух субъектов политпроцесса по вопросу перераспределения властных ресурсов на площадке общественно-политического института (ведомства, рабочей группы и проч.). Важно отметить, что индивиды, участвующие в принятии решений на микроуровне обладают собственными установками и убеждениями, а также частными мотивами и интересами (private motives and interests). Бихевиорализм активно применяется для изучения поведения также и структур бизнеса. В частности, в 1960-х гг. Р. Саерт и Дж. Марч предложили альтернативную поведенческую теорию фирмы, которая делает акцент не на максимизации прибыли, а на процессе принятий решений внутри сложной организации (корпорации), что требует учета интересов, входящих в нее стейкхолдеров [18. P. 51].

Вторым активистским подходом выступает *модель рационального выбора*. В становлении данного подхода лежит классическая экономическая

теория, прежде всего, труды А. Смита и И. Бентама. Теория рационального выбора интерпретирует социальную действительность как совокупность индивидов и рассматривает индивида как основного агента политических изменений. Акторы на микро-уровне в своей активности исходят из устойчивых предпочтений и рациональных правил, стремятся максимизировать выгоду и минимизировать издержки в условиях тотальной конкуренции. Как и в бихевиорализме, в качестве единицы анализа модель может рассматривать и фирму как рационального индивида [23]. Стоит отметить, что такие акторы не могут располагать всей полнотой информации. Об этом говорит, в частности, теория ограниченной рациональности Г. Саймона, предполагающая наличие когнитивных пределов мышления индивида (или группы) и учитывающая условия внешней среды, которые оказывают известное влияние на принятие итогового решения [25. P. 2]. Также целесообразно интерпретировать процесс принятия решений через теорию политической ренты Г. Таллока, которая объясняет оказание лоббистского влияния на органы госвласти через стремление извлечь дополнительные политические дивиденды (политическую ренту) [26].

В противовес акторно-активисткому подходу, холизм приоритезирует целое по отношению к частному. Первым важным подходом здесь выступает *сетевой подход*, использовавшийся изначально в социологии и в последующем адаптированный для политической науки. Он основывается на понятии *сети* (network), под которой подразумевается совокупность связей и отношений между индивидами (или их группами), возникающих на основе взаимных интересов и имеющих регулярный характер [2. С. 46]. Связи между субъектами (компонентами сети) возникают благодаря их систематической коммуникации, ключевыми характеристиками которой являются многоканальность и высокая плотность ресурсного обмена (информацией, статусом, материальными благами). Политический и управленческий процесс в сетевом подходе возможно рассматривать на разных уровнях взаимодействия, включая макро- и мезо-уровни.

На макро-уровне взаимодействие «субъектов влияния» и «субъектов властвования» в рамках сетевых структур происходит на межинституциональном и локально-региональном подуровнях. На первом подуровне взаимодействие происходит между «центрами» сетевой структуры, которые могут быть представлены основными госинститутами, крупным бизнесом, ассоциациями, социальными движениями. В отличие от него локально-региональный подуровень объединяет представителей региональных ОГВ, местные бизнес-организации и гражданские сообщества. Стоит иметь в виду и концепцию политико-управленческих доменов Д. Ноука, которая говорит о том, что пространство, в котором осуществляется политико-управленческий процесс, ограничено определенной сферой политики и, соответственно, соответствующей ей сетевой структурой, включающей ограни-

ченное число государственных и общественных акторов [24]. Некоторые исследователи утверждают, что сетевой подход может быть применим лишь к мезо-уровню, связанному с медиацией отдельных интересов в границах конкретного политического сектора [19]. Сетевой подход, таким образом, связывает между собой анализ на мезо-уровне (а порой, и на микро-уровне), на котором рассматриваются интересы и деятельность отдельных акторов в процессе принятия политических решений, и анализ на макро-уровне, посвященному широким вопросам о распределении власти в различных сегментах общества.

Наконец, *неоинституциональная теория* полагает, что политические институты влияют на поведение акторов сверху путем формирования и изменения их ценностей, норм, интересов и верований. Институты упрощают политическую жизнь, обеспечивая восприятие различных правил и процедур как само собой разумеющееся при принятии решений. «Открытая модель» неоинституционализма предполагает активное взаимодействие организации со внешней средой, из которой она черпает ресурсы и от которой зависит законодательно. Согласно П. Димаджио и У. Пауэллу, влияние внешней среды на макроуровне приводит к неизбежной гомогенизации, воплощающейся в том, что конституенты внутри организационного поля становятся все более идентичными. Бюрократизация и другие формы гомогенизации возникают в результате структурации организационных полей [21. P. 147]. Когда в отрасли изначально уникальные организации упорядочивают связи и отношения между собой, мощные силы в виде принудительных (законодательство, регулирование), миметических (влияние распространенных в отрасли правил) и нормативных (профессионализация) стимулов подталкивают их к тому, чтобы становиться более сходными друг с другом.

Общая логика реконструкции динамики политико-управленческих ситуаций в процессе продвижения ПМР. Далее попытаемся, уже с опорой на обозначенную выше методологическую базу, кратко проанализировать ситуацию лоббирования, со стороны девелоперской компании ПИК, своих интересов в отношении органов государственной власти Москвы для обеспечения участия в городской строительной Программе Мосреновации, которая сейчас активно разворачивается в российской столице.

Начнем с анализа интересов акторов, участвующих в процессе разработки решения. В ходе согласования программы реновации в г. Москве одну из ключевых ролей играли лица, принимающие решения в правительстве г. Москвы и федеральном правительстве, руководствующиеся собственными интересами. К такой категории ЛПР можно отнести мэра С.С. Собянина, заместителя мэра по вопросам социального развития А.В. Ракову. Заместителя председателя правительства РФ мэра по вопросам градостроительной политики и строительства М.Ш. Хуснуллина.

Для мэра города реновация была важным социальным предвыборным проектом (выборы главы города проходили в 2018 году). Успешный запуск

проекта мог позволить укрепить свои политические позиции как среди населения (улучшение жилищных условий и городской среды), так и среди федерального руководства (способность реализовывать масштабные проекты). В голосовании жителей пятиэтажек через платформу «Активный гражданин» была заинтересована вице-мэр А. Ракова, поскольку именно она курирует как данный проект, так и вопросы социальной политики в правительстве Москвы в целом.

М. Хуснуллин, занимающий на момент начала программы должность вице-мэра по вопросам строительства, курировал начатую в 1999 году программу комплексной реконструкции районов пятиэтажной застройки, и был заинтересован в ее расширении и продолжении. Данная программа была разработана еще при мэре Ю. Лужкове и рассчитана до 2010 г., однако фактически завершилась только в 2019 году.

Перед началом программы 44% жилищного фонда находилось в удовлетворительном состоянии, 23,4% – неудовлетворительном, 1,7% – ветхое. Иными словами, около 70% жилых зданий Москвы имели существенный морально-физический износ и недостаточную энергоэффективность [11]. Наблюдались и территориальные диспропорции спроса и предложения на рынке жилья эконом-класса в черте Москвы. Перед программой порядка 70-80% сделок было заключено именно в этом сегменте, в то время как доля предложения такого типа жилья в Старой Москве составляла 10-20%. Напротив, недоступные для большинства населения квартиры бизнес-класса и элитные комплексы составляли более ⅔ всего предложения [7. С. 79].

Кроме того, как следует из источников, первоначальный этап разработки программы реновации в г. Москве осуществлялся фактически в закрытом режиме, без широкого публичного обсуждения [8]. Тем самым минимизировалось влияние общественного интереса как агрегированной позиции различных сегментов гражданского общества, что, в свою очередь, приоритезировало учет интересов представителей строительной отрасли.

Со стороны бизнеса ключевым субъектом лоббирования в рассматриваемой ситуации выступает компания ПИК-специализированный застройщик (ранее Группа компаний «ПИК», далее – ПИК) – публичное акционерное общество, крупнейший российский девелопер, специализирующийся на строительстве жилья эконом- и комфорт-класса. Компания основана в 1994 г. В 2014 г. 29% акций ПИК приобрел Сергей Гордеев, а в 2016 г. – состоялось поглощение ГК «Мортон», главного конкурента на московском рынке строительства жилья. В результате сделки ПИК стал единоличным лидером девелоперского рынка как в Москве, так и в России в целом. По данным на 2020 г., стратегическим рынком для фирмы является Москва и Московская область (87,94% площади и 93,35% стоимости от совокупного объема контрактации). В 2020 г. прибыль от операционной деятельности составила 87,9 млрд. рублей (рост на 45,16% по сравнению с предыдущим годом).

Следовательно, в качестве основного мотива к действиям могло выступать стремление менеджмента компании принять активное участие в разработке и реализации ПМР, получив стабильный и долгосрочный заказ, а главное и гарантированный (что немаловажно в нынешних непростых экономических условиях) источник финансирования строительных проектов.

Сегодня ПИК является крупнейшим подрядчиком Фонда реновации Москвы: в ее портфеле госконтракты на общую сумму 1,99 трлн. рублей (33,1% от суммы всех контрактов, размещенных в рамках госзакупок) [16]. Данная компания, аналогично другим рациональным игрокам, реализующим девелоперские проекты, стремится к максимизации прибыли. Московская городская агломерация, между прочим, крупнейшая в Европе, представляет собой рынок жилищного строительства объемом практически в 20 млн кв. метров, что неизбежно привлекает внимание застройщиков [1. С. 1]. Вместе с тем ее отличает непростая внешняя среда, характеризуемая комплексностью инфраструктуры и высоким уровнем регулирования строительства. Учет данной среды позволяет дополнительно структурировать логику политического поведения субъекта лоббирования, которая привела его к принятию решения о необходимости участия в данной городской программе.

Среди факторов нерыночной среды можно выделить, во-первых, многочисленные административные барьеры, связанные с невозможностью консолидации земельных участков в одном микрорайоне, и необходимостью внесений изменений в столичное законодательство, Генеральный план и Правила землепользования и застройки (ПЗЗ), а также в ряд норм технических регламентов и стандартов, которые устарели и не отвечали современным вызовам урбанизации мегаполиса. Это повышает итоговую себестоимость стройпроектов [7]. Далее, негативное влияние на спрос оказало существенное падение реальных доходов населения и низкая доступность ипотечного кредита, что, как следствие, способствовало снижению спроса на покупку жилья на первичном рынке на фоне кризисных явлений 2008-2009 гг. и 2014-2015 гг. в России. Следовательно, требовалось обеспечить дополнительный спрос на проекты компании. В качестве третьего обстоятельства можно выделить наличие у застройщиков значительных мощностей, стимулирующих из постоянно искать новые заказы, чтобы обеспечивать амортизацию, выплату кредитов и покрытия иных издержек. *Вариант реконструкции уже существующего жилого фонда не всегда обеспечивает такие большие объемы стройки, как снос и стройка чего-то нового*. Важно отметить также, что принятие решения о конфигурации программы реновации принималось в условиях ограниченных когнитивных, временных и финансовых ресурсов, что явилось причиной разработки модели реновации, основанной на программе сноса пятиэтажек, начало реализации которой было положено еще в 1999 г.

В сложившихся условиях застройщики испытывали затруднения с реализацией девелоперских проектов и были заинтересованы в получении

госконтрактов в рамках долгосрочной программы строительства жилья. Московская программа реновации выступила здесь наиболее оптимальной опцией для крупных девелоперов.

Решив действовать проактивно для использования «окна возможностей», компанией ПИК была установлена разноуровневая, и регулярная коммуникация с различными стейкхолдерами строительной сферы. В результате чего, со временем, сформировалась отраслевая политико-управленческая сеть, состоящая из тесно взаимодействующих друг с другом на макро- и мезо-уровнях лиц, принимающих решения. К акторам такой сети можно отнести саму компанию ПИК и других застройщиков-конкурентов как участников отраслевого бизнеса, крупнейшее национальное объединение строителей (НОСТРОЙ) и московскую мэрию, ключевого регионального органа власти в МПР. Среди институциональных площадок взаимодействия на федеральном уровне выделяются, к примеру, Российский Союз Промышленников и Предпринимателей (Комиссия по строительству и жилищной политике), Аппарат правительства РФ и даже президентский уровень (в рамках Комиссии Госсовета РФ по направлению «Строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, городская среда»). Помимо этого, на мезо- и микро-уровне, отдельных акторов можно идентифицировать ряд стейкхолдеров, включая президента Сбербанка Г. Грефа, члена бюро РСПП Л. Казинеца, представителей руководства мэрии г. Москва и отдельных топ-менеджеров компании ПИК (Д. Тимофеев, М. Якушечкин), образующих коалицию продвижения уже группового интереса.

Наконец, в русле неоинституциональной теории можно заключить, что плотное систематическое взаимодействие определенной группы конституентов по вполне конкретному перечню вопросов приводит к структурированию организационного поля, образуя идентифицируемую область политико-управленческого взаимодействия уже внутри самой строительной сферы. Своего рода это можно интерпретировать как появление «микро-сети внутри более обширной макро-сети». В границах такого поля населяющие его акторы начинают разделять общие убеждения и смыслы, придерживаться единой институциональной логики (обеспечение благоприятного доступа к ПМР в обмен на содействие в реализации градостроительной программы, тем самым улучшая качество жизни граждан и усиливая политическое влияние). Устанавливаются своеобразные практики и методы осуществления коммуникации, характерные только для этого поля (все действующие внутри организационного поля акторы прекрасно знают друг друга и осознают доступные им точки доступа и ресурсы для оказания воздействия). Под влиянием нормативных (правил ведения бизнеса) и регулятивных (соответствующих законодательству) институтов происходит гомогенизация коммерческих компаний и государственных структур. В этом и состоит инверсия как процесс постепенного изменения роли бизнеса от «экономического» актора

к «политическому», вследствие чего изначально индивидуальный интерес проходит несколько стадий трансформации его в уже общий интерес, разделяемый целой коалицией лояльных стейкхолдеров.

Проблема определения прямых и обратных переходов между уровнями политико-управленческого взаимодействия. На основании проанализированного материала можно выявить несколько измерений микро-макро и макро-микро переходов:

1. Микро (аналитические центры, застройщики, муниципальные депутаты, жители) => макро (региональные органы власти стройкомплекса Москвы). В разработке программы принимали участие научно-аналитические центры в сфере архитектуры и градостроительства. Поскольку разработка программы велась в закрытом режиме, нельзя однозначно определить способы влияния крупного строительного бизнеса на итоговое принятие решения о реновации. Однако потенциально застройщики могли снабжать лиц, принимающих решения, информацией о состоянии рынка и предварительно согласовать первоначальные параметры, а также девелоперские проекты, которые станут стартовыми для программы реновации.

В случае с ПИК компания поглотила крупнейшего конкурента, став крупнейшей фирмой в Европе с точки зрения производственной мощности. Компания участвовала еще в первой программе сноса пятиэтажек при Юрии Лужкове. Все это позволяло ей претендовать на получение строительных контрактов от мэрии в дальнейшем. Ряд реализуемых проектов компании попал в список стартовых домов.

Результаты аналитической работы были представлены и утверждены мэром Москвы в конце лета 2016 года. Наблюдалась также инициатива «снизу»: за продление программы сноса пятиэтажек, власти ссылались на большое количество обращений граждан, были организованы экспертные дискуссии на площадках Общественной палаты и Мосгордумы после начала публичной медиакампании [13].

2. Макро (региональный уровень) => макро (федеральный уровень). Вопрос реализации городской реновации был перенесен на федеральный уровень, поскольку предусмотренные Градостроительным кодексом РФ механизмы не позволяли реализовать проектируемое мэрией решение. Мэр Москвы С.С. Собянин представил проект обновления жилищного фонда на встрече с Президентом РФ в феврале 2017 года [10]. Тогда же в Госдуму был внесен соответствующий законопроект. Инициаторами выступили 16 депутатов, основных парламентских фракций и сенаторы Совета Федерации, аффилированные с Москвой. Для целей программы вводилась отдельная статья в Федеральный закон «О статусе столицы», корреспондирующие изменения вносились в Земельный кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, ФЗ №-44 о госзакупках. Правительство РФ в официальном отзыве поддержало законопроект с замечаниями от-

носительно понятия «реновация» и учета мнений жителей города при реализации программы. Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства отражало критику законопроекта [10]. Также в СМИ фигурировала информация о непубличном заключении Государственно-правового управления Администрации Президента РФ с большим количеством замечаний [17].

3. Макро (региональный уровень) => микро (взаимодействие со строительным бизнесом и с жителями). Наряду с продвижением программы на федеральном уровне, Правительство Москвы продолжало инфокампанию, вело разъяснительную работу с населением, бизнесом и муниципалитетами относительно параметров программы. Продолжалось формирование адресного списка домов, в которых будет проведено электронное голосование о включении в программу.

4. Микро (жители пятиэтажек, отдельные муниципальные депутаты, эксперты и активисты) => макро (федеральные и региональные органы власти). От жителей сносимых пятиэтажек, экспертного сообщества, муниципалитетов и активистов исходила обратная связь, которая транслировалась через протесты; результаты собраний жителей домов; обращения в профильные органы стройкомплекса Москвы, приемную мэра, Общественную палату Москвы, специальную рабочую группу при Госдуме. В закрытом режиме могли проходить совещания органов строительного комплекса с крупными застройщиками о механизме работы. В результате законопроект на федеральном уровне был существенно переработан, принят региональный закон о дополнительных гарантиях участников программы реновации и уточнен порядок учета мнения населения.

5. Макро (федеральный) => макро (региональный). Принятый ФЗ позволил региональным властям принять постановления Правительства Москвы о начале программы [11]. Также был создан Московский фонд реновации жилой застройки, занимающийся взаимодействием с жителями пятиэтажек и заключением контрактов со строительным бизнесом.

6. Макро (региональный) => микро (застройщики и жители). Фонд реновации жилой застройки размещал и заключал госконтракты с застройщиками, предоставлял равноценное или равнозначное жилье жителям, выплачивал им денежные компенсации. Также фонд участвовал в судебных разбирательствах с собственниками и застройщиками в случае возникновения конфликтных ситуаций в ходе реализации программы.

Резюмируя, рассмотренная выше концепция микро-макро переходов содержит конкретный объяснительный потенциал, способный дополнительно прояснить особенности порой весьма запутанного и достаточно часто не вполне транспарентного межсекторального взаимодействия. Задействование нескольких методологических подходов позволяет, во-первых, на достаточно детальном уровне реконструировать отраслевые ситуации лоб-

бирования, взглянув на отдельные аспекты GR-менеджмента с нескольких позиций (отдельных акторов, сети, институтов). Во-вторых, проследить путь продвижения частного интереса с микроуровня его формулирования конкретной организацией или индивидами до инкорпорирования в повестку работы региональных и федеральных госорганов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) От англ. micro-marco & macro-micro transitions.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аналитический обзор о строительстве жилья. Институт развития строительной отрасли. 2021 // https://erzrf.ru/images/repfle/19138570001REPFLE.pdf.

2. *Антанович Н.А.* Перспективы использования сетевого подхода в политической науке // Социология: Научно-теоретический журнал. 2010. № 2.

3. *Веретенникова О.Б., Шатковская Е.Г.* Экономическая политика на макро- и микроуровнях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 2.

4. Встреча с мэром Москвы Сергеем Собяниным // Сайт Президента РФ. 21 февраля 2017 г. // http://kremlin.ru/events/president/news/53915.

5. *Дегтярев А.А.* «Дуальность оптики» политико-аналитической работы: проблема конверсии макро-микро-анализа в цикле GR-менеджмента // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: МПГУ, 2020.

6. *Дегтярев А.А.* Современный GR-менеджмент как сфера межсекторального управления // Предметное поле экономической политологии / под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2018.

7. *Дмитриев М., Мисихина С.* Рынок жилья Московской агломерации: вызовы для населения и экономической политики // Общественные науки и современность. 2016. № 4.

8. *Киевский И.Л.* Реновация. Крупномасштабный городской проект рассредоточенного строительства. М.: Русская школа, 2018.

9. *Мусиенко Т.В.* Микрополитика в современном мире. М., 2003.

10. Обзор деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства за май 2017 года // Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. 22 мая 2017 // https://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/2017-2/obzor2017-5/.

11. Постановление Правительства Москвы от 22 апреля 2014 г. N 205-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 27 сентября 2011 г. № 454-ПП» // Информационно-правовой портал «Гарант» // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70546070/.

12. *Смирнов С.А.* Взаимосвязь микро-макро и мегаэкономики в контексте социальной синергетики // Известия ПГУПС. 2008. № 2.

13. Состояние жилых пятиэтажек вызывает обеспокоенность у столичной Общественной палаты // Агентство городских новостей «Москва». 9 февраля 2017 // https://www.mskagency.ru/materials/2636198.

14. *Тетерюк А.С., Чубак Р.М.* Теоретико-методологические основания концепции макро-микро переходов в интерпретации лоббистской деятельности // Ars Administrandi (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 4.

15. *Толстых П.А.* GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М.: Перо, 2019.

16. *Федорова Н.* Стоимость столичной программы реновации превысила 6 трлн. рублей // РБК. 1 ноября 2021 // https://www.rbc.ru/business/01/11/2021/6156b25b9a7947581d168f33.

17. *Чуракова О.* Жителям пятиэтажек возвращают право на судебную защиту // Ведомости. 18 мая 2017 // https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/18/690516-zhitelyam.

18. *Cvert R., March J.* A Behavioral Theory of the Firm. Prentice-Hall, Englewood Cliffs. New Jersey, 1963.

19. *Bevir M., Richards D.* Decentring Policy Networks: A Theoretical Agenda // Public Administration. 2009. Vol. 87.

20. *Dahl R.* The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest // The American Political Science Review. 1961. Vol. 55.

21. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48.

22. *Eulau H.* Micro-Macro Political Analysis: Accents of Inquiry, 1969.

23. *Hart D.* The Political Theory of the Firm. Oxford Handbook of Business-Government Relations. Oxford University Press, 2011.

24. *Knoke D., Kuklinski J.* Network Analysis. Beverly Hills, 1982.

25. *Simon H.* Rationality as Process and as Product of Thought // American Economic Review. 1978. Vol. 68.

26. *Tullock G.* The Origin Rent-Seeking Concept // International Journal of Business and Economics. 2003. Vol. 2.

27. *Wijk J., Zietsma C.* Social Innovation: Integrating Micro, Meso, and Macro Level Insights From Institutional Theory // Business & Society. 2019. Vol. 58.

A.S. TETERYUK
PhD candidate, Political Theory Department,
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia
A.S. POTAPKIN
Student of the School of Governance and
Politics at Moscow State Institute of International
Relations of the Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE CONCEPT OF MICRO-MACRO TRANSFORMATION FOR THE ANALYSIS OF STATE INTERACTIONS OF BUSINESS-ORGANIZATIONS IN SPHERE OF CONSTRUCTION POLICY (EXAMPLE OF MOSCOW RENOVATION PROGRAMME)[1]

The article analyzes the research potential of the concept of micro-macro political transitions applied for the interpretation and reconstruction of the political and managerial situations of industrial interests' promotion by lobbying subjects. Several methodological approaches of political science are used to detail the way of transformation of the particular interest and its incorporation into the public agenda of the authorities. The presented theoretical base is applied on the situation of the GR-management of the PIK construction company regarding regional authorities on the example of the Moscow renovation program.

Key words: *micro-macro transformations, macro-micro political transitions, lobbyism, GR-management, corporate political activity, lobbying activity.*

[1] Article prepared under scientific grant of Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute of Social Research, № 21-011-31289.

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.022
УДК 32.323
О.Р. ШАРИПОВ
магистр кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва
С.И. ПОПОВ
кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РОССИИ. ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ РАЗРАБОТЧИКОВ IT-ТЕХНОЛОГИЙ И ЭКСПЕРТОВ

В статье изложены авторские наблюдения и размышления об актуальных проблемах, возникающих при заключении государственных и муниципальных контрактов. На основе существующей нормативно-правовой базы предложен реальный механизм по решению данных проблем. Решением выступает новая специальная социальная сеть для бизнеса, которой уже пользуются десятки тысяч участников государственного заказа.

Ключевые слова: *государственные и муниципальные закупки, государственные и муниципальные контракты, заказчик, подрядчик, TenChat, приложение для бизнеса, государственные заказы, банковские продукты, цифровизация, IT-технологии.*

Государственные и муниципальные закупки занимают важное место в экономике и в тоже время являются одной из сфер, где законодательная база не всегда отвечает интересам ее участников. Проблемы, возникающие при заключении государственных и муниципальных контрактов часто происходят не только по причине некомпетентности подрядчиков (исполнителей), но и по вине заказчиков.

Для решения проблем в области государственных и муниципальных контрактов в рамках федеральных законов № 44-ФЗ от 05.04.2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», № 223-ФЗ от 18.07.2011 г. «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в Российской Федерации появилось актуальное решение. В качестве такого реше-

ния выступает специализированная социальная сеть для бизнеса TenChat, разработанная компанией ООО «ВБЦ». Компания, основанная в 2016 году за 5 лет своего существования, понимая, что социальные сети в наше время являются отличной платформой для реализации «условно бесплатной» коммуникации [4], стала одним из лидеров на рынке государственных заказов и одной из основных площадок по предоставлению банковских продуктов. Выводы по востребованности социальной сети TenChat сделаны на основе показателей данного приложения, аналогов которого в Российской Федерации пока не существует. Продукт представляет собой мобильное приложение, где собрана актуальная информация и предоставлен удобный сервис. Главной целью данной социальной сети является возможность за короткий срок связать клиента в лице подрядчика и банк в лице сотрудников банка, чтобы исполнитель мог удобно, оперативно, сэкономив свои финансы, выполнить обязательства по государственным и муниципальным контрактам. Самым ценным активом является довольный пользователь, получающий основные функции бесплатно. Главная задача разработчиков приложения – посредством внедрения данной социальной сети улучшить деловой климат в России [5].

Сегодня уже ни для кого не секрет, что роль современных социальных сетей в политике и обществе возрастает [3]. Современные IT-технологии позволяют взаимодействовать как с органами власти и государственными структурами, так и с кредитными и иными учреждениями на новом уровне.

Первоначально при разработке данного приложения командой и сотрудниками ООО «ВБЦ», в числе которых один из авторов этой статьи, был проведен анализ опыта ряда стран по эффективности и поиску приложений, способных помочь подрядчикам и заказчикам. В приложении представлены данные о контрагентах, заказчиках, подрядчиках. Участникам государственного заказа не нужно пересылать друг другу по несколько раз документы, поскольку прикрепление в приложении либо на сайте TenChat в личном кабинете дает возможность закрепить их на бессрочный период. Так при подаче заявки для кредита на исполнение государственного контракта (важный и актуальный вопрос, особенно на фоне пандемии) подрядчик загружает один раз документы, и они попадают на рассмотрение сразу в более чем 30 банков. Подрядчик имеет возможность отслеживать в режиме онлайн свою заявку, в которой также указывается причина отказа в приеме заявки, либо предлагается корректировка с требованием догрузить дополнительные документы. После одобрения заявки подрядчик имеет возможность выбрать наиболее удобный для себя вариант, например, если он обращает внимание в первую очередь на процентную ставку. Часто возникают ситуации, когда заказчик требует от своего исполнителя банковскую гарантию от самых надежных по его мнению банков (Сбербанк, ВТБ, Альфа банк, Юникредит или другие). Наиболее часто это является требованием федерального закона

№ 223-ФЗ от 18.07.2011 г., либо при коммерческой закупке, когда сторонами являются две частные организации. Кроме того, существуют банковские гарантии на возврат аванса, по которым заказчик также может требовать надежный по его мнению банк.

К концу 2021 года на рынке государственного заказа насчитывается огромное количество конкурирующих структур, но у большинства из них нет инструментов для дальнейшего прогресса и развития. Например, для юридических лиц, которые работают на рынке государственных закупок уже более 5 лет, при подаче заявки на банковскую гарантию достаточно лишь паспорта генерального директора ООО или ИП и отчетность за последний квартал. Большинство банков при подаче рассмотрении заявки требуют все учредительные документы и финансовую отчетность (обычно примерно 8-10 позиций). Tenchat упрощает работу клиента и сокращает это перечень до двух документов. Новшество дает преимущество перед конкурентами и создает удобство для клиента.

TenChat – это первый онлайн супермаркет для участников государственного заказа. В нем можно найти тендер под определенные критерии с уведомлением, когда заказчик выложит на площадку новый лот. В приложении есть возможность бесплатно проверить контрагентов, получить кредит по доступной ставке в течение одного рабочего дня и многое другое [1]. Также компания ООО «ВБЦ» активно развивает агентскую сеть, давая возможность заработать обычным гражданам в условиях пандемии. С помощью сервиса можно уберечь себя от различных проблем с законом, минимизировать финансовые потери. Информация фильтруется и постоянно актуализируется, что очень важно в современных реалиях. О последних изменениях и поправках в нормативно-правовые акты, клиент узнает из приложения.

В 2020 году доля заявок по банковским гарантиям в соответствии с требованиями федерального закона № 44-ФЗ от 05.04.2013 г., поданных участниками государственного заказа с использованием платформы ВБЦ (Всероссийский Бизнес Центр) составила 55% [2]. Из них большинство оформляется через не только через сайт ВБЦ, но и через приложение TenChat. Сейчас из 127 банков, имеющих лицензию на выдачу банковских гарантий в Российской Федерации, на маркетплейсе представлены более 30. Их количество планируется увеличить более чем в два раза, и, конечно же, ускорить процесс рассмотрения заявок. В том числе, по кредитным продуктам, сделать максимально доступным и быстрым процесс рассмотрения кредита на исполнение контракта по выигранному тендеру.

Проект TenChat был запущен менее года назад и на момент окончания 2021 года его активно используют более 100 тысяч участников. Для данной отрасли – это очень хорошие результаты. С помощью сервиса можно анализировать деятельность конкурентов, искать нужные тендеры и новых

деловых партнеров, находить новые рынки и идеи для развития. В приложении TenChat можно установить push или e-mail уведомления, которые будут информировать о новых изменениях в ЕГРЮЛ по заданным контрагентам, заказчикам. Например, заказчик только публикует на какой-либо электронной площадке тендер (Сбербанк-АСТ. Роселторг или на другой), а клиент получает об этом информацию мгновенно на свой мобильный телефон.

Специализированная социальная сеть TenChat является одним из крупнейших агрегаторов на рынке финансовых услуг. Клиенты получают все от реквизитов и отчетности, до контактов и оценок кадровых рисков. Можно найти компанию по ИНН, ОГРН, названию организации, ФИО и адресу. В приложении TenChat уже более 10 миллионов контактных данных участников государственных торгов. Индекс финансового доверия, который доступен в бесплатной версии приложения, помогает оценивать риски при сотрудничестве с благонадежными партнерами. Также можно найти связь одного лица в участии нескольких юридических лиц, исключив таким образом коррупционную заинтересованность участников. Вся информация поступает из открытых источников и шансы на утечку информации минимальны. Конечно, не стоит считать, что данные на 100% защищены. Нельзя исключать хакерские атаки, но защищенность данных находится в приоритете разработчиков социальной сети, и защита постоянно совершенствуется. Данные агрегируются из Росстата, Управления федерального казначейства, Роскомнадзора, Федеральной налоговой службы, Единого государственного реестра юридических лиц, арбитражных дел, службы судебных приставов и десятков других источников информации.

В настоящее время добавляются новые сервисы в приложение, последним новшеством являются торги по банкротству имущества [6]. Внедряется автоматизированный поиск лотов по покупке недвижимости за полцены. Ежедневно сервисом TenChat пользуются десятки тысяч предпринимателей и сотрудников государственных структур, с гарантированным круглосуточным бесплатным доступом. Приложение TenChat активно развивается, и его разработчики планируют выходить на новый уровень, работая в том числе с компаниями из Казахстана и Белоруссии. В приложение планируется в 2022 году добавить TenPay – собственную платежную систему для юридических и физических лиц. Подобных аналогов в Российской Федерации до настоящего времени не существовало.

Конечно по эффективности одной разработки весьма сложно судить об успешности реализации всей программы цифровой трансформации экономики страны в целом, однако, по результатам всестороннего анализа продукта TenChat, уже сейчас очевидно, что у современных IT-технологий имеется огромнейший потенциал применения в области взаимодействия государства и частного бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Бизнес России TenChat» // «Всероссийский Бизнес Центр – Бизнес России TenChat» // https://vbankcenter.ru/contragent.

2. «Выручка группы ВБЦ в 2020 году выросла более чем в 2 раза» // «Журнал – Банковское обозрение» // https://bosfera.ru/press-release/vyruchka-gruppy-vbc-v-2020-godu-vyrosla-bolee-chem-v-dva-raza.

3. *Гришин О.Е., Жильцов С.С., Иванова Е.А., Михайлова Н.В., Попов С.И., Степанов С.А.* Проблемы политической науки. Москва, 2014.

4. *Попов С.И., Ершов Н.А.* Политические коммуникации в интернете // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31).

5. «Социальная сеть для работы и бизнеса TenChat» // «Социальная сеть для работы и бизнеса TenChat» // https://tenchat.ru/.

6. «Соцсеть TenChat представляет первый бесплатный агрегатор торгов по банкротству» // «Всероссийский Бизнес Центр – Пресс Центр» // https://vbankcenter.ru/news/agregator-torgov-po-bankrotstvu-ot-tenchat.

O.R. SHARIPOV
Master, Department of State and Municipal Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
S.I. POPOV
Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

DIGITALIZATION IN RUSSIA. THE FIRST ASSESSMENTS OF IT TECHNOLOGY DEVELOPERS AND EXPERTS

The article presents the author's observations and reflections on the actual problems that arise when concluding state and municipal contracts. Based on the existing regulatory framework, a real mechanism for solving these problems is proposed. The solution is a new special social network for business, which is already used by tens of thousands of participants of the state order.

Key words: *state and municipal procurement, state and municipal contracts, customer, contractor, TenChat, business application, government orders, banking products, digitalization, IT technologies.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.023
УДК 32.327

А.Д. НАЗАРОВ
доктор исторических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой по научной работе
Московского авиационного института,
Россия, г. Москва
Е.А. НАЗАРОВА
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии
МГИМО МИД России,
Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСВОЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И РАЗВИТИЯ МЕЖПЛАНЕТНОЙ МИГРАЦИИ

После почти полувековой паузы в межпланетных полетах, человечество на качественно новой научно-технологической базе подошло к идее возобновления таких полетов не только на Луну и Марс, но и другие планеты, их хозяйственно-экономическому освоению и поэтапному заселению с перспективой создания на них условий для привычного обитания человека.

В связи с этим в статье сделана попытка дать краткий обзор предпринимаемых усилий по достижению этих перспектив, показать, что наряду с заманчивостью освоения космоса, существуют множество болевых точек, касающихся выработки оптимальных государственных и коммерческих подходов в этой сфере, необходимо найти ответы на актуальные вопросы научного и политического характера.

Ключевые слова: *космос, космическая деятельность, межпланетная миграция, лунная гонка, «марсианский проект», колонизация планет, космическое предпринимательство.*

Разительные перемены в науке и технике, произошедшие в мире в XX в., наиболее рельефно отражаются в восприятии их последствий выдающимися учеными – исследователями космоса. Так, если К.Э. Циолковский около ста лет назад писал, что «Земля необходима, как опора, как базис для распространения и упрочения могущества человека в солнечной системе и на ее планетах» [50. С. 5], то уже Стивен Хокинг пришел к выводу, что «Наш единственный шанс на выживание в долгосрочной перспективе

состоит в том, чтобы не таиться на Земле, а устремиться в космос… Если мы сумеем избежать катастрофы в ближайшие два столетия, наш биологический вид будет в безопасности, так как мы распространимся в космос. Как мы только организуем независимые колонии, наше будущее, по идее, будет безопасным» [15. С. 413].

И действительно, современное человечество стоит на пороге нового величайшего события в космической сфере – впервые после более чем полувековой паузы в посещении Луны (1969 г.), появилась реальная возможность возобновления межпланетных полетов, как на Луну, так и Марс с целью основания первых колоний за пределами Земли и последующего заселения их добровольцами из числа землян. Достаточно убедительные доводы и расчеты позволяют определить 2020-е гг. как начало долгосрочного созидательного переселенческого процесса, что вызывает потребность в осуществлении инфраструктурных программ, а главное – разворачивания широкого фронта работ по т.н. терраформированию – обустройству планет для привычного обитания человека. Специалисты не скрывают, что эта работа может растянуться на века, потребует значительных усилий даже в рамках последующих технологических переходов.

Согласно прогнозам, в первые 20 лет, например, только на Марсе будет востребовано около 50 тыс. колонистов с последующим доведением стабильной численности до 80 тыс. человек. Типичный портрет колониста глазами зарубежных экспертов: мужчина или женщина в возрасте слегка за 40 лет, представитель среднего класса, владелец дома стоимостью 500 тыс. долл. Стремясь к смене своей жизни и работы на Земле, он решается на покупку билета на Марс в один конец, при этом оставшихся денег у него хватает для организации в новом месте жительства небольшого собственного дела.

Весьма характерно, что инициаторами этого сверхпроекта выступают успешные молодые технократы, достигшие поразительных высот в современном научно-технологическом бизнесе, располагающие соответствующей базой для производства космических кораблей, превосходящей возможности таких гигантов, как НАСА и Роскосмоса. Они безоговорочно уверены в том, что успешно начавшаяся колонизация Марса будет привлекать все больше новых иммигрантов, а их амбициозная мечта – «мы хотим видеть миллионы людей, живущих и работающих в космосе», сбудется.

Благодаря им все более осмысленными и осязаемыми стали устремления и достигнутые результаты в сфере освоения космического пространства. За ними стоят новые передовые достижения в науке и технологиях, казавшиеся ранее безрассудно смелыми проекты колонизации Марса, Луны, других планет, создания на них промышленных комбинатов по добыче и переработке полезных ископаемых, что, в свою очередь, приведет к новому этапу в развитии науки, техники, экономики и социальной сферы всей Земли.

Наметившийся космический бум, все больше принимающий ныне форму известной с 1960-х гг. «Лунной гонки», повышает интерес и увеличивает востребованность трудов как классиков освоения космоса, так и современных отечественных, зарубежных ученых, политиков, журналистов.

С каждым годом растет выпуск весьма полезных и разносторонних научных работ, популярных изданий.

Это касается прогнозов будущего Земли и человечества К.Э. Циолковского [50], конструктивных подходов к ракетным полетам в стратосфере С.П. Королева [18], не утративших актуальности путей осуществления космических полетов Г. Оберта [34], В. фон Брауна [55], Р. Годдарда [56].

Под новым углом зрения воспринимаются достижения отечественной космонавтики, нашедшие отражение в работах А.А. Александрова [1], О.О. Бакланова [5], Ю.М. Батурина [6], М. Делягина и В. Шеянова [12], сборниках документов под редакцией Ю.М. Батурина, а также Т.А. Головкиной и А.А. Чернобаева. Современные подходы к развитию российской космонавтики содержатся в Законе РФ «О космической деятельности» № 5663-1 с изменениями и дополнениями от 15 апреля 2019 г. [33; 35], в Основных положениях Федеральной космической программы на 2016-2025 гг. [35]. Обеспечению безопасности при полетах в космос посвящены работы А.А. Чижевского [52], О. Аткинсона [2]. Предпринята попытка рассмотрения проблем космоса через призму новой науки – астросоциологии [49].

Среди публикаций зарубежных ученых и специалистов весьма значимы работы, посвященные космическому будущему человечества (К. Саган [39], А. Крафт [20], Г. Уолфорт [43] и А. Хендрикс), практическим вопросам колонизации и заселения Марса (М. Каку [15], С. Паетранек [37], С. Верховек), космическому соперничеству СССР и США (В. Хардести и Дж. Айсман [48]) и прогнозу развития событий в XXI в. (Д. Фридман [46]), возрастанию в мире роли мобильности (Дж. Ури [44]), включая негативные тенденции, сложившиеся в сфере миграции (П. Коллнер [17], И. Крастев), необходимости учета при заселении планет этнокультурных и религиозных особенностей переселенцев (П. Кеннеди [16]).

Анализ публикаций отечественных ученых и специалистов показал, что за последние годы наряду с общеметодологическими проблемами в изучении и освоении космического пространства (С.В. Кричевский [21], А. Железняков [14], Д. Воронцов [10]), в России в этой сфере достаточно глубоко изучаются прикладные вопросы, включая колонизацию и освоение Луны (В.В. Багиров [3], А.В. Багров [4] и В.А. Леонов, В.А. Бовин [8] и А.В. Бовина, А.Д. Назаров [28; 27], О.С. Цыганков [51] и Марса (А.О. Майборода [22], И. Митрофанов [24]). Несомненный интерес представляет материал, касающийся обоснования преимущества «частного» космоса перед государственным (А. Песков [36]) и результаты экспертного исследования ожиданий бизнеса и общества от российской космической отрасли [38].

Следует отметить, что набирают темпы выпуска научно-популярные издания, публикуемые массовым тиражом, такие как «Битва за Марс» [7], «Что скрывает Луна» [53], «НЛО. Инопланетные контакты» [31], «Сто великих тайн космонавтики» [41], «Вернер фон Браун. Человек, который продал Луну» [55].

Поражает обилие и разноплановость предлагаемых в этих трудах и работах подходов к освоению космического пространства и заселению его планет людьми. Это касается, во-первых, определения очередности реализации этой исторической миссии. Существует немало сторонников, настаивающих на первоначальном прорыве на Марсе, утверждая, что присутствие на этой планете будет восприниматься как высшее достижение человеческого разума [37. С. 15-17].

Но другие исследователи весьма практично предлагают сначала основательно закрепиться на Луне и ее орбите. Этот вариант имеет все большее число сторонников, поскольку Луна как естественный спутник Земли давно и серьезно изучается учеными, а полученные результаты позволяют объективно оценивать как последовательность работ по ее колонизации и заселению, так и сопутствующие им трудности. Немаловажно и то, что относительная близость Земли играет огромную роль, поскольку, несомненно, долгое время основные потоки техники, строительных материалов, продовольствия, а также перемещение рабочей силы будут осуществляться именно с Земли. Как стало известно, недавно был поставлен своего рода рекорд – полет на Луну, сбор ее грунта и возврат на Землю занял всего 19 часов [47].

В то же время некоторые эксперты полагают, что колонизация, например, Марса, не исключает хаотичности и сложности организации регулирования этого процесса [37. С. 19]. Так, С. Петранек, сторонник доминирующей роли марсианского направления в освоении космоса, приводит факты, свидетельствующие о том, что недооценка проекта В. фон Брауна со стороны NASA и правительства США, по его мнению, не позволила сегодня бороздить марсианские просторы марсоходам с американскими астронавтами за рулем [37. С. 28-31].

Следует подчеркнуть, что в тот же период плодотворно действовавший в СССР т.н. Спецкомитет под руководством Л.П. Берии, на счету которого было создание ядерного оружия, твердо шел по пути исследования космоса, создания и запуска космических кораблей уже в конце 1950-х гг. [13. С. 76].

Время показало, что нереализованная программа разработки космических челноков в США привела к угасанию всей космической деятельности, создав тем самым нишу, быстро занятую предпринимателями, получавшими государственные преференции в финансировании разработки и реализации нового поколения космических кораблей. Таким образом, реальным выходом из создавшегося положения в США стало возникновение частных компаний, приток новой энергии, денег и энтузиазма от растущей когорты

частных предпринимателей [15. С. 34]. Это стало многообещающим прорывом и важным событием в разработке востребованной техники и технологии, сумевших делать то же самое, но лучше, быстрее и дешевле, превращая мечту о полетах на Марс в реальность.

Активное вовлечение в освоение космоса частного бизнеса, на наш взгляд, может способствовать появлению еще одной модели – смешанной, когда помимо освоения Марса и Луны, целый ряд небольших космических компаний будет с выгодой для себя «осваивать» околоземные астероиды. Это представляет собой, – по мнению знаменитого астронома Карла Сагана, промежуточную цель, которая помогла бы испытать новое оборудование и технологии [39. С. 367].

Классикой стал удачный студенческий стартап создания трехступенчатой ракеты «Пегас», которая за три десятилетия совершила 42 полета в космос, поставив невероятный прежде рекорд надежности – всего три запуска оказались неудачными. Из большого числа ныне существующих космических компаний, только одной из них – Space X, под руководством Илона Маска, удалось стать первой достигшей марсианских высот, переведшей идею В. фон Брауна добраться до Марса в новую плоскость – а сможем ли мы жить на Марсе [37. С. 48].

Вполне закономерно, что теперь, когда пилотируемый полет и на Марс обретает реальность, следует ожидать шквала трудных вопросов, на которые еще не скоро появятся однозначные ответы. Так, российских ученых насторожило то, что упор в создании космических кораблей компанией И. Маска сделан на композитные материалы, отчего он прежде отказывался. Они фиксируют также отставание по многоразовым транспортным системам полетов на Луну и Марс, замалчивание темы изучения астероидов, к которым постоянно летают даже японские космические корабли. Это, по их мнению, может привести к тому, что они начнут раньше других стран промышленное производство из «самых лакомых кусочков» [45].

Как отмечалось, в мире существует сложившееся лобби из числа представителей космического бизнеса, доказывающих все увереннее преимущества главного направления в освоении космического пространства – первоначальном освоении Луны. Кстати, не вдаваясь в дискуссию, ряд стран уже реализуют собственные «лунные программы». В частности, Россия намерена осуществить высадку человека на Луну к 2030 г.

Для этого, по мнению экспертов, в ближайшее пятилетие в РФ намечается создать космический комплекс для научных исследований Луны на основе ядерной энергетической установки, самым мощным из когда-либо эксплуатировавшихся при ее изучении [25]. Немаловажно, что вся энергия этого комплекса будет направлена на разведку полезных ископаемых, выбор оптимальных мест посадки и размещения стационарных станций. Это, в свою очередь, свидетельствует о твердом намерении всерьез закрепиться

на Луне – опытные образцы установки будут изготовлены в 2025 г., а первый полет намечен уже в 2030-е гг.

Следует отметить, что этот российский «лунный проект» оказался весьма своевременным – 6 апреля 2020 г. появился указ президента США об освоении ресурсов на Луне и других небесных телах. Зарубежные СМИ также сообщают, что США разрабатывают международное соглашение об освоении ресурсов этой планеты без участия РФ, хотя в экспертных кругах не исключают, что Роскосмос готовит предложения о совместном изучении и разработке богатств космоса в рамках международных проектов. Тем более, что серьезный задел в этой сфере уже есть – еще в сентябре 2019 г. заключено росийско-китайское соглашение о сотрудничестве в исследовании Луны и дальнего космоса, завершается подготовка запуска аппаратов «Луна-26» и для посадки на Луну – «Луна-27».

Надо заметить, что в КНР уже давно и продуктивно реализуется собственная «лунная программа», включающая отработку мягкой посадки, осуществленную еще в 2013 г., что сделало Китай третьей державой после СССР и США в этой области науки и техники [54]. Новый прорыв – полет на Луну, добыча 2 кг образцов грунта, перемещение во взлетный модуль и возвращение на Землю заняли всего 19 часов. На очереди у Китая далеко идущие планы, включающие проект подготовки к строительству научной базы, а к 2036 г. – отправка на Луну своих тайкунавтов [54].

Эксперты полагают, что разворачивающаяся «новая лунная гонка» будет отличаться от лунной гонки прошлого века, когда доминировала политическая мотивация двух сверхдержав – СССР и США, демонстрировавшая свое могущество друг другу и всему миру. Эта вторая лунная гонка будет уже за обладание лунными ресурсами и такое соперничество, судя по всему, уже начинается. К сожалению, вопрос о принадлежности лунных ресурсов американской стороной в перспективе намечается решать по лекалам «дикого» капитализма, что не укладывается в представление футурологов, большинства членов экспертного сообщества, видящих перспективу продвижения вперед в слаженном и скоординированном освоении и колонизации близлежащих планет.

Как эта программа будет в таком случае воспроизводиться в условиях выстраивания отношений добрососедства представителей разных стран, народов и религий, оказавшихся в непривычных условиях жизни и трудовой деятельности? Отголоски негативных тенденций в современной жизни землян с большой вероятностью способные воспроизводиться и за пределами планеты Земля, прозорливо отмечены в книге американского профессора П. Кеннеди «Вступая в двадцать первый век» [16].

События последних лет, связанные с модернизацией подходов к расовым вопросам, приведшие к масштабным беспорядкам в городах США и Западной Европы, коснулись и космоса. Так, NASA решило переименовать

космические объекты, в чьих названиях есть намек на дискриминацию или оскорбление национальных меньшинств (это пока коснулось планетарной туманности NGC 2392, известной под названием «Эскимос», на очереди галактики, известные как «галактики сиамских близнецов») [23].

Все чаще ученые, задумываясь над необходимостью своевременного регулирования предстоящих миграционных потоков между Землей и планетами Солнечной системы, идеей об ответственности властей стран, за отправляемых мигрантов, приходят к выводу о том, что единственным фактором, влияющим на этот процесс, не должно оставаться лишь решение самих мигрантов, оно, – считает проф. Пол Коллнер, – должно контролироваться властями. Он также отмечает, что официальные лица теряют без этого доверие простых граждан, не слышащих от властей ничего, кроме непрерывных заявлений об отсутствии причин для беспокойства, а, исходя из его подходов, думается, что параметры будущей межпланетной миграционной политики и практики не будут понятны широкой общественности. Это предполагает разработку пакета международно признанных мер, включающего установление численности и критериев отбора мигрантов, учет обязательностти интеграции представителей различных диаспор, предотвращение появления нелегальных мигрантов [17. С. 350-351].

Все это актуализируется еще и потому, что, как считают известные американские эксперты Чарльз Уолфорт и Аманда Хендрикс, – «строительство автономной космической колонии – в нескольких десятилетиях и технологических шагах от нас. … Создание колонии ставит острейшие вопросы о сегодняшних технологиях, исследованиях и космической промышленности» [43. С. 11].

Рассматривая основные аспекты этих непростых проблем через призму работ зарубежных ученых и специалистов, следует отметить, что это один из наиболее значимых «трудных вопросов», которых, как показывает анализ трудов ряда ученых и специалистов, будет возникать немало на любом этапе подготовки и осуществления даже первого, пробного полета на тот же Марс.

Так, большинство экспертов уходит от однозначной оценки успешности полета, полагая, что «неизбежно возникающие непредвиденные проблемы тоже, скорее всего, можно будет решить» [37. С. 51]. Это касается, в первую очередь, здоровья, климата и условий жизни переселенцев, их психологической подготовки и адаптации в условиях инопланетной жизни, которые порой зарубежными экспертами рисуются весьма оптимистично. Так, по мнению Ч. Уолфорта и А. Хендрикс, «внеземная колония, может быть, и возникнет как анклав Земли, сохраняющий наш вид, но она разовьется в самостоятельный мир со своей культурой, правительством и будущим. Уже через одно поколение Земля покажется чужой детям, рожденным под оранжевым небом. И ностальгию у них будет вызывать запах искусственного воздуха, а не свежего бриза» [43. С. 10].

Вполне закономерно перед организаторами «Марсианского проекта», а именно они лидируют сегодня в выборе первой планеты, избранной для освоения, встает практический вопрос заселения Марса, образования на нем колонии из числа активных жителей Земли, уточнения их численности уже на начальном этапе колонизации. Полагаясь на интуицию, И. Маск предполагает, что, если полететь на Марс согласится даже один из ста тысяч жителей Земли, численность марсианской колонии достигнет 80 тыс. человек. «Это совершенно то же самое, – с оптимизмом утверждает он, – На скольких кораблях прибыли в Америку первые колонисты? На одном. А теперь давай перенесемся на две сотни лет вперед: сколько кораблей ежегодно отправлялись через океан? Тысячи. У них была вера в Новый Свет и надежда на него. И с Марсом будет то же самое» [37. С. 60-61].

Надо подчеркнуть, что и некоторые российские эксперты также выступают за освоение Марса скорее из соображений чисто психологического характера – на Луну уже высаживались, а теперь полет на Марс позволит людям гордиться тем, что сделало их поколение, поэтому в любом случае экспедиция на Марс интереснее экспедиции на Луну [24. С. 12].

Достаточно серьезным представляется вопрос финансирования как полетов, так и обустройства переселенцев. Как известно, в свое время полет американских астронавтов на Луну обошелся в немыслимые финансовые, интеллектуальные и организационные затраты. Отбросив священные традиции бережного расходования средств налогоплательщиков, в США в течение 1960-х гг. NASA было увеличено с 10,0 тыс. до 36,0 тыс. человек, десятикратно – число работающих по проекту «Аполлон». Бюджетные затраты также выросли десятикратно, достигнув 5,2 млрд долл., составив 5,3% всего федерального бюджета на тот год [48. С. 243].

Согласно экспертным оценкам, стоимость полета на Марс составляет 5 млрд долл., а создание небольшой базы – 30 млрд. «Первая миссия будет дорогой», – признает И. Маск, но в дальнейшем полеты будут финансироваться самими колонистами [37. С. 50]. При этом эксперименты не исключают, особенно на начальном этапе, помощь государства.

Нельзя исключать и возможности снижения стоимости проекта за счет использования имеющихся природных ресурсов. Это касается использования на первых порах естественных пещер, разломов почвы, в принципе, могут обеспечить защиту от радиации, но тоже на непродолжительное время [37. С. 86-87].

Весьма оригинальный метод апробирования строительства и эксплуатации жилья и производственных помещений уже сегодня разработан зарубежными специалистами. Так, французская исследовательская лаборатория в сотрудничестве с NASA приступила к реализации проекта экспериментального поселения, которое планируется разместить в пустыне Мохава (США). Это будет настоящей «марсианской деревней», точной копией той, которая со временем может появиться на Марсе.

Такое поселение будет полностью самодостаточно, не потребует помощи со стороны, а «умные технологии» будут регулировать в нем все – от очистки воды и выращивания растений до анализа поведения человека в закрытой среде. Принято решение начать строительство этой «деревни» в 2021 г. с учетом того, что впоследствии одну половину года в ней будут вестись исследовательские работы, а другую – принимать туристов из расчета, что ее вместимость составит 100 человек [32].

Суммируя эти и другие трудности пребывания человека на Марсе, решение которых может занять несколько десятков, если не сотен лет, некоторые эксперты, обосновывают идею о том, чтобы переделать всю планету, сделать ее более похожей на Землю [37. С. 89-90], вторгаясь тем самым в область научной фантастики, предполагая реализовать проект, именуемый расплывчатым термином «терраформирование».

Видимо, что на нынешнем этапе это обстоятельство перевесило чашу весов в пользу «лунного проекта». Это касается решения американцев высадить своих астронавтов на Луне не в 2028, как планировалось, а в 2024 гг., что, по мнению российских экспертов, принципиально изменило ситуацию, а новая гонка в космосе вышла на финишную прямую [11].

Но пока это вопросы отдаленной перспективы. Более очевидные причины спешки с освоением Марса (а, видимо, и других планет) кроются не столько в желании начать жизнь с чистого листа, сколько сколотить состояние и эти настроения подогревает реклама [37. С. 117]. Полагая, что бесконтрольная гонка за богатством, напоминающая скорей «золотую лихорадку» в Америке, способна привести к прямо противоположным результатам, – эксперты считают, что «нужно держать в поле зрения тонкую черту между необходимостью и жадностью» [37. С. 117].

В апреле 2001 г. началась «эра космического туризма» – на станцию «Мир» с космодрома «Байконур» российским космическим кораблем «Союз ТМ-32» был доставлен первый космический турист в истории – американский миллионер Деннис Энтони Тито. За 20 лет в космосе побывала 7 туристов, не столько массовый, сколько знаковый процесс, подчеркивающий выход на новый уровень «индустрии впечатлений».

2021 г. был отмечен определенными шагами в сфере не только освоения, но и обустройства космического пространства – активно на орбиту Земли стали выходить не только профессиональные космонавты и космические туристы, но и съемочные группы. Полет на орбиту в октябре 2021 г. космического корабля с актрисой и режиссером на борту, сам факт возможности проведения съемок художественного фильма в космосе с передачей реального видеоряда и ощущений невесомости, а не симуляция и компьютерная графика, позволяют судить об интересе зрителей и востребованности реалистичной информации, внесении межпланетных полетов в «повестку дня» новостных агрегаторов, а не только сюжетов научной фантастики. Идея кос-

мической съемки вынашивалась еще в девяностые, но суждено ей сбыться было только сейчас.

Однако возрастающая доступность космического пространства несет также ряд угроз и рисков [26]. В этой связи в значительной мере актуализируется потребность в обеспечении незыблемости Договора о космосе (1967 г.), рассматривающего территории за пределами Земли как общее достояние человечества. Вместе с тем отдельные его положения следует уточнить. Это касается коллизий, возникающих с планами развития космического туризма, рисками столкновения в околоземном пространстве спутников и космического мусора, добычи в космосе природных ресурсов, возможностью колонизации планет, сложного переплетения аспектов конкуренции и кооперации космических держав [38. С. 14].

Таким образом, в экспертном сообществе все больше утверждается мысль, что Земля вступила в новую фазу космической гонки, в которую включается все больше стран мира, а многочисленные проблемы и трудные вопросы уже на начальном этапе освоения космического пространства и разворачивания межпланетной миграции, ставят перед учеными, специалистами, политиками и представителями бизнеса целый ряд сложнейших задач, что предполагает скоординированную работу мирового сообщества в сфере новых технологий, обеспечения безопасности участвующих в полетах и колонизации планет землян, правового обеспечения всех возникающих вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Александров А.А.* Путь к звездам. Из истории советской космонавтики. М.: Вече, 2011.

2. *Аткинсон О.* Столкновение с Землей: астероиды, кометы, метеориты – растущая угроза. СПб.: Амфора, 2001.

3. *Багиров А.В.* Как поделить Луну? // Воздушно-космическая сфера. 2019. № 3.

4. *Багров А.В., Леонов В.А.* Проблемы перехода от исследования Луны к ее освоению // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 3.

5. *Бакланов О.О.* Космос – моя судьба. В 4-х томах. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2019. Т. IV.

6. *Батурин Ю.М.* Властелины бесконечности: Космонавт о профессии и судьбе. М.: Альпина Паблишер, 2018.

7. Битва за Марс: Тайны XX века. Золотая серия. М.: Пресс-курьер, 2020. № 6.

8. *Бовин В.А., Бовина А.В.* Проект создания простейших поселений на этапе разведки недр Луны // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 2.

9. *Вернер Фон Браун.* Человек, который продал Луну. М.: Попурри, 2011.

10. *Воронцов Д.* Космические новости МАКС-2019 // Взлет. 2019. № 9-10.

11. *Головачев В.* Луна нам только снится: Американцы ускоряют свою лунную программу. А чем ответить нам? // Труд. 6 марта 2020.

12. *Делягин М., Шеянов В.* Русский космос: Победы и поражения. М.: Эксмо, 2011.

13. *Делягин М.Г.* Русский космос: победы и поражения / Михаил Делягин, Вячеслав Шеянов. М.: Эксмо, 2011.

14. *Железняков А.* 2019 космический год: Главные космические события // Взлет. 2020. № 1-2.

15. *Каку М.* Будущее человечества: Колонизация Марса, путешествия к звездам и обретение бессмертия / Матио Каку; Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

16. *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век / пер. с англ. М.: Изд. «Весь мир», 1997.

17. *Коллнер П.* Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2016.

18. *Королев С.П.* Ракетный полет в стратосфере. М.: Госвоениздат, 1934.

19. Космос: Время московское: Сб. документов: 2-е изд., испр. / сост. Т.А. Головкина, А.А. Чернобаев. М.: РГГУ, 2018.

20. *Крафт А. Эрике.* Будущее космической индустрии / пер. с англ. М.: Машиностроение, 1979.

21. *Кричевский С.В.* Расселение человечества вне Земли: проблемы и перспективы // Пилотируемые полеты в космос. 2012. № 1.

22. *Майборода А.О.* Энергетика марсианских колоний // Воздушно-космическая сфера. 2019. № 4.

23. *Макарычев М.* Активизм ушел в космос: Казус: НАСА переименуют туманности, оскорбляющие меньшинства // Российская газета. 10 августа 2020.

24. *Митрофанов И.* Летим на Марс? // Знание – сила. 2019. № 4.

25. *Мухин В.* Москва вступает в гонку по добыче лунных ресурсов: За пять лет в РФ планируют создать «ядерный буксир» для доставки станций на орбиту и поверхность спутника Земли // Независимая газета. 14 декабря. 2020.

26. *Назаров А.Д.* Достижения, проблемы и перспективы современного этапа освоения космоса // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 3 (67).

27. *Назаров А.Д.* Информационно-пропагандистское сопровождение космического соперничества СССР и США (по материалам отечественных и зарубежных публикаций) // Вопросы политологии. 2020. Том 10. № 4 (56).

28. *Назаров А.Д.* Лунная гонка: уроки, проблемы и перспективы // Вопросы политологии. 2019. Том 9. № 11 (51).

29. *Назаров А.Д.* На пороге космической эры. Рецензия на книгу Стивена Петранека «Как мы будем жить на Марсе» / пер. с англ. А. Курышева. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016 // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Том 9. № 9 (54).

30. *Назаров А.Д., Назарова Е.А.* Миграция как новая революция в современной Европе. Рец. на кн.: Крастев И. После Европы. М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС, 2018 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2.

31. НЛО. Инопланетные контакты: Тайны XX века. Золотая серия. М.: Пресс-курьер, 2019. № 1.

32. Новая деревня поможет астронавтам // Метро. 22 декабря 2020.

33. О космической деятельности: Закон РФ от 10 августа 1993 г. № 5663-1 (с изм. и доп. от 15 апреля 2019 г.). М., 2019.

34. *Оберт Г.* Пути осуществления космических полетов. Сокращенный перевод третьего немецкого издания / Под ред. Б.В. Раушенбаха. М.: Оборонгиз, 1948.

35. Основные положения Федеральной космической программы 2016-2025 / Федеральная космическая программа России на 2016-2025 годы: Утверждена постановлением Правительства РФ от 23 марта 2016 г. № 230 // http://www.roscosmos.ru/22347/.

36. *Песков А.* Волею создателя: Предыстория «Арго», или какие преимущества видит частный космос перед государственным // Военно-промышленный курьер. 3-9 ноября 2020.

37. *Петранек Стивен.* Как мы будем жить на Марсе / пер. с англ. М.: Изд. АСТ: CORPUS, 2016.

38. Российская космическая отрасль: ожидания бизнеса и общества: Результаты экспертного исследования. М.: Платформа, Центр социального прогнозирования, 2019.

39. *Саган К.* Голубая точка. Космическое будущее человечества / Карл Саган; пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

40. Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946-1964 гг. / под ред. Ю.М. Батурина. М.: РТ Софт, 2008.

41. Сто великих тайн космонавтики / автор-сост. С.Н. Славин. М.: Вече, 2018.

42. *Сэм Хоу Верховек.* Мне на Марс! Дорогу покажешь? // National geographic. 2019. № 7.

43. *Уолфорт Ч.* За пределами Земли: В поисках нового дома в Солнечной системе / Чарльз Уолфорт, Аманда Хендрикс; пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

44. *Ури Дж.* Мобильности / пер. с англ. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.

45. *Филиппов Н.* Наш ответ Маску // Российская газета. 24 января 2020.

46. *Фридман Д.* Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Джордж Фридман; пер. с англ. М.: Эксмо, 2010.

47. *Фэн Хуа, Юй Цзяньбинь*. Сел на все четыре ноги: Секрет успешной посадки китайского дрона «Чанъэ-5» на Луну раскрыт // Российская газета. 22 декабря 2020.

48. *Хардести В., Айсман Дж.* История космического соперничества СССР и США / пер. с англ. СПб.: Питер, 2009.

49. *Ходыкин А.В.* Космос глазами социологов: астросоциология как новая социологическая дисциплина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5.

50. *Циолковский К.* Будущее Земли и человечества. Калуга, 1928.

51. *Цыганков О.С.* Концепция трудовой деятельности в гипогравитационном пространстве Луны // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 3.

52. *Чижевский А.А.* Земля и Космос. Земное эхо космических бурь. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013.

53. Что скрывает Луна: Тайны XX века. Золотая серия. М.: Пресс-курьер. 2019. № 6.

54. *Ячменникова Н.* Лунным экспрессом: На Землю полетят два килограмма кусочков Луны // Российская газета. 16 декабря 2020.

55. *Dr. Wernher Von Braun, Willy Ley.* The Exploration of Mars. New York: Viking Press, 1956.

56. *Robert H. Goddard (Author), Esther C. Goddard.* Rocket Development: Liquid-Fuel Rocket Research Paperback. Kessinger Publishing, LLC (September 10, 2010).

A.D. NAZAROV
Doctor of Sciences (history), Professor,
Deputy Head of the Chair for scientific work,
Moscow Aviation Institute,
Moscow, Russia
E.A. NAZAROVA
Doctor of Sciences (sociology), Professor
at the Chair of sociology, MGIMO MFA of Russia,
Moscow, Russia

PROSPECTS FOR EXPLORATION OF OUTER SPACE AND DEVELOPMENT OF INTERPLANETARY MIGRATION

After almost half a century pause in interplanetary flights humankind had approached the idea of the resumption of the flights not only to the Moon and Mars, but also to the other planets on a qualitatively new scientific and technological basis. Also the author considers the idea of economic development and subsequent phased human settlement with the perspective of creating habitual human conditions.

In this regard, the author attempts to give a brief overview of the ongoing efforts to achieve these perspectives, also attempts to show the pain points related to the development of optimal state and commercial approaches in this area, along with the allurement of space exploration. And also the author shows that scientific and political issues are raised in this sphere of exploration.

Key words: *space, space activities, interplanetary migration, lunar race, "Mars project", planetary colonization, space entrepreneurship.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.024
УДК 32.327
Л.Л. ХОПЕРСКАЯ
доктор политических наук, профессор
кафедры международных отношений
Киргизско-Российского славянского университета,
Киргизская Республика, г. Бишкек

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются политологические аспекты трансформации языковой политики в Киргизской Республике в контексте евразийской интеграции. Обозначена наметившаяся тенденция определенного геополитического дистанцирования Киргизии от союзников по ЕАЭС, ОДКБ и ШОС. В качестве одного из индикаторов этого процесса рассматривается трансформация языковой политики КР. В настоящее время происходит изменение конституционно-правового формата киргизско-русского двуязычия, что находит отражение в нормативном и административном ограничении сфер функционирования русского языка, сокращении государственного финансирования русскоязычного образования. Реальной становится перспектива утери русским языком статуса официального и превращения его в иностранный, что будет иметь серьезные внутри- и внешнеполитические последствия, в частности, массовый отток русскоязычного населения из КР и усиление влияния тюркского геополитического проекта.

Ключевые слова: *евразийская интеграция, Киргизская Республика, языковая политика, этноцентризм, государственный язык, официальный язык, российские соотечественники.*

Значение русского языка в продвижении евразийской интеграции очевидно всем. Но далеко не все ориентированы на то, чтобы способствовать сохранению русского языка и укреплению его позиций на евразийском пространстве. К сожалению, в их числе ныне действующая власть Киргизской Республики. Только в ноябре 2021 г. Президент Киргизии принял участие в двух мероприятиях, направленность которых заставляет серьезно задуматься. На оба мероприятия стратегический партнер и союзник Киргизской Республики – Россия – не была пригашена даже в качестве наблюдателя.

5 ноября 2021 г. состоялся Первый Международный Экономический форум «Центральная Азия – Европейский Союз», на котором «руководство Ев-

рокомиссии заверило, что регион имеет важное значение для Европы, и отметило готовность помочь странам в построении устойчивой экономики», а премьер-министр КР А. Жапаров отметил, что «стороны договорились проводить экономический форум в данном формате на постоянной основе и создать секретариат форума, который будет базироваться в Бишкеке» [6].

12 ноября 2021 г. прошел VIII саммит лидеров Совета сотрудничества тюркоязычных государств, подтвердивших «свою решимость и дальше развивать политическую солидарность, экономическое сотрудничество и торговлю, культурные контакты, гуманитарные и общественные связи» [17], а сам Совет переименован в Организацию тюркских государств. На саммите была утверждена Концепция Тюркского мира на период до 2040 г. – «стратегический документ, представляющий собой так называемую дорожную карту по углублению сотрудничества между тюркоязычными государствами на ближайшие два десятилетия в приоритетных сферах, в частности, в сфере безопасности, транспорта и таможни, информационно-коммуникационных технологий, энергетики, туризма, здравоохранения, окружающей среды, сельского хозяйства, культуры, образования и науки, молодежи и спорта, работы с диаспорами и т.д.» [15].

Автор считает, что пора говорить о наметившейся тенденции определенного геополитического дистанцирования от союзников по ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, одним из первых индикаторов которого стала трансформация языковой политики КР.

Инициированное после смены власти в октябре 2020 г. обсуждение новой редакции Конституции КР сопровождалось требованиями отказа от светского характера государства и лишения русского языка статуса официального. Эти предложения не были приняты, но выдвигались они занимающими высокие государственные должности чиновниками и известными политиками [1].

В новой Конституции КР (май 2021 г.) зафиксировано, что «порядок применения государственного языка определяется конституционным законом». Принять Конституционный закон о государственном языке должен будет избранный в ноябре 2021 г. состав парламента. Следует учитывать, что приход в состав нового парламента КР представителей националистических и религиозно-радикальных сил неизбежно окажет негативное влияние на политико-правовое положение русского языка. Известно, что партии с националистической идеологией предлагают лишить русский статуса официального – эту риторику, в частности, поддерживает партия «Мекенчил» («Патриот»), лидером и сооснователем которой является нынешний президент С. Жапаров [16]. Действующая власть откровенно стоит на позициях национализма, о чем заявил в интервью правительственной газете «Кыргыз Туусу» 29 октября 2021 г. Государственный секретарь КР С. Касмамбетов [2].

Одним из первых шагов власти, пришедшей в октябре 2020 г. в результате государственного переворота, стало принятие правительством КР постановления, предоставляющего право гражданам республики указывать свою национальность в ID-паспортах [14]. С. Жапаров так прокомментировал это решение: «Можно сказать, что мы защитили конституционные права тех, кто гордится своей национальностью и хочет открыто указывать этническую принадлежность в самом главном документе для человека – паспорте» [19].

С 19 октября 2021 предметом общественного обсуждения, которое продлилось до 29 ноября 2021 г., стал проект Конституционного закона «О государственном языке» [10]. Разработчиком проекта является Национальная комиссия по государственному языку. 30.11.2021 обсуждение на официальном портале было закрыто, ни одного комментария к проекту закона на портал не поступило. Зато было бурное обсуждение в местных СМИ [13].

Организации российских соотечественников в КР написали президенту С. Жапарову открытое письмо в связи с крайне негативными последствиями, к которым может привести принятие законопроекта «О государственном языке». В письме подчеркнуто, что «употребление официального языка должно осуществляться в порядке, предусмотренном действующим законодательством, и не допускать ущемления прав и свобод граждан по признаку незнания государственного или официального языка» [11].

Напомним, что к моменту распада СССР в Киргизии насчитывалось около 1 млн. наших соотечественников. Экономический и финансовый кризисы 90-х годов, революции (2005, 2010 и 2020 гг.), привели к интенсивному оттоку русскоязычного населения. По данным Нацстаткома КР, на конец 2020 г. при общей численности населения в 6,64 млн. человек в республике оставалось 341,4 тыс. российских соотечественников (5,2%) [8. С. 14]. За 2020 год численность соотечественников уменьшилась на три с половиной тыс. чел. Итоги 2021 г. вероятно покажут еще более удручающие цифры. И одной из основных причиной этого является языковая политика.

Преамбула нового Конституционного закона изначально задает его этноцентристский характер. «Кыргызский язык – это язык титульного народа, образовавшего суверенную Кыргызскую Республику. … Установление в Конституции статуса кыргызского языка как государственного и определение в настоящем конституционном Законе порядка его широкого и полноценного применения в качестве государственного языка во всех сферах государственной и общественной жизни создает основу для сохранения идентичности и развития национальной культуры кыргызского народа, совершенствования языковой политики». Эта статья прямо противоречит Конституции КР, в соответствии с которой «народ Кыргызстана составляют граждане всех этносов Кыргызской Республики».

В проекте Конституционного закона «О государственном языке» в ст. 2 определено, что «В Кыргызской Республике в качестве официального

языка употребляется русский язык. Употребление официального языка осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Кыргызской Республики». Отсылки к законодательству часто встречаются в тексте проекта, но конкретные законодательные акты не называются. Вызывает недоумение пункт «Кыргызская Республика придерживается принципа свободного развития языков представителей всех этносов, проживающих в своей территории». (В скобках заметим, что о проект изобилует орфографическими и стилистическими погрешностями).

Множество позиций проекта закона вызывают, мягко говоря, возмущение. Например, о том, что «в государственных органах, органах местного самоуправления, учреждениях, предприятиях и организациях государственной форм собственности в обязательном порядке вводится штатная единица сотрудника или сотрудников (в пределах утвержденной их штатной численности и фонда оплаты труда), с возложением на них обязанностей по развитию государственного языка и проведению лингвистической экспертизы документов на государственном языке» (ст.39). Фактически это легализация «языковых патрулей» за счет бюджета, на поддержку которого Россия ежегодно выделяет Киргизии $30 млн.

В письме Президенту КР директор Института русского языка КРСУ д. филол. наук, профессор М.Дж. Тагаев дал такую оценку: «Удручает в этом Законе ничем не скрываемая ксенофобия, иначе говоря, нетерпимость к другим языкам и культурам, в том числе и к тем, которые сыграли и продолжают играть громадную роль в развитии образования, культуры, науки, техники в нашей стране. Это выражается во многочисленных запретах на использование других языков в сферах, жизненно важных для граждан страны: органы власти, образование, наука, СМИ, нотариат, документы и др.» (1).

26.11.2021 заместитель председателя кабинета министров КР Э. Байсалов написал в Twitter, что «Проект закона будет доработан и не поступит в Жогорку Кенеш в первоначальном варианте» [20], но это заявление нельзя считать официальной позицией власти. Следует иметь в виду, что проект обсуждался в период заключительной фазы предвыборного процесса, выборы в Парламент КР состоялись 28.11.2021. Состав нового парламента стал моноэтничным и моноязычным и, скорее всего, он услышит заявление Президента КР С. Жапарова о том, что «для перехода делопроизводства на кыргызский язык требуется лишь наше желание» [4].

Принятие этого закона является логическим завершением политики «мобилизованного лингвицизма, представляющего собой идеологию, практику и этнополитическую деятельность, направленные на создание национальной государственности с помощью предварительного утверждения статуса государственного языка как основы национального возрождения, а также проведения кадровой политики, ведущей к установлению этномонополии во власти» [3. С. 14].

В 2013 г. в Законы о государственном языке и об официальном языке [5] были добавлены пункты о том, что при условии проживания на территории соответствующей административно-территориальной единицы преобладающего числа лиц, владеющих государственным языком, нормативные правовые акты представительных органов МСУ принимаются только на государственном языке и публикуются на языке принятия. Современная внутренняя языковая политика КР включает жесткие требования государства к степени владения государственным языком как необходимого условия полноценного политического участия, занятости на государственной (в том числе в правоохранительных и судебных органах) и муниципальной службе, получения высшего образования и доступа к государственным услугам. Новый закон это закрепляет.

При этом одновременно осуществляется нормативное и административное ограничение сфер функционирования русского языка, сокращение государственного финансирования русскоязычного образования. В 2018 г. Министерство образования и науки КР в Предметном стандарте по предмету «Русский язык» прямо увязало методику и объем преподавания языка с его статусом: «Различия в государственном статусе русского языка в Кыргызстане и России, особенности современного социально-экономического и культурного контекста Кыргызстана послужили причиной разработки стратегического документа национального уровня» [12. С. 3]. В этом документе декларирован отказ от «традиционно приоритетного направления обучения учащихся языковым правилам (орфографии, пунктуации)», приоритет отдан обучению «практической речевой деятельности», установлено количество часов на изучение русского языка: в русскоязычных школах оно составляет 2 часа в неделю в 9-х классах, 1 час – в 10-х и 11-х, в киргизоязычных – 1 час в 9-х, 2 часа в 10-х и 11-х классах, т.е. сведено до минимума.

Никаких норм, определяющих требования к владению официальным языком, современное законодательство КР не устанавливает. В «Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы» предусмотрено «сохранение и использование официального языка во всех регионах страны для полноценной коммуникации и повышения конкурентоспособности граждан на рынке труда» [18]. Иными словами, подчеркнута служебная роль русского языка и фактического отождествления его статуса со статусом иностранного.

Аргументы «против» такой языковой политики:

– русский язык сыграл исключительную роль в формировании государственности КР на всех этапах ее становления: начиная с образования в 1924 г. Кара-Киргизской автономной области (переименованной в Киргизскую автономную область) в составе РСФСР, дальнейшего преобразования в Киргизскую Автономную Социалистическую Советскую Республику и повышения ее статуса до союзной Советской Социалистической Республики до создания независимого государства;

– в республике сильны традиции советского времени, когда русским языком в различных сферах пользовалось не только славянское, но и практически все некиргизское население (узбеки, дунгане, уйгуры и др.), составлявшие более 30% населения Киргизии;

– русский язык исполняет функции межкультурной, межэтнической коммуникации, русский язык является фактором социально-экономического развития, функционирования сферы образования, науки и культуры и, соответственно, социально-политической стабильности республики;

– для значительной части населения КР русский язык выступает языком общения, в большей части ВУЗов республики обучение проводится на русском языке;

– русский язык обеспечивает конкурентные преимущества и социальный успех киргизских трудовых мигрантов;

– русский язык способствует обеспечению достойного международного статуса современной Киргизской Республики и выступает незаменимым инструментом участия КР в евразийском интеграционном проекте;

– русский язык препятствует исламской радикализации. В КР действуют ячейки, образовавшиеся после разгрома в 2017 г. запрещенной в России и странах Центральной Азии террористической организации «Исламское государство», а также террористические группы под эгидой движений «Талибан» и «Аль-Каида», целью которых является изменение политического устройства и внешнеполитического курса Киргизии, отказ от участия КР в таких интеграционных объединениях как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и ШОС;

– русский язык – это язык российских соотечественников, поддержка которых с принятием в 2020 г. поправки в Конституцию России стала конституционной обязанностью государства [7].

Игнорирование этих аргументов может иметь для Киргизской Республики серьезные внутри- и внешнеполитические последствия.

Обратим внимание, что значимость русского языка и уважение к нему регулярно декларируются должностными лицами Киргизской Республики на двусторонних встречах высшего уровня, международных конференциях и культурных фестивалях, в публичных заявлениях глав государства при проведении знаковых для России и Киргизии мероприятий. Можно привести цитаты из выступлений каждого из шести президентов КР, доказывающих их приверженность курсу «на сохранение статуса русского языка, чтобы русскоязычное население, постоянно проживающее в нашей стране, могло бы в полной мере удовлетворить свои духовные и социальные запросы» [19].

Пора эти декларации облечь в правовую форму и обеспечить институциональную поддержку официального языка, поскольку на практике в республике проводится политика сужения сфер использования русского языка, дистанцирования от евразийского интеграционного проекта и Русского

мира. Видимо такого же мнения придерживается, и Премьер-министр РФ М. Мишустин, который на состоявшейся в 18 ноября 2021 г. встрече с главой правительства КР А. Жапаровым, заявил: «В Москве рассчитывают, что в Киргизии будут и впредь внимательно относиться к использованию русского языка, имеющего в республике статус официального» [9].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Архив автора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Киргизии предложили лишить русский язык статуса официального. 26.11.2020 // https://www.interfax.ru/world/738769.

2. В правительственной газете «Кыргыз Туусу» опубликовано интервью с Госсекретарем Суйунбеком Касмамбетовым. 29.10.2021 // http://www.president.kg/ru/sobytiya/21036.

3. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998.

4. Для перехода делопроизводства на кыргызский язык требуется лишь наше желание, Садыр Жапаров. 23.09.2021 // https://paruskg.info/glavnaya/187641-dlja-perehoda-deloproizvodstva-na-kyrgyzskij-jazyk-trebuetsja-lish-nashe-zhelanie-sadyr-zhaparov.html.

5. Закон КР «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 25 февраля 2013 г. № 33 // http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203840?cl=ru-ru.

6. Как прошел первый экономический форум «ЕС – Центральная Азия». 06.11.2021 // https://www.gazeta.uz/ru/2021/11/06/eu-ca/.

7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/pdf.

8. Кыргызстан. Краткий статистический справочник. Бишкек, 2021. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики // http://www.stat.kg/ru/publications/kratkij-statisticheskij-spravochnik-kyrgyzstan/.

9. Мишустин напомнил Жапарову о русском языке. 18 ноября 2021 // https://www.vesti.ru/article/2641175.

10. О государственном языке Кыргызской Республики. 19.10.2021 // http://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/1162.

11. Открытое письмо президенту Кыргызской Республики от членов Координационного совета организаций Российских соотечественников в КР. 24 ноября 2021 // http://www.rusinkg.ru/article/6-obshchestvo/8024-otkrytoe-pismo-prezidentu-kyrgyzskoj-respubliki-ot-chlenov-koordinatsionnogo-soveta-organizatsij-rossijskikh-sootechestvennikov-v-kr.

12. Предметный стандарт по предмету «Русский язык» для 5-11 классов общеобразовательных организаций Кыргызской Республики / Министерство образования и науки Кыргызской Республики. Бишкек, 2018 // https://edu.gov.kg/media/files/ba8960af-4431-4779-8360-b712470a2b04.pdf.

13. *Подольская Д.* Закон «О госязыке» переписали. Поможет ли это стране сделать рывок вперед. 26 ноября 2021 // https://24.kg/vlast/214874_zakon_ogosyazyike_perepisali_pomojetli_eto_strane_sdelat_ryivok_vpered/.

14. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 14 декабря 2020 года № 605 «О внесении изменений в постановление Правительства Кыргызской Республики «Об идентификационной карте – паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)» от 3 апреля 2017 года № 197» // http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157717.

15. По итогам Саммита СТГ в г. Стамбул подписано решение о принятии «Видения тюркского мира – 2040». 12.11.2021 // http://www.president.kg/ru/sobytiya/podpisannye_dokumenty/21184.

16. *Рыскулова Н.* Без киргизского тяжело, без русского – тоже. В чем заключается языковая проблема Кыргызстана. 21 октября 2021 // https://www.bbc.com/russian/features-58960675.

17. Тюркский совет переименован в Организацию тюркских государств. 12.11.2021 // https://www.aa.com.tr/ru.

18. Указ Президента КР «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы» от 31 октября 2018 г. УП № 221 // http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430002.

19. *Шестаков Е.* Президент Кыргызстана Садыр Жапаров о миграции, русском языке, борьбе с коррупцией и экономических реформах. 26.02.2021 // https://rg.ru/2021/02/26/sadyr-zhaparov-rasskazal-o-migracii-russkom-iazyke-i-borbe-s-korrupciej.html.

20. https://twitter.com/baisalov/status/1464065965654781970?ref_src.

L.L. KHOPERSKAYA
Doctor of political sciences,
Professor at the Chair of international relations,
Kirgiz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyz Republic

THE POSITION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

The article examines the political science aspects of the transformation of language policy in the Kyrgyz Republic in the context of Eurasian integration. The emerging trend of a certain geopolitical distance of Kyrgyzstan from its

allies in the EAEU, CSTO and SCO is indicated. The transformation of the language policy of the Kyrgyz Republic is considered as one of the indicators of this process. Currently, there is a change in the constitutional and legal format of the Kyrgyz-Russian bilingualism, which is reflected in the normative and administrative limitation of the spheres of functioning of the Russian language, a reduction in state funding for Russian-language education. The prospect that the Russian language will lose its official status and turn it into a foreign one becomes real, which will have serious internal and external political consequences, in particular, a massive outflow of the Russian-speaking population from the Kyrgyz Republic and an increase in the influence of the Turkic geopolitical project.

Key words: *Eurasian integration, the Kyrgyz Republic, language policy, ethnocentrism, state language, official language, Russian compatriots.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.025
УДК 32.327
Г.М. СИДОРОВА
доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории Московского государственного лингвистического университета; профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России; ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Россия, г. Москва

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Руководство Турецкой Республики, учитывая особенности развития военно-политической обстановки на Ближнем Востоке и Африки, а также возникающие в связи с этим угрозы для национальной безопасности, уделяет большое внимание поддержанию вооруженных сил страны в высокой степени боевой готовности.

Ключевые слова: *ВТС, Турция, США, Израиль, Россия, вооружение.*

Министерство обороны Турецкой Республики продолжает проведение комплекса мероприятий по техническому переоснащению воинских частей и подразделений. Важную роль в данном вопросе играет военно-техническое сотрудничество Турции с зарубежными странами, в частности торговля продукцией военного назначения и межгосударственная военно-промышленная кооперация. Анкара закупает вооружения и военную технику (ВВТ) в других странах и входит в первую десятку стран-импортеров, но в то же время в Турции слишком малая часть военного бюджета тратится на закупки вооружения и военной техники. При общих затратах в 2017 г. на оборону порядка 13 млрд. долл. (у европейских держав НАТО этот показатель колеблется в диапазоне 39-65 млрд. долл.) более 54% военного бюджета Турции приходится тратить на жалованье личному составу; а еще до 22% – на снабжение (в первую очередь, питание и амуницию). В результате лишь немногим более 20% реально расходуется на разработку и закупку ВиВТ, что существенно снижает возможности военно-технического сотрудничества [8]. Однако Турция существенно отстает от других держав НАТО (особенно США, Великобритании и Германии) в деле роботизации своих вооруженных сил – в первую очередь, создания парка беспилотной разведывательной авиации [9].

Сегодня перед Анкарой стоит серьезная проблема обновления парка вооружений и военной техники, без чего невозможно позиционирование Турции как полновесного регионального игрока. Республика пытается решить эту задачу несколькими путями. Во-первых, Турция изменяет структуру военного бюджета в пользу ВиВТ путем последовательного сокращения численности вооруженных сил – с 427 до 386 тыс. военнослужащих за период 2013-2018 гг. [5. P. 10]. Во-вторых, налаживает сборку иностранной-военной продукции на своей территории, и, в-третьих, диверсифицирует обмены военными технологиями.

Развитие ВТС традиционно имеет для официальной Анкары существенную политическую подоплеку. И закупки российских комплексов ПВО С-400 (решение было обнародовано в сентябре 2017 г.) не только и не столько укрепили в реальности оборону страны, сколько продемонстрировали диверсифицированность военно-технических контактов, причем в сфере новейшей техники. Возможно, что Р. Эрдоган надеется в перспективе использовать этот фактор для подталкивания своих партнеров по НАТО к более глубокому военно-технологическому сотрудничеству.

Курс президента Реджепа Таийпа Эрдогана и возглавляемой им Партии справедливости и развития, предполагающий активное использование турецкой армии при решении внешнеполитических и экономических задач, встречает растущее противодействие стран Запада. Кроме прочего это находит отражение в сворачивании участия американских, израильских и европейских компаний в долгосрочных программах турецкого оборонно-промышленного комплекса. Таким образом, на турецком рынке вооружений и военной техники появляется место для новых поставщиков, прежде всего России.

Первыми сворачивать военно-техническое сотрудничество с Анкарой начали американцы. Конгресс США отказался давать добро на запросы о поставках Турции реактивных систем залпового огня типа M270A1, зенитных ракетных комплексов MIM-104 Patriot, беспилотных летательных аппаратов семейства MQ-1 Predator, а также комплектующих и боеприпасов к ним. Причем отказы сделаны в обидной для турок форме, уже после согласования соответствующих контрактных документов и опробования товарных экземпляров данных марок вооружения в рамках сотрудничества по линии блока НАТО [7].

А самым сильным ударом по двусторонним отношениям в оборонной сфере явился отказ Вашингтона передавать истребители пятого поколения F-35A, включая даже те экземпляры, что уже были собраны и облетаны по турецкому заказу. Анкара планировала приобрести 116 истребителей, но в прошлом году сделка была запрещена конгрессменами по причине покупки Турцией в России комплексов ПВО С-400. Этим летом ВВС США заключили контракт с Lockheed Martin на сумму 861,7 млн долл., выкупив у производителя восемь серийных самолетов F-35A турецкой модификации и согласившись взять еще шесть по мере их готовности.

Сотрудничество с Израилем прервалось по чисто политическим мотивам: Партия справедливости и развития заступилась за палестинцев в конфликте вокруг Иерусалима и оккупированных арабских территорий. Соответственно не получили продолжения совместные программы по модернизации турецкого парка истребителей F-4 Phantom II и танков M-60, прекратились поставки беспилотных аппаратов типа Heron (в НАТО или в мусорку).

Взаимодействие с европейскими партнерами продолжается, однако его масштабы идут на убыль. Если в случае с США и Израилем факты сворачивания оборонных программ не скрываются и находят широкое обсуждение на страницах печати, то о таковых со Старым Светом предпочитают особо не распространяться. Публичность в данном вопросе не выгодна ни турецкой элите, ни европейским фирмам, прежде всего по PR-соображениям. Поэтому редко кто из журналистов и издателей обращает внимание на готовность парка военно-транспортных самолетов A400M: из девяти экземпляров, поставленных ВВС Турции, лишь один-два поддерживаются в летном состоянии.

Президент Турции принял личное участие в церемонии спуска на воду головной субмарины «Пири Реис», состоявшейся в декабре прошлого года на судостроительном заводе Гельджюк в Коджаэли. Однако его выступление перед сотрудниками предприятия в основном носило агитационный характер. Специалистов насторожили озвученные Эрдоганом сроки сдачи: «Пири Реис» будет готова к сдаче в 2022 году (согласно контракту, планировалась на 2015-й), вся партия – в 2027-м. Три года для завершения достраиваемой на плаву лодки – срок большой. Особенно с учетом того, что Гельджюк имеет опыт строительства 11 субмарин типа 209 с 1981 по 2007 год.

Возможно, столь медленная достройка вызвана некими трудностями, возникшими во взаимоотношениях с немецкими партнерами в последнее время. Берлин выступает за конструктивный диалог по ситуации в Ливии и поиску взаимоприемлемых путей разработки нефтегазовых месторождений в Средиземном море, но его подход не всегда находит понимание у конфликтующих сторон [6].

В свое время Анкара отказалась подписывать Конвенцию ООН по морскому праву и сегодня, не считая себя связанной его положениями, пытается вести поиск энергоресурсов в территориальных водах стран-соседей. Почти год специализированные турецкие суда ведут разведку газовых и нефтяных месторождений на континентальном шельфе Греции, утверждая, что некая его часть принадлежит Турции. В результате регион оказался на грани войны. Возник еще один источник нестабильности, и Берлин может среагировать, запретив отправку морской техники по известному адресу [2].

Вероятность, что Турция отступит, низка. Страна экспортирует 92% потребляемой ей сырой нефти и практически весь природный газ. На их при-

обретение в прошлом десятилетии в среднем расходовалось около 44 млрд долл. ежегодно. Анкара рассчитывает в пятилетней перспективе покрыть треть своей потребности в газе за счет разработки новых месторождений в близлежащих водах. Вводя дополнительные меры по ограничению военного экспорта, Германия вряд ли сможет заставить турецкую сторону отказаться от реализации данной программы [4].

Анкара стремится к развитию национальной военной промышленности, а в перспективе планирует расширить экспорт собственной продукции на рынки других стран. Реагируя на происходящее, администрация Эрдогана прилагает значительные усилия по поиску альтернативных источников технологий и комплектующих, коль скоро своими местная наука и промышленность в полном объеме не располагают.

Россия в нынешних условиях представляется Анкаре наиболее подходящим партнером для расширения и углубления отношений в области разработки и производства военной техники. Причем выбора нет: прочие страны либо не идут на сближение с Турцией по политическим причинам, либо не обладают тем, что ей нужно.

Наиболее остро вопросы высоких технологий и комплектующих стоят применительно к проектам перспективного истребителя TF-X и основного боевого танка Altay. Ранее и истребитель, и танк сначала предполагалось оснастить моторами западноевропейского происхождения, а затем на основе последних разработать и запустить в серию собственные. Для успешного решения поставленных задач им зачастую не хватает интеллектуальных и материальных ресурсов.

Экспорт Турции также является важнейшим показателем для исследования. По объемам продаж ВВТ Турция находится в двадцатке ведущих экспортеров.

Основные объемы поставок приходятся на регион Ближнего и Среднего Востока. В 2013-2017 годах его доля в суммарном экспорте ТР составила около 50%. Кроме того, значительные объемы экспорта ВВТ приходятся на страны СНГ (до 40%). Крупнейшими потребителями турецких ВВТ являются Туркменистан, ОАЭ и Саудовская Аравия.

Азербайджан проявляет интерес как к закупке готовых образцов турецкой бронетанковой техники, так и к ее производству на национальных предприятиях. Это касается, в частности, танка «Алтай», БТР «Парс», «Эждер» и «Арма» [1].

Казахстанская компания «Казахстан инжиниринг» планирует наладить лицензионную сборку турецких БТР и бронеавтомобилей.

Экспорт военно-морской техники из Турции в указанный период включал сторожевые катера проектов MRTP и «Арес» (14 единиц получили Катар, Оман, Малайзия и Египет). Ожидается продолжение поставок в Катар и Оман.

По турецким лицензиям в ОАЭ, Малайзии и Туркменистане велось строительство сторожевых катеров проектов MRTP и YTKB (всего около 40 единиц). В Пакистане по турецким проектам намечается строительство корветов типа «Ада» и танкера-заправщика для ВМС страны.

В 2016 году турецкая компания СТМ подписала контракт с ВМС Пакистана на модернизацию трех ПЛ типа «Агоста-90В». Она же будет проводить аналогичные работы на румынских фрегатах «Регел Фердинанд» и «Регина Мария».

Основной статьей экспорта ракетного оружия в 2013-2017 годах стала поставка в ВС ОАЭ 70-мм противотанковых управляемых ракет «Джирит» турецкой разработки, предназначенных для запуска из стандартных вертолетных кассет для НУР. За рассматриваемый период эмираты получили около 7 тыс. ПТУР из 10 тыс. запланированных.

Кроме того, в рамках межгосударственной военно-промышленной кооперации осуществлялись продажи компонентов ракетного оружия для зенитных и противокорабельных ракет в страны Европы, в частности Италию, Великобританию и Норвегию.

В экспорте артиллерийского вооружения в этот период наиболее заметными стали поставки РСЗО Т-122/-300 в Азербайджан (около 60 единиц).

По турецким лицензиям были налажены выпуск и сборка 155-мм буксируемых гаубиц «Пантер» в Пакистане и 107-мм РСЗО Т-107 в Азербайджане. Кроме того, Анкара в ближайшие годы продаст Баку не менее 35 единиц 155-мм самоходных гаубиц «Фыртына» (производятся по лицензии Республики Корея).

Экспорт турецкой авиационной техники в 2013-2017 годах ограничился передачей Пакистану более 30 учебно-боевых самолетов Т-37 «Твити Берд» из запасов ВВС.

Кроме того, за рассматриваемый период ТР провела ремонтные работы почти на 40 ударных вертолетах АН-1 «Кобра», состоящих на вооружении ВВС Пакистана. В соответствии с подписанным в 2009 году контрактом Турция осуществляет модернизацию пакистанских истребителей F-16 «Файтинг Фалкон» до варианта Блок 50.

Рассматриваются возможности поставки в Азербайджан до 60 ударных вертолетов огневой поддержки Т-129 производства компании «Тюркиш аэроспейс индастриз» на базе итальянской машины А-129 «Мангуста».

В 2013-2017 годах Уругвай приобрел пять турецких тактических радиолокационных станций наземной разведки ACAR [3].

В 2013 году турецкая компания «Хавелсан» разработала интегрированную систему управления боевыми действиями в интересах ВС Пакистана. Национальная компания «Аселсан» намерена поставить азербайджанским ВС тактическую систему связи TASMUS-2, аналог которой имеется на вооружении турецких вооруженных сил.

В целом активное развитие внешних военно-экономических связей оказывает благоприятное воздействие на состояние и развитие научно-производственной базы Турции. Основной упор направлен на повышение возможностей транспортной авиации по переброске войск и грузов, тактических истребителей по решению задач завоевания превосходства в воздухе, а также, учитывая географическое положение государства, большое внимание уделяется повышению боевого потенциала национальных военно-морских сил.

Руководство Турции, учитывая особенности развития ВПО на Ближнем Востоке, продолжит реализацию программ по техническому переоснащению национальных вооруженных сил, в рамках которых предусматривается поставка в войска современных танков, авиационной техники, подводных лодок и надводных боевых кораблей, что позволит повысить боевой потенциал турецких ВС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аватков В.А.* Военно-политическое сотрудничество Турции и Азербайджана // Экспорт вооружений. 2020. № 5.

2. *Алексикова О.Е., Агабабов А.Р., Балашова Н.П., Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Селютина Е.Н., Сидорова Г.М., Фомина М.Г., Хватов Д.А., Шуляковская Ю.М., Щеголева Н.А.* Запад и восток: современные тенденции развития отношений в контексте международных конфликтов и миграционных процессов. Орел, 2019.

3. *Белославский Р.* Военно-техническое сотрудничество Турции // Зарубежное военное обозрение. 2018. Вып. 11.

4. *Bank Andre, Karadag Roy.* The Political Economy of Regional Power: Turkey under the AKP // GIGA Working Papers. September 2019. № 204.

5. Defence Expenditure of NATO Countries (2011-2018). COMMUNIQUE PR/CP(2018)091. Brussels, 10 July 2018.

6. Gemeinsam für Deutschland. Mit Mut und Menchlichkeit. Koalitionsvertrag von CDU, CSU und SPD. 16. Legislaturperiode // http://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/05_11_11_Koalitionsvertrag_Langfassung_navigierbar_0. pdf?file=1&type=node&id=1100.

7. *Robert D. Putnam.* Diplomacy and Domestic politics: the logic of two level games // International Organisation. Summer 1988, № 42 // http://www.ou.edu/uschina/ texts/Putnam88Diplomacy.pdf.

8. Turkey and NATO // http://www.mfa.gov.tr/ii_---turkey_s-contributions-to-internationalpeace-keeping-activities.en.mfa.

9. Turkey-EU Relations // http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-the-europeanunion.en.mfa.

G.M. SIDOROVA
Doctor of Political Sciences (Dr. Habil),
professor of the Moscow State Linguistic University;
professor of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry
of Foreign Relations; scientific associate of the
Institute for African Studies, Moscow, Russia

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF TURKEY IN THE CONTEXT OF REGIONAL INSTABILITY

The leadership of the Republic of Turkey, taking into account the peculiarities of the development of the military-political situation in the Middle East and Africa, as well as the resulting threats to national security, pays great attention to maintaining the country's armed forces in a high degree of combat readiness.

Key words: *military-technical cooperation, Turkey, USA, Israel, Russia, weapons.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.026
УДК 32.327
Р.Н. ШАНГАРАЕВ
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА ВЛИЯНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия является одним из приоритетом не только торгово-экономической, но и военной политики Турции. На современном этапе стратегическое партнерство России и Турции основывается на системе баланса сил и интересов, то есть учета национальных приоритетов государств и формирования общих региональных либо субрегиональных интересов.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Россия, Турция, стратегическое партнерство, Евразийская интеграция, стратегические интересы.*

Благоприятное восприятие в Центральной Азии России и Турции обусловлено их более сдержанной по сравнению с подходом стран Запада и достаточно нейтральной позицией в отношении региональных внутриполитических процессов (демократические преобразования, выборы, «цветные революции», права человека и пр.).

Некоторым центральноазиатским государствам (в основном Казахстану, Киргизии, Туркменистану) Турция с 1990-х годов предоставляет финансовую помощь в виде грантов, кредитов и технической поддержки. Основные проекты в ЦА реализуют такие крупные турецкие инвесторы как холдинги Калик и Йылдырым, а также общественные организации (Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию – TIKA) [13. С. 73-82]. Товарооборот Турции с Казахстаном и Туркменистаном превышает 2 млрд. долл., и почти 800 турецких фирм сейчас работают в этих странах. Товарооборот с Кыргызстаном составляет более 500 млн. долл. Турецкие компании в основном задействованы в строительстве, в области телекоммуникаций, текстильной промышленности [12. С. 42-51].

Из центральноазиатских государств наиболее продвинутые отношения у Турции с Казахстаном. В октябре 2009 года между ними было подписано соглашение о стратегическом партнерстве, а в мае 2012 года был создан Совет стратегического сотрудничества высокого уровня (его 3-е заседание прошло в сентябре 2018 г. с участием Назарбаева) [16].Товарооборот меж-

ду Казахстаном и Турцией достиг своего пика – 3,5 млрд. долл. в 2012 г. Но с тех пор происходит неуклонное снижение этого показателя, и в настоящее время доля товарооборота с Турцией составляет лишь 2,5% от общего внешнеторгового оборота Казахстана [8].

Сегодня в Казахстане наблюдается ощутимый рост протурецких настроений, которые, впрочем, всегда здесь присутствовали в силу культурно-языковой близости народов. Последний всплеск подобных настроений главным образом связан с ролью Турции в ходе конфликта в Нагорном Карабахе и ростом престижа Анкары в связи с успехом данной военной операции. Сам же президент Турции Р. Эрдоган воспринимается частью казахского населения как сильный и справедливый лидер. Немаловажно и то, что Турция напрямую и через международные организации, такие как Тюркский совет, анонсировала шаги по оказанию помощи Азербайджану в послевоенном восстановлении возвращенных под контроль Баку районов. Демонстрация Турцией готовности подставить «братское плечо» вызывает энтузиазм и одобрение не только в Азербайджане, но и в ряде других стран, одновременно посылая обществам Казахстана и других государств Центральной Азии сигнал о наличии у Анкары соответствующего экономического потенциала. Однако подобные общественные настроения в большей степени носят эмоциональный характер и отнюдь не всегда имеют под собой прочную и стабильную основу.

Анкара будет стремиться капитализировать протурецкие настроения и институционализировать взаимодействие с Казахстаном. Такие шаги сегодня предпринимаются через сотрудничество в военной сфере, в частности, через турецкие образовательные программы для офицерского состава из Казахстана и других стран Центральной Азии, а также через работу Совета сотрудничества тюркоязычных государств, на который Анкара возлагает большие надежды.

С другой стороны, на сегодняшний день развитие отношений с Турцией формально не входит в перечень основных внешнеполитических приоритетов Казахстана. Козырь Казахстана во взаимодействии с Турцией, пожалуй, заключается в том, что для Нур-Султана сотрудничество с Анкарой носило и продолжает носить опциональный, а не безальтернативный характер. В случае предложения Анкарой невыгодных условий Нур-Султан может практически всегда без особого ущерба для себя притормозить развитие сотрудничества с турецкой стороной, переключиться на работу с другими международными игроками, хорошо представленными в регионе, и дожидаться более выгодных предложений от Турции [3].

Турция так и не предложила странам региона никакой альтернативы надежной системы безопасности, в то время как Россия такие гарантии предоставляет посредством ОДКБ. Для Центральной Азии это стало одним из важных аргументов против полной интеграции под эгидой Турции. Весьма показательно, что Турция практически не принимала участия во взаимодействии и системе сотрудничества по наиболее важным, ключевым во-

просам региональной безопасности – решению межтаджикского конфликта (в 1990-е годы) и длящегося по сегодняшний день афганского кризиса. Не имея достаточных ресурсов для доминирования в сферах экономики и безопасности, Турция попыталась использовать связи в культурно-образовательной области. Так, в Центральной Азии действует Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет старейшин, Всемирная ассамблея тюркских народов, которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры. Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), основанная в 1993 г. в Алматы, по принципам работы приближается к ЮНЕСКО, но не ограничивает свою деятельность культурно-просветительской сферой. В центре ее внимания находятся также вопросы политических и торгово- экономических отношений между тюркоязычными странами Центральной Азии [9. С. 139].

К началу 2000-х годов в Казахстане, Киргизии Узбекистане, Туркмении функционировало около двадцати турецких школ и два университета: Казахско-Турецкий и Киргизо-Турецкий, открытых при активном содействии Министерства образования Турецкой Республики и при поддержке общины Ф. Гюлена. Однако Узбекистан решил свернуть студенческие обмены и сотрудничество в области образования с Анкарой, заявив, что обучение в Турции способствует радикализации студентов и крайне негативно влияет на национальную безопасность и стабильность и Узбекистана, и всей Центральной Азии. А после разрыва Эрдогана с Гюленом Турция настояла на закрытии большинства гюленовских школ в ЦА [14].

Несмотря на то, что по некоторым направлениям Россия и Турция являются конкурентами в ЦА, в этом регионе имеются некоторые предпосылки для их сотрудничества [7], чему благоприятствует ряд объективных факторов, заключающихся в выгодном географическом положении Турции, которая контролирует Черноморские проливы и играет роль своеобразного моста между Европой и Азией [1], что открывает перед Россией и странами Центральной Азии дополнительные возможности в плане реализации собственных экономических и политических интересов; в способности Турции и России как крупных евразийских государств со значительным мусульманским населением играть роль посредников в отношениях между странами Центральной Азии, Западом и миром ислама. Основа для российско-турецкого сотрудничества с государствами Центральной Азии – активное неприятие ими радикального исламизма; в многовекторной политике, взятой на вооружение всеми центральноазиатскими государствами, и которая может быть использована Россией и Турцией для углубленного сотрудничества со странами региона в двустороннем формате [11. С. 94-96].

Взаимодействие России и Турции в ЦА может проходить по следующим направлениям:

• Сотрудничество двух стран в рамках евразийской интеграции, где особую роль могут сыграть экономические министерства и государственные

структуры России и Казахстана, заинтересованные в интенсификации торгово-экономических отношений с Турцией в энергетике, торговле, туризме.

• Энергетические проекты с участием России, центральноазиатских государств-экспортеров (Казахстана, Туркменистана, Узбекистана), а также Турции как крупнейшей в Евразии страны-транзитера энергоресурсов.

• Сотрудничество военных и дипломатических ведомств России и Турции в сфере поддержания региональной безопасности. Решать эту проблему наиболее оптимальным образом можно в рамках ШОС, в которой Турция с 26 апреля 2013 г. участвует в статусе партнера по диалогу.

• Определенные возможности для сотрудничества открываются перед Россией и Турцией в Центральной Азии в сфере противодействия преступности, незаконному обороту наркотиков, нелегальному перемещению людей, товаров, оружия и пр.

Подобное взаимодействие может быть осуществлено по линии правоохранительных структур России и соответствующих государственных структур Турции, а также по линии учрежденной в 2013 г. в Баку Евразийской ассоциации правоохранительных органов с военным статусом в составе Турции, Азербайджана, Киргизии и Казахстана. Ассоциация ставит своей целью сотрудничество входящих в нее государств в деле противодействия организованной преступности, террористической и контрабандной деятельности, активности радикальных групп.

Российско-турецкое взаимодействие в ЦА имеет определенные ограничители и пределы, главный из которых - культурно-цивилизационный пласт (язык, культура), где Россия и Турция являются конкурентами. Россия стремится расширить ареал влияния русского языка, русской культуры. Анкара продвигает идею общего турецкого дома, единого для Турции и центральноазиатских государств языка, форсирует переход стран региона с кириллицы на латиницу, делая это достаточно успешно. Турция стремится утвердить себя в Центральной Азии в качестве нового центра культурного и политического притяжения, и даже, возможно, мотора альтернативного российскому общетюркского интеграционного проекта. Но пока о таком интеграционном проекте можно говорить лишь в перспективе, когда Турция преодолеет существенные проблемы в собственном экономическом развитии.

В целом же на постсоветском пространстве почва для разногласий между Россией и Турцией имеется не столько в ЦА, сколько на собственно российских территориях, где компактно проживают тюркоговорящие народы, или же на Южном Кавказе.

Регион Южного Кавказа является приграничным по отношению к Турции, что, конечно, делает его с точки зрения турецкой политики более важным. Главным союзником Турции в этом регионе является Азербайджан. Первоначально были большие надежды по поводу лозунга «единой турецкой нации» из двух государств, или трех государств, если туда включать Республику Северного Кипра. Но в дальнейшем этот оптимизм угас, и интеграционного проекта на этой почве не возникло. Турция выстроила свои тес-

ные и союзнические отношения с Азербайджаном строго на двусторонней межгосударственной основе. В экономической сфере Турция демонстрирует большой эгоизм. Она добивается максимально выгодных для себя условий сотрудничества с Азербайджаном, в том числе в энергетике, в плане энергетического транзита и установления цен на азербайджанские энергоносители. Это вызывает раздражение в Азербайджане, который болезненно относится к такому эгоизму «старшего брата» [10].

Военно-техническое тесное сотрудничество Турции с Азербайджаном продиктовано характером отношений с Арменией. Между Турцией и Арменией так и не было установлено дипломатических отношений. Армения требует признать геноцид армян, что может предполагать компенсацию со стороны турецкого государства. Для Турции это категорически неприемлемо, как и для Азербайджана.

По отношению к Грузии политика Турции также проводится в тесной координации с Азербайджаном. Оба государства заявляют о приверженности стратегическому «тройственному союзу» Грузия – Азербайджан – Турция. Но в этом союзе Грузия играет роль «объекта» политики своих соседей. В связи с проживанием турецких граждан в Грузии возникают конфликты по поводу строительства все новых мечетей, причем не только в Аджарии, но и во внутренних районах Грузии [2].

По отношению к частично признанным государствам Турция ведет принципиально разную политику. Южная Осетия рассматривается в общем грузинском контексте. В отношении Абхазии ведется очень активная политика. Турция опирается на турецких граждан абхазского и северокавказского происхождения – потомков махаджиров. Экономическая активность сосредоточена, прежде всего, в рыболовстве, строительстве, гостиничном бизнесе. В 2014 г. Абхазию посетила официальная делегация парламента Турецкой Республики. Во время президентских выборов 2014 г. права избирателей получили проживающие на территории Турции абхазы. Голосование происходило на избирательных участках в Стамбуле.

В настоящее время, в целом, политика Турции на Южном Кавказе не имеет конфронтационного настроя по отношению к России. Оба государства заинтересованы в недопущении милитаризации Черного моря и прихода сюда внешних сил. В будущем характер политики Турции на Южном Кавказе будет определяться ситуацией в регионе, а также общим контекстом международных отношений. Причин для возникновения острых противоречий пока не фиксируется [6].

Наибольшие расхождения в позициях Анкары и Москвы по украинской проблематике касаются признания новых реалий в Крыму и воссоединения полуострова с Российской Федерацией. Политическим руководством Турции неоднократно была четко артикулирована позиция относительно непризнания нового статуса Крыма. Сам Р.Эрдоган неоднократно осуждал

присоединение Крымского полуострова к РФ, «репрессивную политику» в отношении крымских татар в «аннексированном Крыму», выражал поддержку территориальной целостности Украины [4].

На протяжении нескольких десятилетий с момента распада СССР Анкара оказывала поддержку (материальную, политическую, дипломатическую) крымско-татарскому движению. С этим связаны и определенные расчеты на возвращение Крыма в сферу влияния Турции (многочисленные публикации и публичные выступления бывшего министра иностранных дел и премьер-министра страны А.Давутоглу, одного из основателей концепции «неоосманизма», и других политических деятелей-приверженцев этой идеологии).

Крымско-татарская диаспора в Турции имеет большое влияние. Она довольно многочисленна – по оценкам, как минимум, 2 млн. чел. А.Давутоглу и целый ряд других видных и известных турецких политиков считаются потомками выходцев из Крыма. Функционируют имеющие политическое влияние общества культуры и взаимопомощи крымских татар (дернеки). Во многом через крымско-татарские дернеки поддерживались материально, финансировались «Меджлис крымско-татарского народа», Курултай, Всемирный конгресс крымских татар. Этот фактор на обозримую перспективу не позволит существенно трансформировать турецкую позицию по Крыму.

В 1993 г. крымскими татарами была создана своя образовательная структура – Крымский инженерно-педагогический университет в Симферополе. Университет функционирует и сегодня как государственное бюджетное учреждение, на 7 факультетах в нем обучается порядка 10 тыс. чел., имеются филиалы в Джанкое, Керчи и Евпатории.

Сейчас крымско-татарская община расколота. Часть крымско-татарской элиты, включая муфтия, занимает пророссийские позиции. Ряд членов Меджлиса вошли в структуры крымского правительства. Муфтий перерегистрировал структуры муфтията в соответствии с российским законодательством. М.Джемилев и Р.Чубаров – лидеры части крымско-татарской общины, которая, уехав на Украину, находится в состоянии войны с РФ. Инициативы блокады Крыма исходили, в том числе, от крымских татар. Большая часть крымско-татарской общины - люди, которые не особенно интересуются политикой и успешно занимаются бизнесом в Крыму.

Турция, несомненно, продолжит оказывать по различным каналам помощь крымским татарам. Но сегодня для руководства страны – это направление не является приоритетным.

Другой сложный «украинский вопрос» в российско-турецких отношениях – военно-техническое сотрудничество Киева и Анкары. В России часто, вслед за публикациями в украинской прессе, масштабы этого сотрудничества существенно преувеличиваются. Но каких-то серьезных заделов так и не создано и значимых подвижек, по сути, нет. Для Турции важно заимствование некоторых военных технологий, которыми могла бы поделиться Украина [15]. В частности, с 2016 г. идет сотрудничество по совместному производству радиолокационной техники, в апреле того

же года Государственный концерн «Укроборонпром» и турецкая компания «HAVELSAN» подписали коммерческое соглашение о совместном производстве радиолокационной техники по стандартам НАТО. На Украине соответствующие производственные мощности были расположены еще в советское время. Турция также заинтересована в двигателях, в том числе для своего танка «Алтай», который она с переменным успехом проектирует и испытывает на протяжении полутора десятилетий. В 2015 г. по ряду причин сорвался контракт с австрийцами на приобретение двигателей для бронетанковой техники, и Турция переключила свои усилия, в том числе, на взаимодействие с Украиной – но в плане не приобретения, а совместного проектирования. Киев, в свою очередь, интересует приобретение турецких беспилотников «Байрактар» в разведывательном и ударном оснащении. Украинские СМИ активно развивают тему локализации их производства на территории страны, но не ясно, удастся ли об этом договориться с турецкой стороной [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексикова О.Е., Агабабов А.Р., Балашова Н.П., Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Селютина Е.Н., Сидорова Г.М., Фомина М.Г., Хватов Д.А., Шуляковская Ю.М., Щеголева Н.А.* Запад и Восток: современные тенденции развития отношений в контексте международных конфликтов и миграционных процессов. Орел, 2019.

2. *Вартан О.* Восстановление отношений на Кавказе // http://inosmi.ru/europe/20100312/158574286.html.

3. *Воробьев А.* Казахстан и Турция: опциональная дружба, 2021 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kazakhstan-i-turtsiya-optsionalnaya-druzhba/.

4. *Демирель Нури.* Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. № 2 // https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vneshney-politiki-turtsii-v-chernomorskom-regione-na-politiku-globalnyh-i-regionalnyh-aktorov-sovremennogo-mira.

5. *Жирохов М.* Дорого и сердито. Получит ли Украина ударные турецкие беспилотники // Деловая столица. 7 ноября 2018 // http://www.dsnews.ua/politics/dorogo-i-serdito-poluchit-li-ukraina-udarnye-turetskie-bespilotniki-07112018080000.

6. Заседание Совета сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией. 22.11.2013 // http://www.kremlin.ru/news/19676.

7. *Малышева Д.* Россия и Турция в Центральной Азии: партнерство или соперничество? // РСМД. 23.12.2014 // http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-turtsiya-v-tsentralnoy-azii-partnerstvo-ili-sopern.

8. *Селиверстов Э.П.* Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX-XXI веков. Алматы: Баспалар уиі, 2009.

9. *Уразова Е.И.* Проблемы российско-турецких отношений в Центральной Азии // Материалы Круглого стола. Москва, 2013.

10. *Цатурян С.* Турция в «Ненасильственной осаде» // http://www.iarex.ru/articles/47774.html.

11. *Шангараев Р.Н.* Влияние политики на торгово-экономические отношения России и Турции // Человеческий капитал. 2016. № 2 (86).

12. *Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш.* Политизация торгово-экономического сотрудничества России и Турции // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2016. № 3 (314).

13. *Шангараев Р.Н.* Идеологические аспекты внешней политики Турции // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2017. № 11 (334).

14. *Duran B.* Erdoğan's warning on FETÖ threat in Kyrgyzstan // Daily Sabah. 06.09.2018 // https://www.dailysabah.com/columns/duran-burhanettin/2018/09/06/erdogans-warning-on-feto-threat-in-kyrgyzstan.

15. *Karagul I.* Ukrayna savaşı Türkiye savaşı // http://yenisafak.com.tr/yazarlar/IbrahimKaragul/ukrayna-savasi-turkiye-savasi/50614.

16. Nazarbayev proposes avenues for cooperation at Turkic speaking states summit // Astana Times. 04.09.2018 // https://astanatimes.com/2018/09/nazarbayev-proposes-avenues-for-cooperation-at-turkic-speaking-states-summit.

R.N. SHANGARAEV
Ph.D. (Economic Sciences), Associate Professor
of the Department of Public Administration in Foreign Policy
of the Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia

FEATURES OF RUSSIAN-TURKISH PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF THE FIGHT FOR INFLUENCE IN CENTRAL ASIA

Central Asia is one of the priorities of not only trade and economic, but also military policy of Turkey. At the present stage, the strategic partnership between Russia and Turkey is based on a system of balance of forces and interests, that is, taking into account the national priorities of states and the formation of common regional or sub-regional interests.

Key words: *Central Asia, Russia, Turkey, strategic partnership, Eurasian integration, strategic interests.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.027
УДК 316.482
Е.В. АНОХИН
координатор Агентства социального инжиниринга, Россия, г. Москва
А.В. ДАВИДЧЕНКО
координатор Агентства социального инжиниринга, Россия, г. Москва
Н.А. ТЮКОВ
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Московского педагогического государственного университета; доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва
Н.А. ПОНОМАРЕВ
кандидат исторических наук, эксперт АНО «Центр прикладных исследований и программ», Россия, г. Москва

ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ АКЦИЙ ПРОТЕСТА В БЕЛОРУССИИ В 2020-2021 гг.[1]

Представленное исследование посвящено теме технологий организации политических акций протеста в Республике Беларусь в 2020-2021 гг. Целью работы является выявление технологической специфики белорусских протестов. Методология исследования сформирована посредством комбинирования элементов структурного и сравнительного анализа. Сделан вывод о том, что в случае протестов в Белоруссии методология «ненасильственной борьбы» была структурно усовершенствована за счет создания технологии «воронки протеста». Формирующие процесс «цветной революции» методы были увязаны между собой в рамках строгого алгоритма, позволяющего постепенно и векторно расширять масштабы протестной активности и наращивать степень ее интенсивности. Последнее, с одной стороны, упростило процесс планирования «цветной революции» и управления

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 21-011-31848 опн «Политический кризис в Белоруссии в 2020-2021 гг. (акторы, технологии, механизмы): вызовы для России.

ее ходом, с другой стороны – открыло новые возможности с точки зрения профилактики и предотвращения протестов.

Ключевые слова: *протесты, Белоруссия, «тапочная революция», «цветная революция», ненасильственная борьба.*

Введение. Массовые акции протеста в Белоруссии в 2020-2021 гг. положили начало новому этапу изучения политических движений на постсоветском пространстве. В предшествующий период внимание исследователей концентрировалось на изучении украинского опыта (событий Евромайдана). Именно данный эмпирический кейс использовался исследователями для конструирования актуальных объяснительных моделей. Однако появление доступа к опыту белорусских протестов привело к крупномасштабной переориентации интереса исследователей. Последнее лишь в малой степени обуславливалось хронологической новизной событий в Белоруссии. Рост внимания к соответствующему опыту обуславливался наличием у него ярко выраженных элементов оригинальности.

С одной стороны, последние события в Белоруссии существенным образом отличались от предшествующих попыток организации в республике «цветной революции» – и по масштабам, и по структуре вовлеченных социальных групп, и по продолжительности попыток дестабилизировать существующий политический режим, и по интенсивности вмешательства внешних акторов, в плане широты разнообразия методологии протестного репертуара.

С другой стороны, «тапочная революция» существенным образом походила на события Евромайдана (в первую роль – за счет сходства ряда причин и предпосылок, особой роли антироссийской и националистической риторики в протестном дискурсе и продвижения противниками действующей власти темы «цивилизационного выбора»). И в то же время она радикальным образом отличалась от украинского кейса в части результатов и в целом эффективности использования конкретных методов свержения действующей власти.

Рост интереса к заявленной теме также стимулирует приближение президентских выборов 2024 г. в РФ, рассматриваемых многими политологами в качестве вероятной точки начала политического транзита. Независимо от того, примет ли в них участие действующий президент В.В. Путин, или же о претензиях на пост главы государства заявит его преемник, данное событие с высокой степенью вероятности будет использовано внешними противниками России с целью дестабилизации ее внутриполитической ситуации. При этом вполне очевидно, что организаторы данного процесса будут опираться в том числе на опыт белорусских протестов в силу высокого сходства как социально-экономической ситуации в России и Беларуси, так и политических систем двух государств.

Говоря об актуальности исследования, отдельно необходимо отметить наличие лакун в степени изученности соответствующей темы. Несмотря на то, что процесс белорусских протестов уже получил освещение на страницах научных публикаций, не все его аспекты были должным образом концептуализированы. Последнее является неизбежным следствием высокой степени оперативности реакции научного сообщества на появление новой темы: первые посвященные ей публикации начали выходить еще до завершения основной фазы протестов [1. С. 9-24; 2. С. 6-13; 3. С. 23-35; 5. С. 116-118; 6. С. 20-27; 9. С. 162-163; 11. С. 60-77; 12. С. 278-285]. Помимо того, зачастую исследователи предпочитали концентрировать внимание на конкретных сторонах активности белорусской оппозиции (например, деятельности на поле социальных медиа) либо изучать ее в ключе более широких по объему тем, таких как политика коллективного Запада на постсоветском пространстве [4. С. 88-93; 7. С. 91-110; 8. С. 110-148; 10. С. 12-16]. Как следствие, на сегодняшний день экспертное сообщество еще не успело выработать комплексной системы представлений относительно событий в Белоруссии.

В первую очередь это касается методики организации действий оппозиции. Чаще всего исследователи освещают данный аспект темы по остаточному принципу, ограничиваясь констатацией применения методических алгоритмов «ненасильственной борьбы» [13; 14; 15; 16; 17].

Целью данного исследования является определение технологической специфики белорусских протестов.

Методология работы выстроена за счет комбинирования элементов структурного и сравнительного анализа.

Основная часть. На первый взгляд, белорусские протесты могут служить примером реализации классического сценария «цветной революции». Так, их организаторы широко использовали методы ненасильственного протеста и убеждения. К ним относятся создание петиций на крупных международных интернет-площадках, публичные заявления селебрити и действующих или бывших должностных лиц, открытые письма от лица общественных организаций, декларация обвинений со стороны зарубежных властных структур международного уровня, пикетирование, альтернативные выборы, публичная демонстрация протестной символики, захват и демаркация общественных пространств, психологическое давление на представителей и сторонников действующей власти, символическая и дискурсивная дегуманизация последних, символические похороны «системы» и поминовение «жертв репрессий», создание системы визуальной маркировки сторонников оппозиции и собственной музыкальной субкультуры, марши протеста (общегражданские либо объединяющие конкретные социально-демографические группы). Также широко использовались методы социального отказа от сотрудничества. Они, в частности, нашли выражение через прекращение социальной и спортивной деятельности (кейс легкоатлетки К.С. Тиманов-

ской) и бойкот белорусских товаропроизводителей и банков, поддерживающих А.Г. Лукашенко (после ареста члена Координационного совета по трансферу власти в Белоруссии М.А. Колесниковой). Распространение получили и методы отказа от политического сотрудничества (публичные призывы к сопротивлению властям). Отдельно следует выделить применение методов ненасильственного вмешательства – неисполнения требований силовиков, увольнений в знак протеста, членовредительства или попыток суицида по политическим мотивам, голодовок, блокирования коммуникаций. Использовались и методы отказа от экономического сотрудничества, в первую очередь – забастовки.

Однако при общем сходстве протестного репертуара с классической вариацией «цветной революции» общий алгоритм развития белорусских протестов обладал выраженной спецификой. При его конструировании была использована особая технология формирования протестной активности, обозначенная В.Л. Шаповаловым и Н.Л. Тюковым как «воронка протеста». Она предполагает, что с выходом на каждый новый уровень активность оппозиции обретает все большее влияние на общественное мнение, формируя необходимые ценностные конструкции и увеличивая границы круга участников. Власть оказывается в ситуации, когда каждый уровень «воронки» усугублял кризис.

В рамках данной технологии первый (экспертный) уровень запускал механизмы направленного анализа информации. На втором (виртуальном) уровне нагнеталось недовольство и расширялись допустимые рамки дискуссии с привлечением эмоциональной и ложной информации в социальных медиа. На третьем (информационном) уровне осуществлялась ретрансляция необходимой информацию с правильно расставленными акцентами влияния на общественное мнение. На четвертом (общественном) уровне аккумулировалась уличную активность, формируя иллюзию недовольства всего общества действующей властью. На этом этапе конфликт трансформировался из виртуальной плоскости в реальный политический процесс. Этому предшествует появление события-катализатора, которое является поводом и ускорителем процесса активизации уличного противостояния. Протестный механизм на этом уровне развертывался с использованием всех элементов уличной активности с эскалацией насильственных методов противостояния. Постоянные столкновения усугубляли коммуникацию между протестующими и властью, сводятся к нулю варианты мирного разрешения конфликта.

Заключение. Таким образом, в случае протестов в Белоруссии мы наблюдаем структурное усовершенствование технологии «цветных революций». Формирующие ее методы увязаны между собой в рамках строгого алгоритма, позволяющего постепенно и целенаправленно расширять масштабы протестной активности и увеличивать ее интенсивность. Последнее в том числе упрощает процедуры планирования «цветной революции» и управления ее ходом. В то же время большая упорядоченность процесса

открывает большие возможности с точки зрения профилактики и предотвращения протестов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Астахова С.В.* Белоруссия: политическая ситуация вокруг выборов президента – 2020 // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 3 (48).

2. *Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Еремин Е.А.* Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1.

3. *Бродовская Е.В., Никулин Е.Р., Давыдова М.А.* Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1.

4. *Гронский А.Д.* Протесты в Белоруссии как признак кризиса политической системы // Запад – Восток – Россия. 2020. Ежегодник. Москва, 2021.

5. *Прокопьева П.А.* Специфика интернет-среды в условиях массовых протестов в Белоруссии // Молодежь в условиях цифровизации общества: международный, национальный и региональный аспекты. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. М., 2020.

6. *Строев С.А.* Протесты в Белоруссии. Краткая оценка // Репутациология. 2020. № 3-4 (57-58).

7. *Коктыш К.Е.* Белоруссия: новая геополитическая реальность? // Полис. Политические исследования. 2021. № 3.

8. *Манойло А.В.* Информационная война и новая политическая реальность (II) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2.

9. *Морозова Е.Д., Никитина С.В.* Репрезентация протестов в Белоруссии в российских СМИ (на примере холдинга «РБК» и издания «Московский Комсомолец») // Девестернизация исследований медиа и культуры: новые дискурсивные практики в цифровом мире. М., 2020.

10. *Морозов И.Л.* Уличный протест как технология антигосударственных действий радикальной оппозиции – опыт зарубежных стран и угроза для России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3 (92).

11. *Нагорняк К.И.* Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1.

12. *Шалыгина Н.В., Кащенко Т.Л.* «Праздник непослушания» по-белорусски (о ценностях современной белорусской молодежи) // Власть. 2020. Т. 28. № 6.

12. *Ackerman P., Merriman H.* “The Checklist for Ending Tyranny”. Is Authoritarianism Staging a Comeback? Washington, DC, 2015.

13. *Bartkowski M.* Recovering Nonviolent History: Civil Resistance in Liberation Struggles. Boulder, CO, 2013.

14. *Beer M.* Civil Resistance Tactics in the 21st Century Washington, DC, 2021.

15. *Mathis D., Grace H.* Chronicling Civil Resistance. Washington, DC, 2021.

16. *Pinckney J.* How to Win Well Civil Resistance Breakthroughs and the Path to Democracy. Washington, DC, 2021.

A.V. DAVIDCHENKO
Coordinator of the Social Engineering Agency,
Moscow, Russia
E.V. ANOKHIN
Coordinator of the Social Engineering Agency,
Moscow, Russia
N.A. TYUKOV
PhD, Associate Professor, Department
of Political Science, Moscow State Pedagogical University$
Associate Professor of Department of Mass Communication and
Media business, Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia
N.A. PONOMAREV
PhD, expert of ANO "Center for Applied
Research and Programs",
Moscow, Russia

TECHNOLOGIES FOR ORGANIZING PROTEST SHARES IN BELARUS IN 2020-2021

The presented research is devoted to the topic of technologies for organizing political protests in the Republic of Belarus in 2020 - 2021. The aim of the work is to identify the technological specifics of the Belarusian protests. The research methodology is formed by combining elements of structural and comparative analysis. It is concluded that in the case of protests in Belarus, the methodology of "nonviolent struggle" was structurally improved through the creation of a technology of "protest funnel". The methods shaping the process of the "color revolution" were linked to each other within the framework of a rigorous algorithm that allows gradually and vectorically to expand the scale of protest activity and increase the degree of its intensity. The latter, on the one hand, simplified the process of planning the "color revolution" and managing its course, on the other hand, it opened up new opportunities in terms of prevention and prevention of protests.

Key words: *protests, Belarus, "slipper revolution", "color revolution", non-violent struggle.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.028
УДК 32.327
М.Ф. МАГАДИЕВ
кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической
академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации;
член-корреспондент РАЕН,
Россия, г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена изучению некоторых проблем и перспектив трансформации российско-американских отношений и переформатирования международных отношений в целом. Проанализировано становление и новейший период российско-американских отношений, которые, по мнению автора, представляют собой угрозу безопасности в глобальном масштабе. Выявлены проблемы в российско-американских отношениях, причины, обусловившие их. В данной статье представлены рекомендации по совершенствованию и налаживанию партнерских отношений между странами. Обозначены перспективы развития российско-американских отношений и переформатирования международных отношений.

Ключевые слова: *российско-американские отношения, переформатирование международных отношений, Россия, США, система сдержек и противовесов, «перезагрузка», партнерские отношения, глобальные трансформации, международные отношения.*

Взаимоотношения России и США в международных отношениях представляют особую значимость и актуальность на протяжении всего исторического периода, более 250-ти лет. Изначально враждебность не была им присуща. Официальные дипломатические отношения между Санкт-Петербургом и Вашингтоном возникли в 1807 году. При этом, до указанного периода тихоокеанский регион был местом торгово-экономических отношений между США и Россией.

Первый официальным договором между Россией и США в 1824 году была Конвенция о торговле и мореплавании. Согласно данной Конвенции,

Российская империя и США имели одинаковые права на судоходство и рыбную ловлю. В 1832 году был заключен Договор о торговле и мореплавании между Россией и США. Это был длительный период благоприятных взаимоотношений между рассматриваемыми странами [1. С. 539].

Однако проблемы в отношениях между Россией и США возникают после Октябрьской революции 1917 г. Причина была в непризнании США СССР. В данный момент в советском обществе начинают образовываться антиамериканские настроения. В дальнейшем начинает происходить так называемая «холодная война» между СССР и США. В литературе отмечается, что более 50 лет россиянам США была представлена в образе противника и недруга России [5. С. 266], который сохранился до сих пор. Поэтому у народов обоих стран сформировалось стойкое мнение, что их страны являются неприятелями.

На современном этапе данная тенденция усилилась. Рассмотрим события, послужившие этому.

Во-первых, это грузинский вопрос. События августа 2008 года, когда грузинские войска вторглись в Южную Осетию, послужили причиной усугубления противостояния между Россией и США. Так, территория Осетии была освобождена российскими войсками. Россия одна из немногих стран, которая признала независимость Южной Осетии и Абхазии.

Во-вторых, это развертывание Соединенными Штатами в Европе системы противоракетной обороны. В частности, в 2007 году негативную реакцию с российской стороны вызвало решение США поставить ракетные комплексы в Польше и Чехии по причине защиты Европы от иранских и северокорейских ракет. Россия была против данных действий.

В-третьих, отсутствует консенсус относительно помощи России Ирану в реализации его ядерной программы.

Сегодня российско-американские отношения являются одним из основных направлений внешней политики России, поскольку противодействие между Россией и США обусловливает сложности в урегулировании серьезных мировых конфликтов. В качестве примера можно привести арабо-израильский конфликт, который не был своевременно остановлен. Также отсутствует ясная стратегия противодействия международному терроризму.

Характеризуя российско-американские отношения в сфере уменьшения ядерных вооружений, можно отметить, что главным аспектом здесь выступает ядерное сдерживание. В военной сфере взаимоотношения США и России носят стратегический характер. В связи с чем, наибольшую значимость представляет совершенствование взаимоотношений России и США по вопросам формирования европейской противоракетной обороны. Имея ядерное оружие, Россия занимает лидирующие позиции на международной арене. Поскольку на современном этапе актуальной является проблема возможности приобретения оружия массового уничтожения террористами,

то сотрудничество рассматриваемых стран в данной области, имеющих ядерное оружие, представляет особую значимость.

В России Америку рассматривают как государство, негативно относящееся к России. В свою очередь, в Америке Россия рассматривается как один из основных геополитических конкурентов, представляющий серьезную угрозу национальной безопасности США. Так, Россию считают виновной в аннексии Крыма, в войне в Восточной Украине, что она поддерживает режим президента Башара Асада в Сирии. Также американская сторона обвиняет Россию в подавлении гражданских свобод в стране [2. С. 113].

Кроме того, можно отметить серьезные противоречия между Россией и США относительно роли и места ООН в переформатировании мировых отношений. Так, США, совершив военное вторжение в Ирак без ведома Совбеза ООН в 2003 г., показало, что не считается в полной мере с данной организацией. В свою очередь, Россия, наоборот, поддержала данный институт. Она рассматривает его как гарантию создания справедливой и демократической международной системы, базирующейся на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, в том числе, на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли ООН как главного института, регламентирующего международные отношения» [2. С. 115].

Поэтому, намерения США трансформировать НАТО в главный механизм мирорегулирования вместо ООН [2. С. 116] и увеличить количество гуманитарных интервенций, базирующихся на принципе R2P (responsibility to protect), негативно воспринимаются Россией, поскольку она не поддерживает всякое применение военной силы без согласия ООН и «двоякое» толкование национально-государственного суверенитета [2. С. 117].

Применительно к региональным вопросам, отношения России и США также можно назвать проблематичными, в особенности, на евразийском и ближневосточном направлениях. В частности, активная деятельность России, связанная с формированием и развитием интеграционных процессов на постсоветском пространстве (например, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС), вызывает негативную реакцию у США, желающих остановить инициативы России посредством разнообразных инструментов, в том числе, применяя внутриполитическую напряженность в некоторых странах региона [2. С. 113].

Наиболее ярко это стало проявляться после присоединения Россией Крыма в марте 2014 г. и заключения между Россией и республиками Южная Осетия и Абхазия союзных договоров в 2014-2015 гг. [2. С. 115].

Ввиду усиливающейся проблемы политического транзита в целом в некоторых странах бывшего СССР указанная тенденция может обусловить усиление российско-американского противостояния и выходу конфронтации на новый виток развития. Осложнившееся внутриполитическое положение в США, оказавшихся накануне очередных президентских выборов

в ситуации углубляющегося общественного раскола, также не добавило определенности относительно перспектив завершения санкционной политики и восстановления дружественных взаимоотношений между США и Россией.

Данное противостояние может оказать влияние на взаимоотношения стран по таким основным региональным направлениям, как Ближний Восток, например, на возможность достижения согласия по сирийскому кризису.

Представляется, что наличие между рассматриваемыми государствами обоюдных претензий, существенные различия в интересах, ценностях и концепциях миропорядка почти не допускают возможности стабильного партнерства, трансформации или значительного укрепления связей в ближайшей перспективе. Свою роль в этом играет, и внутренняя политика двух стран. Поэтому сформировать взаимовыгодное партнерство между рассматриваемыми странами достаточно сложно. В США полагают, что Россия относится к ним враждебно. Политический бомонд США тревожит активная деятельность России на мировой арене, а ее партнерство с Китаем внушает им все больше опасений. В свою очередь, российская сторона видит в США агрессивную и враждебную державу, действующую без учета позиции мирового сообщества, представляющую угрозу для внутренней стабильности России и желающую быть единоличным лидером в международном сообществе [9. С. 31].

Между тем, на сегодняшний день в некоторых сферах наблюдается положительная тенденция в отношениях между Россией и США. Действия обоих стран в последнее время направлены на формирование новых взаимоотношений между странами с учетом взаимных интересов. В частности, как Россия, так и Америка выражают готовность к продуктивному взаимосотрудничеству. Что, в свою очередь, формирует возможности для создания взаимного доверия в отношениях между странами.

Между тем, США все еще желает установить контроль как над Россией, так и над всеми европейскими государствами. Что выражается в установлении санкций в отношении России и некоторых европейских государств и в определенном внешнем давлении. Представляется правильным России выстроить партнерские отношения с Америкой.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что на сегодняшний день российско-американские отношения являются непростыми в течение всего периода после окончания «холодной войны». Так, страны не могут прийти к консенсусу по проблемам на Украине и в Сирии, и по некоторым проблемам одностороннего применения силы Америкой, ограничения вооружений и размещения систем ПРО в Европе. В тоже самое время, наблюдается положительная тенденция развития отношений между рассматриваемыми странами. В частности, на уровне президентов укрепляется взаимное доверие, совершаются действия по продвижению к конструктивному диа-

логу, в том числе, по проблемам европейской безопасности и противоракетной обороны.

Анализируя современные перспективы развития российско-американских отношений следует отметить, что им, в большей степени, присуще непостоянство и противоречия. Между тем наблюдается и улучшение сотрудничества в некоторых сферах. В частности, достаточно новым является договор по СНВ, а также подписанное сторонами соглашение о воздушном транзите военных грузов США через территорию России в Афганистан [8].

К сожалению, самые серьезные противоречия в отношениях России и Америки имеются по Арктическому региону. В частности, в 1920-х годах сформировалась секторальная система раздела Арктики. Российская позиция за сохранение этой модели, но Штаты не разделяют данную позицию и предлагают интернационализацию Северного Ледовитого океана. Так, пять государств заинтересованы в арктическом регионе. В 2010 году между Россией и Норвегией был заключен Мурманский договор, повлиявший в некоторой степени на российско-американские отношения в Арктике. Заключение данного договора продемонстрировало, что Россия может самостоятельно сотрудничать с остальными арктическими государствами без участия США. Договор сыграл существенное значение в международных отношениях. Некоторые исследователи отмечают, что США является непростым участником мировой политики, с ним нельзя враждовать, но доверять ему также нельзя [6].

Немаловажно отметить, что партнерские отношения между Россией и США строятся специфически, исходя из национальных интересов. При совпадении интересов страны выстраивают сотрудничество, например, в космической сфере или в сфере борьбы с терроризмом. При этом, каждая страна будет руководствоваться только собственными интересами.

Как показало время, партнерство с Россией представляет наибольшую ценность для США, чем со странами НАТО. Так, К. Райс в свое время в одном из своих интервью отметила, что Россия честный и щедрый партнер. Например, она поделилась своими разведданными, предоставила воздушное пространство для американских самолетов. Однако, сотрудничество США и России оказалось непрочным. Когда Россия обозначила свою позицию по военному вторжению в Ирак, российско-американские отношения стали напряженными. Более того, США отрицательно высказываются относительно военно-технического взаимодействия России с некоторыми государствами, например, с Ираном. Кроме того, Америка выдвинула обвинения в отношении России, что она нарушает режим нераспространения ракетных технологий, продавая Индии криогенные двигатели и технологию их производства, и продает свое вооружение Китаю, Сирии и Кипру [7].

В отношении России часто применяется много санкций. Поэтому характер и динамика отношений между США и Россией неоднородны. Так, не-

которые авторы отмечают, что отношения между странами «…прошли путь от взаимных надежд и искреннего стремления сторон к партнерству до таких же взаимных разочарований, непонимания друг друга…» [2. С. 20]. Характеризуя модель отношения Америки к России, акцентируется внимание на желании Штатов выстраивать дружественные невраждебные отношения с Россией, как со своим «младшим партнером» [4. С. 5].

В обозримом будущем российско-американские отношения, скорее всего, так и останутся напряженными, поэтому странам следует работать с теми их сторонами, по которым имеются разногласия. Для чего целесообразно возобновить диалог на высшем уровне, начав с обозначенных проблем. Данные действия не разрешат все имеющиеся проблемы, но будут способствовать формированию хотя бы ограниченных каналов сотрудничества.

В заключение хотелось бы отметить, что первые двадцать пять лет после окончания холодной войны российско-американские отношения состояли из конкуренции и сотрудничества. В 2014 году баланс сместился в сторону конкуренции и, вероятно, еще какое-то время останется в этой точке. Тем не менее, глобальные тенденции способны в любой момент измениться, как и внутриполитическая ситуация в каждой из стран, и эти перемены могут приоткрыть двери для расширения сотрудничества. Получится ли использовать появившуюся возможность в полной мере, будет зависеть от лидерских качеств, воли, взглядов и смелости глав обоих государств: им предстоит преодолеть стену взаимного недоверия и сопротивление своих граждан, политиков и парламента. Самое время задаться вопросом, чего США и Россия хотят друг от друга в ближайшие десять лет, к каким двусторонним отношениям эти страны хотели бы прийти к 2030 году, и, если позволят обстоятельства, как поднять отношения до такого уровня, который будет очень ценен для обоих стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Богданов А.Н.* Российско-американские отношения в меняющемся мире: новый вклад в дискуссию о будущем международного порядка / А.Н. Богданов, Ю.К. Богуславская // Вестник СПбГУ. Сер. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 4.

2. *Богданов А.Н.* Российско-американские отношения на пороге нового десятилетия: вызовы и дилеммы / А.Н. Богданов, Ю.К. Богуславская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 14. № 1.

3. *Богатуров А.* «Стратегия разравнивания» в международных отношениях и внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2.

4. *Коновалов А.* «Как Россия и США потеряли друг друга» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7.

5. *Козлов Л.Е., Семашкина А.А.* Антиамериканизм и внешнеполитическая элита России // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005.

6. *Озовская И.* Антиамериканизм в России и русофобия в Америке: реальная проблема или миф? // http://www.voanews.com/russian/archive/2008-01/2008-01-25.

7. *Румер Ю.* Тридцать лет хождения по кругу: политика США в отношении России / Юджин Румер, Ричард Сокольский // Московский Центр Карнеги. Москва, 2020.

8. *Шакиров О.* Будущее российско-американских отношений: аналит. записка // Российский совет по международным делам (НП РСМД). Москва, 2020.

9. Экономическое сотрудничество России и США в условиях неопределенности: доклад / рук. автор. коллектива С.А. Караганов и др. Москва, 2019.

M.F. MAGADIEV
Candidate of Sciences (sociology),
Associate Professor at the Chair of public
administration in foreign policy, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS AND REFORMATTING OF INTERNATIONAL RELATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to the study of some problems and prospects of the transformation of Russian-American relations and the reformatting of international relations in general. The author analyzes the formation and the latest period of Russian-American relations, which, according to the author, pose a threat to security on a global scale. The problems in Russian-American relations and the reasons that caused them are revealed. The article presents recommendations for improving and establishing partnerships between the countries. Prospects for the development of Russian-American relations and reformatting international relations are outlined.

Key words: *Russian-American relations, reformatting international relations, Russia, the USA, the system of checks and balances, "reset", partnerships, global transformations, international relations.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.029
УДК 32.327
В.А. ПОДОЛЬСКИЙ
кандидат политических наук,
доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук,
Россия, г. Москва

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ФРАНЦИИ[1]

Введение: *система социальной политики во Франции заслуживает внимания в силу своего масштаба и меньшей изученности по сравнению с соседними Германией и Британией.* ***Цели и задачи:*** *статья рассматривает структуру и функционирование системы социальной поддержки во Франции, историю ее становления, особенности пенсионного и медицинского страхования и пособий.* ***Методы:*** *в статье используется сравнительно-исторический подход, анализ правовых документов и институтов.* ***Результаты:*** *французская система обеспечивает социальную поддержку по всем важнейшим направлениям и охватывает все население, но при этом отличается сравнительно высокой стоимостью и бюрократизированностью.* ***Выводы:*** *России стоит учитывать французский опыт организации страховых схем финансирования социальной политики, но избегать быстрого роста расходов на социальные задачи для сохранения устойчивости системы.*

Ключевые слова: *социальная политика, социальное страхование, пенсии, пособия, история Франции.*

Исследование социальной политики во Франции представляет интерес по трем причинам. Во-первых, Франция – одно из самых развитых государств «всеобщего благосостояния» в мире, страна тратит большие ресурсы на социальное обеспечение. Достоинства и недостатки французской системы следует принимать во внимание при принятии решений в сфере государственной социальной поддержки. Во-вторых, система сочетает в себе целый спектр административных решений, которые иногда дополняют друг друга. Знакомство с французским опытом перспективно для теоретического осмысления социальной политики, поскольку во Франции сосуществует множество различных вариантов социальной поддержки. В-третьих, хотя французская система социальной политики достаточно хорошо изучена

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

и в отечественной, и в зарубежной науке, обычно статьи и монографии освещают отдельные аспекты системы. Литература по истории и особенностям социальной политики во Франции обширна и включает десятки статей и монографий о становлении системы социальной политики в стране [5], особенностях пенсионной системы [1], здравоохранения [4]. Нередко встречаются сравнительные обзоры различных систем социальной политики, в которые включают и Францию [7]. Настоящее исследование призвано представить обзор развития и функционирования всей системы социальной политики во Франции.

Социальная политика во Франции, как и в других странах Европы, выросла из двух источников: социальной активности церкви, которая помогала нуждающимся едой, одеждой и деньгами, содержала приюты и больницы, и взаимопомощи в гильдиях, когда участники гильдий делали взносы в общий фонд, из которого затем платились пособия нетрудоспособным, вдовам, сиротам. В Северной Европе сбор средств для помощи стал сферой ответственности местных властей в XVI веке, после реформации. Император Священной Римской Империи Карл V Габсбург призвал использовать этот опыт, а в подражание ему похожее решение поддержал, и король Франции Франциск I [3. С. 21-27]. В XVII веке во Франции появились государственные постановления, ставшие прообразом медицинского и пенсионного страхования: в 1604 году были введены отчисления с зарплат на лечение для шахтеров, а в 1673 году – пенсии для моряков [12. P. 94]. В 1776 году были введены пенсии для военных-инвалидов, а в 1831 пенсии военным стали предоставляться за выслугу более 30 лет [10. P. 169-171]. В 1790 году были введены пенсии для некоторых чиновников, а в 1853 – для всех госслужащих. Общегосударственная схема добровольного пенсионного страхования, созданная в 1850 году, не пользовалась спросом: к концу столетия в кассе состояло менее 1% граждан страны [1. С. 9-10]. Значительно популярнее были кассы взаимопомощи, численность их участников была в 5 раз выше [12. P. 22]. В 1894 году участие в кассах пенсионного страхования стало обязательным для шахте ров, в 1909 году – для железнодорожных работников. Особые правила взносов и выплат сохранились под названием «специальных режимов» до настоящего времени [9. P. 9]. Кассы могли также оплачивать и лечение. Хотя после революции 1789 года ответственность за госпитали была передана муниципалитетам, только к концу XIX века медпомощь для малоимущих стали оплачивать департаменты [3. С. 117-122]. В 1898 году была введена обязанность работодателей оплачивать лечение рабочих после несчастных случаев [12. P. 7]. Франция ориентировалась на опыт немецких реформ 1880-х годов, и по сей день система социальной поддержки использует сборы с трудовых доходов, а в управлении фондами участвуют представители профсоюзов. Система, по историческим причинам, разделена на общий режим, сельскохозяйственный режим и специальные режимы.

Взносы в основной, общий фонд, собирают созданные в 1960-х годах организации на муниципальном уровне, прочие фонды собирают средства через свои подразделения. Также на муниципальном уровне представлены кассы медстраховки и семейные кассы, а пенсии и выплаты при несчастных случаях управляются на уровне департаментов [7. P. 204].

Отличительная особенность Франции – параллельное сосуществование нескольких схем и большое количество фондов и в пенсионном страховании, и в медицинском, а также высокая роль семейной политики. Семейные пособия стали популярны в конце XIX века благодаря активности работодателей-католиков, которые пытались доплачивать своим сотрудникам, чтобы не допустить распространения социализма. В начале XX века была введена серия законов в помощь многодетным семьям, роженицам и детям из бедных семей. В 1918 году были созданы кассы для аккумулирования средств для выплаты семейных пособий [5. P. 37], в 1932 участие в них стало обязательным, а в 1939 были введены единовременные выплаты при рождении ребенка в размере двух средних зарплат [5. P. 179], и надбавки к зарплате в размере 5%, 10% и 15% соответственно за 1-го, 2-го, 3-го ребенка [5. P. 153]. В 1946 были утверждены сборы на семейные пособия в размере 17% от зарплаты [12. P. 157-159], в 1970-е они были снижены [12. P. 175] и на сегодня составляют 5%, которые платит работодатель [2. С. 141]. Сегодня к семейным пособиям относятся программы поддержки доходов, выплаты к началу учебного года, около 10% от средней зарплаты, выплаты роженицам, около 40% от средней зарплаты, выплаты родителям, которые не работают, чтобы заботиться о детях, в размере 10-20% от средней зарплаты, и пособия для детей-инвалидов, 5-50% от средней зарплаты [2. С. 93-100]. Французская система бесплатных детских садов была создана в 1980-е и считается одной из лучших в мире [12. P. 181].

В 1910 году был принят закон о пенсионном страховании для граждан старше 65 лет, который предлагал выбирать между внесением вкладов на сберегательные счета или участием в обществах взаимопомощи. Пенсия распространялась медленно: в 1930 во Франции было застраховано 15% населения против 60% в Германии из-за того, что во Франции была чрезвычайно высока доля мелких предпринимателей, для которых страховка была накладна и бюрократически, и финансово [12. P. 7]. В 1928-1930 годах были приняты законы об учреждении медицинского, пенсионного страхования, страхования для рожениц, при несчастных случаях и смерти для всех работников с доходом ниже определенного уровня. Государство обязало делать взносы в кассы и работников, и работодателей [12. P. 95-97]. В 1945 году из-за опасений по поводу распространения коммунистической идеологии были существенно расширены законы о социальной поддержке и созданы современные системы государственного медицинского и пенсионного страхования [7. P. 204]. Государственная пенсия при создании была

достаточно небольшой, поэтому уже в 1947 году были созданы программы дополнительного пенсионного страхования для руководителей, в 1961 – для сотрудников, а в 1972 участие в них стало обязательным [2. С. 15]. Сборы на основную пенсию составляют 8,5% для работодателя и чуть менее 7% для работника, на дополнительную – от 5 до 13% для работодателя и 3-8% для работника [2. С. 141]. В 1956 году была введена минимальная пенсия по старости для тех граждан, которые по каким-то причинам не работали. Сегодня она составляет до 40% от средней зарплаты [10. P. 84]. В 2004 году были введены налоговые льготы, предполагавшие снижение базы налога на доход на сумму, вложенную в частные и коллективные пенсионные фонды [7. P. 210]. На сегодня 39% от общей суммы пенсий выплачивается по основной государственной схеме, 28% – по обязательной схеме по занятости, 26% – по добровольным схемам по занятости, 6% – частные пенсии, 3% – пенсии по инвалидности и 1% – минимальные государственные пенсии [8. P. 91-94]. Государственная пенсия в среднем составляет 40% от зарплаты, но благодаря дополнительным пенсиям средняя пенсия во Франции превышает 60% от средней зарплаты [9. P. 8]. Пенсия по инвалидности зависит от степени утраты трудоспособности, она составляет 30-50% от средней зарплаты [2. С. 59]. Инвалиды имеют право на дополнительное пособие по уходу, в размере до 50% от средней зарплаты [2. С. 144]. В 2004 году был введен сбор «солидарности для автономии» на выплату пособий по долгосрочному уходу, ранее это направление социальной поддержки находилось в компетенции местных властей, которые перестали справляться с нагрузкой из-за старения населения [7. P. 216]. В случае смерти застрахованного гражданина выплата родственникам составит от 20 до 400% средней зарплаты [2. С. 144], также вдовцы могут претендовать на часть пенсии умершего [2. С. 82].

Граждане Франции оплачивают медицинские услуги при их получении, а затем подают запрос на возмещение в страховой фонд, государственная страховка собирает взносы с работодателей в 13% от зарплаты работника. Страховка возмещает в среднем от 70 до 100% стоимости услуги или лекарства, уровень возмещения зависит от важности процедуры: так, дорогостоящее лечение в стационаре будет оплачено страховкой полностью, причем обычно напрямую от фонда больнице. Покрытие представителей различных отраслей государственной медицинской страховкой возрастало с 1930-х, в настоящее время охвачено все население. Для возмещения тех расходов, которые не покрывает основная страховка, используют дополнительную: от работодателя, кассы взаимопомощи или, для малоимущих, государства. Такими страховками также пользуются почти все граждане [4. P. 61].

Страховка по безработице введена в 1958 году [12. P. 35], программа поддержки дохода – в 1988 году. В 2001 году, по примеру Британии и США, она была заменена отрицательным подоходным налогом, чтобы стимули-

ровать граждан искать работу [7. P. 214]. Взносы по страховке платит работодатель, они составляют 4%. Пособие по безработице достигает 40-60% от средней зарплаты [2. С. 116-117], платится до 3 лет [8. P. 70].

Еще одно значимое направление социальной поддержки во Франции – политика в сфере жилья. В 1889 году во Франции было создано благотворительное общество по строительству жилья для малообеспеченных граждан. В 1950 году по примеру этого движения государство ввело субсидии для массового строительства жилья с доступной арендной платой. В 1914 было введено регулирование арендной платы, но к 1980-м оно фактически исчезло, уступив место пособиям на оплату жилья [12. P. 163]. Часть выплат по ипотеке снижает налогооблагаемый доход, также жители нового жилья несколько лет не платят налоги на недвижимость [12. P. 194].

Хотя строительство социального государства во Франции началось позже, чем в других странах, темпы развития и роста расходов во Франции были настолько быстрыми, что к 1970-м Франция догнала и опередила Германию и Британию по затратам на социальную поддержку как долю ВВП и числу предлагаемых услуг [12. P. 42]. На пенсионное обеспечение приходится 14% ВВП Франции [10. P. 8]. На здравоохранение страна расходует около 11% ВВП [4. P. 61]. На образование – более 5% ВВП, основную часть средств платит государство [6. P. 21], затем – местные власти, предприниматели и сами граждане. Семейные пособия обходятся Франции в 2% ВВП. Пособия по безработице – в 1,5%, пособия малоимущим и жилищные пособия также в 1,5% [8. P. 10]. Финансирование французской социальной системы поступает из множества источников. Около 30% составляют взносы работодателей в страховые фонды. 30% – взносы работников и самозанятых граждан. Около 15% – «сборы солидарности» с зарплат, сборы для снижения дефицита систем социальной политики, и «сборы на солидарность для автономии». Чуть более 10% выделяет государственный бюджет. Остальные 15% собираются из налогов на табак, налогов на наследство, части налога на добавленную стоимость [8. P. 23-29].

Французская система социальной политики развивалась по образцу немецкой, опираясь на принципы корпоративной солидарности и самоуправления. Российская система во времена империи и первой половины советского периода использовала похожий подход, но впоследствии в основном перешла на британскую, универсалистскую модель. Российская система эффективнее с административной точки зрения и с точки зрения налоговой нагрузки. Среди ключевых недостатков французской системы – бюрократические издержки, дороговизна, структурная поддержка безработицы: граждане могут получать пособия и не работать. При этом пенсионная система благодаря сочетанию нескольких направлений пенсионной поддержки обеспечивает более высокий, чем в России, уровень замещения дохода. Система здравоохранения во Франции менее удобна при получении и фи-

нансировании амбулаторных услуг, но значительно опережает российскую по качеству стационарного лечения. Наиболее ценные для России решения из Франции – высокое финансирование здравоохранения, дополнительные пенсии, налог на долгосрочный уход.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Александрова А.В.* Концептуальные основы французского пенсионного законодательства на первоначальном этапе его формирования (до конца XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3 (55).

2. Социальная защита во Франции. Paris: Agence pour le développement et la coordination des relations internationales, 2014.

3. *Balch E.G.* Public Assistance of the Poor in France. Publications of the American Economic Association. Jul.-Sep., 1893. Vol. 8. No. 4/5.

4. *Chevreul K., Berg Brigham K., Durand-Zaleski I., Hernández-Quevedo C.* France: Health system review. Health Systems in Transition, 17 (3). London: European Observatory of Health Systems and Policies, 2015.

5. *Dutton P.V.* Origins of the French welfare state. The struggle for social reform in France 1914-1947. Cambridge: Cambridge university press, 2002.

6. Education Policy Outlook: France. Paris: OECD, 2020.

7. *Hassenteufel P., Palier B.* The recalibration of the French welfare system. Routledge handbook of European welfare systems, ed. by Blum S., Kuhlmann J., Schubert K. Oxon: Routledge, 2020.

8. La protection sociale en France et en Europe en 2018. Résultats des comptes de la protection sociale / Red. par Gonzalez L., Héam J.-C., Mikou M., Portela M. Paris: DREES, 2020.

9. Les retraités et les retraites – édition 2020 / Red. par Arnaud F. Paris: DREES, 2020.

10. *Ouart C.* L'évolution du montant des pensions militaires rémunérant les services en France au cours d'un siècle // Journal de la société statistique de Paris. 1936. Tome 77.

11. Retraite: une histoire des régimes spéciaux / Red. par Pigenet M. Paris: ESF, 2008.

12. The French Welfare State. Surviving social and ideological change / Ed. by Ambler J.S. New York: New York University press, 1991.

V.A. PODOLSKIY
Candidate of Political sciences, Associate Professor at the Faculty of Political Science, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

SOCIAL POLICY IN FRANCE

Introduction: *the system of social policy in France deserves attention due to its' scale and because it is less studied than the systems of neighbouring Germany and Britain.* ***Aims and goals:*** *the article reviews the system of social support in France, the history of its' development, specifics of pension and medical insurance and benefits.* ***Methods:*** *the article uses comparative and historical approach, analysis of legal documents and institutions.* ***Results:*** *French system provides social support in every important field and covers the entire population, but it is characterized by comparatively high cost and bureaucratization.* ***Conclusions:*** *Russia should take into account the French experience of insurance schemes for funding the social policy, yet avoid fast growth of expenditures for social tasks to preserve the stability of the system.*

Key words: *social policy, social insurance, pensions, benefits, history of France.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.030
УДК 32.327
К.С. ЛЕОНОВА
преподаватель факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается необходимость целеполагания в сфере глобального развития. Автор исследует процесс формирования общепланетарных целей развития, в частности анализирует современные цели в области устойчивого развития. Целью исследования является выявление мер, необходимых для успешной реализации устойчивого развития, которое выступает в качестве альтернативной модели глобального развития, позволяющей преодолеть социоприродные противоречия. Основные подходы и методы исследования – системный и эволюционный подходы, методы исторического и сравнительного анализа, а также ряд общенаучных методов. В ходе исследования оценивается степень эффективности достижения глобальных целей, разработанных ООН. Автор статьи определяет недостатки принятых целей глобального развития, наличие которых препятствует успешной реализации концепции устойчивого развития. Результаты исследования свидетельствуют о целесообразности включения в комплекс целей развития сферы безопасности, поскольку безопасность и развитие находятся в тесной взаимосвязи. Автор предлагает рассматривать систему безопасности в контексте развития и использовать преимущественно опережающие механизмы для ее обеспечения.

Ключевые слова: *безопасность, глобальное развитие, глобальные цели, устойчивое развитие, ЦУР.*

В начале XX века русский ученый В.И. Вернадский отметил не только целостность всего человечества, но и единство всех социальных и природных процессов [1. С. 13]. А уже во второй половине XX века научное сообщество пришло к выводу о том, что подобное единство глобальных процессов имеет негативные последствия в виде общепланетарных проблем. Ученые международной неправительственной организации «Римский клуб» подтвердили эмпирическими методами неэффективность существующих механизмов развития. Основываясь на модели мира, разработанной Дж. Форрестером, группа ученых под руководством профессора Д. Медоуза провела исследование пяти ключевых показателей, определяющих пределы роста планеты: рост численности населения, ограниченность невозобнов-

ляемых ресурсов, загрязнение окружающей среды, производство продовольствия и уровень индустриализации [7. С. 25].

Все перечисленные факторы имеют тенденцию к экспоненциальному росту, который за счет ускоренных темпов развития в конечном итоге приводит к резкому спаду. Сохранение подобных трендов развития чревато планетарным коллапсом, вызванным прежде всего нехваткой природных ресурсов. В связи с неустойчивостью и стихийностью существующей модели развития был поднят вопрос о необходимости ее пересмотра. В это же время стали задумываться о необходимости постановки общих целей для всего человечества. Развертывание глобализации и в дальнейшем осмысление этого процесса привели к осознанию взаимосвязи всех систем и процессов в мире. Наличие подобной взаимозависимости означает необходимость выработки совместной общечеловеческой стратегии развития, поскольку несогласованные действия ведут к появлению новых рисков.

Первые попытки обозначить глобальные цели развития были предприняты Эрвином Ласло, который предложил сместить акценты с негативных трендов развития и сосредоточиться на желаемом будущем для человечества. В 1974 году Эрвин Ласло поделился с Аурелио Печчеи мыслью о том, что проблемы вызывают у человека в первую очередь страх, который может негативно отразиться на моральном состоянии человека и его желании предпринимать какие-либо действия. Для того, чтобы мотивировать человеческое общество, важно сосредоточиться на положительных результатах достижения поставленных целей [3. С. 206]. Таким образом, ученые пришли к выводу о необходимости реализации проекта глобальных целей человечества. Данные идеи получили свое отражение в докладе Римскому клубу «Цели для человечества», подготовленном научной группой под руководством Э. Ласло и опубликованном в 1977 году. Согласно этому докладу, ключевыми целями развития являются обеспечение безопасности за счет мирных средств и механизмов, преодоление продовольственной проблемы, эффективное использование энергетических и сырьевых ресурсов и глобальное развитие, основанное на интенсивном росте [6].

А. Печчеи также отметил в своей книге «Человеческие качества», что человечество способно переломить негативные тенденции, поскольку именно человеческая деятельность лежит в основе большинства глобальных проблем. Для этого необходимо изменить курс развития и выработать общие цели, которые будут поставлены с учетом природных («внешних») и социальных («внутренних») ограничений, культурных особенностей, преобразования мирового сообщества, защиты окружающей среды и необходимых трансформаций производственной системы [3. С. 289-310].

Теоретические концепции получили впоследствии практическое применение. В начале XXI века на уровне Организации Объединенных Наций (ООН) были приняты первые общемировые цели развития – Цели развития

тысячелетия (ЦРТ). Каждая из восьми поставленных целей была выбрана в соответствии с глобальной проблемой. Так, например, ЦРТ 1 связана с первостепенной целью человечества – ликвидацией крайней нищеты и голода, а ЦРТ 2 была призвана решить вопрос отсутствия доступа к начальному образованию. В целом можно отметить, что Цели развития тысячелетия охватывают острые проблемы в сферах здравоохранения, образования, экологии, социального обеспечения и т.д. [8].

В 2015 году ЦРТ были расширены до 17-ти и получили название Целей устойчивого развития (ЦУР). Новые цели развития отличаются от ЦРТ своей универсальностью, поскольку направлены не только на развивающиеся страны. В связи с этим комплекс задач ЦУР гораздо шире и масштабнее [10].

Принятие целей в области устойчивого развития имеет важное значение для планирования будущего глобального развития. Стихийное развитие, которого неосознанно придерживалось человечество на протяжении всей своей истории, может привести к пагубным последствиям. К основным тенденциям современного типа развития относятся геополитическая напряженность, экономическая турбулентность, социоприродные противоречия и кризис в сфере здравоохранения. Устойчивое развитие выступает в качестве альтернативного типа глобального развития, позволяющего преодолеть сложившиеся противоречия между человеческой деятельностью и природными системами. Процесс перехода к устойчивому развитию требует определения конечной цели, поскольку от выбранной цели зависит выбор инструментов и способов ее достижения. Целеполагание становится сегодня важной составляющей жизни человека. Постановка же целей развития позволяет определить ориентиры и приоритеты, исключить неэффективные решения и достичь желаемых результатов. Однако в этом процессе необходимы осознанный подход, четкие формулировки, реалистичные установки и обязательный контроль за выполнением поставленных задач.

Современные цели развития требуют некоторых корректировок. Огромным упущением представляется отсутствие цели безопасности. С одной стороны, обозначенные цели затрагивают отдельные виды безопасности, такие как экономическая, социальная, экологическая. С другой стороны, не уточнены инструменты и механизмы обеспечения глобальной безопасности в целом. В большей степени ключевыми методами современной системы обеспечения безопасности остаются силовые и защитные методы, которые направлены на преодоление уже сложившихся противоречий и кризисов. Подобные подходы существенно устарели. Изменения, которые разворачиваются в современном мире, по количественным и качественным параметрам не имеют аналогов в истории человечества. В связи с этим традиционные подходы становятся неэффективными.

Безопасность и развитие являются неотъемлемыми потребностями человеческого общества. Наличие продуманной системы обеспечения без-

опасности, соответствующей условиям времени, создает необходимые для развития условия. Так, например, П. Кольер со своими коллегами доказал зависимость уровня развития государства от наличия конфликтов, в частности вооруженных [5]. В то же время те государства, которые имеют наиболее высокий уровень развития, имеют доступ к инновационным средствам реагирования на вызовы и угрозы безопасности. В связи с этим представляется целесообразным включить вопрос безопасности в ЦУР, где безопасность будет рассматриваться через развитие, а не силовые механизмы [4. С. 150].

В целом реализация ЦУР идет достаточно медленно и неравномерно, что объясняется рядом других причин: рекомендательный характер сформулированных целей, недоверие к концепции устойчивого развития в целом, неверная трактовка истинных намерений сторонников ЦУР и идей устойчивого развития, сохранение направленности на достижение краткосрочных целей, представления об утопичности идеи преодоления социоприродных противоречий.

Серьезным вызовом для мирового сообщества стал кризис в сфере здравоохранения, связанный с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Согласно Докладу ООН о целях в области устойчивого развития за 2021 год, до вспышки пандемии отмечались положительные изменения в достижении таких целей, как ликвидация нищеты, улучшение состояния здоровья матери и ребенка, предоставление доступа к электроэнергии и равенство мужчин и женщин [2]. Однако в 2019 году был отмечен регресс в сфере достижения целей устойчивого развития, который случился вслед за ростом уровня бедности и безработицы в результате пандемии [9. С. 13]. Падение показателей произошло впервые с момента принятия ЦУР в 2015 году. Безусловно, больше всего пострадали развивающиеся страны с низким уровнем доходов, чью уязвимость перед глобальными кризисами подчеркнула пандемия (долговая нагрузка, сокращение иностранных инвестиций, торговых потоков и т.д.).

Деятельность наиболее богатых стран также сказывается на способности других государств эффективно осуществлять переход к устойчивому развитию. Отрицательное влияние оказывают создаваемые богатыми странами внешние вторичные эффекты в социально-экономической и экологической сферах (неравномерное распределение жизненно важных медицинских препаратов, нелегальная торговля оружием, загрязнение экосистем суши и водной среды) [9. С. 26].

Серьезные препятствия, с которыми сталкивается мировое сообщество на пути к устойчивому развитию, не должны стать поводом для отказа от концепции устойчивого развития. Исходя из природы самого человека, стоит учитывать, что наличие кризисов является объективным следствием развития человеческого общества во всех отраслях. Как в межличностных отношениях невозможно постоянное и полное согласие, так и в междуна-

родных отношениях едва ли вероятным является полное отсутствие кризисных ситуаций. Вопреки распространенному мнению даже концепция устойчивого развития не предполагает полностью бескризисного развития. Исторические примеры, напротив, доказывают, что наличие кризисов приводит в конечном итоге к совершенствованию ранее существовавших форм отношений, организации деятельности и т.д. Кризис – это ситуация, позволяющая переосмыслить реальность и найти более оптимальные пути развития.

Тем не менее стратегия устойчивого развития в качестве новой парадигмы развития дает возможность не допускать перерастания локального кризисного явления в глобальное. Глобальные проблемы являются достаточно сложными, комплексными, взаимосвязанными следствиями глобальных процессов, а значит первостепенным действием в случае развития локального кризиса становится недопущение его распространения в региональном, а затем в глобальном масштабе. Существенной особенностью новой парадигмы развития является использование мер для устранения не столько последствий того или иного кризиса, сколько причины его возникновения, в том числе за счет применения опережающих механизмов обеспечения безопасности. Изменения являются неотъемлемым элементом развития, а значит для сведения к минимуму негативных последствий любых изменений необходимо научиться управлять ими. В связи с этим методы моделирования и прогнозирования становятся чрезвычайно актуальными.

Пандемия коронавируса выявила лакуны в современных системах, которые необходимо заполнить. Среди важных задач стоит выделить следующие:

– развитие всестороннего сотрудничества участников международных отношений, поскольку современные проблемы в силу своей масштабности требуют внимания и скоординированных действий всего мирового сообщества;

– предоставление всеобщего доступа к услугам социального обеспечения, развитие инфраструктуры и научно-образовательной сферы;

– инвестирование в развитие и совершенствование центров статистики и мониторинга ввиду несвоевременного представления актуальных данных, что было подтверждено в том числе пандемией COVID-19 [2; 9]: достоверная и актуальная информация позволяет предпринимать более эффективные меры;

– обеспечение кибербезопасности в связи с угрозой утечки конфиденциальных данных как отдельных индивидов, так государственных и международных институтов;

– оказание помощи развивающимся странам, в том числе посредством эффективной фискальной и монетарной политики крупных экономик мира.

Таким образом, при осознанном подходе целеполагание является эффективным способом управления человеческой деятельностью. Несмотря на наличие нескольких целей устойчивого развития, все они направлены,

по мнению автора статьи, на достижении одной ключевой цели – коэволюции человека и окружающего его мира. Для достижения поставленных целей ЦУР следует осуществлять регулярный мониторинг деятельности в различных областях и корректировать предпринимаемые меры. В дальнейшем целесообразным представляется доработать ЦУР, включив сферу безопасности, в которой основными инструментами ее обеспечения будут опережающие, а не защитные и силовые средства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

2. Доклад о целях в области устойчивого развития, 2021 год // ООН. 2021 // https://unstats.un.org/sdgs/report/2021/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2021_Russian.pdf.

3. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: «Прогресс», 1985.

4. *Урсул А.Д.* Безопасность и развитие: междисциплинарный подход и глобальное измерение // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54).

5. *Collier P., Elliott V.L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N.* Breaking the conflict trap: civil war and development policy (English). A World Bank policy research report. Washington D.C.: World Bank Group, 2003 // https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/908361468779415791/breaking-the-conflict-trap-civil-war-and-development-policy.

6. *Laszlo E.* Goals for Mankind: A Report to the Club of Rome. E.P. Dutton & Co Inc, 1977.

7. *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W.* The Limits to Growth. New York: Universe Books, 1972.

8. Millennium Development Goals // MDGMONITOR // https://www.mdgmonitor.org.

9. *Sachs J., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F.* The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021. Cambridge: Cambridge University Press, 2021 // https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf.

10. Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development // United Nations. 2015 // https://sdgs.un.org/sites/default/files/publications/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf.

K.S. LEONOVA
Lecturer at the Faculty of Global Studies
of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

GLOBAL DEVELOPMENT GOALS

The article examines the need for goal-setting in the field of global development. The author analyzes the process of global development goal formation, in particular modern sustainable development goals. The purpose of the study is to identify the measures necessary for the successful implementation of sustainable development as an alternative global development model aimed at overcoming socio-natural contradictions. The main approaches and research methods are systematic and evolutionary approaches, methods of historical and comparative analysis, as well as general scientific methods. The study assesses the effectiveness in achieving the global goals developed by the UN. The author reveals the shortcomings of the modern global development goals that impede the successful implementation of sustainable development concept. As a result, it is advisable to include security in the complex of development goals, since security and development are closely interconnected. The author proposes to consider the security system in the context of development and to use predominantly advanced mechanisms to ensure it.

Key words: *security, global development, global goals, sustainable development, SDGs.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.031
УДК 32.327
Ю.Г. ГРИГОРЬЕВА
кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник Института монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук,
Россия, г. Улан-Удэ

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И МОНГОЛИИ СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

2020 год стал юбилейным для дипломатических отношений Монголии и Республики Корея. 30-летие со дня установления официального сотрудничества Монголии и Южной Кореи позволяет подвести некоторые итоги сотрудничества в различных областях. Накопленный опыт монголо-южнокорейских отношений имеет важное международное значение, свидетельствуя о том, что для Монголии как страны, резко сменившей курс социально-экономического развития, существенно возрастает значение сотрудничества с развитыми государствами, такими как Республика Корея. Статья посвящена изучению современных этапов трансформации дипломатических отношений между Республикой Корея и Монголией. Предметом исследования является политическое взаимодействие Монголии и Республики Корея с 1990-2020 гг. Цель исследования – анализ важнейших аспектов монголо-южнокорейских визитов на высшем уровне и выявлении основных этапов развития двусторонних отношений с 1990 по 2020 гг.

Ключевые слова: *Монголия, Республика Корея, монголо-южнокорейские отношения, внешнеполитическое сотрудничество, межгосударственные визиты.*

Монголия и Республика Корея установили дипломатические отношения 26 марта 1990 года. За 30 лет отношения двух стран расширяются в торгово-экономической, социокультурной и политической сферах, опираясь на принципы сотрудничества и партнерства. Демократические преобразования, переход к рыночным отношениям в экономике Монголии, способствовали в том числе и к изменениям во внешней политике. Принципиально важным внешнеполитическим курсом являлась концепция «третьего соседа». Оказавшись между могущественным Китаем и геополитическим пространством, которое возникло на месте Советского Союза после распада

СССР в начале 1990-х годов, Монголия приняла во внешней политике подход так называемого «третьего соседа». Суть этой концепции заключается в том, что Монголия как геополитическое «место встречи» России и Китая уравновешивает влияние могущественных соседей, развивая экономические отношения с более отдаленными странами – Японией, Южной Кореей, США и другими странами. Приоритетность сотрудничества с Республикой Корея прописано в Концепции внешней политики 1994 г. и 2011 г., в котором укрепление с развитыми странами и интеграция со странами Северо-Восточной Азии является одним из важных направлений внешней политики Монголии [2; 4].

С каждым годом растет уровень интеграции Монголии в экономические процессы в Северо-Восточной Азии, в которой одну из важнейших мест занимает Республика Корея, представляющая собой яркий образец новых индустриально развитых стран, сумевших за период жизни одного поколения вырваться из разряда социально-экономически неразвитых стран в группу лидеров, в том числе по уровню научно-технического развития.

С момента установления до сегодняшнего дня двусторонние отношения Монголии и Республики Корея активно развиваются практически во всех сферах. Южная Корея с каждым годом увеличивает объем займов и безвозмездной помощи Монголии для поддержки роста ее экономики. Монголия все больше ориентируется на южнокорейские культурные модели. Это находит свое отражение в массовой культуре, моде, иногда даже и в религии.

Основные этапы двусторонних отношений. За 30 лет монголо-южнокорейские отношения 4 раза переходили на новый уровень. В 1999 году во время визита президента Ким Дэ Чжуна в Монголию две страны установили «взаимодополняющее сотрудничество», в 2006 году во время посещения президента Но Му Хена Монголии был утвержден статус «дружественных государств и партнеров», в 2011 году президенты Ли Мен Бак и Цахиагийн Элбэгдорж объявили о переходе к «всеобъемлющему партнерству». В 2021 году Монголия и Республика Корея договорились вывести двусторонние отношения на уровень стратегического партнерства, тем самым Южная Корея стала шестым по счету государством, с которой был достигнут высокий статус двусторонних отношений.

За 30 лет с момента установления дипломатических отношений в общей сложности 16 высокопоставленных лиц, включая президента и премьер-министра, обменялись государственными визитами. За этот период объем торговли между двумя странами увеличился в 122 раза с 2,71 миллиона долларов США на момент установления дипломатических отношений в 1990 году до 330 миллионов долларов США в 2019 году [5]. По состоянию на 2021 год Республика Корея является 6-м крупнейшим торговым партнером Монголии и четвертой по величине страной-экспортером.

Основываясь на внешнеполитической деятельности Республики Корея, 30-летний период дипломатических отношений Монголии и Южной Кореи можно условно разделить на 4 периода:

– период установления дипломатических отношений между двумя странами (1990-1999 гг.);

– период президентства Ким Дэ Чжун и Но Му Хёна (1999-2007);

– период президентства Ли Мён Бака и Пак Кын Хе (2008-2016);

– президентство Мун Чжэ Ина (2017-настоящее время).

Период установления дипломатических отношений между двумя странами (1990-1999 гг.). В начальный период становления двусторонних отношений Монголия воспринималась как страна, которая была географически близко расположена к Республике Корея, но далека в остальных аспектах ввиду сложных отношений во времена холодной войны. Сразу после установления дипломатических отношений в 1990 году, первый президент Монголии Пунсалмаагийн Очирбат впервые посещает Южную Корею в качестве главы социалистического государства. Этот визит положил начало двусторонним отношениям. После первого визита монгольского президента на протяжении долгого времени не проводились государственные встречи и обмены делегациями между двумя государствами. Так, до визита президента Ким Дэ Чжуна в Монголию в 1999 году в двусторонних отношениях не наблюдалось значительного развития в течение 10 лет. В 1994 году почти вдвое сократился торговый оборот с Республикой Корея и на 38% в 1998 году, по сравнению с 1990 годом [6]. В данный период отношения развивались в основном благодаря совместным академическим исследованиям, научному и образовательному сотрудничеству.

Период президентства Ким Дэ Чжун и Но Му Хёна (1999-2007). Дипломатические отношения между двумя странами, которые некоторое время находились в состоянии застоя, получили новый импульс развития в 1999 году. Визит президента Ким Дэ Чжуна в Монголию открыл новый этап в двусторонних отношениях. Президент Монголии во время своего официального визита в Р. Корея охарактеризовал отношения между двумя странами как «взаимодополняющие». За время президентства Ким Дэ Чжуна (1999-2003) состоялись 4 государственных встречи на высшем уровне. Этот период отмечен подписанием соглашений по торговле, инвестициям, науки и технологии, визам, уголовному правосудию и т.д. В 2000-е годы отношения между двумя странами в политической, торгово-экономической и гуманитарной сфере начали стремительно развиваться.

Президент Но Му Хён продолжил политику тесного сотрудничества с Монголией, начатой администрацией Ким Дэ Чжуна. В рамках визита президента Но Му Хёна в Монголию в 2006 году статус двусторонних отношений был повышен до статуса «дружественных государств и партнеров». Отмечено активное сотрудничество между двумя странами было в области

энергетики и добычи минеральных ресурсов. За президентский срок Но Му Хена были подписаны меморандумы о взаимопонимании в сфере транспорта, авиации и строительства в рамках укрепления сотрудничества в области строительства. В частности, проект «Дорога тысячелетия» в Монголии, проект трансконтинентальной железной дороги и строительство 40 000 единиц государственного жилья. Этот период отмечен активизацией в бизнесе, сельском хозяйстве, сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды, информация и связи.

В мае 2007 года президент Монголии Намбарын Энхбаяр посетил Южную Корею по приглашению президента Но Му Хена. На саммите лидеры двух стран обсудили план развития двусторонних отношений между Республикой Корея и Монголией, и регионом Северо-Восточной Азии, обсуждались конкретные вопросы по укреплению взаимного сотрудничества на международной арене, а также глобальные проблемы, такие как борьба с международным терроризмом, экология, предотвращение распространения новых инфекционных заболеваний, мир и безопасность в Северо-Восточной Азии. Результатом второго периода стало восстановление и дальнейшая активизация торгово-экономических отношений. С конца 1990-х гг. темпы торгово-экономического сотрудничества начали восстанавливаться и достигли высоких показателей. Товарооборот между двумя странами составил 23,5 миллиона долларов в 1994 году и достиг 270 миллионов долларов в 2008 году. В 2008 г. Южная Корея занимала второе место по экспорту и стала третьим по значимости партнером Монголии по импорту после России и Китая [5].

Период президентства Ли Мён Бака и Пак Кын Хе (2008-2016). Президент Ли Мен Бак, будучи еще мэром Сеула, активно продвигал дружеские отношения с Улан-Батором, столицей Монголии. Поэтому монгольская сторона вправе была ожидать дальнейшего развития двусторонних отношений с Республикой Корея. Президент Монголии лично приехал на церемонию инаугурации Ли Мен Бака в феврале 2008 года, что говорит о высоком уровне взаимоотношений между первыми лицами государств. С самого начала президентского срока Ли Мён Бака стороны очень оптимистично оценивали отношения между двумя странами, однако вопреки ожиданиям, из-за различных внутренних и международных проблем в Корее визит президента Ли Мён Бака в Монголию был осуществлен только в 2011 году, во второй половине его президентского срока.

Официальный визит придал новый импульс в развитии двусторонних отношений, по итогам которого их статус был повышен до «всестороннего партнерства». Обе стороны договорились расширить визиты на высоком уровне и проводить регулярные встречи министров иностранных дел, кроме того, укрепить свои усилия по расширению авиамаршрутов и упрощению процедур выдачи виз. Экономическое сотрудничество этого периода

также демонстрировало успехи: в 2008 году внешнеторговый оборот был удвоен по сравнению с двумя годами раннее; в 2011 году отмечен наиболее высокий темп прироста экспорта Южной Кореи в Монголию, который составил 96%.

Президент Пак Кын Хе посетила Монголию в 2016 году для участия в саммите Азия-Европа (АСЕМ). В ходе визита Пак Кын Хе провела двусторонние переговоры с монгольским коллегой по вопросам активизации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Во время саммита Республик Корея-Монголия президент Пак Кын Хе и президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж договорились работать над заключением Соглашения об экономическом партнерстве, продолжить реализацию инфраструктурных проектов, стоимость которых оценивалась в 4,49 миллиарда долларов. Главы государств единодушно подчеркнули важность увеличения объемов торговли и инвестиций, а также развития взаимодополняющих и взаимовыгодных экономических связей. В рамках этого визита стороны договорились о запуске проектов по строительству Музея естественной истории, Объединенного колледжа информационных технологий и отправке монгольских инженеров в Южную Корею для прохождения профессионального обучения.

В рамках визита стороны подписали более 20 документов о сотрудничестве. Два лидера подписали меморандумы о взаимопонимании по вопросам строительства и городского развития. Так, Корейский фонд сотрудничества экономического развития подписал соглашение о реализации проекта «Умное образование», предоставляя льготный кредит в размере 19,6 миллиона долларов США [7. С. 159].

Стороны также подписали документы в области культурного сотрудничества, борьбы с опустыниванием, сотрудничества в области энергетики, здравоохранения и информационных технологий. Президенты в ходе встречи обсудили ядерную проблему Северной Кореи, в которой Монголия поддержала стремление Сеула к денуклеаризации Пхеньяна и призвали Северную Корею соблюдать международные санкции. Южнокорейская сторона приветствовала усилия и последовательное участие Монголии в Улан-Баторских диалогах, которые направлены на укрепление доверия и укрепление регионального взаимопонимания.

Президентство Мун Чжэ Ина (2017-настоящее время). С момента вступления в должность до сегодняшнего дня Мун Чжэ Ин проводит активную политику по укреплению сотрудничества с Монголией. Во время своей президентской компании Мун Чжэ Ин продвигал идею тесного сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии, особая роль которой отводилась Монголии. За президентский срок с 2017 по 2021 гг. состоялось 3 встречи на высшем уровне и одна в формате он-лайн.

Первая встреча лидеров Республики Корея и Монголии состоялась в сентября 2017 г. на III Восточном экономическом форуме во Владивосто-

ке. Примечателен тот факт, что встреча во Владивостоке стала одним из первых иностранных визитов для обоих президентов. В рамках саммита две страны договорились укрепить предметное сотрудничество между Южной Кореей и Монголией, обсудили северокорейскую ядерную проблему и ситуацию на Корейском полуострове. Состоялся обмен мнениями о мерах региональной безопасности и экономического сотрудничества.

В 2018 г. премьер-министр Монголии Ухнаагийн Хурэлсух посетил Республику Корея, в результате которой состоялась встреча с премьером-министром Ли Нак Ёном. Визит в Южную Корею стала первой заграничной поездкой в должности монгольского премьер-министра, что еще раз свидетельствует о заинтересованности Монголии в укреплении двусторонних отношений. Премьер-министр Ухнаагийн Хурэлсух заявил, что Монголия готова тесно работать с Южной Кореей, чтобы вывести двусторонние отношения и сотрудничество на новый уровень во всех сферах. Южнокорейская сторона, в свою очередь, выразило готовность поддержать Монголию в борьбе с загрязнением воздуха в столице Улан-Батор, предоставив льготный кредит в размере 500 миллионов долларов США в рамках соглашения о расширенном фонде с Международным валютным фондом.

В сентябре 2018 года премьер-министр Ли Нак Ён встретился с монгольским президентом в рамках IV Восточного экономического форума во Владивостоке. На встрече обсуждались вопросы по расширению взаимного сотрудничества, межкорейских отношений и проекта «Суперсеть Северо-Восточной Азии» для расширения регионального энергетического сотрудничества. Премьер-министр Южной Кореи выразил надежду на активное сотрудничество от Монголии для практического прогресса прогресса в денуклеаризации Северной Кореи.

Спустя 6 месяцев состоялся трехдневный визит премьер-министра Республики Корея в Монголию. Ли Нак Ён провел переговоры с главой правительства Монголии Ухнаагийн Хурэлсухом. Стороны договорились об ускорении реализации проекта строительства в Монголии нескольких тепловых электростанций. На эти цели Южная Корея безвозмездно выделило 300 миллионов долларов. Кроме того, достигнуты договоренности о строительстве в столице Монголии жилых домов Улан-Батора в рамках льготного кредита в размере 500 миллионов долларов, также предоставленного правительством Южной Кореи [7. С. 162].

Одним из важнейших обсуждаемых вопросов является упрощение визового режима для монгольских трудовых мигрантов, работающих в Южной Корее. Этот вопрос был поднят на встрече премьер-министра Южной Кореи с президентом Монголии Халтмагийн Баттулга.

2020 год ознаменовался для Республики Корея и Монголии не только эпидемией коронавируса в мире, но и юбилейной датой установления дипломатических отношений. 2020 год объявлен «Годом дружбы Монголии

и Республики Корея» и запланировано около 30 специальных мероприятий различного формата: Дни культуры Монголии, Дни кино в Сеуле, совместный академический симпозиум, фотовыставки и культурные мероприятия.

За юбилейный год состоялись несколько встреч на различных уровнях, на которых две стороны обсуждали меры, принимаемые правительством Республики Корея и Монголии для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции. В ходе проведенных встреч южнокорейская сторона обязалась помочь в эвакуации граждан Монголии из Кореи, а также в решении проблем, с которыми сталкиваются некоторые монгольские студенты в Южной Корее по вопросам продления разрешения на обучение в новых условиях.

10 сентября 2021 года состоялась онлайн-встреча между президентами Республики Корея и Монголии, по результатам которой президент Республики Корея Мун Чже Ин заявил о выходе двусторонних отношений на «стратегический уровень» и выразил надежду на укрепление «предметного сотрудничества» в посткороновирусную эпоху. Совместная декларация о стратегическом партнерстве Монголии и Южной Кореи подтверждает их приверженность к укреплению политического доверия и расширяет сотрудничество между правительствами. Более того, Хурелсух и Мун договорились об углублении взаимовыгодных и взаимодополняющих экономических отношений, используя преимущества и потенциал развития двух стран, такие как передовые технологии Южной Кореи и богатые природные ресурсы Монголии. В Совместной декларации отмечено, что Южная Корея будет продолжать искать различные проекты сотрудничества с Монголией, поддерживая постэпидемическое восстановление экономики Монголии посредством официальной помощи в целях развития.

Отношения между обеими странами за последние 30 лет, с момента установления дипломатических отношений между Кореей и Монголией в 1990 году, достигли значительных успехов в политической, экономической и социокультурных областях. Республика Корея на протяжении многих лет вносит ощутимый вклад в социально-экономическое развитие Монголии.

За этот период было проведено 19 обменов на высшем уровне, 11 из них были встречи президентов Монголии и Республики Корея, а остальные восемь – между премьер-министрами. Существует более 50 межправительственных договоров и соглашений, регулирующих отношения двух стран. Достигнут широкий диалог на уровне соответствующих государственных министерств и организаций.

За отмеченный период Республика Корея стала важным торговым и инвестиционным партнером Монголии. Товарооборот в 2019 году, до пандемии коронавируса, составлял 300 миллионов долларов США, корейские инвестиции в Монголию достигли 550 миллионов долларов США. Самая большая монгольская община за рубежом, или 48 000 человек, в настоящее

время проживает в РК, а количество граждан, путешествующих в Монголию и РК, превышает 200 000 человек. Такое большое количество взаимных поездок обоих граждан является еще одним свидетельством активно развивающихся отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Министерство иностранных дел Монголии. Улан-Батор, 2020-2021 // http://www.mfa.gov.mn.

2. Монгол улсын ундэсний аюулгуй байдлын узэл баримжлал (Концепция национальной безопасности Монголии) // Министерство иностранных дел Монголии. 2 октября 2011 // https://mfa.gov.mn/14979.

3. Монгол улсын үндсэн хууль (Конституция Монголии) // Ардын эрх. 1994. № 145 (844) – 146 (845).

4. Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии). Улаанбаатар: The Mongolian Journal of International Affairs, 1995. № 2.

5. Национальное статистическое управление Монголии. Улан-Батор, 2009-2021 // https://www.1212.mn/.

6. Статистическое управление Республики Корея // http://kostat.go.kr/.

7. Song Byeong-Gu, Yoo Byung-Jae. 한·몽 외교 관계 30년 회고와 전망에 관한 연구/ Byeong-Gu Song, Byung-Jae Yoo //몽골학. 2020. Vol. 60.

YU.G. GRIGOREVA

Candidate of Historical Sciences,
Junior Research Fellow Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian
Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia

THE DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF KOREA AND MONGOLIA IN THE MODERN STAGE

2020 has become a jubilee year for diplomatic relations between Mongolia and the Republic of Korea. The 30th anniversary of the establishment of official cooperation between Mongolia and South Korea allows us to summarize some of the results of cooperation in various fields. The accumulated experience of Mongolian-South Korean relations is of great international importance, indicating that for Mongolia, as a country that has abruptly changed the course of socio-economic development, the importance of cooperation with developed states such as the Republic of Korea is significantly increasing. The article is devoted to the study of the modern stages of the transformation of diplomatic relations between

the Republic of Korea and Mongolia. The subject of this research is the political interaction between Mongolia and the Republic of Korea from 1990-2020. The purpose of the study is to analyze the most important aspects of Mongolian-South Korean visits at the highest level and identify the main stages in the development of bilateral relations from 1990 to 2020.

Key words: *Mongolia, Republic of Korea, Mongolian-South Korean relations, foreign policy cooperation, interstate visits.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.032
УДК 32
А.С. АВЕТИСЯН
соискатель кафедры политической теории
МГИМО МИД России,
Россия, г. Москва

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ КОРПОРАЦИЙ

Статья посвящена исследованию места и роли политической философии в публичной политике корпораций. Важную роль в работе занимает анализ морально-этических принципов в деятельности GR и политического менеджмента (ПМ). Учитывая важность и актуальность рассмотрения категории этики и морали применительно к корпорации, в данной работе вводится в оборот новое для российской науки понятие «корпоративная политическая этика». Баланс и должное соблюдение философско-этических норм способны привести компании или корпорации к успешному лоббированию своих внутренних, внешних интересов с полноценной реализацией всех возможностей политического менеджмента.

Ключевые слова: *политический менеджмент, политическая философия, корпоративная политическая этика, корпоративный самоконтроль, лоббирование.*

Целое поле публичных отношений не могло бы существовать без каких-либо предпосылок политической философии. Образование при этом возвращается – на принципиально новом уровне – к той модели «пайдейи», «образования души», которая являлась опорой европейской культуры на протяжении тысячелетий и которая, несомненно, позволяет транслировать культурный потенциал своей страны с учетом дальновидных партнерских стратегий [2. С. 14-17]. Хотя во многих отношениях «политическая философия» указывает на проблемы, связанные с крупными институциональными, правительственными и общественными процессами (процессы, представляющие первостепенный интерес для специалистов в сфере публичных отношений) [4. P. 151]. Любая форма управления может быть истолкована как политическая система, которая вовлекает управляемых и управляющих во взаимную зависимость и принятие правил, которые устанавливают степень и пределы власти [5. P. 1].

Слово «интерес» скрывает двусмысленность и многогранную концепцию, которая несет большую ответственность из-за путаницы вокруг сфе-

ры интересов политики и концепции общественного интереса. Несмотря на ограниченное этимологическое значение (интерес происходит от латинского inter esse, «быть между»), это факт, что концепция интереса имеет большое значение для публичных отношений. Это факт не только по причине того, что некий интерес стоит за каждой группой интересов, но еще и потому, что идея представляет интерес, который используется в политической, экономической или социальной областях, и в части аналитического плана – чтобы дать характеристику человеческому поведению (где интересы играют роль сильных побуждений к действию). Другими словами, понятие интереса может использоваться для: 1) определения области любой группы интересов (аналитико-теоретическая функция); 2) объяснения мотива индивидуальных или социальных действий (аналитико-интерпретационная функция); 3) формирования вопросов особо убедительным и действенным способом (практико-воспитательная функция). Люди могут ошибаться в своих собственных интересах (не признавая свои истинные, объективные интересы).

Множественность обозначений, измерений и интерпретаций концепций складываются в нескольких концепциях самого общественного интереса. Под концепциями в политической философии подразумеваются разные видения, системы мышления, сформулированные философские конструкции единой концепции. Вся типология концепции общественного интереса состоит из пяти различных типов – каждый тип представляет собой конкретную концепцию общественных интересов: 1) формальный; 2) субстантивный; 3) реалистический; 4) совокупный; 5) процедурный. Формальная концепция общественных интересов – наивная концепция, утверждающая, что общественные интересы – это формальные интересы правительственных структур. Содержание общественных интересов связано с субъектом (правительственным органом, будь то законодательным собранием, исполнительной ветвью власти, госслужащим), а не объектом – поэтому ее можно считать наивной и тавтологической концепцией. Субстантивная концепция общественных интересов – это концепция, в которой есть четкое определение конечной цели общества в целом и где есть определенный субъект, который предполагается, знает эту цель, ее сущность. И эта конечная цель считается абсолютным благом, и поэтому эта концепция может привести к абсолютистским политическим взглядам. Согласно реалистической концепции, не существует полноценного общественного интереса. Другими словами, нет реалистичного подхода к концепции, которая остается ограниченной областью этических норм. В совокупной концепции мы возвращаемся в мир политической философии и нормативной этики. В агрегированном понимании общественный интерес относится к институциональной или конституционной структуре, которая включает в себя большое количество групп и отдельных лиц с разными взглядами, убеждениями и предпочтениями жить вместе свободно и в равенстве, в мирном обществе. Пятая

и последняя концепция – это процедурная. В процедурной концепции публичные интересы не заключаются в форме или в содержательном видении абсолютного блага. Эта концепция не указывает на конечную цель, а фокусируется на процесс, с помощью которого можно построить рациональный консенсус свободных и равных по содержанию людей в идеальной ситуации [4. P. 151-153].

Культурная основа необходима для ретроспективы современности и понимания политической деятельности и системного назидания в человеческом обществе [6. P. 47]. Цель здесь состоит в том, чтобы дать некоторые теоретические объяснения относительно идеи общественного интереса и ее связи с частными интересами, так как эти отношения лежат в самом сердце игры за влияние, типичное для связей с общественностью (где все интересы каким-то образом утверждают, что в конечном итоге соответствуют «общественным интересам») [4. P. 151].

При принятии решений руководители политического звена должны учитывать различные социальные ценности и нормы, такие как: свобода личности, индивидуальная ответственность, человеческое достоинство, единство и справедливость [7. P. 17]. Только тогда философские принципы политического менеджмента приобретут полноценный характер в ходе практической реализации.

Читатели, которые изучают или работают в сфере публичных отношений, уже осознают, что этические проблемы бесчисленны, часто запутаны и всегда сложны. В определении проблем, проведении исследований, общении внутри и в отношениях с правительствами, различной общественностью и неправительственными организациями (НПО) требуется тонкий баланс между правом и благом с конкурирующими обязанностями и обязательствами многочисленных сторон. Экономика может измениться, власть может сместиться, ценности могут развиваться, а слои общества могут трансформироваться благодаря проделанной работе в сфере публичных отношений. Деятельность бизнес-сектора переплетается с правительственной и государственной политикой, создавая весомые решения и соответствующий уровень ответственности, поэтому заниматься этическим анализом – это актуальный вопрос для развития публичных отношений.

Ценности могут быть личными или индивидуальными и исследуются через множество форм социализации и обучения. Ценности также разделяются организациями как часть организационной культуры, что подтверждается миссией, видением, целями и методом кнута и пряника. Ценности также можно обнаружить на социальном уровне. Общие ценности в Западном обществе включают независимость, свободу, голос и независимость, а в Восточном обществе больше коллективизма и мер по сохранению идентичности общества. Для чиновников этические нормы начинаются со способности идентифицировать личные ценности, ценности организации,

и более широкие социальные ценности, которые могут повлиять на решения. Первый шаг к этичности – провести тщательную инвентаризацию личных ценностей. Какие принципы представляют собой первостепенную важность? За какие ценности стоит бороться? Другие вопросы, связанные с принятием предпочтительных решений, также могут быть полезны. Кроме того, они позволяют лицу, принимающему решение, знать, когда должное соответствие общих ценностей может быть достигнуто с организацией, или, когда может возникнуть конфликт с этическими принципами организации. Этическое поведение лидера иллюстрируют ценности организации, влияя на восприятие авторитета лидера и надежность, разделение власти и симметричное общение, привлечение сотрудников внутри организации.

Организации могут иметь кодифицированный список ценностей, которые они стремятся ввести, или более органичные, возникающие из собственной культуры организации. Все организации должны работать при определенных логистических ограничениях по времени и ресурсам, даже НПО. Следовательно, общностью достижения цели могут быть общие ценности в организациях. Ценности обеспечивают общую основу для понимания моральных дилемм [9. P. 316-319].

Сама этическая сторона вопроса позволяет тщательно проанализировать значения, приоритеты и принципы, которыми руководствуются или должны руководствоваться наши решения. Этика – это способ претворять ценности в жизнь. Изучение философии морали гораздо сложнее, чем простые суждения о правильном или неправильном, потому что этика допускает строгий анализ оспариваемых ценностей, двойной лояльности, множественных притязаний на право и конкурирующие обязанности. Комбинируя современные взгляды на этику и корпоративные отношения, как и говорилось, предлагается ввести в оборот новое для российской науки понятие «корпоративная политическая этика». Данное понятие следует определить в качестве системы моральных принципов, норм, ценностей, оказывающих регулирующее воздействие на отношения внутри организации и на взаимодействие с политическими структурами. Корпоративная политическая этика учитывает и корпоративные отношения самого разного характера, и этику в политике, госслужбе, обществе. Распространенная пословица гласит, что вам не нужна этика, чтобы отличить правильное от неправильного; вам нужна этика, чтобы определить правильное из самого правильного. Комплексные инициативы часто вовлечены в публичные отношения, требуют определения приоритетов организационных ценностей, понимания национальных и многонациональных ценностей, и разрешения конкурирующих требований общественности и заинтересованных сторон. Этика в общем смысле ищет систематический способ определения правил, которые должны управлять человеческим поведением, ценностями, которых стоит придерживаться, и чертами характера, заслуживающими своего развития.

А.А. Дегтярев отмечает, что ситуация принятия решения, в которой оказывается участник действия, является продуктом функционирования конкретных институциональных правил, регулирования благ, взаимодействия с экономическими условиями и влияния общественного мнения [1. С. 279].

А.С. Тетерюк приходит к такому выводу, что наличие компаний с различным набором профессиональных компетенций и ресурсов позволяет разрабатывать глубокую стратегию продвижения выгодного решения, а большое количество контактов и методов воздействия создает обширное поле для маневра на тактическом уровне [3. С. 35].

Корпоративный самоконтроль рассматривается в таких ситуациях, где определенная компания идет даже на политические риски и ограничения, поскольку такого рода давление достаточно терпимо, и организации нужно просто выжить. В таких условиях даже политическое «бездействие» равносильно «действию». Корпоративный самоконтроль может быть использован и для наращивания политического капитала и отвлечения внимания от другой политической деятельности [8. P. 28-55].

Соблюдая правила корпоративного самоконтроля, наблюдается тенденция к законодательному и политическому лоббированию интересов организации. Компании заинтересованы в том, чтобы развить навыки, помогающие им внедрять внешние технологии, чтобы отвечать требованиям общества и, возможно, «поднять планку» [10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дегтярев А.А.* Проблема учета «внешних» и «внутренних» правил при осуществлении GR-работы в современной России // Корпоративное управление и социальная ответственность бизнеса / под ред. Е.Б. Завьяловой, В.Б. Кондратьева. М.: МГИМО-Университет, 2013.

2. *Силантьева М.В.* Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнерства // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2. No. 5 (6).

3. *Тетерюк А.С.* Деловые ассоциации в современном GR-менеджменте в России: теоретический обзор // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24).

4. *Alberto B.* Public affairs and political philosophy // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / Ed. by P. Harris, C. Fleisher. London, 2017.

5. *Gomez P.* A political theory of corporate governance // Cambridge University Press, May 2008 // http://www.cambridge.org/9780521856386.

6. *Junqing Y.* On micro-political philosophy // The SAGE: Los Angeles, London, New Delhi and Singapore, 2009.

7. *Nikola V.* Principles and functions of political management / V. Nikola, M. Mladen, T. Natasa, V. Veljko, K. Momo // Journal of process management. 2016.

8. *Salorio M.E., Boddewyn J., Dahan N.M.* Integrating business political behavior with economic and organizational strategies // Nonbargaining behavior. 2005. Vol. 35.

9. *Shannon A.* Bowen Values, ethics, and professionalism // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / Ed. by P. Harris, C. Fleisher. London, 2017.

10. *Wagner S.M.* The Corporate Political Activities of Multinational Enterprises: the Automotive Industry and Environmental Regulations in the European Union. Loughborough University, 2011.

A.S. AVETISYAN
PhD student, Political Science Department,
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia

THE MAIN CATEGORIES AND PRINCIPLES OF POLITICAL PHILOSOPHY IN CORPORATE PUBLIC POLICY

This article explores the place and role of political philosophy in corporate public policy. The analysis of moral and ethical principles in the activities of GR and political management (PM) plays an important role in the paper. Given the importance and relevance of considering the category of ethics and morality in relation to the corporation, this paper introduces the concept of "corporate political ethics", a new concept for Russian science. The balance and proper observance of philosophical and ethical norms can lead a company or corporation to successfully lobby its internal, external interests with full implementation of all political management capabilities.

Key words: *political management, political philosophy, corporate political ethics, corporate compliance, lobbying.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.033
УДК 327
БАШАРАН АЙАР
аспирант кафедры востоковедения
МГИМО МИД России
Россия, г. Москва

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ЕВРАЗИИ

Центральная Азия и Кавказ являются жизненно важными регионами для Российской Федерации с 1991 года. В данном исследовании рассматривается российская модель взаимоотношений на Кавказе и в Центральной Азии. Автор считает, что модель взаимоотношений в этом регионе состоит из трех уровней. На первом уровне, то есть на уровне «основных интересов», Москва пытается сохранить свою доминирующую роль без какого-либо вмешательства со стороны других глобальных и региональных игроков. На «региональном» уровне наблюдается стремление к партнерству с региональными странами для достижения взаимных (прежде всего экономических) выгод. «Глобальный» уровень российской политики в Евразийском регионе формируется вокруг стремления Москвы к усилению своей роли в многополярном мире. На этом уровне Россия стремится применить свое мировоззрение, чтобы противостоять идеям либерального миропорядка. Автор считает, что все три уровня региональной внешней политики являются результатом самоидентификации Москвы в глобальной политике. Следуя конструктивистской теории, статья объясняет современный мировой порядок, как его воспринимают российские политики, самоидентификацию, сформированную вокруг этого восприятия, и модель взаимоотношений, установленную в этих рамках на Кавказе и в Центральной Азии.

Ключевые слова: *внешняя политика России, Евразийская интеграция, поворот на Восток.*

Российское мировоззрение в международных отношениях в 2020-х годах. Роль идентичности является ключевой для конструктивистской школы международных отношений. Основная идея заключается в том, что важность материальных условий определяется только тем, как они воспринимаются акторами. Согласно конструктивистской теории, «анархия в международном системе – это то, что из нее делают государства» [16]. Идентичность российской внешней политики и то, как она изменилась после распада СССР,

часто изучается последователями конструктивистской теории [12]. Вместо подробного объяснения эволюции внешнеполитической идентичности, в данном исследовании мы сосредоточимся на современном мировоззрении в российской дипломатии и его применении на Кавказе и в Центральной Азии.

Сегодняшнее российское мировоззрение в международных отношениях является совокупным результатом следующих глобальных и региональных кризисов, произошедших за последние три десятилетия [10]: американская оккупация Ирака; глобальный экономический кризис 2007-2009 годов; «арабская весна» и ее последствия (особенно сирийская гражданская война и падение власти Каддафи в Ливии); украинский кризис и вызванная им конфронтация с Западом; и совсем недавно – кризис пандемии COVID-19. Одностороннее решение США об оккупации Ирака в 2003 году было воспринято в Москве как опасное развитие событий, которое должно быть сбалансировано незападными игроками. Экономический кризис 2007-2009 годов показал хрупкость неолиберальной экономики и сделал необходимым диверсификацию экономических и финансовых связей с азиатскими странами. Так называемая Арабская весна была воспринята как вторжение в принцип суверенитета и как агрессия, которая может создать прецедент и распространиться на другие регионы. Украинский кризис был воспринят как геополитическая агрессия со стороны Запада, которая может поставить под угрозу границы России. Этот кризис вызвал полный разрыв с Европой и США и укрепил идею «поворота на Восток». И, наконец, глобальная пандемия COVID-19 показала пределы глобализации.

Эйфория 1990-х годов по поводу идеи вхождения в состав Запада в качестве равноправного партнера стала исчезать уже к началу 2000-х годов [14. С. 517]. Каждый из вышеупомянутых кризисов постепенно уничтожал этот альтернативный путь. Спустя три десятилетия после распада Советского Союза Россия воспринимает мир как формирующуюся многополярную диспозицию с множеством региональных кластеров силы, а также считает либеральный мир под руководством США угрозой принципам суверенитета и невмешательства. В связи с этим либерально-демократические принципы рассматриваются просто как «инструменты вмешательства». В таком мире Российская Федерация видит себя одним из центров силы, для которого существует риск быть отодвинутым на второй план существующими и развивающимися державами. Поэтому мир 2020-х годов, как его воспринимает Москва, – это монета с двумя сторонами, которая может закончиться тем, что Россия станет одним из сильнейших центров многополярного мира или превратится в периферийного игрока с более слабой позицией. Для развития России в этих случаях, «поворот на Восток» считается оптимальной стратегией [4].

В силу вышеперечисленных факторов, российское мировоззрение строится вокруг следующих идей: 1) США и основанный вокруг них либераль-

ный мировой порядок находятся в процессе упадка; 2) незападный мир находится под угрозой вмешательства со стороны США и их союзников, и эта тенденция должна быть отвергнута развивающимися державами; 3) идея «России как части западного мира» давно ушла в прошлое, особенно после украинского кризиса 2014 года. Это делает партнерство с западными акторами трудным, если не совсем невозможным; 4) в современной политике существует множество проблем (терроризм, радикализм, пандемия, миграция, кибербезопасность и др.), которые требуют международного партнерства; 5) центр международной политики движется на восток; 6) возникновение нового силового блока в Азии, исключающего Россию (или принимающего ее в качестве второстепенного партнера), нанесет ущерб интересам Москвы; 7) в силу двух предыдущих пунктов Москве не только выгодно, но и необходимо участвовать в новых межправительственных механизмах и институтах с развивающимися державами Азии. Это множество рисков и угроз являются определяющими факторами, лежащими в основе нынешней модели взаимоотношений, которую Россия использует в евразийском регионе. Постсоветский регион переживает новый процесс интеграции и регионализации. Но в отличие от прошлого опыта Российской империи или Советского Союза, современная регионализация идет не по однообразному пути, а по многоуровневой и более постепенной модели, которая одновременно преследует различные интересы.

Российская модель взаимоотношений в Евразии. На первом уровне модели Москва стремится к отстаиванию своих «основных интересов». Сегодня идентичность России во внешней политике сосредоточена вокруг идеи, что существует непосредственная угроза ее границам и даже ее существованию. Это убеждение укрепилось после событий на Украине в 2014 году. Для России любая интервенция или революция, ориентированная на Запад, является вторжением в ее суверенитет и агрессией в отношении ее жизненно важных интересов в регионе. Поэтому на первом уровне модели взаимоотношений Россия пытается защитить существующий порядок в своем ближнем зарубежье, обеспечивая безопасность региональных стран. В соответствии с этим Россия создала Организацию Договора о коллективной безопасности. Рой Эллисон определяет российские интеграционные проекты в регионе как «охранительную интеграцию» (protective integration), поскольку считает основной функцией региональных организаций стабильность режима для стран-участниц [9]. Помимо выживания региональных политических режимов, основные интересы России в регионе включают сохранение военного доминирования Москвы в ближнем зарубежье. После террористических атак в 2001 году Россия позволила армии США использовать свои военные базы для логистики, а также позволила некоторым странам сделать то же самое. Но за исключением этого ограниченного периода, Россия выступает против того, чтобы любой нерегиональный игрок имел военный плацдарм в Центральной Азии и на Кавказе.

Важнейшим аспектом первого уровня российской модели взаимоотношений в регионе является сохранение ведущей роли Москвы. Поэтому Россия не стремится к углублению функций и возможностей более широких региональных организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества. Вместо этого Россия опирается на ядро с помощью конкретных организаций, таких как Евразийский экономический союз или Организация Договора о коллективной безопасности, и пытается сблизить эти институты с более широкими механизмами. Как утверждается политолог А.В. Лукин, Евразийская интеграция является шансом для того, чтобы «не стать периферии для Европы или для Азии» [6. С. 52]. Механизмы и институты ядра также выполняют функцию финансового перераспределения [14. С. 1043]. Сегодня партнерство в рамках ЕАЭС зависит в первую очередь от финансового вклада Российской Федерации.

Что касается экономического аспекта региональной политики, то Россия продвигает идею «Большой Евразии». По мнению Т.В. Бордачева и П.А. Сергеевны можно рассматривать эту идею Большой Евразии «в качестве консолидирующей формы новой глобальной стратегии России» [1. С. 36]. В этих рамках ЕАЭС как блок будет сближать свои интересы с китайским проектом «Один пояс – один путь». Такой подход выгоден по двум причинам. Во-первых, он усиливает влияние России на страны-члены ЕАЭС, поскольку под эгидой этой организации у них больше возможностей для переговоров с Китаем или с ЕС [8. С. 118]. Во-вторых, Россия очерчивает границы зоны своего экономического влияния в регионе. Как уже отмечалось выше, Москва не желает делиться своим региональным влиянием ни с одним игроком, и в том числе с Китаем. Поэтому Россия пытается устранить риск стать меньшим партнером регионального экономического пространства путем создания собственного экономического блока. Кроме того, «объединение Большой Евразии значительно сократит возможности третьих сторон для вмешательства в политические и экономические процессы на континенте» [2. С. 7]. Известный российский аналитик Караганов утверждает, что поворот России на восток – это, по сути, «евроазиатский выход от европейского кризиса» [5]. При этом Россия пытается избежать возникновения после этого новой зависимости (подобной зависимости от Европы в 1990-е годы).

Что касается политической стороны регионального уровня модели взаимоотношений, то Шанхайская организация сотрудничества была создана для решения вопросов безопасности стран региона. В то же время очевидно, что Москва проявляет разделения влияния или ограничения суверенитета. Россия не предпринимает никаких шагов по углублению организации (таких как создание совместного инвестиционного банка и т.д.), но в то же время поощряет присоединение новых членов [11]. Расширение организации без углубления означает менее конкретный, но более дискурсивный характер ее деятельности в будущем. Особенно членство Пакистана и Индии,

двух стран с постоянными военными проблемами, ставит под сомнение эффективность организации.

Как уже говорилось, для России важно сдерживать влияние западных держав в регионе. Поэтому Россия пытается решить региональные проблемы с региональными акторами. В этом контексте акцент Москвы в решении вопроса о статусе Каспийского моря был сосредоточен на достижении соглашения с прибрежными странами без какого-либо влияния со стороны не прибрежных стран. Процесс урегулирования после войны между Азербайджаном и Арменией является еще одним примером такого подхода. Москва договорилась о создании общего наблюдательного пункта с Турцией, которая также является соседом конфликтующих сторон, но не приняла во внимание идеи европейских стран. Посредническая роль России в конфликте между Таджикистаном и Кыргызстаном – еще один пример такого подхода. Россия выступила в роли посредника и не попыталась использовать более широкие механизмы, такие как ШОС.

Третий уровень московской модели взаимоотношений в регионе – глобальный. На этом уровне Россия пытается противостоять одностороннему подходу либерального мирового порядка и стремится занять более выгодное положение в формирующемся многополярном мире. Политика, проводимая Москвой на этом уровне, в основном направлена на создание альтернативного способа интерпретации мировых событий. И наиболее важным аспектом этого подхода является защита принципа суверенитета и противостояние интервенционистским идеям. Россия является нормоприменителем (norm enforcer), то есть деятельность Москвы направлена не на разрушение международных норм, а на обеспечение соблюдения тех принципов, которые для нее приоритетны [9]. Широкие международные механизмы, основанные на консенсусе, такие как БРИКС или ШОС, лучше всего служат этой цели, поскольку они предоставляют России инструмент для сопротивления либеральному дискурсу без необходимости нарушения суверенитета. В этом контексте Россия поддерживает членство Исламской Республики Иран в Шанхайской организации сотрудничества [3].

Заключение. Модель взаимоотношений, созданная Российской Федерацией на Кавказе и в Центральной Азии, имеет несколько уровней, которые отражают различные аспекты мировоззрения Москвы. На первом уровне Россия заботится о своих основных интересах и хочет быть доминирующим актором в процессах принятия решений. Поэтому механизмы и институты, относящиеся к этому уровню, не включают в себя никакую другую великую державу, кроме России. На региональном уровне главная цель – реализация экономических возможностей в Евразии. Здесь Москва пытается укрепить свои позиции за счет центральной роли, которую она устанавливает на базовом уровне, и стремится интегрироваться в формирующиеся механизмы в качестве равноправного партнера. Наконец, на глобальном уровне Россия

пытается создать новый дискурс в противовес однополярному либеральному мировоззрению и стремится к партнерству с развивающимися странами. Главная цель на этом уровне – найти общий язык с игроками, имеющими схожие интересы, а не материальные выгоды или глубокие интеграционные процессы. Какими бы большими ни были экономические перспективы, все три уровня модели взаимоотношений несут в себе политический смысл. Евразийскую политику России «пока движет политическая и стратегическая, а отнюдь не экономическая логика» [7. С. 63]. От защиты границ России (основные интересы) до поиска «выхода» из экономических санкций Запада (региональный уровень) и создания коллективного антигегемонистского дискурса (глобальный уровень), Москва, по сути, пытается освободиться от международного давления, с которым она сталкивается, и стремится создать более благоприятные условия в формирующемся новом мировом порядке. Многослойная и гибкая модель предоставляет России соответствующие инструменты для решения возникающих проблем и возможностей. Но этот же характер модели порождает и недостаток конкретной институционализации. Подводя итог, можно сказать, что Россия поощряет своих партнеров в Центральной Азии и на Кавказе к большей интеграции до тех пор, пока она является доминирующим актором в проекте. В случае создания института с другим крупным актором, Москва стремится к более мягкой версии интеграции с меньшей передачей власти этому институту, с большим акцентом на суверенитет и большим количеством дискурсивных действий вместо конкретных мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бордачев Т.В., Сергеевна П.А.* Евразийская повестка сотрудничества // Вестник Международных Организации. 2018. Т. 13. № 3.

2. *Дынкин А., Телегина Е., Халова Г*. Роль Евразийского Экономического Союза в формировании Большой Евразии // Мировая Экономика и Международные Отношения. 2018. Том 62. № 3.

3. Иран станет официальным членом ШОС от 17 сентября 2021 // https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/09/17/887139-iran-stal-ofitsialnim-chlenom-shos.

4. *Караганов С., Макаров И*. Российский поворот на Восток // Россия в Глобальной Политике. 2017.

5. *Караганов С*. Евроазиатский выход из европейского кризиса // Россия в Глобальной Политике. 2015.

6. *Лукин А.В*. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. 2020. № 5.

7. *Лукин А.В., Новиков Д.П*. От Большой Европы к Большой Евразии что несет миру коренной геополитический сдвиг // Восток (oriens). 2019. № 5.

8. *Савченко А.Е., Зуенко И.Ю*. Движущие Силы Поворота на Восток // Comparative Politics. 2020. Vol. 11. № 1.

9. *Allison R*. Protective Integration and Security Policy Coordination: Comparing the SCO and CSTO // The Chinese Journal of International Politics. 2018.

10. *Darden K.A*. Russian Revanche // Daedalus. 2016. Vol. 146. No. 2.

11. *Denisov I.E*., *Safranchuk I.A.* Four Problems of the SCO in connection with its enlargement // Russian Politics and Law. 2016. No. 54.

12. *Feklyunina V*. International norms and identity in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy (ed. Tsygankov A.P.). New York: Routledge, 2018.

13. *Libman A., Obydenkova A.V*. Regional International Structures as a Strategy of Autocracy: The Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy // International Affairs. 2018. № 94.

14. *Koldunova E*. Russia and Regional Institutions in the Asia-Pacific Region // Russian Politics and Law. 2016. No. 54.

15. *Nuruzzaman M*. Why BRICS is no threat to the post war liberal order? // International Studies. 2020. No. 57.

16. *Wendt A.* Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2.

B. AYAR
PhD Candidate in Department
of Oriental Studies, MGIMO (U),
Moscow, Russia

THE RUSSIAN MODEL OF INTERRELATIONS IN EURASIA

Central Asia and the Caucasus has been a vital area for the Russian Federation since 1991. This study examines the Russian model of interrelations in the Caucasus and Central Asia. The author argues that the model in this region is structured in three levels. In the first level, namely the "core interests," Moscow tries to keep its dominant role without any intrusion from other global and regional actors. At the "regional" level, there is a pursuit of partnership with the regional powers to achieve mutual (primarily economic) benefits. The "global" level of the Russian policy in the Eurasian region is shaped around Moscow's strive for enhancing its role in the multipolar world. In this level, Russia seeks to apply its worldview to resist the ideas of the liberal world order. It is argued in the study that all three levels of regional foreign policy are the results of Moscow's self-identification in global politics. Following a constructivist theoretical framework, the article explains the current world order as perceived by the Russian decision-makers, the self-identification shaped around this perception, and the model of interrelations established within this framework in the Caucasus and Central Asia.

Key words: *Russian foreign policy, Eurasian integration, turn to East.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.034
УДК 32.327
ВАНГРАУА САДИА РИТА СОНИА
аспирант Российского университета дружбы народов (РУДН),
Россия, г. Москва

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В АФРИКЕ

В статье раскрываются основания возникновения и формирования женского движения и борьбы за гендерное равенство в общемировом контексте в политологической науке, анализируются из взаимосвязи с политическим концептом феминизма, в том числе в ракурсе сугубо африканских тенденций. Характеризуется социальное назначение женских движений в Африке, заключающееся в том, что они помогают женщине стать социально и профессионально мобильной личностью, способной в любой момент взять на себя ответственность за свои решения, адаптироваться к жизненным обстоятельствам, в том числе в сложных реалиях. Исследуются проблемы реализации методологии гендерного подхода в рамках изучения общественно-политических аспектов жизни общества в разрезе обеспечения прав женщин. Анализируется ситуация с предоставлением и гарантированностью прав женщин в Африке, в том числе в связи с их вовлеченностью в социально-экономические аспекты странового и регионального развития, а также общественно-политическую жизнь стран Африки. Раскрываются остроактуальные для женщин в Африке проблемы калечения женских гениталий, а также ранних (в том числе детских) браков. Осуществляется анализ проблем и перспектив дальнейшего существования женского движения в общественно-политической жизни в Африке.

Ключевые слова: *гендерное равенство, гендерные исследования, женская эмансипация, женское движение, защита прав женщин, калечение женских гениталий, неправительственные общественные организации, постмодернистский феминизм, ранние (детские) браки, феминизм.*

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена прежде возникновением в истории любого современного общества, даже отстающего или характеризующегося низким уровнем социального развития, определенных демократических и общественных движений, которые в значительной степени влияют на социально-экономическое, политическое,

а также социально-культурное, в т.ч. духовное, развитие определенной нации. Поэтому значимым в контексте исследуемой проблематики представляется исследование причин и предпосылок возникновения женского движения в Африке в контексте специфики общественно-политической жизни в отдельных странах континента.

Анализ последних исследований и публикаций. Актуализацию исследования проблемы женского движения в общественно-политической жизни любой страны принято относить к периоду либерализации социальных условий жизни общества. Закономерно, что для каждого континента, а также для государств со сходными условиями развития социума такие периоды достаточно сближены; для иных же регионов и континентов, характеризующихся осложненным развитием общественно-политической сферы, характерно замедленное реагирование на проблему защиты прав женщин, что прослеживается на примере отдельных стран Африки. В целом женское движение, разносторонние проявления женских инициатив, проблемы женского образования в общемировом контексте выступают предметом активных исследований ученых, начиная с XIX в.

В течение более чем векового опыта исследования женского движения анализировались проблемы социально-политической и просветительско-педагогической деятельности женских общественных организаций, в т.ч. в контексте исторических аспектов определения идеологии и особенностей формирования и развития женского движения в страновом, наднациональном (региональном) и международном ракурсах), что нашло отражение в научных исследованиях Р. Брайдотти [1. С. 220-251], Е.В. Водопьяновой [2. С. 60-69], С.Дж. Керролл [4. С. 61-83], Т.В. Муслумовой [6. С. 114-120] и др.

Проблемы гендерного неравенства и притеснения женщин Африки, а также особенности реализации базовых направлений женского движения в общественно-политической жизни в Африке исследовались в научных трудах российский авторов, в частности, М.И. Мягковой [7. С. 185], А. Самаке [9. С. 178], Н. Крыловой [3. С. 210-216], а также иностранных исследователей, среди которых Н. де Ланж [5. С. 49-65], G. Chengeta [11], J. Westmore-Susse [16] и другие.

Несмотря на значительное количество научных и публицистических трудов, непосредственно или опосредованно касающихся деятельности женских обществ в мировой практике, а в особенности в африканских странах, до настоящего времени не нашли полного и системного раскрытия либо вызывают определенные противоречия отдельные аспекты проведения анализа основных причин и предпосылок возникновения женского движения в Африке.

Вместе с тем, недостаточно исследованным остается опыт формирования и развития женского движения в ракурсе общественно-политических процессов, происходящих на африканском континенте, что обусловлено

спецификой организации деятельности соответствующих государств и обществ, а также разностью условий жизни в государствах Африки. Малоизученными являются и проблемы, связанные с отсутствием фундаментальных исторических исследований, которые синтезировано отражали бы разностороннюю деятельность женских обществ, чем обусловлен выбор темы настоящего исследования.

Исходя из изложенного, ***целью данной статьи*** выступает анализ женского движения в общественно-политической жизни в Африке в XXI веке.

Результаты проведенного исследования. Вопрос о положении женщин в современном обществе как в общемировом, так и в наднациональном (региональном) и страновом измерениях, их прав и возможностей активно участвовать в важных общественно-политических процессах, доступа к руководящим должностям и т.д. актуальны для многих стран мира в связи с демократическими процессами, которые в них происходят. Наиболее медленно преодолевается гендерная асимметрия в общественно-политической сфере, поскольку и сегодня в обществе существуют стереотипы, которые мешают женщинам активно участвовать в политической жизни либо реализовать отдельные социально-значимые функции.

В современных гендерных исследованиях используются различные методологические подходы и методы, выбор и сочетание которых зависит от цели и предмета изучения. Но можно выделить специфическую черту гендерной методологии, актуальную, в частности, для политологии, – ориентацию на устранение иерархических отношений и лидерства как в исследованиях, так и в политической практике. Доминирующая в странах Европы и США на текущем этапе идея – партнерство и достижение гендерного равенства и справедливости – объективная основа демократии.

В африканском регионе процессы изучения женского движения носили отсроченный характер. До настоящего времени отдельные достижения феминизма, касающихся базовых основ равенства женщин и запрета их дискриминации (например, в связи с предоставлением им возможности получить образование или медицинскую помощь наравне с мужчинами, гарантирования избирательных прав и возможности реализоваться в профессиональной деятельности в ранее сугубо мужских сферах, в т.ч. в политике), остаются лишь декларацией.

Более чем в трети африканских государств женщины испытывают остаточные традиции рабства, неоколониализма, патриархального общества, связанные с виктимизацией женского населения. Эти процессы усугублены вооруженными конфликтами, в которых женщины играют роль комбатантов или жертв насилия. При этом, даже в случае вовлечения женщин в миротворческие операции, их участие в примирении отходит на второй план и упоминается в политических процессах лишь поверхностно [9. С. 18].

Для современного этапа в большинстве стран Африки права человека и их защита являются проблемными, поскольку их предоставление и гарантирование завязано вокруг острых процессов общественно-политического характера. Столкнувшись с быстрорастущим населением, страны континента все еще находятся в состоянии экономической стагнации и снижения занятости населения, что приводит к отставанию экономического развития. Логика указанного процесса очевидна: в нестабильном обществе, где в силу общей незащищенности человека в связи с военными действиями, обеспечение реализации общественно-политических процессов либо замедляется. Либо прекращается совсем. Например, так в Нигерии террористы Боко Харам, Народный конгресс Оодуа (OPC), бойцы Бакасси, Движение за суверенное государство Биафра (MASSOB), Движение за выживание людей Огони (MOSOP) и Съезд Народа АРЕВА (APC), идеология которых, как правило, базируется на традиционных ценностях, ограничивающих в правах женщин, а порой и все население.

Женщины не готовы мириться с таким положением дел. Так, женщина-адвокат из Нигерии, госпожа Гуднес Ибанга, выступила в защиту изнасилованной клиентки, 21-летней девушки. Однако правоохранительные органы рекомендовали адвокату отозвать жалобу и урегулировать дело во внесудебном порядке.

После того, как адвокат отказалась от этого предложения, группа переодетых полицейских совершила налет на офис Женского коллектива помощи женщинам (WACOL [13]) нигерийской правозащитной группы, где служит и госпожа Ибанга. Во время состоявшегося 30 января 2020 г. штурма полицией офиса WACOL звучали требования выдать молодую женщину, которая подала жалобу. Полицейские не ограничились попыткой остановить адвоката, но и совершили нападение на другую сотрудницу, которая проявила смелость защитить ее, а также отняли телефоны, с помощью которых коллеги Гуднес Ибангы пытались зафиксировать инцидент.

Эта история является, к сожалению, показательной относительно статуса женщин в Нигерии, как и в большинстве государств Африки в целом. По словам Министра по правам женщин и общественного развития Нигерии Dame Pauline Tallen, сексуальное насилие как возмездие за активную общественно-политическую и профессиональную деятельность, является очень распространенным преступлением. Ежегодно от подобного правонарушения страдают до двух миллионов женщин, при том, что неучтенных заявлений гораздо больше из-за пренебрежения к проблеме со стороны правоохранительных органов [17].

Фактически с 80-х гг. XX ст. и в текущем десятилетии женщины – а, в особенности, бедные женщины, составляющие большинство населения континента, – борются с последствием приватизации, которая влияет на уровни заработной платы работниц.

Например, в Судане и Южном Судане традиционно деятельность в сфере образования, медицинского и бытового ухода реализовали женщины, объединенные в союзы в рамках женского движения. Эти союзы служили своеобразными «инкубаторами» женского движения, в рамках которых женщины-работницы инициировали общественно-политические процессы, направленные на распространение идеи освобождения женщин [10].

Однако развал профсоюзов и приватизация привели к поляризации интересов общества практически во всем африканском регионе, что обострило проблемы, с которыми сталкиваются социально уязвимые и зачастую ограниченные в общественно-политических правах женщины. В частности, политическое пространство Африканского Рога сейчас полностью занято неправительственными организациями, в связи с чем сфера реализации женских движений становится зависимой от интересов доноров и представителей европейских и американских государств.

Направленные на подавление самоощущения женщин традиции не отличались большой гуманностью на протяжении прошлых веков. Некоторые сомнительные практики настолько укоренились в сознании людей, что в их картине мира воспринимаются как единственно возможные. Через первую такую варварскую традицию проходят девушки в возрасте 12-15 лет, когда африканских девушек уже начинают готовить к браку. Их инициация заключается в обрезке женских половых органов. Согласно медицинскому словарю, эта процедура имеет другое название – травмирование женских гениталий.

Частичное или полное удаление внешних женских гениталий осуществляется родными или повитухами. Эту операцию могут выполнять и квалифицированные медработники, руководствуясь тем, что если врачи будут делать эту процедуру, то это повысит ее безопасность. Есть также страны, где травмирование женских гениталий проводится легально в больницах, например, в Египте. Это воспринимается как «лучший» способ воплощения такой традиции, ведь девушку оперируют под наркозом стерильными приборами, и для нее это проходит с наименьшими болевыми ощущениями и безопасно. Однако Всемирная организация здравоохранения призывает медицинских работников не выполнять такие операции, ведь эта практика признается на международном уровне нарушением прав девушек и женщин. Она считается крайней формой притеснений женщин.

Помимо причинения физического вреда здоровью девушки, травмирование женских гениталий направлено и на подавление ее воли. В африканских племенах инициацию проводят всей общиной – при участии как мужчин, так и женщин. На лицо девушки надевают маску, ее держат родные. «Операцию» проводят совместно: мамы, сестры, бабушки – лезвием, скальпелями, без наркоза. Для того чтобы ребенок не издавал звуки от боли и не «травмировал» окружающих своим криком, его рот прикрывают кляпом.

После такой инициации девушки часто умирают от большой потери крови или заболеваний, ведь обрезочные приборы, как правило, несте-

рильны. Кроме того, эта процедура может привести к бесплодию, будущим выкидышам, проблемам с мочеполовой системой и не заживающим постоянным ранам. После обрезки девушка уже никогда не сможет получить удовольствие от половой жизни, к чему в принципе и стремятся эти племена. Это их способ обуздать женщин, указать на их исконную роль – обслуживать мужчину, который при этом имеет право на удовольствие, а также заинтересован в том, чтобы требовать от своей жены обрезки. Если вдруг мужчина узнает, что его жена не прошла через этот ритуал, он вправе опорочить всю ее семью.

В ВОЗ отмечают: «Данные операции проводятся среди несовершеннолетних лиц, поэтому речь идет также о нарушении прав детей. Практика нарушает права человека на здоровье, безопасность и телесную неприкосновенность, право быть свободными от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство, а также право на жизнь в случае, когда эти операции приводят к смерти» [17].

Неприятие травмирования женских гениталий является приоритетным в деятельности по защите прав женщин в регионе, начиная еще с прошлого века. 20 декабря 2012 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию A/RES/67/146, в которой «призывает государства, систему Организации Объединенных Наций, гражданское общество и все заинтересованные стороны и далее отмечать 6 февраля как Международный день нетерпимого отношения к калечащим операциям на женских половых органах и в этот день проводить информационно-просветительные кампании и принимать конкретные меры по борьбе с практикой калечащих операций на женских половых органах» [8].

Уже более 40 лет различные международные программы борются с традицией обрезки, однако и сегодня девушки массово страдают от ее проведения. По состоянию на 2019 г. насчитывается более 200 миллионов девушек и женщин, проживающих в 30 странах Африки, Ближнего Востока и Азии, ставших жертвами практики травмирования женских гениталий [5].

К менее известным пыткам над женским телом «по-африкански» можно отнести «раскатывание» груди. Эта традиция наиболее распространена в Нигерии. Когда девушка достигает периода полового созревания, ее мать начинает разглаживать грудь дочери. Эта процедура делается с помощью раскаленных камней, которыми «растирают» грудь, тугих повязок, деревянных качалок и лопаток, молотков, нагретых бананов и т.д.

Врачи отмечают, что эта процедура наносит серьезный вред здоровью девушки, например, она вызывает кисты, рак груди и т.д. На сегодняшний день такой пытке подверглись около 4 миллионов девочек [15].

Эта практика реализуется матерями, которые пытаются уберечь дочерей от ранних ухаживаний мужчин, женитьбы и изнасилований. Находились и показания девочек, отмечавших, что они самостоятельно делают эту про-

цедуру, потому что хотят учиться и развиваться, а не вступать в брак. Однако есть и те, кто против разглаживания. Существуют целые сообщества девушек в подростковом возрасте, которые при поддержке международных организаций и пропаганды стремятся, чтобы на их проблему обратило внимание международное сообщество.

Травмирование женских гениталий – симптом глубоко укоренившейся культуры, которая стремится подорвать субъектность женщин, контролируя их тела. Эту культуру питают ультраконсервативные политические режимы, а потому противодействие подобным членовредительским вмешательствам должно рассматриваться не как борьба с устоявшимися традициями, а как непризнание режимов, подавляющих саму природу женщин.

С точки зрения определения динамики женского движения в общественно-политической жизни в странах Африки важно уделить внимание такому аспекту, как ранние (фактически – детские) браки, совершаемые с лицами, не достигшими совершеннолетия. Соответственно, раннее включение подростков в брачно-семейную жизнь устраняет их вовлечение в социальную деятельность.

Например, в социуме Нигерии занятость женщин и эффективность их работы часто оценивается количеством детей, которых она может родить и вырастить. Однако даже качественное/эффективное выполнение женщиной своей «роли» не является основанием признания ее заслуг. Общество презирает ее еще больше: «...Достижения мужчин активно поощряются: <…> тех мужчин, которые достигли успеха, которые имеют деньги, силу и статус, которые занимаются производством или начинают свое дело, ждет отдельное закрепление соответствующего статуса. Но атрибуты, связанные с феминизмом и женщинами, такие как укрепление и стабилизация отношений, а также рождения детей, в целом не так высоко оцениваются» [14].

Многие гендерные исследования говорят о женщинах как жертвах скоординированного угнетения и унижения со стороны патриархального общества. В подобном социуме женщина лишена права распоряжаться своей жизнью. Эта проблема не решается в государствах Западной и Центральной Африки. По данным ЮНИСЕФ, в Нигере более 3/4 браков заключаются с лицами, не достигшими 18-летнего возраста; при этом, 28% девушек выходят замуж в возрасте до 15 лет. При этом, лишь 6% мальчиков в Нигере вступают в брак до 18 лет. По оценкам исследования Всемирного банка/ICRW, проведенного в 2017 г., прекращение детских браков в Нигере может принести более 188 миллионов долларов США дополнительной прибыли и производительности [12]. Чуть ниже показатели в Центрально-Африканской Республике, Республике Чад, Буркина-Фасо, Мали и других государства Западной и Центральной Африки [15].

В результате, большинство женских организаций в условиях общественно-политической и социально-экономической нестабильности превращается в пассивные массы.

В этом контексте риторику мейнстримного гендерного равенства озвучивают преимущественно формально, при этом умаляя важность первопричин покорения женщин. Немногочисленные активистки становятся аутсайдерами, которые вынуждены привлекать внимание к экстраординарным мерам, включая самосожжение.

Существование таких неправительственных организаций оказывает преимущественно позитивное влияние на женское движение в Африке. Однако его реализация связана и с определенными рисками. Без сомнения, международная поддержка играла и играет немаловажную роль в поддержке существования дискурса прав женщин в Африке. Тем не менее, риторика государств-доноров во многом контролирует повестку дня борьбы за права женщин и гендерное равенство, в конечном счете ограничивая способность активисток африканского движения самостоятельно воздействовать на общественные процессы, проистекающие из борьбы против дискриминации женщин.

Еще более значимо, что неправительственным организациям, предоставляющим международную поддержку, разрешено решать, в чем выражаются успехи и неудачи борьбы за правами женщин в Африке, и кого можно признать легитимными активистками.

Таким образом, многие социально-активные группы, в целом не заинтересованные в разрешении действительно значимых проблем гендерного неравенства в Африке, и позиция которых во многом противоречит идеологическим потребностям и самой сути феминизма, и прав женщин, получают поддержку и продвижение, поскольку соблюдают регламентированные неправительственными организациями условия взаимодействия.

С другой стороны, активистки, пытающиеся руководить реальной повесткой дня в борьбе за права женщин, вынуждены оставаться незамеченными и часто сталкиваются с обвинениями в чрезмерной политизированности.

Более того, большинство современных модальностей поддержки африканского женского движения очень коммерциализированы. Работа над социальными изменениями и гендерным равенством постепенно превращается в товар под прикрытием борьбы с коррупцией и контроля за ресурсами и расходами.

Например, в последние 20 лет USAID и правительство Великобритании перенаправляют большинство своих ресурсов для развивающихся стран через частные компании. Такие компании-подрядчики, работающие исключительно на основе финансовых расчетов, получили контроль над работой по чрезвычайно сложным вопросам, в том числе с миром и примирением, сексуальным насилием, борьбой с терроризмом и так далее. Этим учреждениям часто не хватает не только навыков и знаний, но и искренней заинтересованности и эмпатии, которые сделали бы их деятельность более весомой для функционирования в местном гражданском обществе.

Сегодня взаимодействие между донорами (северными государствами и неправительственными организациями) и населением Африки в области прав женщин не основано на солидарности, как должно быть. Внешние институты используют риторику гендерного равенства и прав женщин, чтобы эксплуатировать эти идеи. Консерватизм, который сейчас доминирует во многих таких институтах, способствует деполитизации женского движения и действительно не заинтересован в росте африканского женского движения и социальных трансформациях.

Это не может привести к существенным изменениям, в которых нуждаются африканские женщины. Нельзя говорить об изменениях и развитии движения при таких условиях взаимодействия. Если не состоятся фундаментальные реформы в сфере борьбы за гендерное равенство, то права человека, права женщин и социальное развитие превратятся в коммерческий проект с присущей ему риторикой.

Движения за права женщин – это политические движения. Они занимаются властными отношениями, политическими позициями и целями, политикой вне простого представительства – как сознательные граждане, имеющие четкие цели и инструменты сопротивления и преданные ценностям солидарности.

В странах, где для большей часть населения трудно даже удовлетворить базовые человеческие потребности, местные элиты из НПО пользуются своим положением, чтобы получить привилегии, при этом старательно избегая проблемной риторики. Но разговор о правах женщин и развитии повестки дня женского движения невозможен без политического активизма.

Выводы по результатам исследования. Движение за права женщин в Африке носит общественно-политический характер. Активистки и феминистки африканского региона фактически идут по пути повторения мирового женского движения. Как и в других развивающихся странах в Африке ситуация с правами женщин медленно, но верно, меняется. Все больше девушек получают высшее образование, овладевают ранее считавшимися сугубо мужскими специальностями. Все больше женщин присоединяется к государственному сектору экономики, занимают места в иерархической структуре управления.

Однако непосредственно для женского движения современная ситуация носит регрессирующий характер, что связано с социально-экономической и военно-политической нестабильностью; ранними браками, исключающими женщин из социально-экономической и общественно-политической жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Брайдотти Р.* Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000.

2. *Водопьянова Е.В.* Европейский феминизм: идеи и движение // Современная Европа. 2000. № 4 (4).

3. *Крылова Н.Л.* Женские объединения в Африке как форма политико-экономического и социокультурного самовыражения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3.

4. *Кэрролл С.Дж., Зерилли Л.М.* Феминистские вызовы политической науке // Общественные науки и современность. 2001. № 6.

5. *Ланж де Н.* «Воительницы»: девушки в борьбе с гендерным неравенством в ЮАР // Неприкосновенный запас. 2019. № 3.

6. *Муслумова Т.В.* Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28).

7. *Мягкова М.И.* Эволюция женского движения в Республике Тунис: 1956-2010 гг.: дисс. …к.и.н. М., 2012.

8. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 2012 года A/RES/67/146 // https://undocs.org/ru/A/RES/67/146.

9. *Самаке А.* Международно-правовая защита прав женщин в Африке: дисс. …к.ю.н. М., 2015.

10. *Bérenger V., Verdier-Chouchane A.* Child Labour and Schooling in South Sudan and Sudan: Is There a Gender Preference? // https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/WPS_No_230_Child_Labour_and_Schooling_in_South_Sudan_and_Sudan.pdf.

11. *Chengeta G.* Challenging the Culture of Rape at Rhodes // https://mg.co.za/article/2017-04-25-00-challenging-the-culture-of-rape-at-rhodes/.

12. Niger // https://atlas.girlsnotbrides.org/map/niger.

13. Organizations: Women's Aid Collective (WACOL) // https://www.mhtf.org/organization/womens-aid-collective-wacol/.

14. *Sandy Ojang Onor.* Ph.D. Decolonizing Nigerian women: a historical necessity // International Journal of History and Philosophical Research. 2017. Vol. 5. № 3.

15. Top 20 countries with the highest prevalence rates of child marriage // https://atlas.girlsnotbrides.org/map/.

16. *Westmore-Susse J.* Transforming Violent Culture and Building Platforms for Young Women and Launch of Agenda Journal № 97: Sex, Gender and Childhood // Agenda. 2014. Vol. 28. № 2.

17. 2 million nigerian girls women raped annually, as FG launches sex offenders register // https://dailytrust.com/2-million-nigerian-girls-women-raped-annually-as-fg-launches-sex-offenders-register.html.

WANGRAOUA SADIA RITA SONIA
Post-graduate student at RUDN University,
Moscow, Russia

WOMEN'S MOVEMENT IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE IN AFRICA

The article reveals the foundations of the emergence and formation of the women's movement and the struggle for gender equality in the global context in political science, analyzes from the relationship with the political concept of feminism, including from the perspective of purely African trends. The social purpose of women's movements in Africa is characterized, which consists in helping a woman to become a socially and professionally mobile person, capable of taking responsibility for her decisions at any time, adapting to life circumstances, including difficult realities. The problems of the implementation of the methodology of the gender approach in the study of the socio-political aspects of the life of society in the context of ensuring the rights of women are investigated. The situation with the provision and guarantee of women's rights in Africa is analyzed, including in connection with their involvement in the socio-economic aspects of country and regional development, as well as the social and political life of African countries. The problem of female genital mutilation, as well as early (including child) marriages, is revealed. The analysis of the problems and prospects of the further existence of the women's movement in the social and political life in Africa is carried out.

Key words: *gender equality, gender studies, female emancipation, women's movement, protection of women's rights, female genital mutilation, non-governmental public organizations, postmodern feminism, early (child) marriage, feminism.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.035
УДК 32.327
ГАО ЮЕ
аспират кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ В РАМКАХ ШОС

В данной статье актуализируется вопрос современного состояния взаимодействия государств, которые являются членами Шанхайской Организации Сотрудничества в области противодействия кибертерроризму. Автором дается современная трактовка понятия кибертерроризм и дается политологическая оценка инструментальных возможностей взаимодействия наднациональных систем, а также формы многостороннего взаимодействия в сфере противодействия кибертерроризму. Обобщая представленный материал, в заключении автором дается политологический анализ тенденций развития области сотрудничества государств-членов ШОС в контексте механизма противодействия кибертерроризму.

Ключевые слова: *кибертерроризм, информационная безопасность, ШОС, Региональная Антитеррористическая Структура ШОС.*

Актуальность темы статьи определяется возрастающей ролью международных организаций в контексте усиления новых проблем и угроз национальной безопасности. В данной связи, государства, входящие в состав Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), не являются исключением. В цифровую эпоху повышается степень ответственности государств и межправительственных организаций за обеспечение кибербезопасности. Кибертерроризм является существенной угрозой, что обуславливает выработку соответствующих программ профилактики в качестве механизмов защиты государств-членов ШОС.

Цель статьи – исследовать механизм взаимодействия и реализации мер профилактики и противодействия кибертерроризму в рамках ШОС. Для достижения цели исследования, проанализируем понятие кибертерроризм, выявив присущие данному феномену черты и особенности, а затем изучим меры по противодействию кибертерроризму в рамках ШОС.

Термин кибертерроризм был введен в 1980 г специалистом американского Института Безопасности и Разведки Б. Колином. Он определил ки-

бертерроризм как действия террористического характера в виртуальном пространстве посредством технических средств [7. С. 210]. Отметим, что в законодательстве многих государств отсутствует понятие кибертерроризм, что частично компенсируется юридически зафиксированным определением «информационная безопасность», которая во многом определяет механизм профилактики и противодействия кибертерроризму.

Сложность выработки определения обуславливается многообразием форм содержания данного феномена. Многие исследователи выделяют следующие отличительные особенности кибертерроризма от других видов киберпреступности:

- деяние имеет опасные общественные или государственные последствия;
- идеологическая мотивация;
- последствия имеют государственный и общественный резонанс [4. С. 89].

Проведем анализ противодействия кибертерроризму в рамках ШОС посредством рассмотрения законодательных и практических инструментов деятельности Организации. Также изучим механизмы борьбы с кибертерроризмом на внутриполитическом уровне.

Законодательное регулирование сферы информационного пространства в Китае представлено широким нормативно-правовым и практическим инструментарием, включающим следующие элементы [6. С. 55]:

- Постановление ВСНП по защите интернета от 2000 г.
- Антитеррористический закон КНР от 27 декабря 2015 г.
- Территориальные и подведомственные Центральному Правительству структуры профилактики и противодействия киберпреступлениям [5. С. 224].

Обратим внимание на систему «Золотой щит», представляющую комплекс информационных барьеров, «пропускающих» сетевую информацию всех пользователей через «информационное сито», которое контролируется операторами (провайдерами), аффилированными с органами государственной власти и специальными службами Китая.

Создание аналога «Золотого щита» на уровне ШОС обсуждается в контексте реализации мер профилактики и противодействия кибертерроризму. Однако, в связи с многочисленными практическими сложностями реализации, данный проект остается нереализованным [3. С. 53].

Анализ деятельности в области профилактики и противодействия кибертерроризму государств Центральной Азии показывает, что правительства стран региона создают департаменты по борьбе с кибертерроризмом. Эти департаменты являются самостоятельными структурами, действующими параллельно с ШОС. К службе реагирования на компьютерные инциденты (CERT) в 2005 г. присоединился Узбекистан. В 2009 году собственное подразделение создал Казахстан. Kz-CERT функционирует при Министерстве

связи и информатизации. Основным направлением работы CERT является реализация сотрудничество между специалистами, выявление атак на объекты информационной инфраструктуры, а также разработка технических рекомендаций и законодательства по противодействию киберпреступности. Созданный отдел собирает нарушения законов с интернет-доменами Казахстана. Так же, в этой связи, Казахстанским Комитетом национальной безопасности была создана группа по борьбе с киберпреступностью, которая выделена в особый отдел.

Стоит отметить, что в связи с недостаточностью финансирования и ощутимом отставании в развитии сферы информационных технологий действия, направленные на укрепление кибербезопасности в Центральной Азии, достаточно трудно реализуемы. Даже Казахстан ощущает на себе недостаточность финансирования в области информационной безопасности, хоть и является при этом самой развитой страной в регионе. За этим следует отставание в области обеспечения необходимым программным обеспечением и антивирусным оборудованием руководства страны в целом. Существующее предложение не имеет возможности удовлетворить спрос на экспертов в области защиты информации. Наблюдается дефицит квалифицированных кадров, которые могли бы обучать пользованию цифровой информацией членов правительства или частных лиц.

Рассматривая вопрос правового и практического регулирования сферы противостояния киберпреступлениям в рамках ШОС, следует обратиться к документу, в котором государства-члены организации определили общие понятия информационной безопасности в IT-сфере, что обуславливает единство позиций на площадках Организации Объединенных Наций и иных международных и региональных организаций и форумов.

Отметим, что данный международно-правовой документ является уникальным международно-правовым конструктом, который позволил зафиксировать основы понимания информационной безопасности, форм и механизмов угроз и противодействия кибертерроризму и киберпреступлениям. Соглашение стало фундаментом для разработки иных международно-правовых актов, регулирующих сферу международной и региональной информационной безопасности.

Региональная Антитеррористическая Структура была создана на основе общего понимания противодействия террористической угрозе, а также исходя из многолетнего опыта России и Китая. Выделим следующие основные задачи Структуры [2. С. 34]:

• осуществление прямых контактов с компетентными органами государственной власти государств-членов ШОС;

• проведение мероприятий, направленных на обеспечение консолидации правоохранительных структур и структур ШОС в области профилактики и противодействия кибертерроризму;

• проведение мероприятий по осуществлению подготовки международно-правовых актов, регламентирующих сферу противодействия кибертерроризму и информационной безопасности, а также содействие в совершенствовании национальных законодательств в данной области;

• сбор данных, его анализ и, как следствие, формирование «банка данных»;

• организация научно-практических конференций и обсуждений, обмен опытом между правоохранительными органами и иными ведомствами государств-членов ШОС.

Противодействие кибертерроризму в рамках ШОС встречает неоднозначные оценки. Основанием для скептического отношения исследователей является тот факт, что на сегодняшний день не представляется возможным формирование единого информационного пространства. Защита национальных информационных пространств входит в сферу стратегической инициативности самих национальных государств, входящих в структуры по информационной безопасности ШОС. Также отмечается, что существенным упущением в области противодействия кибертерроризму является отсутствие должного взаимодействия с иными международными и региональными организациями, которые в достаточной мере осуществляют противодействие кибертерроризму. В этой связи, актуализируется вопрос эффективности структур Организации, отвечающих за «внешнее» взаимодействие.

Впрочем, данные недостатки могут быть минимизированы при реализации инициативы, с которой на ежегодной встрече выступил секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев в мае 2019 г. Он предложил создать многозадачный центр по борьбе с новыми проблемами и кибеугрозами, который будет функционировать на основе РАТС ШОС. Таким образом, универсальный центр ШОС будет противостоять новым вызовам и угрозам на уровне объединения [1. С. 406].

Анализ возможностей взаимодействия в области кибертерроризма и информационной безопасности в рамках реализации проектов ШОС, дает возможность сделать вывод о том, что существуют перспективные направления в области совершенствования законодательной и практической области в сетевом пространстве, что подразумевает работу в следующих областях:

• гармонизация законодательства государств-членов ШОС в области информационной безопасности;

• закрепление необходимых форм и содержательных аспектов противодействия современным информационным вызовам;

• расширение «информационной базы», касающейся кибертерроризма и киберпреступлений;

• формирование и функционирование необходимых исследовательских центров анализа и мониторинга киберугроз;

• углубление сферы технологического взаимодействия государств-членов ШОС в сфере поставок компьютерного оборудования, систем хранения и анализа данных.

Подводя итог, отметим важность сохранения стабильности и единства государств-членов ШОС в области информационной безопасности, противодействия кибертерроризму и иным преступлениям сетевого характера. В этой связи, обратим внимание на необходимость использования международного и регионального опыта в данной области, продолжение сотрудничества национальных правительств в рамках ШОС с целью защиты от угроз кибертерроризма. Существует необходимость в предложении ряда инициатив на международном уровне. Очень важно, чтобы в этом направлении было единство взглядов и соразмерное участие каждого из членов, входящих в состав ШОС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васецова Е.С., Манойло А.В.* Борьба с международным терроризмом в цифровую эпоху. М.: Горячая линия – Телеком, 2021.

2. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности // Официальный сайт ШОС // http://www.sectsco.org/CN11/show.asp?id=172.

3. *Зимонин В.П.* Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. Материалы круглого стола. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2017.

4. Инновационное сотрудничество на пространстве ШОС: Сб. докладов / под ред. А.А. Никулина, Е.А. Шаровой. М.: РИСИ, 2017.

5. *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М.: Форум, 2017.

6. *Чанхай Л.* Эволюция уголовно-правового законодательства КНР в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом. Москва: Юридическая наука в Китае и России, 2020.

7. *Чжу Юнбяо, Жэнь Ян.* Гоцзи ванглуо чжуи янцзю (Исследование международного кибертерроризма). Пекин: Чжунго шэхуэй чубаньшэ, 2014.

GAO YOUE
Postgraduate student at the Chair of oriental political science, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

COUNTERING CYBERTERRORISM WITHIN THE SCO

This article raises the question of the current state of interaction of member states of the Shanghai Cooperation Organization in the field of countering cyberterrorism. The author gives a modern interpretation of the concept of cyberterrorism and gives a political assessment of the instrumental possibilities of interaction between supranational systems, as well as forms of multilateral cooperation in combating cyberterrorism. Summarizing the material presented, the author concludes with a political analysis of trends in the development of the sphere of interaction of SCO member states in the context of the mechanism of countering cyberterrorism.

Key word: *cyberterrorism, information security, SCO, SCO Regional Anti-Terrorist Structure.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.036
УДК 32.327
М.В. ДУДАЕВА
аспирант Московского государственного института международных отношений (МГИМО МИД России); научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва

ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ: СПЕЦИФИКА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ[1]

В статье исследуется специфика развития процесса децентрализации на примере Италии. С целью проведения настоящего анализа автором проводится концептуализация аналитических инструментариев – разграничение таких понятий, как децентрализация и регионализация. Диагностируются основные проблемы, которые заключаются в изменении концепции национальной безопасности, увеличении уязвимости центральных властей, снижении уровня политического доверия, обострении националистических тенденций в связи с отсутствием солидарности между национальным и региональным уровнями власти. Констатируются противоречивые тенденции в развитии центр-региональных взаимодействий. С одной стороны, итальянский опыт позволяет говорить об оправданности комбинирования централизованных и децентрализованных механизмов принятия политических решений в чрезвычайной ситуации. С другой стороны, вышесказанное дает основания для предположения о возрастании напряженности между центральными и субнациональными уровнями власти.

Ключевые слова: *политическая децентрализация, регионализация, Италия, кризис.*

Волна политической децентрализации, охватившая страны Западной Европы, актуализировала общественные дискуссии о политико-территориальном устройстве государств, об изменении роли административно-территориальных образований. Выбор Италии для исследования указанной проблематики не случаен. На фоне других европейских государств Италия

[1] Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта по проекту РФФИ-ЭИСИ № 21-011-32233.

отличается высоким уровнем межрегиональных различий, которые обусловлены историческими, политическими, социально-экономическими и этнокультурными причинами. По словам итальянского социолога Ф. Ферраротти, Италия – «это фрагментированная антрополого-культурная реальность <…> это набор культур, которые расположены горизонтально и практически не пересекаются». Учитывая тот факт, что Итальянская республика является относительно молодым государством (год образования – 1861 г.), можно предположить, что в сознании жителей Апеннинского полуострова еще не успела сформироваться единая итальянская идентичность – «italianità».

Стимулом к ускорению процесса децентрализации в Италии является законодательное утверждение Италии в качестве регионалистского государства, что подразумевает под собой децентрализованное государство переходного типа, находящееся на пути от унитаризма к федерализму. Так, согласно ст. 5 Конституции Итальянской Республики данное государство признается единым и неделимым, при этом признаются местные автономии и осуществляется широкая административная децентрализация [3]. Кроме того, Конституция Италии закрепляет двадцать регионов, пять из которых обладают особым статусом: Сицилия, Сардиния, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венеция-Джулия и Валле-д'Аоста. Такой статус наделяет данные регионы значительными законодательными и административными полномочиями в таких сферах общественной жизни, как образование, здравоохранение, налогообложение и др.

Однако несмотря на довольно развитый региональный потенциал, регионы Италии все еще не имеют официального представительства на центральном уровне. По данному аспекту Италия значительно отличается как от децентрализованных стран Западной Европы (Германия, Австрия), так и от централизованных (Франция), в которых имеется орган, представляющий региональные и местные интересы на национальном уровне.

В настоящее время интерес к изучению процесса политической децентрализации в Италии возрастает также в связи с тем, что специфика государственно-территориального устройства Италии оказала ключевое влияние на развитие процесса принятия решений в период пандемии, вызванной новым типом коронавирусной инфекции COVID-19. С самого начала возникновения чрезвычайной ситуации в Италии возникли разногласия между центральным правительством и региональными властями по поводу распределения полномочий. Кризис усилил роль глав регионов, которые впервые стали ключевыми фигурами в проведении кризисной политики и приобрели большую популярность среди избирателей.

Для проведения дальнейшего исследования необходимо провести концептуализацию ключевых понятий – *децентрализация и регионализация*.

Анализ ряда научных исследований российских ученых позволяет сделать вывод, что под децентрализацией понимается «процесс, посред-

ством которого полномочия, функции, обязанности и ресурсы передаются от центральной государственной власти к региональным и местным органам управления» [2. С. 5] как в рамках федеративного, так и унитарного государственно-территориального устройства.

Под регионализацией, в свою очередь, понимается процесс, направленный на «создание взаимосвязанной политико-экономической системы, обеспечивающей особый статус региональных образований в политической системе государства, участие регионов в реализации государственной власти, их относительную экономическую и фискальную самостоятельность в условиях унитарного государства» [4. С. 671].

Можно сделать вывод, что регионализация является частным случаем децентрализации, которая реализуется на уровне региональной власти и в рамках унитарного государства.

Спецификой итальянского регионализма является развитие процесса политической асимметрии, связанного с предоставлением разного уровня полномочий автономным областям. Пять областей из двадцати обладают особым статусом: Сицилия, Сардиния, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венеция-Джулия и Валле-д'Аоста имеют специальные статуты, предусматривающие особые формы и условия автономии, что обусловлено либо наличием исторически сложившихся социальных и культурных особенностей региона, либо наличием этнических меньшинств.

Наряду с автономизацией пяти регионов в Италии, особый интерес в исследовании данного процесса связан с тем, что здесь прослеживается тенденция к переустройству всего государства на основе развития процесса децентрализации. Однако ориентируясь на затяжное проектирование стабильной федеральной архитектуры, начавшееся с середины 1990-х гг. и продолжающееся по настоящее время, процесс децентрализации в Италии оказался в ловушке между устойчивым централизмом, преобладающим в момент зарождения Итальянского государства в 1861 г., и глубокой традицией локализма [7. С. 87].

К тому же, как упоминалось выше, в связи с поздним национальным объединением особенностью данной политики является наличие глубокой региональной неоднородности. Подобная диспропорция основана как на социально-экономических характеристиках, так и на культурно-исторических традициях. Наиболее острой проблемой, существующей с момента «зарождения» региональной политики Италии, является контраст между уровнями развития регионов – отставание итальянского Юга от северной части страны. На 2020 г. величина дохода на душу населения на Севере Италии вдвое больше чем на Юге: на севере этот показатель составляет 36 тысяч евро, на юге – 19 тысяч евро в год.

Пандемия 2020 г., вызванная распространением Covid-19, в очередной раз проявила особенности административно-территориального деления го-

сударства и высветила основные вызовы, с которым сталкивается Италия на современном этапе:

1) изменение концепции национальной безопасности в связи с появлением угроз нового плана. Так, по мнению профессора кафедры дипломатии МГИМО Т.В. Зоновой, если ранее акцент был сделан на военную безопасность, то сейчас на первый план выходят новые угрозы (биологические, проблемы климата, защиты окружающей среды и др.). Т.В. Зонова полагает, что для разрешения насущных проблем возникает необходимость в консолидации усилий на наднациональном уровне. Однако в настоящее время отсутствует солидарность в Европейском Союзе (ЕС), что вызвано, главным образом, сопротивлением политической элиты на национальном уровне [8].

2) снижение уровня политического доверия, увеличение уязвимости центральных властей на фоне проведения неэффективных мер карантинной политики. Так, согласно руководителю Центра итальянских исследований Института Европы РАНЕ С. Алексеенковой в настоящее время на повестку дня возвращается региональный дискурс, т.к. растет доверие населения к региональным властям. По мнению эксперта, позиции Маттео Сальвини (лидера партии «Лига») менее уязвимы по сравнению с позициями Демократической партии и премьер-министра Италии Джузеппе Конте [8].

3) обострение националистических тенденций в связи с отсутствием солидарности между главами регионов, а также в связи с отсутствием консолидации в действиях между наднациональным, национальным и региональным уровнями власти. Бездействие Брюсселя в ответ на просьбу об активизации механизма ЕС по гражданской обороне для поставок медицинского оборудования для индивидуальной защиты продемонстрировало отсутствие солидарности внутри объединения, что, в свою очередь, привело к снижению уровня доверия к структурам ЕС. Вместо Брюсселя на помощь Риму пришли Москва и Пекин, которые в срочном порядке направили своих медицинских работников в Италию для оказания помощи в борьбе с коронавирусом. В динамике рост евроскептицизма можно проиллюстрировать на примере опроса Tecné, проведенного среди 1000 итальянцев в апреле 2020 г., 42% респондентов заявили, что покинут ЕС, по сравнению с 26% в ноябре 2018 г. По мнению аналитиков, Евросоюз неминуемо ждут трансформации, которые в корне могут изменить роль институциональных структур. Немаловажную роль в процессе такой трансформации сыграет вновь усилившаяся активизация евроскептиков [5].

4) усиление экономического кризиса на фоне поражения коронавирусом, в большей степени, регионов-локомотивов национальной экономики. Ломбардия, Эмилия-Романья, Венето и Пьемонт, то есть регионы с наибольшим числом смертей, связанных с COVID-19, составляют 48,2% ВВП Италии. В частности, на Ломбардию приходится более одной пятой национального ВВП (22%). Здесь также размещено 15,7% итальянских фирм

и, безусловно, это самый густонаселенный итальянский регион. На данный момент сложно спрогнозировать масштабы влияния введенных ограничений на экономическую сферу. Кроме того, по мнению итальянского премьера, некоторые страны пока не вполне осознают жесткость ограничений, которые эта чрезвычайная ситуация будет создавать в экономической сфере. Ясно, что госдолг Италии останется на очень высокой отметке в среднесрочной перспективе, что подчеркивает риски, связанные с чрезмерной задолженностью [9].

Таким образом, итальянский опыт позволяет говорить о необходимости комбинирования централизованных и децентрализованных механизмов принятия политических решений. С одной стороны, в связи с современными вызовами необходимо упрощение механизма принятия консолидированного решения между центральной и региональной уровнями власти. Как говорит глава Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях Италии, вирус «быстрее, чем наша бюрократия». Данный кризис послужит толчком для создания эффективной модели управления государством [8]. Какой путь выберет Италия?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Богатырева О.Н.* Процессы децентрализации в Европейских странах // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 2 // https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-detsentralizatsii-v-evropeyskih-stranah.

2. *Бутенко В.А., Мохаммади Ш.* Регионализация и «новый» регионализм // Право и политика. 2020. № 7. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33203.

3. Конституция Итальянской республики 1948 г. // http://wwwext.comune.fi.it/costituzione/cirillico.pdf.

4. *Сардарян Г.Т.* Регионализация и федерализация в контексте трансформации форм политико-территориального устройства государств // Политика и Общество. 2014. № 6 (114). DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12359.

5. Стадия переосмысления: как пандемия коронавируса может трансформировать Европейский союз. 2020 // https://russian.rt.com/world/article/743470-evropa-es-polsha-koronavirus-vlast.

6. Эксперты назвали основные проблемы Италии после пандемии // https://ria.ru/20200424/1570540536.html.

7. *Baldini G., Baldi B.* Decentralization in Italy and the Troubles of Federalization // Regional and Federal Studies. 2014. Vol. 23. Issue 1.

8. Covid-19: пять уроков итальянской трагедии. 2020 // https://hbr-russia.ru/management/prinyatie-resheniy/826993.

9. Fitch понизило рейтинги Италии до «BBB» из-за коронавируса // https://www.interfax.ru/business/706559.

M.V. DUDAEVA
Postgraduate student of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); Research Fellow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

POLITICAL DECENTRALIZATION PROCESS IN ITALY: THE SPECIFICS AND MODERN CHALLENGES

The article examines the specifics of the development of the decentralization process using the case of Italy. The author of the article conceptualizes the analytical tools – the concepts of decentralization and regionalization. The main problems are diagnosed, namely the change of national security, an increase in the vulnerability of central authorities, a decrease in the level of political trust, an exacerbation of nationalist tendencies due to a lack of solidarity between the national and regional levels of government. Contradictory tendencies in the development of center-regional interactions are stated. On the one hand, the Italian experience suggests that the combination of centralized and decentralized mechanisms for making political decisions in an emergency is justified. On the other hand, the above provides grounds for the assumption that tensions are growing between the central and subnational levels of government.

Key words: *political decentralization, regionalization, Italy, crisis.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.037
УДК 32.327
А.А. ЕЛОВИК
аспирант исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИКА РОССИИ В ДИСКУРСЕ СВЕТЛАНЫ ТИХАНОВСКОЙ

В данной статье проанализирована риторика кандидата в президенты Республики Беларусь Светланы Тихановской, ставшей главным конкурентом Александра Лукашенко на выборах 2020 г., в отношении Российской Федерации и российского народа. Главный вывод, который позволяет сделать исследование, состоит в том, что конструируемый штабом Тихановской образ России не был статичен, эволюционировал и реагировал на изменение политического дискурса, формируемого официальным Минском. Отдельный акцент в статье делается на несамостоятельности фигуры Тихановской, политический дискурс которой моделируется ее окружением, имеющим давний не только антилукашенковский, но и антироссийский бэкграунд.

Ключевые слова: *Беларусь, Белоруссия, Лукашенко, протесты в Беларуси, Тихановская, Россия, Восточная Европа.*

По собственному признанию, С. Тихановская – абсолютно случайный человек в большой политике. Однако мощные протесты лета-осени 2020 г. в Беларуси сделали ее одной из самых узнаваемых фигур белорусского политического класса, имеющей серьезную поддержку как внутри страны, так и на Западе.

До мая 2020 г. С. Тихановская отсутствовала в общественно-политическом дискурсе республики. Все перевернуло решение ЦИК Беларуси не регистрировать инициативную группу по выдвижению блогера Сергея Тихановского кандидатом в президенты. Основание было найдено сугубо техническое: Тихановский отбывал в те дни административный арест и не смог поставить личную подпись под регистрационными документами. Команда политика осуществила тогда политтехнологическую операцию, подав в последний день документы в Центризбирком на регистрацию жены Тихановского – Светланы, где сам Сергей числился лишь руководителем инициативной группы [9].

Первоначально супруге отводилась в этой схеме роль подставной фигуры. Настоящую предвыборную кампанию проводил сам Сергей Тиханов-

ский. Организованные им пикеты по сбору подписей за формальное выдвижение жены кандидатом в президенты собирали в разных городах Беларуси растянувшиеся на сотни метров очереди [1].

Активность Сергея Тихановского и взрывной рост его популярности прекратились 29 мая во время предвыборного пикета в Гродно, где политик и еще 9 активистов его команды были задержаны вследствие инцидента с работниками местной милиции [16].

Можно было ожидать, что С. Тихановская откажется от продолжения предвыборной кампании. Она неоднократно заявляла, что никогда не мечтала заниматься политикой, видела себя матерью и женой. Позже оппозиционный лидер не раз признавалась, что ввязалась в президентскую гонку «по любви», чтобы поддержать арестованного мужа, не скрывала своих пристрастий к семейному очагу, но не к политике [5].

Однако отказа кандидата от регистрации не произошло. К тому времени вокруг ее персоны уже объединилась группа опытных деятелей оппозиции, увидевших в С. Тихановской «таран» против действующего президента РБ Александра Лукашенко. Можно предположить, что именно они убедили неопытную и слабо погруженную в нюансы белорусской политики Тихановскую продолжать избирательную гонку. Важно учитывать, что большинство той команды составляли представители националистических, прозападных сил оппозиции с враждебным отношением к России.

Второе пополнение политической команды С. Тихановской произошло 16 июля 2020 г. после того, как ЦИК отказал в регистрации кандидатами в президенты двум «тяжеловесам» – главе «Белгазпромбанка» Виктору Бабарико и экс-дипломату Валерию Цепкало. В этот день было объявлено решение трех штабов об объединении всей несистемной оппозиции Беларуси вокруг предвыборной кампании С. Тихановской.

За бортом объединительного процесса оказались зарегистрированные кандидатами в президенты представители т.н. «системной» оппозиции – лидер общественного объединения «Говори правду» Андрей Дмитриев, председатель Белорусской социал-демократической партии «Грамада» Сергей Черечень, и экс-депутат парламента Анна Канопацкая. Однако представители Бабарико и Цепкало существенно «разбавили» антироссийский контент штаба Тихановской, привнеся в него определенную сдержанность, взвешенность и даже некоторую лояльность к российскому народу.

Сделанная выше отсылка к некоторым фактам недавней истории Беларуси необходима, чтобы понимать следующие обстоятельства.

Во-первых, для формирования собственной политической позиции и своего дискурса у С. Тихановской нет базовой подготовки, опыта и желания. Ее «делает» окружение, состоящее из старых деятелей белорусской оппозиции. На это особенно упирал А. Лукашенко 4 августа 2020 г. в ежегодном Послании белорусскому народу и Национальному собранию, на-

звав Тихановскую и ее соратниц Марию Колесникову и Веронику Цепкало «несчастными девчонками», которые «не понимают, что им пишут те, кто за ними стоит» [7].

Подобная оценка является, безусловно, субъективной и предвзятой, однако сама Тихановская не раз демонстрировала полную некомпетентность в базовых политических вопросах. К примеру, в интервью российскому интернет-изданию «Lenta.ru» 30 июля 2020 г. она следующим образом ответила на вопрос о персональном отношении к проблеме декоммунизации: «Мне очень стыдно, но я не знаю, что это такое» [6].

Во-вторых, политический дискурс Тихановской формулирует достаточно разношерстная в идеологическом отношении команда, имеющая диапазон представлений от откровенной русофобии до лояльно-конструктивной сдержанности в отношении политики Кремля. В ее составе на разных этапах работали и/или продолжают работать националист Франак Вечерко, христианский демократ Ольга Ковалькова, либерал Александр Добровольский, бывший министр культуры РБ (2009-2012 гг.) и экс-директор Национального академического театра им. Янки Купалы Павел Латушко, лидер стачкома Минского тракторного завода Сергей Дылевский, лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич и другие. Очень сложно ожидать от такой разнородной команды четких позиций и тезисов по многим важнейшим вопросам.

В-третьих, образ России в интерпретациях команды Тихановской – это еще и «фрондирующая» рефлексия на внешнеполитический дискурс белорусской правящей элиты, который подвергается известным колебаниям в связи с конкретной международной ситуацией.

Таким образом, исследуя образ России в дискурсе С. Тихановской, мы имеем в виду все три названных выше фактора.

Ранее на примере социальных медиа автору приходилось отмечать, что представления белорусской оппозиции о России подвержены достаточно быстрым конъюнктурным изменениям и корректировкам, обусловленным конкретной внутриполитической обстановкой и состоянием официальных отношений Республики Беларусь и Российской Федерации, и легко прослеживаются по хронологическим периодам [3].

Точно так же и эволюция «российского» дискурса С. Тихановской имеет свои временные рамки.

Первый период – с середины мая и до 9 августа 2020 г., когда команда Тихановской собирала подписи граждан в поддержку ее выдвижения кандидатом в президенты Беларуси и проводила предвыборную агитацию.

На этом этапе Россия не занимала значительного места в повестке основного конкурента А. Лукашенко на президентских выборах. Риторика Тихановской сводилась к тому, что белорусы – мирные люди, хотят «дружить со всеми», Россия – сосед Беларуси, с которым «необходимо поддерживать

отношения». Весь дискурс в отношении РФ был ориентирован на то, чтобы понравиться всем, никого не оттолкнуть, заручиться голосами и сторонников Союзного государства, и адептов евроинтеграции. Поэтому кандидат в президенты старалась обходить конфликтные внешнеполитические темы, сглаживать «острые углы».

На относительную откровенность по данной теме С. Тихановской пришлось пойти 27 июля 2020 г. в интервью интернет-изданию Meduza [10]. При этом редакция сделала симптоматичную оговорку: кандидат в президенты согласились ответить лишь на некоторые вопросы и только в письменном виде. Это косвенно усиливает утверждение А. Лукашенко, что все тексты Тихановской пишутся людьми, которые опасаются подставить ее под информационный удар крупных СМИ.

Повторив привычные нейтральные тезисы о России, команде Тихановской в этом интервью пришлось дать несколько принципиальных ответов, вызвавших общественный резонанс. В частности, С. Тихановская выступает в интервью «осторожным» противником Союзного государства: «Беларуси не нужно Союзное государство»; «Нам нужны обычные межгосударственные связи, никаких дополнительных договоров не надо»; «Надо продолжать развивать экономические связи. Но все это должно быть на равных» и т.п. Независимость Беларуси – наивысшая, в ее понимании, ценность, которой «мы не торгуем». При этом авторы ответов фактически ушли от четкого вопроса издания о Крыме и Донбассе.

Параллельно с этим команда Тихановской находила уязвимые места в антироссийской риторике А. Лукашенко того периода и активно оппонировала президенту по этой теме. В частности, отвергались обвинения в адрес В. Бабарико о том, что банкир – кандидат Кремля, «Газпрома» и российских олигархов. Арест политика вызвал жесткий комментарий в аккаунтах Тихановской в социальных сетях [11]. С. Тихановская также решительно отвергла заявления официального Минска о связи задержанных в Беларуси 29 июля 2020 г. бойцов ЧВК «Вагнер» с оппозицией и об их намерениях вмешаться в белорусские выборы [12].

Второй период эволюции образа России в интерпретациях Тихановской начался после закрытия избирательных участков 9 августа 2020 г. и продолжался в течение месяца, пока Кремль не продемонстрировал однозначную поддержку А. Лукашенко (вплоть до готовности направить правоохранительные подразделения в Беларусь [8]), а сами антилукашенковские уличные протесты не утратили динамику роста.

В глазах, протестующих С. Тихановская являлась победителем выборов, у которой власть отняла голоса и президентский мандат. Сама экс-кандидат 11 августа покинула страну из соображений личной безопасности и уже из Литвы и других государств ЕС попыталась представить Россию в образе силы, способной стать «на сторону белорусского народа» и поддержать тре-

бования митингующих об отставке А. Лукашенко и проведении новых выборов. При этом С. Тихановская не стала напрямую обращаться за поддержкой к Кремлю. Интересы оппозиции в разговоре с В. Путиным фактически выполняли представители политического истеблишмента стран Запада.

27 августа, когда уличные демонстрации в поддержку С. Тихановской были на самом пике, она заявила в интервью радио «Эхо Москвы»: «Со мной связывались представители многих государств, среди которых представителей Российской Федерации не было». Однако она готова к переговорам с Кремлем как «лидер, которого выбрало большинство белорусов» [13].

Очевидно, Тихановская опасалась критики со стороны отдельных соратников и обвинений националистически ориентированной части, протестующих в заигрывании с Москвой и потому пыталась получить внимание политического класса России с помощью намёков, а не однозначных месседжей.

Однозначные посылы она отправляла гражданскому обществу Российской Федерации, противопоставляя его тем самым российской власти и формируя в Беларуси образ «двух России». 9 сентября 2020 г. оппозиционный лидер записала видеообращение к гражданам РФ, назвав их «друзьями и соседями». С. Тихановская уверяла россиян, что белорусский протест не направлен против России и призвала не верить «пропагандистским СМИ и политикам, утверждающим обратное» [2].

На прямое обращение к В. Путину экс-кандидат пошла только накануне его встречи с А. Лукашенко в Сочи 14 сентября. И тональность того обращения была агрессивно-враждебной. Речь исходила от политика, который уже проиграл схватку с президентом РБ за поддержку Кремля. «Я очень сожалею, что Вы решили вести диалог с узурпатором, а не с белорусским народом», – упрекает В. Путина С. Тихановская. И предупреждает, что «о чем бы вы ни договорились в Сочи – это не будет иметь законной силы».

С этого обращения можно вести отсчет **третьего периода** эволюции образа России в дискурсе С. Тихановской, который продолжается поныне. Доминирующая черта подобного дискурса – антироссийская направленность и апелляция к помощи Европейского Союза и США.

Сегодня экс-кандидат в президенты, до сих пор называющая себя «лидером большинства», расставляет жесткие акценты и представляет Российскую Федерацию в неприглядном свете. Примечательно ее интервью немецкому журналу Der Spiegel 7 августа 2021 г. – спустя год после президентских выборов. С. Тихановская уже не надеется на поддержку РФ и ее народа, призывает белорусов выбросить из головы мысли, что без России они не смогут решить ни одного вопроса. Президент Беларуси и Москва представлены уже как две сопоставимые беды: «Лукашенко ввел нас в зависимость от России. Мы должны и будем это менять». Тут же названы и «спасители» Беларуси: «Нас поддерживают 27 европейских стран, США и Канада» [4].

Россия для Тихановской – теперь еще и лично небезопасная страна. 26 октября 2021 г. она призналась радио «Эхо Москвы», что боится приезжать в РФ из-за угрозы ареста по запросу Следственного комитета Беларуси [14].

Эта враждебность изредка перебивается дежурными фразами о необходимости сотрудничества Беларуси и России. Тихановская говорит об этом в упомянутом выше интервью: «Мы же никуда не денемся от вас, как и вы от нас» [15]. Однако заявления такого рода выглядят несущественными на фоне системного антироссийского дискурса эмигрантской оппозиции Беларуси, где команда Тихановской задает общую тональность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Минске образовались очереди, желающих поддержать кандидатов в президенты // https://ria.ru/20200531/1572258777.html.

2. «Друзья и соседи»: Тихановская обратилась к россиянам // https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/09_a_13244582.shtml?updated.

3. *Еловик А.А.* Образ России в социальных медиа белорусской оппозиции (2019-2020 гг.) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. Вып. 6 (70).

4. «Лукашенко ввел нас в зависимость от России». Главное из интервью Тихановской // https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/07_a_13844120.shtml.

5. «Несчастная девчонка»: домохозяйка в борьбе за пост президента Белоруссии // https://ria.ru/20200808/1575521481.html.

6. «Нельзя так со своим народом». Главная соперница Лукашенко – о том, почему у белорусов кончилось терпение и нужна ли им Россия // https://lenta.ru/articles/2020/07/30/tihanovskaya/.

7. Послание белорусскому народу и Национальному собрания // https://president.gov.by/ru/events/poslanie-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-1596556577.

8. Путин готов направить российских силовиков в Беларусь. Разве так можно? // https://www.bbc.com/russian/features-53934173.

9. Сведения о регистрации инициативных групп избирателей по выдвижению кандидатов в Президенты Республики Беларусь // https://rec.gov.by/files/2020/in_gr.pdf.

10. «Сейчас переломный момент в истории Беларуси» // https://meduza.io/feature/2020/07/27/seychas-perelomnyy-moment-v-istorii-belarusi.

11. Светлана Тихановская – о приговоре Виктору Бабарико // https://t.me/tsikhanouskaya/1516.

12. Светлана Тихановская опровергла связь с задержанными россиянами // https://www.kommersant.ru/doc/4435584.

13. Тихановская заявила, что готова к контактам с Москвой как «лидер большинства белорусов» // https://www.znak.com/2020-08-27/tihanovskaya_zayavila_chto_gotova_k_kontaktam_s_moskvoy_kak_lider_bolshinstva_belorusov.

14. Тихановская пока опасается приезжать в Россию // https://echo.msk.ru/news/2925816-echo.html.

15. Тихановская рассчитывает, что Кремль сыграет конструктивную роль в урегулировании конфликта в Белоруссии // https://echo.msk.ru/news/2925938-echo.html.

16. Уголовное дело возбуждено за насилие в отношении сотрудников милиции в Гродно – МВД // https://www.belta.by/incident/view/ugolovnoe-delo-vozbuzhdeno-za-nasilie-v-otnoshenii-sotrudnikov-militsii-v-grodno-mvd-392886-2020/.

A.A. ELOVIK
Postgraduate student, Faculty of History,
Moscow State University,
Moscow, Russia

RUSSIAN POLICY IN THE DISCOURSE OF SVETLANA TIKHANOVSKAYA

This article analyzes the rhetoric of the presidential candidate of the Republic of Belarus Svetlana Tikhanovskaya, who became the main competitor of Alexander Lukashenko in the 2020 elections, in relation to the Russian Federation and the Russian people. The main conclusion that the study allows us to draw is that the image of Russia constructed by Tikhanovskaya's headquarters was not static, evolved and reacted to the change in the political discourse formed by the official Minsk. A separate emphasis in the article is made on the lack of independence of the figure of Tikhanovskaya, whose political discourse is modeled by her surroundings, which has a long-standing not only anti-Lukashenka, but also anti-Russian background.

Key words: *Belarus, Byelorussia, Lukashenko, protests in Belarus, Tikhanovskaya, Russia, Eastern Europe.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.038
УДК 32.327
К.А. КУРЕВЛЕВ
аспирант факультета политологии
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ США И ЕС В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 2011-2020 гг.

Поскольку США и ЕС являются двумя наиболее влиятельными игроками с точки зрения экономического веса, политического и гуманитарного влияния, особенно важным представляется анализ их стратегий безопасности и кооперации в сфере противодействия международному терроризму на Ближнем Востоке в современности. Данная статья анализирует соответствующие документы ЕС и США, а также официальные выступления и заявления с 2011 по 2020 годы. В статье также сравнивается стратегия и тактика, а также совместные действия в противодействии международному терроризму и взгляды двух сторон. Признавая, что рассматриваемый вопрос чрезвычайно обширен, в статье делается попытка всесторонне взглянуть на различия и общие черты в подходах ЕС и США к борьбе с терроризмом, а также показать, что они проистекают из общего подхода ЕС и США к глобальной безопасности и их собственной роли в мировых делах.

Ключевые слова: *США, Европейский союз, международная безопасность, международный терроризм, Ближний Восток.*

Партнерство между Европейским союзом и Соединенными Штатами имеет центральное значение для решения множества сложных глобальных проблем. Во многом политическое взаимодействие Соединенных Штатов и Европейского союза было предопределено масштабным комплексом событий XX века. В контексте же проблематики современного сотрудничества между крупнейшими полюсами силы западного мира становятся особенно актуальны вопросы обеспечения безопасности – именно в данном контексте у США и ЕС прослеживается наибольшая схожесть во взглядах на решение данной проблематики, в отличие от, например, такой сферы, как экономика, где у обоих сторон зачастую наблюдается столкновение интересов, не позволяющее говорить о действительно эффективном взаимодействии. Имен-

но политическая сфера и сфера безопасности всегда служили решающим критерием эффективности, долговечности и солидарности партнерства. Основой данного партнерства стала политическая трансатлантическая концепция поощрения совместного реагирования на глобальные вызовы безопасности и содействия, в частности, миру и стабильности как в атлантическом регионе, так и во всем мире.

Ближний Восток в политике безопасности ЕС и США. В ситуации с обеспечением безопасности как для граждан США, так и для граждан ЕС совместными усилиями их правительств, в первую очередь присутствует вполне реалистический взгляд на проблему того, из каких источников обеим сторонам ждать наибольшей угрозы. Если геополитическое противостояние с Китаем и Россией актуально в первую очередь в рамках долгосрочной перспективы и не является чем-то особенно новым в вопросах двустороннего сотрудничества, то проблематика международного терроризма и его активизации в последнее время приковывает все больше внимания, как со стороны Европейского Союза, так и со стороны Соединенных Штатов. Не случайно в данном вопросе взгляды европейских и американских лидеров обращаются на Ближний Восток, который в данном ключе рассматривается ЕС и США как очаг сосредоточения террористической угрозы. В данном отношении ключевую роль начинают играть такие документы, как Стратегии безопасности обеих сторон, формирующих концептуальную основу для ведения совместных действий между США и ЕС в сфере обеспечения международной безопасности. В частности, Глобальная стратегия безопасности ЕС, принятая в 2016 году, уделяет США весьма много внимания – в первую очередь касательно «трансатлантического партнерства» [4], в рамках которого отмечается факт того, что ЕС рассчитывает на еще большую глубину сотрудничества между ним и Соединенными Штатами. Так, в самой стратегии отмечается, что «США внесли свой вклад в обеспечение международной безопасности» [4. P. 23] совместно с ЕС, что подчеркивает исключительную значимость данной системы двухсторонних отношений.

В большей части рассматриваемого периода США декларировали в Европейском Союзе ключевого партнера в сфере обеспечения взаимной безопасности на ближневосточной арене, в том числе в борьбе с терроризмом. Важно отметить, что в Стратегии национальной безопасности 2015 года США [11], например, подтверждают свою «глубинную приверженность» идее свободной, неделимой и мирной Европы и рассматривают ее как «незаменимого партнера», а НАТО − в качестве стержня расширяющейся сети глобальной безопасности. Позиция, практически аналогичная указанной в Стратегии 2010 года той же администрации Барака Обамы, но, безусловно, включающая в себя новые риски, возникшие после событий 2011 года.

Начало 2010-х годов ознаменовалось эпохой турбулентности и сменой политического вектора рассматриваемых акторов на Ближний Восток, та-

ким образом переориентировавшись с Афганистана, в котором коалиция стран НАТО под эгидой США вела войну с 2001 года, в первую очередь на Сирию, а также на часть других стран арабского региона. Актуальность данного фактора была мотивирована в первую очередь объявленным завершением миссии США в Афганистане [9] как исчерпавшей себя и активизацией протестных настроений в Сирии, Ливане, Ливии и т.д. При этом на любом этапе крайне сложно рассматривать деятельность Соединенных Штатов на Ближнем Востоке отстраненно от ЕС – практически в большинстве случаев деятельность США по подавлению вооруженного сопротивления и контроля за возникающими горячими точками как основными источниками террористической активности, были использованы не только американские вооруженные силы, но также и совместные силы стран НАТО. Под эгидой Североатлантического альянса, в который входят практически все государства Европейского Союза, проводилось большинство операций по установлению мира в регионах Ближнего Востока, а также деятельность, направленная на выявление и ликвидацию крупных террористических объединений.

Итак, 2010-е – эпоха заката деятельности «Аль-Каиды», в течение предыдущего десятилетия являвшейся главной террористической проблемой всего Западного сообщества. В то же время на политическую арену впервые вышло «Исламское государство» или ИГИЛ, чья деятельность получила наибольшее развитие ввиду дестабилизации политической ситуации в Сирии. Протестные настроения в Дамаске и других сирийских городах активизировали скрытые силы, как сепаратистские, так и террористические, что в итоге привело к появлению в регионе новой зоны нестабильности. Примечательным был тот факт, что данный вопрос практически сразу же стал актуальным как для США, так и для стран ЕС – ввиду значительной близости Сирии к непосредственно странам ЕС и НАТО как через Турцию (члена НАТО), так и через Средиземное море. Ввиду широкомасштабного расширения ИГИЛ своей деятельности, причем не только на территории Сирии, но и на севере соседствующего с республикой Ирака в Европу через Средиземное море хлынул поток беженцев, который создал достаточно напряженную миграционную ситуацию в большинстве европейских стран, позволяя тем самым продолжить развитие своей деятельности по борьбе с терроризмом, испытавшим определенный рост на территории Европы, отчасти по причине резкого притока мигрантов в ЕС.

Общеевропейская система безопасности оказалась в кризисе из-за возникшего в начале десятилетия миграционного кризиса, разделившего государства-члены в единстве политик безопасности. Ответственность за прокатившуюся в 2010-е годы по Европе волну террористических атак, в большинстве своем взяло ИГИЛ, поднимавшееся на фоне затяжной войны в Сирии. Несмотря на то, что реальная вовлеченность группировки в орга-

низацию терактов на территории стран Европы не всегда была подтверждена, прецедент был создан – «Исламское государство» стало центральной угрозой для системы европейской безопасности.

С другой стороны, для Соединенных Штатов вовлеченность в ситуацию объяснялась необходимостью сохранить свое военное и политическое присутствие на Ближнем Востоке, что отвечало, как геостратегическим, так и экономическим целям США в регионе. Вопрос участия их в сирийском конфликте и активные действия, направленные на нейтрализацию и ликвидацию ИГ ставился администрацией как Барака Обамы, так и Дональда Трампа в качестве первостепенной задачи для внешней политики Соединенных Штатов на Ближнем Востоке [12], что во всех смыслах оправдывало проводимые в данном регионе военные и гуманитарные операции.

Консолидация усилий Соединенных Штатов и Европейского Союза в данном ключе представлялась практически неизбежной – главной причиной этому было схожее видение решений данного вопроса [13], а также, как уже упоминалось ранее, факт членства европейских стран в НАТО.

В 2014 году и США практически сразу же поставили ИГИЛ в один ряд с «Аль-Каидой». По мнению американского Institute for the Study of War (ISW) [7], «атаки ИГИЛ на Запад служат более изощренной и продуманной стратегии … распространения на запад своего влияния», заключающегося в «уничтожении серой зоны, в которой мусульмане живут в Европе и в США, и заставить их выбирать между отступничеством или эмиграцией» [13 P. 7]. В марте 2014 года прошел совместный саммит Европейского Союза и Соединенных Штатов, на котором обсуждались наиболее острые проблемы текущего времени [8], в том числе и проблема международного терроризма. Европейской Комиссией по итогам саммита был принят документ, в рамках которого были определены основные принципы, которыми США и ЕС будут руководствоваться в вопросах международной безопасности – было отмечено, что «на Ближнем Востоке сотрудничество в области безопасности с Соединенными Штатами у ЕС исключительно сильно», а Европейский Союз отмечался как «полезный партнер для НАТО и США» [6].

При этом деятельность международной коалиции, доминантой в которой были именно США и ЕС не проявила себя ярко в первые два года – так, «С 2014 по 2015 г. коалиция во главе с США смогла освободить лишь около 1% контролируемой «Исламским государством» территории, а 170 нанесенных американскими ВВС авиаударов по позициям исламистов на севере Ирака поразили менее 100 боевиков» [2]. По мнению Серебровой А., это во многом было связано ввиду того, что и США, и страны ЕС как участники коалиции, в данном вопросе руководствовались «в первую очередь собственными политическими интересами в регионе», что существенно уменьшило «эффективность совершаемых действий» [2].

При этом определенная степень единения между США и ЕС в сфере борьбы с «Исламским государством» проявилась в санкционной полити-

ке. Как для США, так и для Европейского Союза первоначальным ходом в данном вопросе должно было стать перекрытие каналов финансирования ИГИЛ, что способствовало бы фактическому лишению «Исламского государства» всех источников снабжения. Так, в 2015 году США ввели санкции против ИГИЛ, касающиеся непосредственно их лидеров и представителей финансового сектора, перекрыв тем самым возможный доступ средств на счета, принадлежавшие «Исламскому государству» [1]. Аналогичные меры предпринял и ЕС, в 2016 году приняв определенную правовую базу, с помощью которой для ЕС стало возможным ввести санкции против лидеров ИГИЛ. Кроме того, Соединенные Штаты и Евросоюз приняли решение о более глубоком контролировании процессов финансирования – под угрозой санкций было запрещено предоставлять каким-либо физическим или юридическим лицам финансовые средства для лиц, находящихся под санкциями ввиду обвинения в пособничестве ИГИЛ или в непосредственном участии в данной организации.

Европейский Союз продолжил участие в совместных с США операциях по противодействию ИГИЛ в рамках участия его государств-членов в НАТО. При этом европейские страны вносили постоянно увеличивающийся материальный вклад в данный процесс – как отметил в 2017 году генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, 2017 год стал «третьим годом подряд в рамках ускоряющегося роста оборонных расходов европейских союзников» [5], что означало акцентирование ЕС своего внимания на проблематику обеспечения безопасности в рамках операций НАТО по противодействию международному терроризму. Объем выделяемых средств, однако, будет вскоре подвержен критике новой администрации США.

Таким образом, в течение всего периода с 2014 и до 2018 года можно было с уверенностью говорить, что подходы США и Европы к сирийскому конфликту были согласованы и приняты друг другом, поскольку они фактически дополняли друг друга в рамках того, что, как отмечалось, «ЕС был крупнейшим донором гуманитарной помощи Сирии, а его государства-члены по существу следовали примеру США в политическом и военном плане» [10]. При этом 2018 год стал достаточно переломным моментом в процессе формирования эффективной системы борьбы с очагами терроризма в регионе. До декабря 2018 года Вашингтон периодически сигнализировал правительственным органам ЕС и европейским лидерам, что «сохранит свое присутствие в Сирии даже после разгрома ИГ, чтобы противостоять иранскому влиянию и предотвратить возрождение «Исламского государства» как террористической организации» [10]. Однако в конце декабря Трамп решил прибегнуть к резкому изменению своего внешнеполитического курса, сообщив, что «террористическая группировка Исламское государство «практически полностью» разгромлена (close to 100 percent), и он, как верховный главнокомандующий, дает указание Пентагону подготовиться

к выводу войск из Сирии» [3]. Это заявление было первоначально опровергнуто другими членами администрации, но Трамп решительно стоял на своей позиции, что в итоге привело к отставке министра обороны США, не согласного с позицией президента.

В ЕС данная идея была воспринята весьма негативно – большинство глав государств не понимали стремления Трампа закончить операцию в Сирии, когда ее основные задачи все еще были не решены. В частности, за продолжение военных действий выступали лидеры Германии и Великобритании, которые говорили, что в случае сохранения американского присутствия в Сирии обещают «увеличить собственный вклад на содержание войск международной коалиции против ИГИЛ, задействованных на северо-востоке Сирии» [3]. Подобную же позицию занимала и Франция, чей лидер, Эммануэль Макрон, говорил о создании коалиции «по борьбе с ИГИЛ для выявления и ликвидации всех самых современных способов финансовых транзакций в пользу террористических группировок» [3]. Также, по мнению Э. Макрона, именно в результате его визита в 2018 году в Вашингтон, «ему удалось убедить Дональда Трампа отказаться от планов вывода американских войск с сирийской территории», хоть и отмечается, что Трамп шел на этот шаг неохотно, предлагая весьма жесткие альтернативы. Подобную позицию президента США можно косвенно объяснить его видением проблемы Ближнего Востока, в системе чего позицию главной угрозы занимала не Сирия и «Исламское государство», а Иран.

Впрочем, в конце февраля 2019 года Трамп действительно согласился, что около 200 военнослужащих останутся в Сирии в качестве миротворцев – «в настоящее время их число возросло до 400, но роль, которую они будут играть, все еще неясна, поскольку их слишком мало, чтобы эффективно противостоять иранскому влиянию или предотвратить возрождение «Исламского государства» [10]. Данная проблема все еще вызывает массу вопросов у Европы, внезапно по сути оказавшейся один на один с остатками ИГИЛ.

США и ЕС также не могли договориться о путях развития кооперации. США заявляли, что они «ожидают, что государства-члены развернут больше войск в Сирии, чтобы сдержать Иран и предотвратить возрождение «Исламского государства»», однако Франция и Великобритания, чьи контингенты в Сирии уже были, заявили в ответ, что с большой долей вероятности не сохранят значительные контингенты в стране, если США полностью выведут свои войска с ее территории.

Как для США, так и для ЕС еще одним источником напряженности стал вопрос о том, как вести себя с захваченными в Сирии боевиками, имеющими иностранное и, в частности, европейское или американское происхождение. Позиция Соединенных Штатов здесь достаточно категорична: руководство США призывает Европейский союз к тому, чтобы его государства-члены активно преследовали таких личностей, в первую очередь путем их экстра-

диции на территорию Европы и проведению над ними судебных процессов. При этом уже многие «европейские страны до сих пор отказывались, опасаясь, что будет слишком трудно привлечь их [иностранных наемников] к ответственности и что они могут выйти на свободу» [10] ввиду невозможности вершить над ними суд в должном порядке – в большинстве своем все могло закончиться закрытием процесса ввиду недостатка доказательной базы. Не видя решительных действий от Европы, в феврале 2019 года Трамп заявил, что Соединенные Штаты освободят захваченных боевиков «Исламского государства» европейского происхождения, если их родные страны не вернут их обратно.

Можно сделать вывод, что с учетом вышеизложенного взаимоотношения США и Евросоюза в отношении международного терроризма и общей системы обеспечения безопасности находятся в кризисной ситуации. В то время как государства-члены Европейского Союза критиковали постоянно активизирующийся процесс вывода войск Соединенных Штатов с территории Сирии, а также серьезное сокращение контингента в Ираке и запланированный в мирном договоре с афганским Талибаном на 2021 год вывод войск США из Афганистана, сам ЕС до сих пор не имеет собственного универсального последовательного подхода к Сирии [10], а также силами своих контингентов, как показали события лета 2021 года, не способен осуществлять операции и поддерживать функционал даже собственных диппредставительств без широкого участия военных США, что порождает многочисленные проблемы как для отношений США – Евросоюз [13], так и для отношений между государствами-членами ЕС в критически важном вопросе обеспечения военной и антитеррористической безопасности.

В конечном итоге это приводит к тому, что разногласия внутри Европы, углубившиеся на фоне смещения фокуса внимания США с региона на индотихоокеанский и необходимостью Европы более серьезно подойти к развитию собственной кооперации в сфере безопасности и борьбы с терроризмом, вероятно, будут в ближайшей перспективе углубляться [10, 13]. В этом ключе становится важным также и понимание со стороны Евросоюза, в рамках отмеченной в Стратегии 2016 года цели по усилению аспекта безопасности в ЕС, что именно необходимо сделать для того, чтобы окончательно нивелировать возможность восстановления «Исламского государства» или появления новой подобной ИГИЛ организации, на борьбу с которой придется затратить большое количество сил и средств. Номинально согласованная позиция ЕС заключается в том, чтобы устранить первопричину террористической активности, которая видится в нестабильности политической обстановки в конкретной стране, которая в свою очередь требует оказания помощи как действующему правительству, так и оппозиционным силам, приведя их за общий стол переговоров.

Таким образом, на сегодняшний момент можно говорить о том, что в вопросах сотрудничества ЕС и США в сфере безопасности и противодействия

террористической угрозе наметился существенный кризис, который в полной мере угрожает успешному завершению операций по борьбе с терроризмом в регионе и успешному противостоянию другим экстремистским организациям и влиятельным группировкам Ближнего Востока, особенно в свете завершившегося уже при администрации Джо Байдена летом 2021 года выводе войск США и коалиции НАТО из Афганистана и потеря плацдарма для ведения значимых военных операций в этой стране. В данном ключе представляется, что только активное развитие консультаций по данной проблеме как между США и ЕС, так и между государствами-членами ЕС смогут восстановить и развить в полной мере систему обеспечения безопасности, удовлетворяющую обе стороны и отвечающую текущей повестке дня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ричман М.* США ввели финансовые санкции против лидеров ИГИЛ // Голос Америки. 2015 // https://www.golos-ameriki.ru/a/us-sanctions-islamic-state-supporters-target-finances/2984393.html.

2. *Сереброва А.М.* Борьба с «Исламским государством»: война и политика // Россия и современный мир. 2017 // https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-islamskim-gosudarstvom-voyna-i-politika.

3. *Шумилин А.И., Шумилина И.В.* Сирия после ИГИЛ: особенности подхода США и Евросоюза // Современная Европа. 2018 // https://cyberleninka.ru/article/n/siriya-posle-igil-osobennosti-podhoda-ssha-i-evrosoyuza.

4. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy 2016 // European Union External Action // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf.

5. Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead off meetings of NATO Defence Ministers // NATO official website. 2017 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_145381.htm?selectedLocale=ru.

6. EU-US Summit (Brussels, 26 March 2014) and EU-US relations // European Commission. 2014 // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_14_212.

7. *Kagan F., Kagan K., Cafarella J., Gambhir H., Zimmerman K.* Al Qaeda and ISIS: existential threats to the U.S. and Europe // Institute for the Study of War (ISW). 2016 // http://www.understandingwar.org/sites/default/files/PLANEX%20Report%201%20--%20FINALFINALFINAL.pdf.

8. *Kerry J.* To Defeat Terror, We Need the World's Help // The New York Times. 2014 // https://www.nytimes.com/2014/08/30/opinion/john-kerry-the-threat-of-isis-demands-a-global-coalition.html.

9. *Landler M., Cooper H.* Obama Will Speed Pullout From War in Afghanistan // The New York Times. June 22, 2011 // https://www.nytimes.com/2011/06/23/world/asia/23prexy.html.

10. *Scazzieri L.* A trouble partnership: the US and Europe in the Middle East // Centre for European reform. 2019 // https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2019/troubled-partnership-us-and-europe-middle-east.

11. The 2015 United States National Security Strategy // https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf.

12. The 2017 United States National Security Strategy // https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf.

13. U.S.-EU Cooperation Against Terrorism // Congressional Research Service. 2016 // https://www.everycrsreport.com/files/20160302_RS22030_c0de0fa2e8482e22c7de6bc6793150842a9273bc.pdf.

K.A. KUREVLEV
Postgraduate student, Faculty of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia

POLITICAL COOPERATION BETWEEN THE USA AND THE EU IN COMBATING THE INTERNATIONAL TERRORISM IN THE MIDDLE EAST IN 2011-2020

Since the United States and the EU are the two most influential players in terms of economic weight, political and humanitarian influence, it is especially important to analyze their security strategies and cooperation in countering international terrorism in the Middle East in recent years. This article analyzes the relevant EU and US documents, as well as official speeches and statements from 2011 to 2020. The article also compares the strategy and tactics, as well as joint actions in countering international terrorism and the views of the two sides. Recognizing that the issue at hand is extremely broad, the article attempts to take a comprehensive look at the differences and similarities in the approaches of the EU and the US to counter terrorism, and to show that they arise from the common approach of the EU and the US to global security and their own role in world affairs.

Key words: *USA, European Union, international security, international terrorism, Middle East.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.039
УДК 32.327
А.Р. МУСЛЕХ ХУСАМ
аспирант кафедры политологии
Института истории и политики МПГУ,
Россия, г. Москва

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Данная статья посвящена изучению институтов гражданского общества в Палестине. Автор рассматривает основные этапы формирования институтов гражданского общества в стране, которая имеет особую специфику из-за политической ситуации. Целью данной статьи является выявление роли палестинских организаций гражданского общества в формировании Национального Палестинского Государства. Данное исследование было направлено на то, чтобы показать реальность палестинских организаций гражданского общества и определить взаимосвязь между палестинскими организациями гражданского общества и палестинской властью с одной стороны, и с Израилем – с другой. Кроме того, в исследовании была предпринята попытка выявить наиболее серьезные препятствия, мешающие достижению наибольшей эффективности палестинских организаций гражданского общества. В данный момент они не выполняют свои функции в полной мере, что ограничивает их роль в формировании Национального Палестинского Государства. По нашим наблюдениям, наиболее важными причинами ограниченности работы институтов гражданского общества являются оккупация и раскол на территории Палестины.

Ключевые слова: *гражданское общество, Национальное Палестинское Государство, этапы формирования гражданского общества, специфика институтов гражданского общества, оккупация на территории Палестины.*

Введение. В политической науке гражданское общество как таковое проанализировано достаточно глубоко. Проблемы гражданского общества, его отдельных институтов привлекали внимание ученых еще в древнем мире. Они нашли отражение в трудах Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье и др. Базовые философские и политические теории гражданского общества разрабатывались И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем, К. Марксом, Ф. Энгельсом, М. Вебером, А. Грамши и др.

Более системный подход к гражданскому обществу показан в работах Т. Парсонса, Д. Истона, К. Дойча, Г. Алмонда, Н. Лумана, К. Поппера и др. Новейшие труды зарубежных исследователей посвящены концептуальным основам в контексте устойчивого развития и перспективам развития глобального гражданского общества. Это работы Дж. Александера, Дж. Бартелсона, К. Бэкстренда, А. Бенеси, М. Кастельса, Дж. Кейна, Р. Липшутца, Дж. Рагги, Бурхан Галион, Азми Бишара, Мохаммад Бакури, Ибтисам Алуан, АльХабиб АльДженхани, Рима АльСаббан и др.

По-разному проблемы гражданского общества сформулированы в трудах российских и зарубежных специалистов, так как в западных государствах гражданское общество развивается более активно.

С конца восьмидесятых годов двадцатого века в изучении арабских политических систем возникла новая тенденция, в рамках которой концепция гражданского общества стала отправной точкой для изучения и анализа. Эта концепция не новая, но уходит корнями в западные традиции политической и философской мысли [2]. Новым является возрождение этой концепции с растущим интересом к ней, и это совпало с третьей волной перехода к демократии, поскольку во многих случаях институты и организации гражданского общества играли важную роль в продвижении процесса трансформации, в то время как рост социальных движений на Западе, например, появление организаций, выступающих за защиту окружающей среды, мира, и организаций, выступающих против ядерного оружия, является фундаментальным фактором растущего интереса к этой концепции [11].

Несомненно, что наиболее распространенным определением концепции, приемлемым для большого числа исследователей, является то, что институты гражданского общества – это организованные, так или иначе, объединения граждан, действия которых направлены на реализацию каких-либо целей и задач, на разрешение собственных, общих для групп проблем. Чаще всего сегодня это – общественные движения, неправительственные организации, еще неорганизованные, но уже объединившиеся в группы неформально для консолидированных коллективных действий граждане. Такие группы граждан реализуют гражданские инициативы через структуры, их объединяющие, например, региональные неправительственные организации, общественные палаты, комитеты и т.п. [8].

Институты гражданского общества играли большую роль в образовании общества еще с древних времен. Теоретические основы рассмотрения явления гражданского общества и его институтов были заложены еще мыслителями Античности, в частности, Платоном и Аристотелем. Они рассматривали общество как совокупность граждан, не разделяя понятий общества, государства и гражданского общества [12].

Таким образом, само по себе гражданское общество – это явление, которое предназначено для разрешения конфликта между индивидуальным

и коллективным, а способность каждого индивида дать разумный ответ на этот вопрос зависит от уровня развития общества. Гражданское общество не противостоит государству – это некий инструмент контроля, весы, способные снизить влияние государства, там, где оно не нужно и повысить степень контроля законности там, где это необходимо.

Слабость и отсутствие гражданского общества в арабском мире является одним из основных объяснений слабости и хрупкости демократии, а это означает, что укрепление гражданского общества является одним из условий и требований, необходимых для ускорения процесса демократических преобразований и консолидации демократии [13].

Институты гражданского общества в Палестине. Если перед исследователем гражданского общества в странах арабского мира возникают сложные вопросы из-за специфики их обществ, которая отличается от специфики обществ западных стран, в которых возникло гражданское общество и где его концепция была сформулирована, тогда следует сказать, что ситуация для исследователя в области гражданского общества в Палестине еще сложнее, так как – это является особым случаем внутри другого особого (в арабских странах) случая.

Здесь нет сомнений в том, что стандарты, используемые для определения наличия гражданского общества в стране, не очень помогут нам в случае с Палестиной, потому что, если мы считаем, что гражданское общество означает отделение гражданского или социального от того, что является политическим, или того, что является публичным (государство), от того, что является частным – отношений и организаций, которые люди устанавливают для выражения и защиты своих требований, в случае с Палестиной общее пересекается с частным, а политическое – с гражданским, поскольку палестинский народ долгое время жил в условиях оккупации, и, следовательно, не имелось государства и власти, против которых можно было бы сформировать гражданское общество, так как существующая власть всегда является оккупационной силой [1].

Таким образом, политическое и гражданское переплетаются в палестинской политической ситуации. Палестинский народ со всеми его классами и уровнями организован в единое массовое движение, политическое руководство, народ, профсоюзы, партии и ассоциации, чтобы противостоять оккупационным силам. У всех одна цель – противостоять оккупации, а не противостоять друг другу, и здесь мы отмечаем особенность палестинского гражданского общества, будь то с точки зрения его состава или с точки зрения его функций. Это общество, которое зародилось посреди сопротивления, прежде всего, британскому колониализму и, во-вторых, сионизму, и его рождение произошло не в рамках движения за экономические или социальные требования, а в рамках массового политического движения борьбы за независимость и свободу и демонстрация, и сохранение национальной

идентичности. Следовательно, основным требованием институтов палестинского гражданского общества является создание национального политического сообщества (государства и национального органа власти). Кроме того, половина палестинского народа жила – и все еще живет – за пределами своей родины и имеет особые и непростые отношения со странами, в которых она живет, что делает концепцию палестинского общества символическим знаком, а не психологическим, и это характеристика, которую мы не находим в ситуациях других народов.

Институты, признанные в качестве компонентов гражданского общества, активно присутствовали в палестинском обществе, но их функция не совпадает с функцией их аналогов в других странах, поэтому отсутствие палестинского государства изменило функции палестинского (гражданского общества), основной целью выявление и сохранение палестинской национальной идентичности и восстановление государства [5]. Гражданское общество в данном случае является основателем государства и политической власти, а не наоборот, и поэтому заслуживает того, чтобы называться гражданским/политическим обществом, а не гражданским только, что отличается от политического. Тем не менее, палестинское гражданское общество прошло несколько этапов, которые являются поворотными моментами в палестинской ситуации [5]. В контексте развития палестинского гражданского общества можно отслеживать четыре этапа:

Первый этап: До Накбы (1) 1948 г. На этом этапе палестинский народ столкнулся с двойной угрозой, представленной британским мандатом и сионистским движением, где оккупация совпала с политикой сионистского движения по захвату и иудаизации земли, и по лишению Палестины всех национальных и исламских характеристик. В результате все группы палестинского народа пострадали от этой двойной угрозы, всех объединяло страдания и необходимость противостоять оккупации и противостоять попыткам сионистского движения захватить землю Палестины. Следовательно, палестинцы поставили перед собой цель добиться независимости, а не просто добиться экономических или социальных выгод. На этом этапе также, помимо восстаний и революций, увеличилось количество партий, клубов и обществ, но это возрождение и эта жизнеспособность гражданского общества происходили не перед лицом национальной власти, а, скорее, против оккупационных сил и таким образом исчезли различия между политическим и гражданским, и социальным.

Все программы и планы политических партий, профсоюзов и обществ, появившихся в тот период, согласовывались с одной целью – противостоять сионистскому движению и британскому мандату и добиться национальной независимости. Это не означает полного отсутствия деятельности гражданского характера, поскольку палестинское общество на некоторых этапах познало напряженность в отношениях между руководством и традиционными

политическими мерами и институтами, которые относятся к гражданскому обществу, но эти напряженности были основаны на национальных интересах и на том, как противостоять общему врагу, а не на основании разделения трофеев власти или с целью ее завоевания [1].

Большинство институтов гражданского/политического общества, которые Палестина знала на том этапе, были созданы вопреки воле оккупационных сил, поскольку законы о мандате не позволяли палестинцам организовываться как политически, так и социально. Следовательно, секретная работа доминировала в большей части деятельности институтов гражданского общества, а с другой стороны, в обход законов оккупации, институты гражданского общества приняли гражданский или традиционный характер, где семейные, клановые и межрелигиозные отношения играли роль в построении гражданского общества. Также была заметна и элитарность институтов гражданского общества, где известные семьи, принадлежащие к классу феодалов и буржуазии, играли роль в их формировании и руководстве. Отмечая, что в то время они назывались не институтами гражданского общества, а, скорее, этот термин не использовался в то время ни в Палестине, ни в других арабских странах, можно упомянуть некоторые из них в соответствии с датой их возникновения, среди которых были: (Конференция палестинских арабов 1918 г., Исламско-христианские ассоциации 1918 г., Ассоциация федаинов 1919 г., Ассоциация палестинских арабов 1920 г., Национальная партия 1923 г., Партия сельского хозяйства 1923 г., Ассоциация сотрудничества деревень 1929 г., Партия АльАхали (семей) 1925 г., Свободная палестинская партия 1927 г., Верховный исламский совет 1922 г., Молодежные ассоциации мусульман 1928 г., Конференция арабских женщин 1929 г., Конференция буржуазных арабов 1929 г., Студенческая конференция 1930 г., Генеральная исламская конференция 1931 г., Конференция палестинской арабской молодежи 1932 г., Партия независимости 1932 г., Партия национальной обороны 1934 г., Партия палестинских арабов 1935 г., партия АльИслах (реформации) 1935 г., партия национального блока 1935 г. Высший арабский комитет 1936 г., благотворительный клуб железнодорожников 1923 г., Палестинская ассоциация арабских рабочих 1925 г., Конференция арабских рабочих 1930 г., Союз арабских рабочих 1945 г) [6].

Второй этап: Период национальной дезориентации 1948-1965 г. Сионистская оккупация Палестины в 1948 году привела к добавлению новых особенностей к реальности положения палестинского народа в дополнение к его первой особенности. Новая особенность заключается в разделении палестинской общины и ее рассредоточении по территориально удаленным местам. Кроме того, помимо тех, кто остался под оккупацией, многие палестинские общины оказались в разных арабских странах, подчиненных не палестинским властям, наиболее важные из которых находились на Западном берегу, в Газе, Сирии, Ливане и Ираке.

Нет сомнений в том, что жизнь палестинцев под сионистской оккупацией отличается от их жизни под арабским правлением. Тем не менее, элемент национальной гражданской организации отсутствует в палестинском обществе либо в силу подчинения, как это произошло в оккупированных территориях Палестины, либо под национальными и международными идеологиями и соображениями безопасности, как это происходило в Сирии, Ливане, Иордании, Египте и Ираке. Институты гражданского общества, которые возникли до 1948 года, были вынуждены заморозить свою деятельность или были автоматически распущены из-за отсутствия основной базы палестинского сообщества, необходимой для их существования.

Период с 1948 по 1965 год был тяжелым периодом для палестинцев, и палестинское национальное движение переживало состояние политического и социального тупика. Таким образом, не было замечено никаких доказательств существования независимого гражданского общества или независимого палестинского национального движения, за исключением того, что палестинцам было разрешено участвовать в политических или профсоюзных организациях в некоторых арабских странах, таких как Иордания, к которой Западный берег был аннексирован, где палестинцы имели иорданское гражданство – а также Сирия и Ирак. Тем не менее, конец пятидесятых и начало шестидесятых годов стали свидетелями подъема палестинского национализма благодаря активной роли палестинцев, связанных с националистическими партиями, а также появлению газеты «Филастинуна (наша Палестина)», издаваемой «ФАТХом», движение, которое в то время официально о себе еще не заявило. Однако поскольку ситуация в арабских странах еще не позволяла проводить независимые политические действия палестинцев, палестинцы практиковали свою политическую деятельность через союзы и популярные профсоюзные организации. В 1959 году был создан Всеобщий союз палестинских студентов, а в 1963 году – Всеобщий союз палестинских рабочих, а в 1965 году был создан Всеобщий союз женщин. Так ситуация продолжалась до создания Организации Освобождения Палестины (ООП) в 1964 году, затем до начала вооруженной палестинской революции в 1965 году [6].

Третий этап: с 1964 года до образования самоуправления в 1994 году. Этот этап ознаменовался восстановлением жизнеспособности палестинского национального движения, пробуждением палестинского национального чувства, началом вооруженной палестинской революции и поражением арабов в войне 1967 года.

Все это оживило палестинское общество и побудило его национальное движение, представленное ООП, укрепить свои отношения с палестинским сообществом в диаспоре и поставить его под свой контроль. Таким образом, ООП стремилась создать и активизировать институты палестинского гражданского общества таким образом, чтобы укрепить палестинский на-

циональный характер, несмотря на разоблаченные попытки исказить и отменить его, и чтобы поляризовать различные слои палестинского общества, чтобы противостоять оккупации.

Таким образом, на этом этапе возникли десятки политических партий и организаций, а также профсоюзов, обществ и клубов. Однако возрождение гражданского общества происходило не в контексте противостояния палестинской политической власти или палестинскому государству. Скорее, революционный палестинский политический орган (ООП) создал это общество в рамках всеобъемлющего движения сопротивления за освобождение родины от оккупации, и, таким образом, законы, учреждающие всевозможные народные союзы, предусматривали, что они являются одной из основ палестинской революции, и палестинцам не позволили вступить в конфликты между собой, забывая общего врага.

Неудивительно, что палестинское гражданское/политическое общество восстановило свою жизнеспособность после 1967 года, а его методы борьбы против сионистского образования укрепили позиции ООП В арабских странах и заслужила уважение и признательность, она побудила арабские страны признать организацию в качестве единственного законного представителя палестинского народа на саммите в Рабате в 1974 году, и признать ее в качестве члена-наблюдателя в Организации Объединенных Наций в том же году. Самыми важными моментами проявления гражданского/политического общества в Палестине были годы палестинского восстания с 1987 по 1994 год. В свете великой интифады (2) палестинский народ всех групп был мобилизован для организации ассоциаций, клубов и организаций против сионистской оккупации.

Палестинский народ на Западном берегу и в секторе Газа смог бы организовать и продолжить свое восстание под руководством революционных институтов гражданского общества, если бы не внешнее вмешательство, о котором здесь нет нужды упоминать, но восстание палестинцев внутри и за пределами Палестины оказалось в новом тупике после подписания соглашений Осло в 1993 году.

На социальном уровне руководство институтов гражданского общества перешло от феодальных слоев, буржуазии и членов семьи к элементам, принадлежащим к мелкой и средней буржуазии, а палестинские беженцы сыграли роль в активизации и руководстве гражданским обществом [6].

Четвертый этап: После соглашения Осло и установления самоуправления. С вступлением ООП в процесс урегулирования и подписанием ею Соглашения Осло, а также с началом палестинского самоуправления в районах Западного берега и сектора Газа, палестинское общество и, в частности, гражданское/политическое общество испытали на себе фундаментальное преобразование. Этот процесс был направлен на то, чтобы перевести палестинское общество из стадии революции и борьбы в стадию мирного

решения. Следовательно, прекращение революции и войны с Израилем с последующим изменением функций гражданских и политических институтов, возникших во время фазы революции, переместило динамический центр палестинского общества из-за пределов Палестины внутрь нее [6].

Однако наиболее важным сдвигом в отношении предмета нашего исследования является начало проявления различий между гражданским обществом и политическим обществом, поскольку Палестинская Национальная Администрация, которая управляет автономными территориями, стала (политической властью) или государственным проектом, и, таким образом, у нее есть свои планы и своя политика и связи, проистекающие из процесса урегулирования, а эти политика и планы, которые не обязательно совпадают с позицией всего палестинского народа и его гражданских и политических институтов.

Таким образом, с момента подписания Соглашений в Осло мы наблюдаем появление динамичного (гражданского общества), которое играет роль оппозиции в противостоянии Палестинской Национальной Администрации, с одной стороны, и оккупационным силам, с другой. Деятельность гражданского общества на этом этапе, скорее всего, заключалась в следующим:

1. Институты гражданского общества, связанные с политической оппозицией, в частности ХАМАС и Исламский Джихад, и другие в том числе: союзы и общества, религиозные, образовательные и благотворительные учреждения. В этом контексте следует отметить, что важность этого типа гражданского общества заключается не в его организационной и фундаментальной силе, а скорее, именно в его мобилизационной способности, так как годы оккупации научили исламские движения сохранять свое присутствие и тайно выполнять свои обязанности.

2. Институты гражданского общества, которые осуществляют свою деятельность в свете признания легитимности власти, и которые различаются в зависимости от народных союзов, ассоциаций и правозащитных организаций, в дополнение к национальным деятелям, имеющим важное место на национальной арене, и большая часть из них принадлежит ООП, превратили свои действия в гражданскую/политическую деятельность. Важно также отметить, что многие популярные профсоюзы, как Всеобщий союз учителей, Всеобщий союз рабочих, Всеобщий союз женщин, Союз палестинских студентов, Союз крестьян, Союз инженеров и др., которые хорошо действовали до подписания Соглашения Осло, были распущенны или парализованы в автономных регионах, а их руководители преобразованы в высокопоставленных чиновников власти.

3. Неправительственные организации и союзы с множеством внутренних и внешних связей, количество которых в автономных регионах превышает 2000 организаций. Наиболее важными, из которых являются добровольческие организации, правозащитные организации, социальные и религиозные

организации и т.д. Эти организации и союзы играли активную роль в поддержке борьбы палестинского народа до начала процесса урегулирования, поскольку ООП и другие палестинские организации выполняли важные задачи через них и налаживали отношения с массами, в то время, когда ООП и другие организации не могли это делать напрямую. После выхода организации в автономные области часть этих организаций вошла в состав власти, а часть трансформировалась в гражданские институты, выступающие против поселенческого процесса.

Наблюдая процесс восстановления гражданского общества в Палестине, особенно в автономных областях, можно заметить трудности, с которыми сталкиваются палестинцы, будь то со стороны оккупации и ее попыток задушить стремление палестинцев восстановить свою родину или со стороны обязательств по соглашениям Осло, устанавливающим красные линии, которые палестинцы не могут пересечь, в то время как палестинская администрация превратилась в политический орган с целями и интересами, которые часто вступают в противоречие с субъектами гражданского общества. С другой стороны, традиционная семейная и клановая принадлежность вернулась, чтобы играть роль в политической жизни Палестины, роль, которая ранее не наблюдалась. Палестинская политическая элита, которая занимает руководящие должности в условиях автономии, работающая на власть или в руководстве гражданского общества, состоит в основном либо из членов больших семей и кланов, либо из членов военной олигархии, которые начали доминировать в политической жизни и контролировать экономику в автономных регионах, и в этом контексте можно сказать, что палестинская политическая элита в автономных регионах является военной или в ней преобладают военные (бывшие боевики).

Заключение. Важно отметить, что термин «гражданское общество» редко продвигается в сегодняшнем палестинском политическом дискурсе, учитывая, что этот термин – как упоминалось ранее – всегда относится к демократии как к ее компоненту или как ее основанию, и во всех случаях он распространяется в независимых и суверенных государствах. Что касается палестинского общества, то, несмотря на наличие политических институтов, партий и власти, уровень развития гражданского общества не соответствует уровню существования государства. И политический динамизм, наблюдаемый в автономных регионах, не может быть отнесен к истинной демократической практике, поскольку до тех пор, пока сама политическая власть лишена свободы принимать суверенное решение, так как все решения, принимаемые ей, находятся под контролем Израиля. Они скорее, требуют разрешения Израиля, и в этом контексте можно сказать, что в Палестине и среди палестинцев есть демократы без демократии [4].

Из вышеизложенного мы заключаем, что существует общее между начальными этапами создания арабского гражданского общества до обретения

независимости и процессом формирования палестинского гражданского общества. Оба родились во время национально-освободительного движения, и оба боролись против колониализма. Но что их отличает тот факт, что в первом случае общество перешло от стадии колониализма к стадии независимости напрямую, а в случае с Палестиной, между оккупацией и независимостью, наступила стадия ограниченной автономии.

Это смутный период на всех уровнях, когда палестинская администрация не является политической властью в полном смысле этого слова, а гражданское общество не является гражданским обществом в полном значении данного слова, именно это придает палестинской ситуации вышеупомянутую специфику.

Несмотря на барьеры и трудные периоды, через которые прошло палестинское гражданское общество, оно играло и продолжает играть большую роль в сохранении и выявлении палестинской идентичности. Благодаря институтам гражданского общества, с 2012 года Палестина является государством-наблюдателем в ООН, и в настоящее время в Палестине готовятся к президентским выборам, о которых заявил президент Махмуд Аббас в январе 2021 года. В мае 2021 состоятся выборы законодательного совета, а далее в июле 2021 года будут президентские выборы. Данные события, на наш взгляд, помогут разрешить внутренний конфликт в Палестине, известный как раскол, и который является одной из центральных проблем функционирования и развития институтов гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Понятие, используемое рядом арабских и левых источников применительно к исходу около 725 палестинских паков Арабо-израильской войны и Шестидневной войны.

(2) Протестное движение палестинских арабов, направленное против политики Израиля на оккупированных территориях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абу Хасан Фарис.* Будущая роль институтов гражданского общества в Палестине в арабо-израильском конфликте до 2015 г. / Центр исследований Ближнего Востока. Иордания, ноябрь 2005 г.

2. *АльХабиб АльДженхани.* Арабское гражданское общество и демократизация. Публикации Альзаман. Касабланка, 2006 г.

3. *Аристотель.* Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997.

4. *Бишара Азми:* вклад в критику гражданского общества / Фонд Муватина. Рамаллах, 1996 г.

5. *Бурхан Галиун.* Гражданское общество в арабском мире.

6. *Ибрагим Абраш.* Журнал Руя. февраль 2001 г. Выпуск (6)

7. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения: В 8-и т. М., 1994. Т. 8.

8. *Кузина С.И.* Гражданское общество и самоуправление в России: опыт непосредственной демократии // Эффективность самоуправления муниципальных образований городских и сельских поселений (опыт России и Германии) / Материалы международной научно-практической конференции, Ростов-на Дону, 14 апреля 2011 г. Ростов/нД: Изд-во СКАГС, 2011.

9. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / перевод с англ. А.В. Матешук. М.: Мысль, 1999.

10. *Мохаммад Абед аль-Джабри.* Демократический вопрос и текущая ситуация в арабском мире // Журнал «Аль-Мустакбал аль-Араби». № 157.

11. *Мохаммад Абед аль-Джабри.* Проблема демократии и гражданского общества в арабском мире // Журнал Аль-Мустакбал аль-Араби, январь 1993 г. № 167.

12. *Платон.* Государство. Соч. в 3-х томах. Ч. 1 / пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1971. Т. 3.

13. *Сурани Гази:* Эволюция концепции гражданского общества и кризис арабского общества, 3-е издание. Каир, 2010 г.

HUSAM A.R. MUSLEH
Postgraduate student of the Department of Political Science of the Institute of History and Politics MPGU, Moscow, Russia

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE FORMATION OF A NATIONAL PALESTINIAN STATE

This article is devoted to the study of civil society institutions in Palestine. The author examines the main stages of the formation of civil society institutions in a country that has special specifics due to the political situation. The purpose of this article is to identify the role of Palestinian civil society organizations in the formation of the Palestinian National State. The aim of this study is to show the reality of Palestinian civil society organizations and to identify the relationship between Palestinian civil society organizations and the Palestinian Authority on the one hand, and with Israel on the other. In addition, the study attempted to identify the most serious obstacles to the biggest effectiveness of Palestinian civil society organizations. At the moment, they are not fulfilling their functions in full, which limits their role in the formation of the Palestinian National State. According to our observations, the most important reasons of the

limited work of civil society institutions are the occupation and division in the territory of Palestine.

Key words: *civil society, National Palestinian State, stages of the creation of civil society, the specifics of civil society institutions, occupation in the territory of Palestine.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.040
УДК 32.327
Ф.А. ПЕТРОСЯН
аспирант кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Россия, г. Москва

ВНЕБЛОКОВЫЙ СТАТУС ШВЕЦИИ: РИСКИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье рассматривается уровень политического влияния шведских парламентских партий в контексте вопроса о потенциальном вступлении в Организацию Североатлантического договора (НАТО). Подчеркивается актуальность указанной темы в силу ее прямого влияния на состояние безопасности в регионе Северной Европы, а также по причине связи с национальными интересами Российской Федерации. Выдвинута гипотеза о большем влиянии парламентских партий Швеции, выступающих за присоединение к НАТО, по сравнению с противниками данного варианта развития событий. Временные рамки исследования – 2015-2020 гг. Для проверки гипотезы применен метод количественного анализа, разработан коэффициент влияния партий, рассчитываемый с помощью сопоставления веса партии и ее активности. По итогам проведенного исследования сделан вывод о подтверждении выдвинутой гипотезы. Парламентские сторонники присоединения к НАТО действительно имеют большее влияние, нежели противники, несмотря на небольшой численный перевес последних в Риксдаге Швеции. Это объясняется большей активностью про-натовских сил, а также внешнеполитической конъюнктурой, которая имеет достаточно нестабильный характер. Представленные выводы имеют практическое значение и могут быть использованы внешнеполитическими органами в своей деятельности, а также в процессе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: *Северная Европа, Швеция, Риксдаг, НАТО, нейтралитет, политические партии, политическое влияние.*

Введение. Политика Швеции по неприсоединению к военным блокам и альянсам имеет высокую степень актуальности для современной политической науки. Во многом это связано не только с интересом к исторической интерпретации самого понятия «нейтралитет», но также и с новой геополитической конъюнктурой. Ее нестабильность, напряженность в некоторых

европейских государствах и вдоль их границ, а также возможное формирование нового мирового порядка дают основания полагать, что во многом формально нейтральная политика шведского государства может измениться в сторону большей милитаризации.

В статье Дживана Максут Джана [8] предлагается концепция, согласно которой рост и падение напряженности между великими державами подталкивают малые страны к союзам с крупными государствами. Изучается поведение Швеции, Финляндии и Норвегии по отношению к великим державам с 1945 по 1956 год. В периоды снижения напряженности небольшие государства могли проводить желаемую политику нейтралитета и наведения мостов, в то время как в периоды возрастания напряженности, им приходилось уделять первоочередное внимание заботам о своей безопасности и, таким образом, «искать защиты у одной великой державы, чтобы сдерживать другую» [8]. В связи с этим и на фоне формирования негативного образа России в странах Европы, некоторые авторы выражают мнение, что Швеция может отказаться от своей политики неприсоединения к военным блокам и вступить в НАТО [2].

Министр иностранных дел России С.В. Лавров во время встречи в Москве 2 февраля 2021 г. с Министром иностранных дел Швеции А. Линде подчеркнул, что Россия рассматривает неучастие шведского государства в военных союзах как «важный фактор региональной стабильности» и «с озабоченностью наблюдает за попытками последовательно втягивать Стокгольм во взаимодействие с Североатлантическим альянсом» [3]. Россия не заинтересована в присоединении Швеции к НАТО, и данный вопрос не теряет актуальности для российской внешней политики, как в концептуально-стратегическом, так и в практическом плане.

Экспертная и общественная оценка. Тема возможного вступления Швеции в НАТО исследуется в статье А.А. Громыко и Н.С. Плевако, где авторы указывают на факторы шведской внутренней политики, которые в значительной мере влияют на внешнеполитический курс государства и могут быть значимыми при определении дальнейшего статуса Швеции [4].

Авторы отмечают, что после выборов 2014 г. относительное большинство в Риксдаге принадлежит социал-демократам. Они выступают против вступления страны в НАТО. Однако необходимо отметить, что такую же позицию занимает, и партия «Шведские демократы», которую авторы называют «правой националистической и ксенофобской» [4], и, по этой причине, по их утверждению, социал-демократическое правительство Швеции не создает полномасштабную коалицию со «Шведскими демократами», что лишает социал-демократов возможности контролировать большую часть Риксдага.

К материалу данной работы можно также добавить, что на данный момент наблюдается неопределенность в действиях «Шведских демократов»,

которые в декабре 2020 г. предложили закрепить в шведской политике так называемую «опцию НАТО» [1], не подразумевающую немедленного присоединения к альянсу, но позволяющую это сделать при определенных обстоятельствах.

Проблема шведского нейтралитета вызывает интерес и у иностранных исследователей. В работе Педерсена [11] ставится вопрос, почему государства, которые придерживаются политики неприсоединения, участвуют при этом в мероприятиях под началом НАТО. Утверждается, что такие государства стараются найти наиболее удобный для себя статус, который, не подрывая их внутренней стабильности, удовлетворял бы требованиям текущих геополитических реалий.

Автор предполагает, что в шведской внешней политике наблюдается преобладание утилитарного подхода, который позволяет извлекать максимальные преимущества из сотрудничества с НАТО без дополнительных расходов, которые могли бы возникнуть при вхождении страны в Альянс.

Анна Визландер [18] в определенной степени подтверждает этот тезис, указывая на то, что есть основания утверждать, что Швеция и Финляндия в последние годы приобрели статус неформальных союзников. Они воспринимаются членами НАТО как страны, «заслуживающие доверия» [18], и в случае серьезного кризиса или войны «встанут на сторону альянса, чтобы согласованно противостоять угрозе, несмотря на то что они не подписали Североатлантический договор» [18]. Таким образом, по мнению автора, невступление Швеции и Финляндии в НАТО не создает дополнительных угроз безопасности ни для самих государств, ни для Альянса.

По результатам проведенных социологических исследований можно сделать вывод о том, что число твердых сторонников присоединения к НАТО достигало максимальных значений в 2016 г. (35%). До и после этого года цифры были ниже, например, в 2017 г. этот показатель снизился до 31%. Среди противников вступления Швеции в НАТО максимальные показатели были зафиксированы в 2014 г. (56%), в 2016 г. – 40%, в 2017 г. – 44% [15]. При этом, стоит отметить, что в год, когда были показаны максимальные значения среди сторонников вступления Швеции в НАТО (2016 г.), количество проголосовавших против присоединения к Альянсу было на 5% выше (40%). А самый высокий показатель среди противников вступления в Альянс пришелся на 2014 г. (56%), что, видимо, можно объяснить нежеланием терять нейтральный статус в период обострения ситуации в Европе, связанной с украинским кризисом, сбитым Боингом и т.д., и возможными военными действиями.

Политическое влияние сторонников и противников НАТО. Анализ научных публикаций по вопросу возможности сохранения Швецией нейтралитета, дает основания предполагать, что парламентские сторонники членства в НАТО с учетом внешних и внутренних факторов могут иметь

большее влияние, чем те, кто против вступления в альянс. Отсутствие у какой-либо партии абсолютного большинства в парламенте создает ситуацию политической нестабильности, в том числе и в вопросе потенциального вступления Швеции в НАТО.

Представляется необходимым провести анализ активности парламентских партий и формализовать представленные данные. Данные об активности партий по вопросу потенциального вступления в НАТО получены из более раннего исследования [5] с временными рамками анализа с 1 января 2015 г. по 31 декабря 2020 г.

Далее, предполагается произвести расчет вероятности изменения политики Швеции в отношении потенциального вступления в НАТО. Для этого предлагается формула (1), с помощью которой рассчитывается влиятельность парламентской партии:

$$x_n \times y_n = v_n$$

где x_n – представительство партии n в Риксдаге, y_n – активность позиции партии n по представленному вопросу, v_n – коэффициент влиятельности политической партии n по представленному вопросу.

Далее, после подсчета коэффициентов v для каждой партии формируется совокупность партий, которые имеют одинаковую или принципиально схожую позицию по представленному вопросу, после чего данные коэффициенты складываются. В итоге, по каждой позиции по потенциальному вступлению страны в НАТО должен сформироваться свой коэффициент V. Затем, определяется влиятельность различных политических лагерей.

Полученный в итоге коэффициент стабильности политики ΔV показывает относительный уровень поддержки существующего политического курса, основанного на нейтралитете, по сравнению с уровнем поддержки точки зрения оппозиции о необходимости вступления страны в Альянс. Данный коэффициент стабильности действителен при условии неизменности позиций политических партий и сохранении существующего внутриполитического ландшафта Швеции. В зависимости от значения коэффициента ΔV (табл. 1), можно сделать вывод о политическом преобладании сторонников или противников членства Швеции в НАТО.

По результатам проведенных ранее расчетов были представлены сводные данные (табл. 2) с указанием показателей V для каждого политического лагеря, а также показателем ΔV, свидетельствующем о соотношении сил. Расчет коэффициента производился для каждой партии отдельно, а не в целом по каждому политическому лагерю сторонников и противников вступления в НАТО.

Таблица 1

Соотношение сторонников и противников присоединения Швеции к НАТО в зависимости от значения ΔV

Значение ΔV	Краткий вывод
$\Delta V = -1$	Парламентские сторонники присоединения Швеции к НАТО имеют абсолютное преимущество относительно противников такого решения
$-1 < \Delta V < 0$	Парламентские сторонники присоединения Швеции к НАТО имеют преимущество относительно противников такого решения
$\Delta V = 0$	Политические силы равны, политика находится в состоянии неопределенности
$0 < \Delta V < 1$	Парламентские противники присоединения Швеции к НАТО имеют преимущество относительно сторонников такого решения
$\Delta V = 1$	Парламентские противники присоединения Швеции к НАТО имеют абсолютное преимущество относительно сторонников такого решения

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Сводные данные показателей V и показателя ΔV

V	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Против НАТО (V 1)	0,0076	0,0294	0,0304	0,0429	0,0200	0,0478
За НАТО (V 2)	0,1691	0,1088	0,0819	0,0748	0,0695	0,0742
ΔV	–0,1615	–,0794	–0,0443	–0,0388	–0,0495	–0,0263

Источник: составлено автором на основании расчетов.

Тенденцию к изменению показателей V и сводного показателя ΔV можно наблюдать на схеме (рис. 1), что позволяет определить постоянно отрицательную величину ΔV, которая достигла первой точки максимума в 2018 г., после чего снова снизилась в 2019 г. и достигла второй точки максимума в 2020 г. Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всех рассматриваемых лет парламентские сторонники НАТО имели преимущество перед своими оппонентами по уровню политического влияния. Однако, в 2018 г. и в 2020 г. этот показатель был близок к стабилизации.

Наблюдается снижение политического влияния сторонников НАТО в 2020 г., что может противоречить приведенным выводам. Однако при более подробном рассмотрении структуры активности политических партий можно заключить, что наиболее интенсивно по вопросу потенциального вступления в альянс высказывались представители «Партии Центра» при

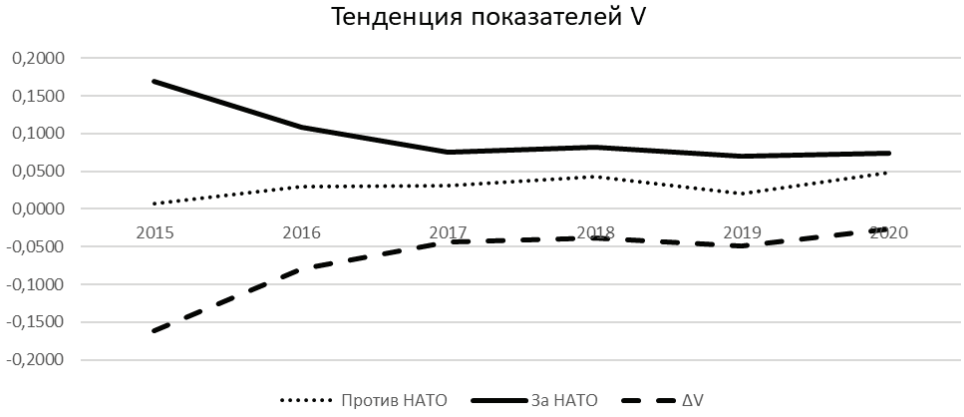


Рисунок 1. Тенденция изменения показателей V и ΔV с 2015 г. по 2020 г.

снижении активности других партий. Особенностью этих заявлений центристов является также внешняя их направленность. Так, на фоне протестов в Белоруссии в августе 2020 г. партия сделала заявление с осуждением президента Александра Лукашенко и поддержкой НАТО, как альянса, «куда стремятся многие» [12]. В декабре 2020 г. официальный представитель «Партии Центра» по внешней политике, и третий вице-спикер Риксдага Керстин Лундгрен (Kerstin Lundgren) заявила, что «Центристская партия хочет, чтобы Швеция вступила в НАТО, желательно вместе с Финляндией» [7]. Другие парламентские партии в 2020 г. в большей степени сконцентрировались на вопросах внутреннего характера, что объясняется пандемией коронавируса, реакция на которую со стороны правительства Швеции отличалась от европейских соседей и других стран мира. Эти обстоятельства привели к снижению коэффициента политического влияния парламентских сторонников НАТО. Таким образом, вновь можно провести логическую линию активности партий, поддерживающих вступление в НАТО и их оппонентов, которая очевидным образом имеет ситуативный характер.

Однако следует отметить, что ситуация в целом за период 2015-2020 гг. показывала преобладание уровня политического влияния парламентских сторонников присоединения Швеции к НАТО, что подтверждает выдвинутую ранее гипотезу.

Говоря о перспективах развития данного вопроса, следует отметить, что по сообщениям средств массовой информации, партия «Шведские демократы» постепенно изменяет свою позицию относительно потенциального присоединения страны к альянсу [14]. Несмотря на официальную позицию

партии, которая состоит в позиционировании страны как «неприсоединившейся к военным союзам» [9], ее стремление к увеличению расходов государства на оборону может являться предварительным шагом к изменению позиции на «пронатовскую». Данные факты, а также быстрый рост популярности партии по итогам выборов 2018 г. несет в себе определенные угрозы для правительства премьер-министра Стефана Лёвена (Stefan Löfven) и его оборонной политики [10]. Уже существующий перевес политического влияния сторонников НАТО вместе с возможным уходом «Шведских демократов» из политического лагеря противников присоединения к Альянсу может привести к правительственному кризису, аналогичному 2014 г. [17], и последующему изменению позиции государства по вопросу возможного присоединения к НАТО.

Склонность современной Швеции к состоянию политической турбулентности также подтверждается первым в истории государства успешным выдвижением вотума недоверия правительству [13], которое произошло 21 июня 2021 г. из-за разногласий в парламенте по вопросам жилищной политики. Тем не менее, следует также отметить, что оппозиция не смогла сформировать альтернативный кабинет министров, что привело к повторному избранию Стефана Лёвена (Stefan Löfven) на должность премьер-министра без проведения досрочных выборов [16], а также к дальнейшему избранию на этот пост Магдалены Андерссон (Magdalena Andersson) уже без коалиции с «Партией зеленых» [6]. Данные обстоятельства также создают атмосферу неопределенности перед предстоящими в 2022 г. выборами.

Выводы. Анализ медийной активности политических партий Швеции по исследуемому вопросу показывает, что парламентские сторонники присоединения страны к НАТО имеют большее политическое влияние, чем их противники. Несмотря на небольшое преобладание в Риксдаге последних на протяжении всех рассматриваемых лет (2015-2020 гг.), последователи идеи членства Швеции в альянсе компенсируют нехватку голосов достаточно высокой активностью. В итоге, совокупный показатель политического влияния свидетельствует о более сильной позиции сторонников НАТО, что говорит о достаточно высоком риске изменения политического курса страны, который на данный момент формулируется их оппонентами.

Стоит отметить и тот факт, что переход риторики в более спокойное русло, а также вероятный переход «Шведских демократов» в лагерь сторонников НАТО могут существенно изменить политическую расстановку сил в шведском парламенте. На данный момент правительственной коалиции удается сохранить существующее положение дел. Во многом это связано с частичным «вытеснением» проблемы угрозами иного характера – например, миграционной политикой и пандемией коронавируса в 2020 году.

Однако если в силу ряда причин, геополитических факторов усилится внимание к вопросу взаимоотношений Швеции и НАТО, то сторонники

присоединения к Альянсу не только получат дополнительные преимущества, но и смогут ими воспользоваться, как это уже случалось в 2015 г.

Кроме того, события лета 2021 г. показывают, что оппозиция способна использовать иные острые для шведского общества вопросы с тем, чтобы угрожать существующему правительству. Сильная политическая позиция всех парламентских сторонников НАТО может стать ресурсом для формирования «пронатовского» большинства и изменения политики нейтралитета Швеции после выборов 2022 г., что является неприемлемым для России.

Представленное исследование проведено с помощью инструментов количественного анализа, что позволило точнее аргументировать выводы. Перспективные исследования по рассматриваемой теме могут существенно расширить подход к исследованию за счет привлечения данных средств массовой информации и социальных сетей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Власти Швеции продолжат политику нейтралитета. 07.04.2021 // Российская Газета // https://rg.ru/2021/04/07/vlasti-shvecii-prodolzhat-politiku-nejtraliteta.html.

2. *Воронов К.В.* Формула безопасности Северной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1.

3. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Швеции, Действующим председателем ОБСЕ А. Линде, Москва, 2 февраля 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации // https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4550431.

4. *Громыко А.А., Плевако Н.С.* О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2 (68).

5. *Петросян Ф.А.* Политическая активность в шведском Риксдаге сторонников и противников присоединения к НАТО // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 11 (75).

6. Проработавшая 7 часов премьером Швеции Андерссон вновь заняла этот пост. 29.11.2021 // РосБизнесКонсалтинг // https://www.rbc.ru/politics/29 /11/2021/61a4dd2b9a7947955260798d.

7. C: Nu ökar Sveriges säkerhet genom Nato-option. 09.12.2020 // Centerpartiet // https://www.centerpartiet.se/press/pressmeddelande/nyhetsarkiv-2020/2020-12-09-c-nu-okar-sveriges-sakerhet-genom-nato-option.

8. *Can C.M.* Great Power Politics and Small Power Strategies in the Nordic Region: 1945-1956 // Chin. Polit. 2021. Sci. Rev. 6.

9. Ett riktigt försvar // Sverigedemokraterna // https://sd.se/vad-vi-vill/forsvarspolitik.

10. Flertall i Sverige for Nato-opsjon. 09.12.2020 // Forsvaretsforum // https://forsvaretsforum.no/sverige-utenriks/flertall-i-sverige-for-nato-opsjon/172555.

11. *Pedersen R.B.* Jumping on the Bandwagon: status seeking as a driver for Sweden's involvement in NATO-led operations? // International Politics. 2020. № 57 (1).

12. Protesterna i Belarus – What's next? 14.09.2020 // Centerpartiet // https://www.centerpartiet.se/lokal/internationellt/startsida/nyheter/nyheter/2020-09-14-protesterna-i-belarus---whats-next.

13. Riksdagen riktar en misstroendeförklaring mot statsminister Stefan Löfven (S). 21.06.2021 // Sveriges Riksdagen // https://www.riksdagen.se/sv/aktuellt/2021/jun/21/riksdagen-riktar-en-misstroendeforklaring-mot-statsminister-stefan-lofven-s.

14. SD öppnar för Natomedlemskap. 10.12.2020 // Proletären // http://proletaren.se/artikel/sd-oppnar-natomedlemskap.

15. Sweden: perception of NATO membership 2014-2017 // Statista // https://www.statista.com/statistics/660842/survey-on-perception-of-nato-membership-in-sweden.

16. Sweden's Stefan Löfven narrowly wins vote to return as PM. 07.07.2021 // Politico // https://www.politico.eu/article/sweden-stefan-lofven-parliament-vote-prime-minister-housing-policy.

17. Swedish Prime Minister Cancels Snap Election. 27.12.2014 // The Wall Street Journal // https://www.wsj.com/articles/swedish-prime-minister-to-cancel-snap-election-1419672647.

18. *Wieslander A.* What makes an ally? Sweden and Finland as NATO's closest partners. J Transatl. 2019. Stud 17.

P.A. PETROSYAN
Postgraduate student of the Department
of International Security and Foreign Policy of Russia,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA),
Moscow, Russia

THE NONBLOCK STATUS OF SWEDEN: RISKS OF PARLIAMENTARY UNCERTAINTY

The article examines the level of political influence of the Swedish parliamentary parties in the context of the issue of potential accession to the North Atlantic Treaty Organization (NATO). The relevance of this topic is emphasized due to its direct influence on the state of security in the region of Northern Europe, as well as due to its connection with the national interests of the Russian Federation.

hypothesis has been put forward about the greater influence of the parliamentary parties of Sweden, which are in favor of joining NATO, in comparison with the opponents of this scenario. The research time frame is 2015-2020. To test the hypothesis, the method of quantitative analysis was applied, the coefficient of influence of the parties was developed, calculated by comparing the weight of the party and its activity. Based on the results of the study, it was concluded that the hypothesis was confirmed. Parliamentary supporters of joining NATO do have more influence than opponents, despite the small numerical superiority of the latter in the Swedish Riksdag. This is due to the greater activity of the pro-NATO forces, as well as the foreign policy situation, which is rather unstable. The presented conclusions are of practical importance and can be used by foreign policy bodies in their activities, as well as in the process of ensuring the national security of the Russian Federation.

Key words: *Northern Europe, Sweden, Riksdag, NATO, neutrality, political parties, political influence.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.041
УДК 32.327
В.В. ТИМОФЕЕВ
аспирант кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург

КОЭФФИЦИЕНТ ШИЛЛЕРА И МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН

В статье исследуется корреляция между коэффициентом Шиллера как предиктором экономических кризисов и количеством реализуемых миротворческих операций в год. В литературе представлен ряд найденных взаимосвязей между экономическими факторами и конфликтами. Однако зависимость возникновения конфликтов от кризисных тенденций в экономике была практически не изучена. Ранее автором была обнаружена взаимосвязь между коэффициентом Шиллера и количеством миссий ООН. После выявления корреляции взаимосвязь должна быть правильно интерпретирована. Таким образом, целью исследования являются нахождение аналитической формы корреляции и ее интерпретация. Первой задачей данной работы является использование регрессионного анализа. Следующая задача – интерпретация найденной закономерности. Были собраны данные за период 1947-2014 гг. Автор наше л аналитическую форму корреляции. Связь между переменными прямая и линейная. Был сделан вывод, что увеличение факторной переменной на 1 единицу измерения приводит к увеличению результативной переменной на 0,5796 единицы измерения. Коэффициент Шиллера можно считать предиктором миссий, если он больше или равен 3,4951690821. Автор предполагает, что коэффициент Шиллера может указывать на влияние экономических факторов на возникновение конфликтов и, соответственно, на санкционирование миссий, направленных на их разрешение. Другими словами, коэффициент Шиллера является предиктором региональных и международных конфликтов и, таким образом, миссий ООН. В будущих исследованиях следует изучить такие вопросы, как переосмысление интерпретации корреляции и теоретическое описание найденного эффекта.

Ключевые слова: *миротворчество, коэффициент Шиллера, экономические факторы военных конфликтов, корреляция между экономическими кризисами и миротворческими миссиями ООН, S&P 500.*

Нарастание экономических рисков и усугубление внешне- и военно-политической ситуации в мире актуализируют проблему взаимосвязи эконо-

мических и политических явлений и процессов. Возможность скорого экономического кризиса также обладает злободневностью в контексте высоких значений обсуждаемого в статье коэффициента Шиллера. Особый интерес в данном случае привлекает возможность использования экономических индикаторов как предикторов военных конфликтов.

Множество исследований посвящено проблеме влияния экономических факторов на возникновение и развитие внутренних конфликтов (в частности, в африканских странах). Еще в 1990-х гг. появилось большое количество работ, в которых авторы анализировали зависимость между природными ресурсами и гражданскими войнами. М. Росс в своей статье отмечает, что некоторые ученые нашли корреляции между экспортом сырьевых товаров и вероятностью начала войны [7. P. 339]. При этом он также указывает на авторов, утверждающих, что зависимости между этими переменными нет [7. P. 339]. Дойль и Самбанис нашли, что наличие полезных ископаемых усугубляет процесс восстановления мира в стране, где эти ресурсы находятся [7. P. 339]. Разные исследователи рассматривали различные ресурсы в качестве факторов возникновения и течения конфликтов, например: золото, олово, медь, природный газ и фосфаты. И. де Сойса выявил зависимость между производством нефти и началом конфликта [7. P. 339].

Ф. Стюарт сделал вывод, что бедность, безработица, экономическое неравенство являются причинами, провоцирующими конфликты [9. P. 342]. К тому же он отметил такой фактор, как индивидуальные экономические стимулы сражаться [9. P. 342]. В отчете мозгового центра RAND «Воля к борьбе: анализ и моделирование воли к борьбе у воинских соединений» также утверждается, что экономические драйверы составляют важную часть воли солдат сражаться [4. P. XVII]. Э. Мигель, Ш. Сатьянат и Э. Серджанти использовали метод инструментальных переменных, чтобы оценить причинно-следственную связь между падением экономического роста и возникновением конфликта [5. P. 726]. Ими было определено, что падение в 5% повышает вероятность начала конфликта в течение половины следующего года [5. P. 746]. Дж. Виктор доказал, что существует зависимость между ВВП страны, которая направляет миротворческий контингент, и численность данного контингента [10. P. 227]. Оказалось, что чем меньше ВВП страны, тем больше солдат она направляет [10. P. 227]. Это объясняется тем, что бедные страны ожидают получить выгоду от предоставления их солдатам выплат в процессе участия в миротворческих операциях [10. P. 227].

Таким образом, в науке и прежде всего в западном научном сообществе активно изучается вопрос влияния экономических факторов на возникновение и протекание конфликтов. Для этого исследователи применяют математический инструментарий. Однако еще практически не была рассмотрена проблема оценки вероятности конфликтов посредством такого индикатора, как коэффициент Шиллера. Коэффициент Шиллера является показателем

соотношения рыночной капитализации компаний и среднего значения их прибыли, который рассчитывается с учетом инфляции [1. С. 95-96]. Обычно данный коэффициент применяют к фондовому индексу 500 корпораций – S&P 500. Коэффициент Шиллера обладает потенциалом предиктора экономических кризисов, потому что он учитывает переоцененность или т.н. «нагретость» рынка, которая сигнализирует о вероятном резком падении акций. Иными словами, этот показатель свидетельствует об уровне кризисности в мировой экономике.

Теоретически именно кризисные тенденции в глобальной экономике должны влиять на экономические ситуации в странах с высоким уровнем политической волатильности и, таким образом, способствовать политической дестабилизации в них. Это должно быть одним из главных эффектов воздействия экономики на возникновение гражданский войн и международных конфликтов. Количество серьезных и наиболее опасных конфликтов отражает число миротворческих операций, направленных на их разрешение. Статистически значимая прямая заметная связь между среднегодовым числом коэффициента Шиллера и годовым числом операций ООН по поддержанию мира (ОПМ) была выявлена в работе В.В. Тимофеева при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена [2]. При выявлении статистически значимой корреляции посредством данного метода математической статистики требуется дополнить исследование регрессионным анализом. Регрессионный анализ позволяет найти аналитический вид связи между факторной (независимой) и результативной (зависимой) переменными, что в свою очередь дает представление о том, насколько именно фактор повышает вероятность наступления результата.

Цель и задачи. Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы определить аналитический вид связи между независимой переменной (коэффициентом Шиллера) и зависимой переменной (числом миротворческих операций ООН).

Задачи исследования:

1. Применить регрессионный анализ к данным.
2. Интерпретировать полученное выражение.

Методология. Для анализа корреляции между переменными была составлена таблица (Таб. 1). В первой колонке указан год. Во второй – среднегодовые значения показателя коэффициента Шиллера. В третьей – число ОПМ, реализующихся на соответствующий год. Таблица содержит информацию о показателях на период 1947-2014 гг. Данные о среднегодовых значениях коэффициента Шиллера были взяты с сайта, содержащего исторические показатели индекса S&P 500 [14]. Информация о числе ОПМ на определенный год была получена с сайта Our World in Data [15].

В данной работе применяется такой метод математической статистики, как регрессионный анализ.

Уравнение линейной регрессии имеет следующий вид:

$$y = bx + a$$

Для нахождения коэффициентов aa и bb, характеризующих параметры $\alpha\alpha$ и $\beta\beta$, применяется метод наименьших квадратов (МНК) [3]. С помощью данного метода мы выбираем значения параметров таким образом, чтобы сумма квадратов отклонений была минимальной [3].

Критерий МНК может иметь следующий формальный вид:

$$S = \sum (y_i - y_i^*)^2 \to min$$

Система нормальных уравнений.

$$an + b\sum x = \sum y$$

$$a\sum x + b\sum x^2 = \sum yx$$

Результаты:

На основе имеющихся данных рассчитаем параметры регрессии (Таб. 2).

Для наших данных система уравнений имеет вид

$$68a + 1260{,}77b = 593$$

$$1260{,}77a + 27334{,}6b = 13289{,}32$$

Находим

$$a = -2{,}0258$$

$$b = 0{,}5796$$

Получаем уравнение регрессии

$$y = 0{,}5796x - 2{,}0258$$

Полученное уравнение регрессии позволяет интерпретировать характер связи между факторной и результативной переменными, а именно можно сделать следующий вывод: увеличение факторной переменной на 11 ед. изм. приводит к увеличению результативной переменной на 0,5796 ед. изм. Связь между переменными – прямая.

Результативный признак $y = 0$, когда факторный признак $x = 3{,}4951690821$.

Аналитическая форма показывает, что связь между такими переменными, как коэффициент Шиллера и число ОПМ – прямая и линейная. Коэффициент Шиллера должен, исходя из уравнения, рассматриваться как предиктор миссий, только если он больше либо равен 3,4951690821. Повышение значений коэффициента Шиллера означает увеличение вероятности санкционирования миссий, а значит и возникновения конфликта.

Исходя из полученной аналитической формы, мы можем утверждать, что переоцененность акций на фондовом рынке, приводящая к резкой корректировке цен, способствует накоплению и усугублению экономических противоречий. Резкое падение цен акций корпораций S&P 500 провоцирует экономические кризисы, которые в свою очередь проецируются на экономиках практически всех государств и, в частности, стран, которым характерен высокий уровень политической волатильности. Ухудшение социально-экономических условий приводит к политической дестабилизации, которая в свою очередь выливается в локальные, региональные и международные конфликты. Возникновение и усугубление конфликтов в конечном счете заставляют Совет Безопасности ООН санкционировать проведение миротворческих операций.

Необходимо принимать во внимание, что рассматриваемый фактор может отражать воздействие иных причин, нежели кризисные тенденции в экономике. Кроме того, в рамках анализа найденной корреляции следует рассмотреть вероятную обратную зависимость коэффициента Шиллера *xx* от числа миротворческих операций *yy*. Есть вероятность, что корреляция характеризует причинно-следственную связь, теоретическую трактовку которой еще предстоит найти. Таким образом, следует учитывать, что рассматриваемая закономерность требует дальнейшей проверки и углубления ее теоретической интерпретации в последующих исследованиях.

Заключение. В работе определена аналитическая форма связи между переменными, которая характеризует воздействие кризисных тенденций на возникновение конфликтов и, следовательно, санкционирование миссий. Был применен регрессионный анализ к корреляции между коэффициентом Шиллера как факторным признаком и числом санкционированных миротворческих операций ООН как результативным признаком. Данная связь была интерпретирована: показатель кризисности может сигнализировать о возникновении конфликтов, для разрешения которых инициируются миротворческие операции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Год	Среднегодовое значение коэффициента Шиллера	Число реализующихся на определенный год операций ООН по поддержанию мира
1947	11.47	0
1948	10.42	1
1949	10.25	2
1950	10.75	2
1951	11.90	2
1952	12.53	2
1953	13.01	2
1954	12.00	2
1955	15.99	2
1956	18.29	3
1957	16.72	3
1958	13.79	4
1959	17.98	3
1960	18.34	4
1961	18.47	4
1962	21.20	5
1963	19.26	6
1964	21.63	6
1965	23.27	6
1966	24.06	6
1967	20.43	4
1968	21.51	3
1969	21.19	3
1970	17.09	3
1971	16.46	3
1972	17.26	3
1973	18.71	4
1974	13.53	5
1975	8.92	5
1976	11.19	5
1977	11.44	5
1978	9.24	6
1979	9.26	6

1980	8.85	5
1981	9.26	5
1982	7.39	5
1983	8.76	5
1984	9.89	5
1985	10.00	5
1986	11.72	5
1987	14.92	5
1988	13.90	7
1989	15.09	10
1990	17.05	10
1991	15.61	14
1992	19.77	16
1993	20.32	19
1994	21.41	19
1995	20.22	20
1996	24.76	19
1997	28.33	20
1998	32.86	18
1999	40.57	20
2000	43.77	18
2001	36.98	15
2002	30.28	16
2003	22.90	14
2004	27.66	16
2005	26.59	17
2006	26.47	16
2007	27.21	17
2008	24.02	17
2009	15.17	16
2010	20.53	16
2011	22.98	16
2012	21.21	16
2013	21.90	15
2014	24.86	16

Таблица 2

x	y	x^2	y^2	xy
11.47	0	131.5609	0	0
10.42	1	108.5764	1	10.42
10.25	2	105.0625	4	20.5
10.75	2	115.5625	4	21.5
11.9	2	141.61	4	23.8
12.53	2	157.0009	4	25.06
13.01	2	169.2601	4	26.02
12	2	144	4	24
15.99	2	255.6801	4	31.98
18.29	3	334.5241	9	54.87
16.72	3	279.5584	9	50.16
13.79	4	190.1641	16	55.16
17.98	3	323.2804	9	53.94
18.34	4	336.3556	16	73.36
18.47	4	341.1409	16	73.88
21.2	5	449.44	25	106
19.26	6	370.9476	36	115.56
21.63	6	467.8569	36	129.78
23.27	6	541.4929	36	139.62
24.06	6	578.8836	36	144.36
20.43	4	417.3849	16	81.72
21.51	3	462.6801	9	64.53
21.19	3	449.0161	9	63.57
17.09	3	292.0681	9	51.27
16.46	3	270.9316	9	49.38
17.26	3	297.9076	9	51.78
18.71	4	350.0641	16	74.84
13.53	5	183.0609	25	67.65
8.92	5	79.5664	25	44.6
11.19	5	125.2161	25	55.95
11.44	5	130.8736	25	57.2
9.24	6	85.3776	36	55.44
9.26	6	85.7476	36	55.56

8.85	5	78.3225	25	44.25
9.26	5	85.7476	25	46.3
7.39	5	54.6121	25	36.95
8.76	5	76.7376	25	43.8
9.89	5	97.8121	25	49.45
10	5	100	25	50
11.72	5	137.3584	25	58.6
14.92	5	222.6064	25	74.6
13.9	7	193.21	49	97.3
15.09	10	227.7081	100	150.9
17.05	10	290.7025	100	170.5
15.61	14	243.6721	196	218.54
19.77	16	390.8529	256	316.32
20.32	19	412.9024	361	386.08
21.41	19	458.3881	361	406.79
20.22	20	408.8484	400	404.4
24.76	19	613.0576	361	470.44
28.33	20	802.5889	400	566.6
32.86	18	1079.7796	324	591.48
40.57	20	1645.9249	400	811.4
43.77	18	1915.8129	324	787.86
36.98	15	1367.5204	225	554.7
30.28	16	916.8784	256	484.48
22.9	14	524.41	196	320.6
27.66	16	765.0756	256	442.56
26.59	17	707.0281	289	452.03
26.47	16	700.6609	256	423.52
27.21	17	740.3841	289	462.57
24.02	17	576.9604	289	408.34
15.17	16	230.1289	256	242.72
20.53	16	421.4809	256	328.48
22.98	16	528.0804	256	367.68
21.21	16	449.8641	256	339.36
21.9	15	479.61	225	328.5
24.86	16	618.0196	256	397.76
1260.77	593	27334.5995	7915	13289.32

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Данилов Ю.А., Пивоваров Д.А., Давыдов И.С.* К вопросу о предвидении глобальных финансово-экономических кризисов // Финансы: теория и практика. 2020. Том 24. Выпуск 1.

2. *Тимофеев В.В.* Экономические факторы и миротворческая деятельность Канады: в поисках закономерности // Восьмые канадские чтения в Санкт-Петербургском университете: материалы конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября – 1 октября 2021 г. / под ред. Ю.Г. Акимова и К.В. Минковой. СПб.: Скифия-принт, 2021.

3. *Тимофеев В.Н.* Основы теории вероятностей и математической статистики. Учебное пособие. Мирный: Мирнинская городская типография, 2021.

4. *Connable B., McNerney M.J. et al.* Will to Fight. Analyzing, Modeling, and Simulating the Will to Fight of Military Units. 2018 // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2341.html.

5. *Miguel E., Satyanath S., Sergenti E.* Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables // Approach Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112. No. 4.

6. *Roser M., Nagdy M.* Peacekeeping // https://ourworldindata.org/peacekeeping.

7. *Ross M.L.* What Do We Know about Natural Resources and Civil War? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3.

8. *Shiller P.E.* Ratio by Year // https://www.multpl.com/shiller-pe/table/by-year.

9. *Stewart F.* Root Causes Of Violent Conflict In Developing Countries // BMJ: British Medical Journal. 2002. Vol. 324. No. 7333.

10. *Victor J.* African peacekeeping in Africa: Warlord politics, defense economics, and state Legitimacy // Journal of Peace Research. 2010. Vol. 47. No. 2.

V.V. TIMOFEEV
PhD student at the Department of American Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

THE SHILLER P/E RATIO AND UN PEACEKEEPING OPERATIONS

The article examines the correlation between the Shiller P/E ratio as a predictor of economic crises and the number of peacekeeping operations per year. Certain relationships between economic factors and conflicts have been found in the literature. However, the dependence of the emergence of conflicts on crisis trends in the world economy was virtually unexplored. Previously, the author found a correlation between the Shiller P/E ratio and the number

of UN missions. Once the correlation is identified, the relationship must be interpreted. Thus, the purpose of the study is to find the analytical form of the correlation and its interpretation. The first objective in this process is to use regression analysis. The next objective of the study is to explain the pattern found. Data were collected for the period from 1947 to 2014. The author found an analytical form of the correlation. The relationship between the variables is direct and linear. It is concluded that an increase in the factor variable by 1 unit of measurement leads to an increase in the outcome variable by 0.5796 units of measurement. The Shiller P/E ratio can be considered a mission predictor if it is greater than or equal to 3,4951690821. The author suggests that the Shiller P/E ratio can indicate the impact of economic factors on the onset of conflicts and, consequently, on missions aimed to resolve them. In other words, the Shiller P/E ratio is a predictor of regional and international conflicts and of UN missions. In future investigations, research questions that could be asked include rethinking the interpretation of correlation and theoretical description of the effect found.

Key words: *peacekeeping, Shiller P/E ratio, economic factors of military conflicts, correlation between economic crises and UN peacekeeping missions, S&P 500.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.042
УДК 32.327
В.Е. ЦЫГАНОВ
аспирант Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ТЕХНОЛОГИИ, ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем, что в последнее время все больше внимания уделяется возможности применения публичной дипломатии во внешней политике в условиях возрастания жесткой конкуренции, глобализации и динамичных изменений в социуме. Целью данной статьи является анализ технологий, функций и особенностей применения инструментов публичной дипломатии с целью формирования имиджа субъекта международных отношений. Для достижения поставленной цели автор ставит перед собой такие задачи, как операционализация подходов к интерпретации понятия «публичная дипломатия», изучение ключевых технологий и функций публичной дипломатии, рассмотрение особенностей применения публичной дипломатии в современной России. В процессе решения поставленных задач автор опирается на современные исследования западных и отечественных авторов, активно применяя системный, институциональный, структурно-функциональный и коммуникативный подходы. Автор приходит к выводу, что развитие инструментов публичной дипломатии может стать ключевым фактором успеха страны на международной арене. Также важно подчеркнуть, что Россия имеет успехи в практическом применении технологий публичной дипломатии, но также существует ряд препятствий для более эффективного их использования, которые России предстоит преодолеть для улучшения своего имиджа на международной арене.

Ключевые слова: *государство, дипломатия, имидж, международные отношения, общество, публичная дипломатия, политика, глобализация.*

В последние годы на фоне процессов глобализации и стремительного развития информационных и коммуникационных технологий способность граждан влиять на политику своих государств значительно возросла. В связи с этим правительства стран, которые хотят сохранить и расширить свое влияние в мире, стараются учитывать эти новые тенденции при планировании и реализации своей внешней политики. Следует отметить, что важность

этих политических процессов подчеркнута и в соответствующем указе Президента Российской Федерации, в котором указывается на необходимость «использования ресурса публичной дипломатии в интересах повышения эффективности внешней политики России» [10].

Возрастающая роль публичной дипломатии в политических процессах и широкое использование ее технологий в политической сфере придают данной статье дополнительную актуальность.

Многие зарубежные и отечественные авторы занимались проблемами публичной дипломатии и ее применения в политических процессах. Американские ученые Э. Гуллион и А. Хоффман в конце 1960-х гг. были первыми, кто попытался научно определить это явление, центральным тезисом которого было признание появления нового метода внешней политики, с помощью которого правительство страны формирует общественное мнение по данному вопросу среди населения иностранного государства.

Стоит отметить, что в связи со сложными геополитическими и экономическими условиями, в которых сегодня находится наша страна, в современной России возрос интерес к проблематике публичной дипломатии. Среди наиболее известных авторов можно выделить А.Л. Арефьева, А.И. Кубышкина, Ф.А. Лукьянова, А.В. Манойло, А.Г. Костыреву, Т.В. Зонову, П.А. Цыганкова.

Автор термина «публичная дипломатия» – Эдмунд Галлион – ввел его в научный оборот в 1965 году [1. С. 132]. Затем специалист определил публичную дипломатию как деятельность, направленную на информирование и изменение общественного мнения в других странах в рамках специальных программ, финансируемых государством. Несколько десятилетий спустя, в начале 1990-х, другой теоретик, Джозеф Най, который отдельно сосредоточился на гуманитарной природе публичной дипломатии, выделил три ее функции [9. С. 141]:

1) повседневное общение, которое должно всесторонне объяснять природу внешнеполитических решений, их гуманитарное значение и их связь с культурными и моральными ценностями;

2) стратегическая коммуникация, после которой организуется стратегическая информационная кампания по освещению приоритетного направления внешней политики государства;

3) третья функция – это постоянное сотрудничество с влиятельными людьми и группами через различные культурные и социальные каналы и академические учреждения, которые, так или иначе, связаны с СМК.

Существует несколько методов и технологий распространения публичной дипломатии, в том числе [3. С. 114]:

1) популяризация сферы туризма;

2) пропаганда политических решений правительства страны – в области внешней политики, которая напрямую влияет на общественность, а также внутренней политики, которая отражается в международных СМИ;

3) привлечение инвестиций и иностранных предпринимателей, исследователей и студентов;

4) культурный обмен, культурный экспорт и спорт;

5) привлекательность политиков, знаменитостей и звезд спорта.

Акторами публичной дипломатии являются государства, дипломаты, а также отдельные лица, группы, учреждения, которые участвуют в межкультурном, коммуникативно-техническом обмене, влияющем на международные отношения. В настоящее время отдельные граждане, а также неправительственные организации и транснациональные корпорации все активнее обсуждают проблемы международных взаимоотношений [6. С. 228]. Динамично развивающимся субъектом публичной дипломатии, с которым сотрудничают государства, являются неправительственные организации. НПО, как и средства массовой информации, существовали задолго до того, как этот термин появился в публичной дипломатии, но первоначально они были в основном учрежденными государством и финансируемыми неправительственными организациями. Первоначально они работали в области популяризации языка и культуры, но затем эта модель расширилась, включив в себя такие политические области, как демократизация, помощь развитию, охрана окружающей среды и многие другие. С ростом влияния НПО в мировой политике менялись и механизмы их взаимодействия с государствами в публичной дипломатии [4. С. 221]. В условиях современных «гибридных войн» неправительственные организации зачастую используются в целях осуществления электорального вмешательства во внутренние дела зарубежных стран [12. С. 215].

Изначально неправительственные организации были лишь своего рода влиятельными акторами в государстве, но сегодня они часто выступают в качестве представителей интересов национального или международного сообщества, формируя широкие многосторонние коалиции, и государства уже участвуют в кампании, начатые НПО, а не наоборот. Поэтому неправительственные организации играют одну из ключевых ролей в современном многостороннем равноправном диалоге новой публичной дипломатии, и есть основания полагать, что их значение будет возрастать в будущем [7. С. 84]. Российский исследователь П.Я. Фельдман справедливо полагает, что НПО и НКО могут выступать субъектами, лоббирующими интересы нашей страны в органах власти западных держав и даже на уровне наднациональных институтов (например, Евросоюза) [13. С. 17]. Известны случаи, когда им удавалось предотвращать принятие дополнительных антироссийских санкций.

Одним из приоритетов дипломатии является информационное обеспечение внешнеполитической деятельности, что является одним из важных и необходимых элементов государственной информационной политики. В большинстве случаев эта поддержка включает постоянное взаимодей-

ствие внешних связей государства со СМИ, использование современных информационно-коммуникационных технологий для защиты информационных систем, формирование объективной и положительной оценки деятельности государства на международном уровне, контрмеры, к ложным и провокационным данным, о деятельности государства, опубликованным в Интернете (в том числе в социальных сетях) и многом другом [5. С. 301].

Для реализации задач внешнеполитической доктрины страны создаются новые инструменты публичной дипломатии и восстанавливаются старые инструменты. Так в 2005 году начал работу первый в России круглосуточный информационный канал зарубежного вещания Russia Today (RT). Новый канал должен «отражать позицию России по важнейшим вопросам международной политики» и «информировать аудиторию о событиях и явлениях российской жизни». В настоящее время RT имеет 22 офиса в 19 странах, а канал доступен более чем 644 миллионам человек в более чем 100 странах. Одна из важнейших функций RT, на наш взгляд, заключается в том, чтобы вырабатывать у зарубежной общественности «иммунитет» к фейковым новостям о России, активно тиражируемым рядом западных СМИ [11. С. 140].

Для популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом русской и мировой культуры, был создан фонд «Русский мир». Фонд поддерживает общественные организации и НПО, образовательные и научные учреждения, объектом которых является изучение русского языка, создание программ по изучению русского языка и литературы. В рамках этой работы фонд предоставляет гранты российским и зарубежным некоммерческим организациям [2. С. 154].

Одной из крупнейших российских организаций в области публичной дипломатии является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), основанное в сентябре 2008 года. Экспертиза Россотрудничества охватывает довольно широкий спектр областей публичной дипломатии. Это работа по продвижению российского образования, работа с общественными организациями, работа с соотечественниками, программы краткосрочных ознакомительных поездок в РФ и др. Агентство имеет офисы в 80 странах мира [8. С. 194].

Несмотря на относительно большое количество организаций, занимающихся публичной дипломатией, и постоянно увеличивающееся государственное финансирование этой области, российская публичная дипломатия, с нашей точки зрения, имеет ряд существенных изъянов.

Во-первых, в настоящее время в России нет единого органа, координирующего работу в области публичной дипломатии в целом. В связи с этим между разными организациями часто выполняются двойные функции, при

этом многие вопросы остаются нерешенными, и неясно, к какой ответственности они относятся.

Во-вторых, нет единого документа, концептуализирующего работу в сфере публичной дипломатии, нет четко определенных целей и задач в этой сфере, что автоматически делает невозможной оценку работы, проводимой на этом этапе [1. С. 226].

В-третьих, в России не хватает специалистов в области публичной дипломатии, потому что они не проходят подготовку в российских вузах, и отсутствует система повышения квалификации. Поэтому многие специалисты в этой области просто не до конца понимают разницу между классической дипломатией и публичной дипломатией, не знают основных особенностей работы механизмов и институтов последней.

На основе проанализированных автором настоящей статьи теоретических подходов в XXI веке сформировалась новая концепция дипломатии, которая является реакцией на трансформацию процессов коммуникации международных акторов в новых реалиях. Основными факторами, оказавшими наибольшее влияние на формирование «публичной дипломатии», можно считать распространение новых технологий и увеличение количества и значимости международных неправительственных акторов. При таких условиях старое понимание дипломатии с акцентированием на государственные СМИ, контролируемые правительственным аппаратом, не соответствует требованиям современности, так как ограничивают возможности государств и уменьшают их конкурентоспособность.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что на современном этапе развития «публичная дипломатия» является эффективным инструментом формирования имиджа, важной составляющей внешнеполитической деятельности государств, а также других влиятельных на мировой арене субъектов. Важно подчеркнуть, что Россия имеет существенные успехи в осваивании и практическом применении технологий «мягкой силы» и «публичной дипломатии». Об этом, в частности, свидетельствует очевидное укрепление ее информационного суверенитета и положения на мировой арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Боришполец К.П.* Ресурсы публичной дипломатии Союзного Государства России и Беларуси // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 54 (3).

2. *Великая А.* Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. 2016. № 2.

3. *Зонова Т.В.* Дипломатия: Модели, формы, методы: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2017.

4. История дипломатии России: В двух томах. Учебник: IX – начало XX века / А.И. Кузнецов, Ю.А. Райков, В.В. Самойленко / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2017. Том I.

5. История дипломатии России: В двух томах. Учебник: 1917-2017 / В.О. Печатнов, И.В. Попов, Ю.А. Райков / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2018. Том II.

6. *Лебедева О.В.* История дипломатической службы России. М.: Аспект Пресс, 2019.

7. *Лебедева О.В*. Консульская служба Российской Федерации на современном этапе: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2019.

8. *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М.: Международные отношения, 2018.

9. *Самойленко В.В.* Профессиональные секреты дипломата: учебное пособие для студентов. М.: Аспект Пресс, 2016.

10. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // http://kremlin.ru/events/president/news/15256.

11. *Фельдман П.Я.* «Постправда» и «фейк-ньюз» в современном коммуникационном пространстве: перспективы политико-правового регулирования // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2 (12).

12. *Фельдман П.Я., Федякин А.В., Ежов Д.А.* Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках семантической определенности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50.

13. *Фельдман П.Я.* Концептуальные основы лоббистской деятельности в современной России // Международные отношения. 2014. № 1.

V.E. TSYGANOV
Graduate student
Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia

PUBLIC DIPLOMACY: TECHNOLOGIES, FUNCTIONS, FEATURES OF APPLICATION

The relevance of the topic of this article is due to the fact that nowadays more attention is paid to the possibility of using public diplomacy in foreign policy in the context of increasing fierce competition, globalization and dynamic changes in society. The purpose of this article is to analyze the technologies, functions and features of the use of public diplomacy tools in order to form the image of the subject of international relations. To achieve this goal the author sets such tasks as the operationalization of approaches to the interpretation of "public

diplomacy" concept, the study of key technologies and functions of public diplomacy, consideration of the features of the use of public diplomacy in modern Russia. In the process of solving the set tasks, the author relies on modern research by Western and domestic authors, actively applying the systemic, institutional, structural-functional and communicative approaches. The author comes to the conclusion that the development of public diplomacy tools can become a key factor in the country's success in the international arena. It is also important to emphasize that Russia has made progress in the practical application of public diplomacy technologies, but there are also a number of obstacles to their more effective use, which Russia will have to overcome in order to improve its image in the international arena.

Key words: *state, diplomacy, image, international relations, society, public diplomacy, politics, globalization.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.043
УДК 32.327

Ю.В. БАРАНОВА
студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
А.А. ЛЕОНОВА
студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
ФАМ ТХИ МИНЬ ХУЕН
студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

ОСОБЕННОСТИ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ США, КИТАЯ И РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ РОЛИ В ОСВОЕНИИ МИРОВОГО ОКЕАНА

Отношения, складывающиеся между США, КНР и РФ (далее – страны Северной Пацифики), играют очень важную роль в становлении нового мирового порядка. Страны Северной Пацифики также являются ведущими мировыми морскими державами, в связи с чем они неминуемо сталкиваются с экологическими и политическими проблемами, возникающими именно в морском пространстве. Однако, чаще всего морская политика данных стран изучается и оценивается в разрезе права, военных сил или науки. На наш взгляд, важно исследовать морскую политику и с точки зрения истории освоения Мирового океана, поскольку установление того, как и когда государства начали принимать участие в исследовании океана, как эволюционировало регулирование морской деятельности с точки зрения международного права и международных отношений, поспособствует более глубокому пониманию политики, осуществляемой странами Северной Пацифики в настоящее время, а также определению значения океана для каждой страны исходя из исторического контекста. Под Мировым океаном в данном исследовании понимается все водное пространство, в том числе бассейн северной части Тихого океана, моря которого омывают берега США, Китая и России.

Ключевые слова: *морская политика, история освоения, Мировой океан, страны Северной Пацифики, США, Россия, КНР.*

С момента начала изучения Мирового океана вплоть до конца XVIII века, его освоением занимались европейцы. В частности, Тихий океан открыл уроженец страны, море которого даже не является частью Тихого

океана. Тем не менее, за промежуток времени от начала путешествий Кука до 1872 года, когда началась первая масштабная океанографическая экспедиция на британском корабле HMS Challenger («Челленджер»), было совершено 75 научных плаваний, в том числе, около 25 – кругосветных, 8 из которых было совершено русскими [3. С. 40].

Освоение Мирового океана Россией. Первым русским кругосветным плаванием была экспедиция на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в 1803-1806 гг. В 1819 г. была организована первая русская антарктическая экспедиция, начало которой было положено в Кронштадте 4 июля 1819 г. Экспедиция отправилась в плавание на парусных шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева с целью исследования Южного океана и доказательства существования шестого материка – Антарктиды. 28 января 1820 г. корабли настолько близко подошли к материковым льдам, что сомнения в существовании материка отпали, и именно этот день считается днем открытия Антарктиды [3. С. 45].

Континентально-морское пространство северной части Тихого океана (Северная Пацифика) с 30-х годов XVIII в. считается ареной экономической деятельности русских. С начала XIX столетия, когда это пространство начали активно осваивать США, а затем Япония, оно постепенно превратилось в сферу геополитического и экономического соперничества держав, область жизненно важных интересов России. На данный момент, интересы России в бассейне Тихого океана представляет Российский Дальний Восток (далее – РДВ), который, в силу своих географических характеристик, имеет непосредственный выход к водам Тихого океана. Тем не менее, как сухопутная, так и морская части этого пространства освоены слабо. Суровые природно-климатические условия региона, его периферийное и далекое от мировых столиц местоположение предопределили длительное отсутствие интереса со стороны России к широкомасштабному извлечению его богатых, но труднодоступных и дорогих в освоении ресурсов.

Освоение Мирового океана Америкой. В отличие от России, интерес США в регионе Северной Пацифики имеет более продолжительную историю. В частности, это выражается в приобретении Аляски, ранее принадлежавшей России. Процесс американской экспансии данного региона на севере Тихого океана начался еще до официального договора о передаче Аляски и выплаты в пользу России 7,2 млн. долл. золотом [1. С. 125]. В следствие этого, а также, воспользовавшись слабым положением Российской империи в XIX веке, правительство США осуществило покупку Аляски и Алеутских островов, по большей части в целях усиления позиций в этом районе под давлением кругов буржуазии, заинтересованных в расширении возможностей вывоза пушнины, эксплуатации морских промыслов и других богатств северной части Тихого океана. Председатель комиссии по иностранным

делам палаты представителей Н. Бэнкс в свое время называл Аляску ключом к Тихому океану, а Берингово море – «американским морем». Говоря о необходимости аннексировать и Гавайские острова, Бэнкс подчеркивал, что, владея Аляской на севере, Алеутскими островами в центре и Гавайями на юге, США будут держать в своих руках контроль над Тихим океаном. Американское правительство, подготавливая договор о покупке Аляски, руководствовалось теми же идеями, что и при прежних территориальных приобретениях в первой половине XIX в. (от Луизианы до Калифорнии) – идеями усиления влияния США на Тихом океане как на юге, так и в северной части [1. С. 127].

Эксплуатация рыбных и иных ресурсов северо-западной части Тихого океана в последствии приносила огромные прибыли и содействовала развитию рыбоконсервной промышленности в Калифорнии. Длительная экспансия американской буржуазии в северной части Тихого океана завершилась расширением возможностей США эксплуатировать богатства этого района. По официальным данным, за 23 года (с 1868 по 1890 г.) учитываемые доходы предпринимателей достигли 75 млн. долл. Более того, в конце XIX века на Аляске были обнаружены залежи золота. За годы золотой лихорадки на Аляске было добыто около 1000 тонн золота, что в ценах 2020 года соответствовало примерно 36 миллиардам долларов [1. С. 130]. Тем самым, истинное значение Северной Пацифики Америка осознала раньше, чем Россия, и приобретение Аляски можно считать выгодным вложением в американское будущее, чего не скажешь о России, продавшей столь богатый на природные ресурсы регион за несопоставимую потенциальной прибыли сумму.

Освоение Мирового океана Китаем. Рассматривая историю освоения Мирового океана, на данном этапе исследования можно прийти к выводу, что в его освоении принимали активное участие как российская сторона, так и американская. Китай, в свою очередь, до недавнего времени оставался преимущественно континентальной державой. Исторически морская акватория была для Китая не столько окном во внешний мир и ресурсом экономического развития, сколько источником угроз, как политических, так и природных. Даже на данный момент, после трех десятилетий активного развития внешнеэкономических связей, выстроенных преимущественно через моря и океаны, в прибрежных районах страны проживает чуть более четверти населения (400 млн. чел.), а доля морской экономики в ВВП не превышает 10%.

Китайский истеблишмент только на рубеже XX-XXI вв. начал воспринимать Мировой океан как «стратегическое пространство для устойчивого развития», видеть в богатствах морского дна, морской торговле и морской экономике важный ресурс для построения богатого и процветающего общества. Развитие морского вектора политики Китая связано с двумя осново-

полагающими факторами. Первый обусловлен самой географией страны. Протяженность береговой линии КНР только на континенте составляет 18 тыс. км, предоставляя стране прямой выход к Тихому океану одновременно из акваторий трех морей: Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского. Более 6,5 тыс. островов общей площадью около 80 тыс. кв. км увеличивают береговую линию страны еще на 14 тыс. км. Общая площадь морской экономической зоны Китая составляет 3 млн кв. км. Второй фактор обусловлен потребностями экономического развития страны, результаты и темпы которого в немалой степени зависят от внешних факторов: поставок сырья и рынков сбыта. Торговля с важнейшими экономическими партнерами – США, Евросоюзом, Японией, Республикой Кореей, Австралией — ведется преимущественно морем. В период 2010-х гг. в Пекине сформировалось четкое представление о морском пространстве как сфере жизненных интересов и важного ресурса для будущего развития страны, которое на XVIII съезде Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.) было оформлено в конкретную цель: «превратить Китай в великую морскую державу». Тогда же были определены пути ее достижения: «расширение возможностей в освоении морских ресурсов, развитие морской экономики, охрана морской экологии, решительное отстаивание прав и интересов Китая на море» [4].

Развитие добычи ВБР. Необходимо обратить внимание и на развитие такого характерного промысла для стран, имеющих доступ к морю, как добыча морских биоресурсов. Что касается СССР, то к середине 1960-х годов советские рыбохозяйственные экспедиции работали на 80% акватории Южного океана. СССР был первой страной мирового сообщества, приступившей к промышленному рыболовству в антарктических водах. В 1970 году советский вылов в Южном океане достиг 98,7% от общемирового. К концу 1970-х годов СССР участвовал более чем в 100 международных многосторонних и двусторонних рыбохозяйственных соглашениях, где советские специалисты отстаивали принципы долгосрочной рациональной эксплуатации водных биологических ресурсов (далее – ВБР). К середине 1970-х годов СССР вышел на первое место в мире по вылову рыбы. Однако, начиная с 1992 года, экспедиционный промысел в отдаленных районах Мирового океана, включая зоны иностранных государств, практически полностью прекратился или снизился на порядок и более, и к середине 1990-х годов доля российского вылова в общемировом снизилась с 16 до 4%. Несмотря на наблюдаемый в последние годы очевидный прогресс в развитии морского промысла и рост добычи морских биоресурсов, России пока не удается достичь объемов добычи 80-х годов прошлого столетия.

На данный момент большую роль в сфере рыболовства играет бассейн Северной Пацифики. Более 2/3 объема вылова рыбы в России в целом приходится именно на Дальневосточный бассейн (Приморский край, Сахалин-

ская область, Камчатский край). В 2020 году общий объем добычи водных биоресурсов российскими рыбаками составил 4,97 млн т, превысив показатель 2019 года на 57,4 тыс. т, или на 1,2%. В частности, в Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне вылов вырос на 4,2% (до 3,57 млн т.) [2].

США, в свою очередь, не отличается рекордной добычей ВБР, однако рыбодобывающий промысел развивается там несколько быстрее, чем в России, что объясняется наличием более эффективных современных технологий, позволяющих добывать морские биоресурсы в больших объемах (стабильно около 5-6 млн тонн в год, начиная с 2003 г.) [5].

Стоит отметить, что акватории Тихого океана в целом являются самыми богатыми на водные биоресурсы. В одной только Северной Пацифике за 2018 г. объем добычи ВБР составил 20,06 млн. т., что больше, чем суммарный объем добычи ВБР в Индийском и Северно-Ледовитом океане. Почти 50% общемирового объема продукции промышленного рыболовства пришлось на Тихий океан, где по добыче ВБР среди стран Северной Пацифики лидирует Китай – 15% вылова, США и Россия – по 5%.

Сравнивая страны Северной Пацифики по такому показателю, как добыча ВБР, можно отметить, что Китай, несмотря на достаточно позднее начало научного изучения океана и его ресурсов, опережает не только США и Россию, но и все остальные страны мира. Ниже представлен график (Рисунок 1) с объемами добычи ВБР странами Северной Пацифики в период с 2003 по 2020 г.:

Добыча рыбы в Китае в основном приходится на архипелаг Чжоушань, Яньтай, Циндао, Далянь. Отметим, что Китай еще в начале 90-х годов вышел на первое место по объему добычи ВБР, однако в его уловах преоблада-

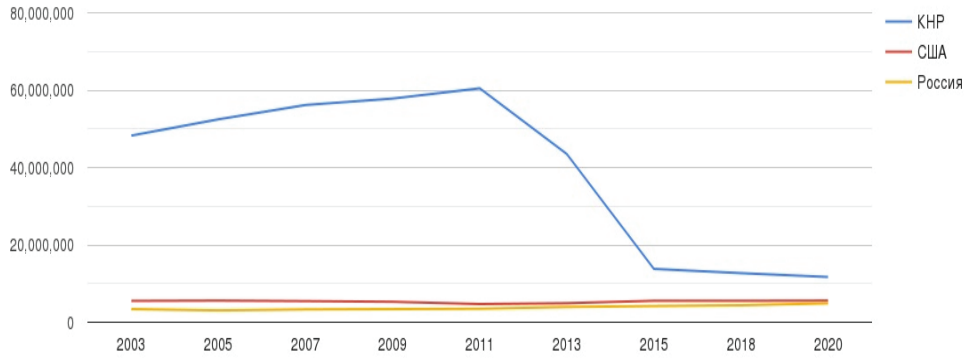


Рисунок 1. Объем добычи ВБР странами Северной Пацифики в период 2003-2020 гг.

ет не морская, а пресноводная рыба, что встречается не так часто. Несмотря на это, с 2003 г. КНР остается на первом месте в мире по объему добычи в секторе морского рыболовства, но его собственные объемы вылова, как можно заметить по схеме, резко сократились: в период с 2015 по 2017 год там добывалось в среднем 13,8 млн. тонн рыбы в год, а в 2018 году – 12,7 млн тонн. Такой резкий спад связан с китайской политикой ограничения вылова в некоторых акваториях страны в целях защиты морской экосистемы. По прогнозам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (далее – ФАО), отраженным в отчете «Состояние мирового рыболовства и аквакультуры» за 2020 год, если Китай будет проводить данную политику и по окончании ее срока, на который рассчитан тринадцатый пятилетний план (2016-2020 годы), то в ближайшие годы снижение объемов продолжится [5].

В связи с вышесказанным, рассматривая такой показатель, как добыча ВБР, можно сделать вывод, что на уровень освоения Мирового океана в новейшее время влияет не опыт и предшествующее активное участие ученых в исследовании океана, а установление актуальных, конкретных целей на уровне государства, грамотная, четкая морская политика, стабильное экономическое развитие и изобретение современных морских технологий.

Международное регулирование деятельности по освоению Мирового океана. Изучая Мировой океан и историю его освоения, невозможно не отметить влияние того документа, на основе которого большинство стран мира, в том числе две из трех стран Северной Пацифики, устанавливают в области морского права определенное правовое поле в пределах своего государства. Данный документ объединил нормы, прописанные по отдельности в ранее принятых Женевских конвенциях, обновил их и тем самым установил новые международные, основополагающие принципы и правила охраны, защиты и добычи ресурсов Мирового океана, правила судоходства и др., но самое главное – окончательно закрепил деление морского пространства между прибрежными и континентальными государствами. Речь идет о Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Действующая в настоящий момент редакция Конвенции является результатом работы III Конференции по морскому праву (UNCLOS III), проводившейся в 1976-1982 годах, и была подписана в ямайском городе Монтего-Бэй в декабре 1982 г. Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года можно назвать «апогеем» международных договоренностей тех времен в области морского права. Однако, на сегодняшний день пробелы и недочеты конвенционных норм все чаще становятся причиной множества проблем. Критиков Конвенции становится все больше, загрязнение океана не прекращается, истощение ресурсов – прогрессирует. Некоторые формулировки конвенционных норм влекут за собой их расширительное толкование и не единообразное понимание со стороны мирового сообщества, что становится существенной проблемой для государств, в том числе для стран Северной Пацифики.

Также, начиная со второй половины XX века, на освоение Мирового океана и международных научных связей мощное влияние оказало появление таких глобальных проблем, как предотвращение ядерной войны, демографическая, продовольственная, энергетическая, экологическая безопасность. С целью исследования природы Земли в системе ООН был создан ряд международных организаций, занимающихся, в частности, и проблемами Мирового океана, – Международная морская организация, Международный орган по морскому дну, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО, Глобальный экологический фонд, Международный трибунал по морскому праву, а также активно осуществляют свою деятельность региональные организации, в состав которых входят исключительно страны Северной Пацифики, как например Northwest Pacific Action Plan (План действий по охране, управлению и развитию морской и прибрежной окружающей среды региона северо-западной части Тихого океана), North Pacific Anadromous Fish Commission (Комиссия по анадромным рыбам северной части Тихого океана), Северотихоокеанская организация по морским наукам, Тихоокеанская научная ассоциация и др.

Проанализировав историю освоения Мирового океана в целом, а также то, какой вклад в это привнесли страны Северной Пацифики, мы пришли к выводу, что акватории северной части Тихого океана в США, России и КНР осваивались и развивались соответственно их историческому контексту. В каждой стране имеется выход в бассейн Тихого океана в силу географических характеристик, однако то, как и в каких масштабах происходило освоение морских пространств, зависело от направления внутренней морской политики. Исходя из этого, Россия на определенном историческом этапе занимала первое место в мире по добыче ВБР, активно участвовала в научных океанических исследованиях; США осваивал морские территории в целях увеличения влияния в регионе Тихого океана; Китай вовсе до 1990-х гг. не рассматривал морское пространство как возможную площадку для своего экономического развития. Однако основываясь на современном состоянии развития стран Северной Пацифики, можно сделать вывод, что активная морская политика, высокий уровень экономического и технологического развития, ставит Китай на один уровень, а по некоторым показателям и выше (например, добыча ВБР), с Россией и США. Тем самым, на становление государства «великой морской державой» влияет не только исторический контекст освоения морского пространства, но и современная, четко выстроенная морская политика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Батуева Т.В.* Экспансия США на севере Тихого океана, и покупка Аляски в 1867 году // Американский экспансионизм: новое время. 1985.

2. В 2020 году российские рыбаки добыли 4,97 млн. т. водных биоресурсов // Официальный сайт ФГБУ «Центр Агроаналитики» // https://specagro.ru/analytics/202101/daydzhest-ryba-v-2020-godu-rossiyskie-rybaki-dobyli-497-mln-t-vodnykh-bioresursov.

3. *Войтоловский Г.К.* Теория и практика морской деятельности: серия научных публикаций / Г.К. Войтоловский, Г.Е. Гиголаев, П.А. Гудев. М.: СОПС, 2010.

4. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (2012) // Официальный сайт Правительства КНР // http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm.

5. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры, 2020. Меры по повышению устойчивости // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) // https://doi.org/10.4060/ca9229ru.

Y.V. BARANOVA
Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
A.A. LEONOVA
Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
PHAM THI MINH HUEN
Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

FEATURES OF THE MARITIME POLICY OF THE USA, CHINA AND RUSSIA FROM THE POINT OF VIEW OF THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD OCEAN

Relations between the United States, China and the Russian Federation (hereinafter referred to as the countries of the North Pacific) play a very important role in the formation of a new world order. The countries of the North Pacific are also the world's leading maritime powers, in connection with which they inevitably face environmental and political problems that arise precisely in the maritime space. However, most often the maritime policy of these countries is studied and evaluated in the context of law, military forces, or science. In our opinion, it is important to study maritime policy from the point of view of the history of the development of the oceans, since establishing how and when states began to take part in ocean exploration, how the regulation of maritime activities evolved from the point of view of international law and international relations, will contribute to a deeper understanding the policies implemented by the countries of the North Pacific at the present time, as well as the determination

of the value of the ocean for each country based on the historical context. In this study, the World Ocean refers to the entire body of water, including the basin of the North Pacific Ocean, the seas of which wash the shores of the United States, China, and Russia.

Key words: *maritime policy, history of development, World Ocean, North Pacific countries, USA, Russia, China.*

DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.044
УДК 32.323
А.В. ПРИМАК
студент кафедры политологии Восточного института – школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
В.В. ПРИМАК
студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

ВЛАСТЬ И СВОБОДА

Данная статья посвящена исследованию соотношения власти и свободы, его влияния на устройство государства и общества. В работе представлен анализ данного политико-социального явления, представлены мнения и позиции ученых по данному вопросу, которые были проанализированы и включены в теоретическую часть работы. Автором поднимается проблема правильного, рационального соотношения власти и свободы в государстве, как залога успешного и эффективного его развития. Объясняя природу человека, его потребности, будут представлены запросы общества на свободы, их рамки; рассматривая происхождение власти, ее источники и особенности использования, будут рассмотрены требования этого политического явления к обществу. В процессе исследования поставленной проблемы особенности и запросы власти и свободы будут противопоставляться и рассматриваться не по-отдельности, а вместе, как неразделимые элементы.

В настоящее время поднятая проблема остается актуальной, так как тенденции развития демократии, которая является глобальной, встречается с проблемой правильного соотношения власти и свободы для создания наиболее благоприятной среды существования людей.

Ключевые слова: *власть, свобода, происхождение власти, запрос общества на свободы, марксистская интерпретация, свобода и власть по Энгельсу, формы власти, современный подход, гражданское общество.*

Человек существо социальное, а общество предполагает социальную дифференциацию, критерием которой может служить наличие власти над другими субъектами. Рассматривая проблему соотношения власти и свободы, необходимо отметить, что эти понятия неразделимы. Это объясняется тем, что властные отношения должны предусматривать некую свободу ин-

дивида, которая в данном контексте будет восприниматься, как возможность индивида действовать в соответствии со своими целями и интересами. Свобода может пониматься, как полный, неограниченный спектр действий человека, направленных на удовлетворение потребностей, но такая свобода предусматривает социальный вакуум. Ведь осуществление такой свободы одного человека, будет сталкиваться с нарушениями свобод других людей.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 5; 6; 7; 10; 11; 12; 14. С. 112-125; 15. С. 4-15].

Однако проблему власти и свободы нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Власть и свобода будут неразрывны, даже если мы рассмотрим первоначальное понятие свободы, где она представляет собой нечто жизненное, естественное, благоприятное и для отдельного человека, и для сообщества людей, для рода, без которого этот человек немыслим, и для породившей в хранящей людей природе. Такое определение предусматривает гармонию человека и мира – вселенной. Но социальные катаклизмы уничтожают свободу. Общество приходит к принципу войны всех против всех. Выход из такой ситуации – упорядочение, некая регламентация общественных отношений, а это приводит к появлению власти. А власть предполагает утверждение свободы. Элементарной формой политической свободы можно считать индивидуальное или коллективное обладание ресурсами власти.

Гегель, выделяя этапы развития общества, рассматривал их, как последовательное восхождение на более высокие ступени свободы как развитие форм власти:

- в первобытном обществе свобода отсутствует, но также отсутствует и власть;
- при автократии – свободен один человек;
- при олигархии – свободна группа людей;
- при аристократии, диктатуре пролетариата, плутократии – свободен отдельный класс;
- при демократии – свободны все люди [3].

Мы можем сказать, что власть и свобода связанны, но в этой связи прослеживается необходимость этих социальных явлений друг в друге: абсолютная власть, отсутствие свобод человека – препятствие для эффективной совместной деятельности, а полная свобода и отсутствие власти так же будут являться препятствием. Нахождение баланса между этими категориями – залог обеспечения высокой результативности и обеспечения условий развития общества.

Рамки свободы в государстве устанавливаются принятыми законами. Такая свобода будет называться политической, а государство, в котором

действует свобода на основании законов, в котором эти законы принимаются и изменяются законным путем, называется правовым. Свобода и власть, взаимодействуя друг с другом в масштабах общества, приводят к формированию государства, где есть Власть, которая в свою очередь устанавливает свободы. Такая свобода будет иметь ряд своих особенностей, но эти особенности будут зависеть от характера власти, если это демократия, то максимально широкие свободы, которые заканчиваются там, где начинаются свободы другого человека; если тоталитарная, то свободы будут ограничены до тех рамок, которые будут соответствовать интересам главенствующего аппарата [2].

Понимание свободы может быть связано со способностью устанавливать функциональные связи, приобщение к власти – функции. Такая свобода связана с пониманием необходимости человека осуществлять определенные функции, и от четкости исполнения отведенной для него роли, функции будет зависеть его приобщенность к власти, а соответственно больше свободы для политических действий.

Наиболее широкое понимание свободы связано с диапазоном возможностей воздействия субъекта на состояние политической системы, изменения собственных политических функций. Такая власть и свобода оказываются связанными с осознанными возможностями. Эту свободу, по мнению Райгородского, можно назвать свободой «над» [9].

Если рассматривать соотношение власти и свободы, то можно обратиться к труду Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Государство – продукт общества из известной ступени развития (Энгельс выделял 2 этапа: «дикость» и «варварство», каждое из которых дифференцировалось так же на низшую, среднюю и высшую ступени) и является свидетельством существования классовых противоречий. Государство появилось, как институт, представляющий интересы всех членов определённого общества, с одной стороны, и как инструмент выражения воли и интересов господствующего класса, с другой. Тогда, рассматривая данный пример, мы можем сделать выводы: власть исходят от народа, значит должна предусматривать наличие желаемых свобод, но господствующий класс может направить полученную власть против народа, сокращая свободы людей. Здесь будет справедливо применить марксистскую интерпретацию, в которой говорится, что политическая власть в полной мере проявляется с появлением государства, которое «…есть орган классового господства, классового угнетения одного класса другим». А свобода – лишь фикция, так как мысли и поступки человека зависят от его среды, где экономические отношения и классовая борьба играют основную роль. Свобода – это условный выбор, который человеку, не оставляет ситуация и он оказывается подвластным ей [13].

Соотношение власти и свободы является важным критерием для определения политического режима в государстве. Если мы обратимся к, указан-

ной выше позиции марксистов, то такое соотношение (классовое угнетение, свобода – видимость) будет относиться к тоталитарному режиму, где, если мы будем рассматривать в современном ракурсе, ликвидируются конституциональные права. В середине XVII века произошла буржуазная революция в Англии, здесь мы можем говорить об авторитаризме, где свободы ограничены, строго регламентированы, но существуют; то, что такой режим наиболее эффективен, можно проследить в позиции Гоббса, который выступал с защитой королевской власти в Англии. И последний политический режим – демократический, где свободы будут гарантированы.

Современная политологическая мысль склоняется к философскому подходу: власть – способность, возможность субъекта осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность людей с помощью авторитета, права, насилия, принуждения и других средств. Социальная свобода представляет собой право выбора формы собственности, право на распоряжение результатами своей трудовой деятельности, право выражения и защиты интересов в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни общества. Но в контексте рассуждения о политическом обществе главную роль отдают политической власти, как более важной части. Только в описании гражданско-политического общества такие понятия как свобода и власть соотносятся как явления взаимосвязанные, необходимые и единые. Важным критерием здесь выступает обеспечение права и свободы человека наиболее полно и в равной мере. Осуществление такого критерия становится возможным в том случае, если организация власти будет правильной, в основе которой будет лежать принцип разделения властей.

В гражданском обществе политические партии осуществляют связь между гражданами и властью. Целью этих партий является представление воли народа и его власти. Такая система объединения свободы и власти имеет большой потенциал и возможности в демократическом государстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ананкин С.В.* Институциональные и политические условия общественного участия в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).

2-1. *Боровиков А.П.* Политическая методология марксизма-ленинизма // http://mrk-kprf-spb.narod.ru/borovik2.htm.

3-2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. Б. Столпнера // Коммунистическая Академия при ЦИК СССР. Институт философии. М.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII.

4. *Золотарев Н.А.* Адаптация и интеграция мигрантов в современной России: политико-правовой аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8 (77).

5. *Зубов В.В., Родионова М.Е., Емелин А.А.* Отношение населения к вакцинации от коронавируса: сравнительный анализ исследований // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71).

6. *Евсеева М.А.* Влияние этничности на доступ к власти: представления россиян // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 6 (75).

7. *Койбаев Б.Г., Наджарян А.Б.* Проблемы развития неправительственных организаций в Республике Армения // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 5 (39).

8-3. *Ленин В.И.* Государство и революция // Избранные произведения. В 4-х т. М.: Политиздат, 1986. Т. 2.

9-4. *Малинин С.А.* Статья «Власть и государство в философии Г.В.Ф. Гегеля» // https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-gosudarstvo-v-filosofii-g-v-f-gegelya/viewer.

10. *Попов С.И., Ершов Н.А., Омерович А.Р.* Протестный потенциал как инструмент предвыборной кампании (Часть II: Выборы в Государственную Думу 2021 года. Прогнозы) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72).

11. *Пряхин В.Ф.* История и перспективы российской демократии в контексте международного опыта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).

12. *Цанава Б.З.* Философское наследие Т. Гоббса и современные либеральные теории общественного договора // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71).

13-5. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 21.

14. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A.* Gorbachev – Yeltsin – Putin: Discussion around Models of Political Regime. Whats Next? // Political Science Issues. 2019. Т. 9. № 2 (32).

15. *Slizovsky D.E., Medvedev N.P., Shulenina N.V., Kashin M.V.* Research Project: Attitude of the Youth Towards the Revolution of 1917 and its Influence on the Presidential Elections of 2018 // Political Science Issues. 2017. Т. 7. № 1 (25-26).

A.V. PRIMAK
Student of the Department of Political Science of the East Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
V.V. PRIMAK
Student of the Law School, Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok

POWER AND FREEDOM

This article is devoted to the study of the relationship between power and freedom, its influence on the structure of the state and society. The paper presents an analysis of this political and social phenomenon, presents the opinions and positions of scientists on this issue, which were analyzed and included in the theoretical part of the work. The author raises the problem of the correct, rational balance of power and freedom in the state, as a guarantee of its successful and effective development. I explain the nature of man, his needs, the needs of society for freedom, their framework will be presented; considering the origin of power, its sources and features of use, the requirements of this political phenomenon to society will be considered. In the process of studying the problem posed, the features and requests of power and freedom will be opposed and considered not separately, but together, as inseparable elements.

At present, the problem raised remains relevant, since the tendencies in the development of democracy, which is global, are faced with the problem of the correct balance of power and freedom to create the most favorable environment for the existence of people.

Key words: *power, freedom, the origin of power, society's request for freedom, Marxist interpretation, freedom, and power according to Engels, forms of power, modern approach, civil society.*

НАШИ АВТОРЫ

Авазов Комил Холлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, заведующий кафедрой социальных и экономических наук Регионального центра переподготовке и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Аветисян Арам Самвелович – соискатель кафедры политической теории МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (gmboxmymail@gmail.com).

Ананкин Сергей Владимирович – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал), Россия, г. Орел (serganankin@yandex.ru).

Анохин Евгений Владимирович – координатор Агентства социального инжиниринга, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Афонин Михаил Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (AfoninMV@rgsu.net).

Баранова Юлия Владимировна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leonova.aal@students.dvfu.ru).

Батищев Роман Юрьевич – аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (romanbatishhev@rambler.ru).

Башаран Айар – аспирант кафедры востоковедения МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (basaranayar@gmail.com).

Белякова Татьяна Максимовна – аспирант факультета Государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tanuska_95@mail.ru).

Ванграуа Садиа Рита Сониа – аспирант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (1042205226@pfur.ru).

Газиев Ваха Зеудиевич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой истории и культуры народов Чечни Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный (010585@list.ru).

Галбацов Султан Сулейманович – директор Центра технологического образования факультета технологии и менеджмента в образовании Чеченского государственного педагогического университета, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный (010585@list.ru).

Гао Юе – аспират кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Герасимова Ольга Евгеньевна – кандидат политический наук, доцент кафедры международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (ol.gerasimowa@yandex.ru).

Григорьева Юлия Геннадьевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, г. Улан-Удэ (grigoreva-yulia23@mail.ru).

Гурбанов Эмиль Эльбрус оглы – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Давидченко Антон Владимирович – координатор Агентства социального инжиниринга, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Дзгоева Диана Таймуразовна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС), Россия, г. Санкт-Петербург (dzgoeva.dt@gmail.com).

Дудаева Марина Владимировна – аспирант Московского государственного института международных отношений (МГИМО МИД России); научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (dudaevamarina@yandex.ru).

Еловик Алексей Александрович – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Есиев Эльдар Таймуразович – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (essiroble@gmail.com).

Кривова Анна Леонидовна – преподаватель гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (krivovaal@rgsu.net).

Кривошеева Наталия Игоревна – аспирант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Волгоград (nataliya.krivosheeva_1994@mail.ru).

Куревлев Кирилл Андреевич – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (fanattik@list.ru).

Кучкоров Худойназар – независимый исследователь Института изучения проблем молодежи и подготовки перспективных кадров Агентства по делам молодежи Республики Узбекистан (avazov.75@bk.ru).

Леонова Кристина Сергеевна – преподаватель факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (leokristi@yandex.ru).

Леонова Анастасия Алексеевна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leonova.aal@students.dvfu.ru).

Магадиев Марат Флюсович – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации; член-корреспондент РАЕН, Россия, г. Москва (mmf.172@mail.ru).

Мажников Виктор Иванович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Россия, г. Москва (vicktor.mazhnikov@yandex.ru).

Малинин Алексей Юрьевич – аспирант Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра при Российской академии наук, Россия, г. Москва (malinin.alexey.yu@gmail.com).

Мамедова Айнура – магистрант Академии Государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Республика Азербайджан, г. Баку (memmedova-aynure-98@mail.ru).

Муслех Хусам А.Р. – аспирант кафедры политологии института истории и политики МПГУ, Россия, г. Москва (aroo7_lemeen@windowslive.com).

Назаров Александр Данилович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе Московского авиационного института, Россия, г. Москва (prof.nazarov@inbox.ru).

Назарова Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (helena_nazarova@mail.ru).

Наледин Иван Игоревич – аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (naledin.ivan@mail.ru).

Нечай Екатерина Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (nechay.ee@dvfu.ru).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Петросян Филипп Артурович – аспирант кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Россия, г. Москва (berberus999@gmail.com).

Подольский Вадим Андреевич – кандидат политических наук, доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук, Россия, г. Москва (deomniscibili@yandex.ru).

Пономарев Николай Андреевич – кандидат исторических наук, эксперт АНО «Центр прикладных исследований и программ», Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (serjpo@mail.ru).

Потапкин Артем Сергеевич – студент магистратуры факультета управления и политики МГИМО МИД, Россия, г. Москва (alex.teteryuk91@mail.ru).

Примак Александр Вадимович – студент кафедры политологии Восточного института – школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (primak.aleksandr1@mail.ru).

Примак Владислав Вадимович – студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (primak.vv01@gmail.com).

Сабирова Нагима Садыковна – кандидат политических наук, Московский государственный областной университет, Россия, Московская обл., г. Мытищи (snagima95@gmail.com).

Салгириев Али Русланович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук; ведущий научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный (010585@list.ru).

Семочкина Екатерина Владиславовна – аспирант Самарского национального исследовательского университета им. ак. С.П. Королева, Россия, г. Самара (semochkina@internet.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Сидорова Галина Михайловна – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории Московского государственного лингвистического университета; профессор кафедры дипломатии и консульской службы

Дипломатической академии МИД России; ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Россия, г. Москва (gal_sid@mail.ru).

Ситдикова Наталия Андреевна – студент по направлению подготовки Политология Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (nata-sitdikova@mail.ru).

Солтамурадов Магомед Дикалович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой Отечественной истории Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова; ведущий научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный (010585@list.ru).

Тетерюк Алексей Сергеевич – кандидат политический наук, старший преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (alex.teteryuk91@mail.ru).

Тимофеев Владимир Владимирович – аспирант кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (TimoteoVV@yandex.ru).

Титов Роман Валерьевич – соискатель Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (romzone@mail.ru).

Тюков Никита Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Московского педагогического государственного университета; доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Фалалеев Михаил Алексеевич – студент по направлению подготовки Политология Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (falaleev.mike@gmail.com).

Фам Тхи Минь Хуен – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leonova.aal@students.dvfu.ru).

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, Киргизская Республика, г. Бишкек (larkhop@gmail.com).

Цыганов Валентин Евгеньевич – аспирант Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (ya-valentin96@yandex.ru).

Шангараев Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (Ruslan.shanagaraev@dipacademy.ru).

Шарипов Олег Русланович – магистрант кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (scharipovoleq@yandex.ru).

Шуленина Надежда Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, г. Москва (nadshulenina@mail.ru).

OUR AUTHORS

AFONIN M.V. – Candidate of Sciences (law), Associate Professor at the Faculty of humanities of the Russian State Social University, Moscow, Russia.

ANANKIN S.V. – Graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of management-branch, Orel, Russia.

ANOKHIN E.V. – Coordinator of the Social Engineering Agency, Moscow, Russia.

AVAZOV K.H. – Doctor of Philosophy (PhD) in Political Science, Head of the Department of Social and Economic Sciences Regional center for retraining and advanced training of public education workers of the Surkhandarya region,Tashkent, Uzbekistan.

AVETISYAN A.S. – PhD student, Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

AYAR B. – PhD Candidate in Department of Oriental Studies, MGIMO (U), Moscow, Russia.

BARANOVA Y.V. – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

BATISHCHEV R.Yu. – PhD Student, the Chair of History and Theory of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University,Moscow, Russia.

BELYAKOVA T.M. – Postgraduate student, Faculty of Public Administration, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

DAVIDCHENKO A.V. – Coordinator of the Social Engineering Agency, Moscow, Russia.

DUDAEVA M.V. – Postgraduate student of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); Research Fellow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

DZGOEVA D.T. – PhD in Political Science, Associate Professor of the Chair of the State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russia.

ELOVIK A.A. – Postgraduate student, Faculty of History, Moscow State University, Moscow, Russia.

FALALEEV M.A. – Student of a bachelor's degree of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

GALBATSOV S.S. – Director of the Center for Technological Education of the Faculty of Technology and Management in Education Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia.

GAO YOUE – Postgraduate student at the Chair of oriental political science, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

GAZIEV V.Z. – Candidate of Political Sciences, Head of the Department "History and Culture of the Peoples of Chechnya" of the Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

GERASIMOVA O.E. – Candidate of Political Sciences, Docent, Saint Petersburg State University, the faculty of political science, the department of international political processes, Saint Petersburg, Russia.

GRIGOREVA Yu.G. – Candidate of Historical Sciences, Junior Research Fellow Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia.

GURBANOV E.E. – Postgraduate student at the Chair of Russian history, RUDN, Moscow, Russia.

HUSAM A.R. MUSLEH – Postgraduate student of the Department of Political Science of the Institute of History and Politics MPGU, Moscow, Russia.

KHOPERSKAYA L.L. – Doctor of political sciences, Professor at the Chair of international relations, Kirgiz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.

KRIVOSHEEVA N.I. – Postgraduate student of the Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management – branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia.

KRIVOVA A.L. – Lecturer at the Faculty of humanities of the Russian State Social University, Moscow, Russia.

KUCHKOROV Kh. – Independent researcher at the Institute for the Study of Youth Problems and the Training of Promising Personnel of the Agency for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

KUREVLEV K.A. – Postgraduate student, Faculty of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia.

LEONOVA K.S. – Lecturer at the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

LEONOVA A.A. – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

MAGADIEV M.F. – Candidate of Sciences (sociology), Associate Professor at the Chair of public administration in foreign policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

MALININ A.Yu. – Postgraduate student at the Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

MAMMEDOVA A. – Master of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, Republic of Azerbaijan.

MAZHNIKOV V.I. – Candidate of philosophy, associate Professor, associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russia.

NALEDIN I.I. – PhD student, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

NAZAROV A.D. – Doctor of Sciences (history), Professor, Deputy Head of the Chair for scientific work, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia.

NAZAROVA E.A. – Doctor of Sciences (sociology), Professor at the Chair of sociology, MGIMO MFA of Russia, Russia, Moscow.

NECHAY E.E. – Academic Advisor, Candidate of Political Science, Assistant Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

NIKOLENKO A.A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University economy and service, Vladivostok, Russia.

PETROSYAN P.A. – Postgraduate student of the Department of International Security and Foreign Policy of Russia, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia.

PHAM THI MINH HUEN – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

PODOLSKIY V.A. – Candidate of Political sciences, Associate Professor at the Faculty of Political Science, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia.

PONOMAREV N.A. – PhD, expert of ANO "Center for Applied Research and Programs", Moscow, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

POTAPKIN A.S. – Student of the School of Governance and Politics at Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

PRIMAK A.V. – Student of the Department of Political Science of the East Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

PRIMAK V.V. – Student of the Law School, Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok.

SABIROVA N.S. – Candidate of Political Sciences, Moscow State Regional University, Mytishchi, Moscow Region, Russia.

SALGIRIEV A.R. – Ph.D. (Political Science), Lead Researcher, Kh. Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences; Lead Researcher, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia.

SEMOCHKINA E.V. – Graduate student, Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University named after ak. S.P. Korolev, Samara, Russia.

SHARIPOV O.R. – Master, Department of State and Municipal Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

SHANGARAEV R.N. – Ph.D. (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

SHULENINA N.V. – Candidate of Sciences (philosophy), Associate Professor at the Chair of philosophy and socio-political technologies, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia.

SIDOROVA G.M. – Doctor of Political Sciences (Dr. Habil), professor of the Moscow State Linguistic University; professor of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations; scientific associate of the Institute for African Studies, Moscow, Russia.

SITDIKOVA N.A. – Student of a bachelor's degree of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

SLIZOVSKIY D.E. – Doctor of Sciences (history), Professor at the Chair of Russian history, RUDN, Moscow, Russia.

SOLTAMURADOV M.D. – Ph.D. (Philos.), Head of the Department of National History, Chechen State University named after A.A. Kadyrov; Lead Researcher, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia.

TETERYUK A.S. – PhD candidate, Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

TIMOFEEV V.V. – PhD student at the Department of American Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

TITOV R.V. – Candidate at the Institute for Law and National Security of RANEPA, Moscow, Russia.

TSYGANOV V.E. – Graduate student Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

TYUKOV N.A. – PhD, Associate Professor, Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor of Department of Mass Communication and Media business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

YESIEV E.T. – Postgraduate student at the Department of political science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камиль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕДРИН Оливье – профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДОНАЙ Лукаш – д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и прав Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 12 (76), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.
Academic papers published in the journal undergo obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.12.2021
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ___.
Printed at the LLC “Bely Veter”
Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054
Tel.: (495) 651-84-56

© LLC “Publishing House “Science Today”, 2021

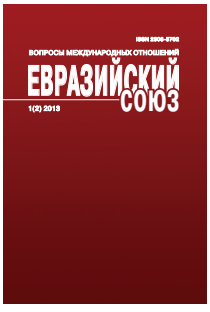
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал
«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.
Журнал включен в базу РИНЦ.
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал
«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.
Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru



Научный журнал
«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве,
а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.
Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».
Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.
Индекс издания – 70035.

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал 70035

Вопросы политологии

Количество комплектов	

на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда_____
(почтовый индекс, адрес получателя)
Кому_____

			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
ПВ	место	литер	на журнал 70035

Вопросы политологии

Стои-мость	Каталожная		Количество комплектов	
	услуги почты			
	полная			

на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда_____
(почтовый индекс, адрес получателя)
Кому_____